

Если бы не искусство и, прежде всего, пение и музыка, – жизнь наша была бы пасмурна, как дождливый день. Поэтому артисты, особенно наделённые высшим даром – талантом, заслуживают большого признания и самой светлой памяти.

В. Торторелли

МУЗЫКАНТЫ

О МУЗЫКЕ, О ЖИЗНИ И О СЕБЕ

Афоризмы, максимы, сентенции и рефлексии

(под редакцией П.А. Гелевы)

*Настоящая публикация подготовлена к печати Павлом Гелевой.
В издании сохранены характерные особенности
авторской орфографии, пунктуации и стиля.*

Гелева П.А.

МУЗЫКАНТЫ О МУЗЫКЕ И О ЖИЗНИ. Афоризмы, максимы, сентенции и рефлексии.

В книге собраны афоризмы, максимы, сентенции и рефлексии, авторами которых являются великие музыканты прошлого и современности – композиторы, дирижёры, инструменталисты и певцы. Настоящие любители музыки, несомненно, найдут для себя здесь много интересного и поучительного.

Материал сборника представлен в виде авторских рубрик, размещённых в алфавитном порядке. Издание адресовано всем ценителям музыки и афористического жанра. Большинство вещей публикуется впервые.

© П.А. Гелева: общий замысел, составление, редакция и секвенция афоризмов, а также (частично, но большей частью) перевод с немецкого, итальянского, французского, английского и др. 1975-2019 гг.

Надежде Дмитриевне Ермоловой,

*обожжаемой супруге и подруге жизни,
с любовью посвящая свой запоздалый труд*

*Когда такие люди, как она, покидают здешний мир, то,
с точки зрения тех, кто в нём остаётся,
сие всегда совершается отнюдь не к пользе,
чести и украшению человечества,
а сам мир этот превращается в унылое
и бесприютное место.*

ВСТУПЛЕНИЕ

Быть может, со стороны автора-составителя не будет такой уж большой нескромностью предпослать некоторое вступление к своей пространной книге. Не с целью в чём-то оправдаться, а просто объяснить исполненный замысел.

Автор всегда считал напрасной тратой времени и сил какие-то разговоры о музыке или чтение критической прозы по сему предмету, в которой, разумеется, никогда не было недостатка. По его мнению, всегда было лучше употреблять это время на слушание самой музыки. Только так развивается хороший вкус и вырабатывается подлинная эрудиция. Да и что путного могут сказать о музыке критики и журналисты? Вся эта публика, за весьма редкими исключениями, пишет плохо вообще и по данному поводу в частности, отличается самым дурным вкусом, скверной памятью и непроходимым невежеством в затронутой области.

Вот если дать слово самим музыкантам – пусть они свободно выскажутся и о музыке, и о жизни, и понемногу обо всём прочем, – то они, как люди дельные, смогут, конечно же, сообщить много интересного и поучительного.

Для автора-составителя такого рода задача не была особенно трудной. Как весьма прилежный читатель и неспящий любитель жанра афоризмов, максим и рефлексий он успел за годы жизни собрать достаточно материала для воплощения подобного замысла.

Материал в книге подобран так, чтобы отвечать общефилософским взглядам и смыслам, при этом всячески избегался переход на личности, например, нет критических суждений композиторов о других композиторах или исполнителях, потому как здесь было бы слишком много личного и субъективного, а стало быть, ошибочного. Хотя отдельные редкие исключения из этого правила всё же встречаются, к примеру, когда приносится дань уважения какому-нибудь абсолютному авторитету, скажем, Иоганну Себастьяну Баху или Бетховену.

Стоит упомянуть, что высказывания и суждения русскоязычных авторов только в очень редких случаях подвергались какой-то редакции или сокращениям, которых порой могли потребовать законы афористического жанра. Значительная часть иностранного материала была переведена автором-составителем, хотя иногда и использовались тексты, с давних пор имеющиеся по-русски и вошедшие в русский культурный обиход – использование их было необходимо и совершенно неизбежно. Но даже в тех случаях, когда нам приходилось пользоваться ранее сделанными русскими переводами, слишком многое мы были вынуждены переделывать, редактировать, сокращать и делать стяжки с целью привести полученные фрагменты в соответствие с требованиями жанра максимы и рефлексии.

Общий принцип, в согласии с которым составлена данная подборка изречений музыкантов, заключается, прежде всего, в том, что материал в ней представляет собой авторские рубрики, каждая из которых является *организованной и структурированной системой*, ничто здесь не свалено, что называется, «в кучу». Сентенции, по мере возможности, вытекают одна из другой в соответствии с плодотворным правилом Гельвеция, гласящим: «переход от одной мысли к другой происходит плавно и производит то же действие, что и основание волн».

Структурирование произведения, выстраивание (по мере возможности, которую доставляет наличествующий материал) отдельных и случайных афоризмов друг за другом в смысловые цепочки представляет существенную трудность. В самом деле, гораздо легче составлять такие сборники по какому-нибудь нелепому и формальному принципу, как это делают сегодняшние авторы подобных опусов. Самый излюбленный их приём *словарной статьи*, когда сентенции механически следуют одна за другою по алфавитному признаку, в зависимости от первой и второй буквы, с которых начинается первое слово изречения. Автору не стыдно признаться, что он никогда не следовал столь недобросовестным ухищрениям, потому что результат их оказывается неизменно плачевен: полученное таким способом собрание предложений можно будет назвать чем угодно, но только не *литературным произведением*.

Цифры в круглых скобках в конце каждой сентенции являются ни в коем случае не ссылками, как то думается некоторым, а просто порядковым номером, помогающим впоследствии находить то, что читателю понравилось. Поставлены они не в начале, как то обычно делается, а в конце потому, что это (так автор позволяет себе их называть) –

неназойливая нумерация. Неназойлива она потому, что не отвлекает внимание читающего от самой мысли, как то неизбежно происходит, если цифра предваряет самую мысль.

Надобно также предупредить, что автор оставляет за собой право дальнейшего совершенствования своего труда: расширения существующих рубрик и создания новых.

Одни музыканты – и это естественно – не сочиняли афоризмов, не писали книг или статей, и писем их (насколько нам известно) не сохранилось. Такие авторские рубрики были собраны, что называется, «с миру по нитке». Например, Бах, Гендель, Мусоргский, Баттистини, Карузо... Другие, наоборот, сочиняли – и это удивительно и вместе с тем нет – как раз афоризмы: Рубинштейн, Бетховен, Шуман. Третьи писали и издавали книги: Вагнер, Форкель, Шаляпин, Лаури-Вольпи (Гофман вообще известен, прежде всего, как писатель) или написали и издали хотя бы одну: Римский-Корсаков, Титта Руффо, Джильи, дель Монако, Вертинский и др. Четвёртые писали статьи и публиковали их в журналах: Шуман, Сен-Санс, Чайковский, Серов и др. Наконец, пятые написали множество писем, изданных впоследствии отдельными книгами: Моцарт, Берлиоз, Бизе, Гуно, опять же Чайковский. И, ближе к нашим дням, шестые давали интервью, которые печатались в газетах, журналах или которые можно увидеть в фильмах и фрагментах: Каллас, Рихтер, Гродберг, Блэкмор, Мальмстин, Леннон, Харрисон, Плант и многие другие – всё это опять-таки было «собрано с миру по нитке» и, стало быть, никоим образом не может исчерпать тему.

Внимательные читатели, без сомнения, заметят, что у автора-составителя весьма жёсткие критерии по отбору кандидатур, допущенных фигурировать в данной антологии. Нынешняя публика называет и считает музыкантами (!), композиторами (!!), певцами (!!!) так называемых «бардов», «мэтров и звёзд» русского «шансона» и новороссийской «эстрады», наконец, просто «рэпманов». Но всё это самые грубые заблуждения, воинственные наскоки невежества и дурного, предельно испорченного вкуса. Автор никоим образом не разделяет прекраснотуши современной публики, необыкновенно щедрой на раздачу таких титулов, как *музыкант*, *певец* или *композитор*. Он полагает, что люди, наделённые указанными в данных званиях и титулах талантами, а тем паче гениальностью, исчисляются отнюдь не десятками миллионов, как то представляется миллионам же сегодняшних невзыскательных потребителей низкопробной продукции «шоу-бизнеса», а буквально несколькими сотнями душ, нашедших в себе силы пожертвовать музыкальному искусству многими радостями жизни и, в конечном счёте, ею самой.

Очень многое из сказанного на страницах книги самими музыкантами может не понравиться снобистской публике – людям, вообразившим себя знатоками и ценителями. Но человек творческий, художник всегда довольно прямолинеен и вполне откровенен, когда берётся серьёзно говорить о том, что его на самом деле волнует. И ему тогда мало дела до того, что подумают о сказанном люди, которые по отношению к искусству выступают всего лишь в роли потребителей или, говоря сегодняшним жаргоном, «пользователей», то бишь «юзеров».

В целом, автор уверен, что не зря потратил время и труд, работая над данной книгой. Настоящие любители музыки, несомненно, найдут для себя здесь много интересного и поучительного. Но вообще-то адвокатов и заступников сей книге никак и не требуется: гораздо лучше – по крайней мере, в глазах внимательных и памятливых читателей – она в состоянии защитить себя сама, уж слишком высоких авторитетов мнения она представляет и высказывает.

Но довольно! Предоставим, наконец, слово самим музыкантам!

П.А. Гелева

Т. А й о м м и

(1948 г.р.)

Я никогда не следовал никаким чужим правилам, а создавал собственные. (1)

Моей целью всегда было верить в то, что я делаю, и любить то, что я делаю, и быть здесь совершенно искренним. (2)

Ощущение, которое испытываешь, играя перед сочувствующей и восприимчивой публикой, очень трудно описать, не рискуя показаться говорящим глупость. Но реакция слушателей очень важна. У вас может быть внутренняя уверенность, что играете вы хорошо, но, только получив живой отклик, вы понастоящему знаете, что вы хорошо играете. (3)

М. А. Балакирев

(1837 – 1910 гг.)

Отказывать никогда никому не следует, надо давать каждому хоть немного то, что он в состоянии воспринять. (1)

Самый лучший способ сочинения будет тот, когда во время творческого процесса композитор будет руководствоваться советами людей с хорошей критической способностью, которые не должны спускать ему ни малейшей безделицы до тех пор, пока сочинение не будет их вполне удовлетворять, и только таким способом сочинение может выйти безукоризненным. (2)

М. Б а т т и с т и н и

(1856 – 1928 гг.)

Певец должен быть абсолютным хозяином своего вокального инструмента, что достижимо только бесконечными упражнениями, беспредельной работоспособностью и терпением. (1)

Каждый день певец должен начинать всё сначала. Постоянно нужно искать свой голос. (2)

Режим певца заключается не в отдыхе, а в работе. (3)

Для того, чтобы достигнуть спокойствия профессионала и уверенности художника-мастера, нужно петь каждый день. (4)

Не спешить – вот один из больших моих секретов. (5)

Голоса изнашиваются не от длительных занятий и частых выступлений, а от неправильных занятий и неподготовленных выступлений. (6)

Самое важное для певца – правильная постановка голоса, потому что она делает его абсолютным хозяином своего вокального инструмента. Затем нужно тщательнейшим образом заботиться о вокализах и технике дыхания, но не менее важно также уметь играть и правильно интерпретировать разные партии оперного репертуара. (7)

Недостаточно обладать красивым голосом и уметь ловко владеть им. Нужно быть, повторяю, хорошим актёром, достигнуть совершенства в актёрском мастерстве, фразировке и в умении носить костюм. (8)

Я беру пример с великих актёров и изучаю искусство драматического театра и декламацию, и я не уверен, что это легче пения. (9)

Когда герой меня не зажигает, я не в силах сыграть его так, как мог бы. Понятно, что с таким ощущением я петь его партию не могу. Это было бы непорядочно и бесчестно. (10)

Высокомерие – это слабость. (11)

Неэтично одному и тому же артисту каждый год появляться в одном и том же городе. (12)

Путь, предначертанный мне Создателем, можно считать законченным! Работаешь, потеешь, чтобы добраться до цели. Когда же вдруг подумаешь, что она совсем близка, оказывается, что пора уже умирать! (13)

Я должен благодарить провидение, которое дало мне такую долгую жизнь, и искусство, которое ещё не покинуло меня. (14)

Теперь мне хочется только одного – порадоваться немного солнцу! (15)

И. С. Бах

(1685 – 1750 гг.)

Цель музыки – трогать сердца. (1)

Я убеждён в том, что целое не может быть совершенным, если те или иные детали этого целого недостаточно точно «пригнаны» друг к другу. (2)

Как можно более лёгкую клавирную пьесу? Что ж, посмотрим, что у меня из этого выйдет. (3)

Трудновато? Да вы поучите её поприлежней, и всё у вас получится; ведь у вас столько же крепких пальцев на каждой руке, сколько их у меня! (4)

От пианиста только и требуется: в нужный миг дотронуться до нужной клавиши. (5)

Мне пришлось усердно заниматься; кто будет так же усерден, достигнет того же. (6)

Для кого вся жизнь заключена в искусстве, для того сама жизнь оказывается большим искусством. (7)

Г. Берлиоз

(1803 – 1869 гг.)

Есть люди, рождённые жить двести лет, судя по тому, как они тратят время! (1)

(2) Годы подобны дням, они следуют друг за другом, но совсем не похожи один на другой.

Голос собственной природы, который звучит внутри своего «я», сильнее всех суровых доводов разума. (3)

Предпочитаю знать, чем беспокоиться вслепую. (4)

Стремление оставить на земле какой-то след своего существования само по себе только благородно. (5)

Должно быть то, что надо, либо ничего. (6)

Что сделано, то сделано, а в этом-то и заключается трудность делать что-либо! (7)

Во всех случаях жизни надо предоставить действовать времени. (8)

Будьте всегда в движении и не обращайтесь никакого внимания на мелкие препятствия и на мелких людишек, на мелочные чувства, на все убожества на свете. (9)

Счастье никогда не приходит в одиночку. (10)

Можно надеяться, несмотря на то, что с давних пор отчаиваешься. (11)

Быть молодым – это большое счастье, большое преимущество, большая сила, высшее качество. (12)

Очень приятно, когда можешь сам себе сказать: пойду, куда мне вздумается или никуда не пойду, не буду делать ничего. (13)

Юг на самом деле находится там, где жизнь овевает нас тёплым дыханием, где сердце может оттаять, воображение расправить свои сильные крылья. (14)

Ничто не может больше огорчить, чем видеть, как ты сам обрёк себя на бездеятельность и тоску. (15)

Вряд ли можно сомневаться в том, что чем больше разовьются у человека понятливость и чуткость, тем больше будет у него причин для огорчений. (16)

Из всех прекрасных качеств человеческого сердца я предпочитаю доброту. (17)

Есть люди, которые прощают из-за безразличия, другие по злобе (они так скучны!), некоторые по глупости. Наконец, есть добрые умные люди, которые прощают из-за ума и доброты. (18)

Я вижу лишь людей, которые любят или ненавидят согласно с тем, куда дует ветер их страстей, предубеждений или интересов. (19)

Было бы довольно непристойно приводить доводы против любезности и доброты. (20)

Сельские нравы я принимаю тем охотнее, что диктуемая правилами цивилизованного общества принуждённость поведения ничем не возмещается. (21)

Точность – вежливость королей, и похоже, что её нет нужды придерживаться тому, кто является всего лишь подданным, пусть даже хорошим подданным. (22)

Из опровергаемого, как и из клеветы, всегда что-то остаётся. (23)

Всяк собой похваляется. (24)

Хотелось бы любить людей, которыми восхищаешься, а не питать к ним отвращение – чувство весьма неприятное. Но не всегда, увы, это возможно. (25)

Мне думается, с дружбой происходит то же самое, что с настоящей любовью: в разлуке она возрастает. (26)

Право же, естественно любить сердца, бьющиеся в том же ритме, что и наши, и умы, летящие к тем небесным высотам, где бы и нам хотелось парить. Так же как и испытывать антипатию, как ни печально говорить об этом, к существам другого склада, низким, отрицательным или *слишком положительным*. (27)

У меня всегда столько неотложных дел. У меня нет времени предаться удовольствию видеть моих друзей лишь за тем, чтобы их видеть. (28)

Излишняя наивность неприемлема! Я не дал бы яблока, чтобы встретить в лесу Еву; уверен, она была так глупа, что боженьке было за неё стыдно, и она была вполне достойной женой своего мужа. (29)

Женщины обычно не любят, чтобы их считали учёными в подлинно классическом плане. Подлинное ребячество. (30)

Глубокая любовь может переродиться в глубокое презрение. (31)

Язык упрёков мелочен и жалок. (32)

Грубый увалень, бормотавший доселе одне глупости, поди сюда, я выучу тебя разговаривать! (33)

Никто не обладает врождёнными познаниями, и ничего постыдного нет в том, чтобы изучать внимательно и мужественно всё, что не поддаётся пониманию с первого взгляда. (34)

Знать и мочь! Что может быть более отрадного в этом мире? (35)

Время – великолепный учитель, но, к сожалению, оно убивает своих учеников. (36)

Всё более и более восхищаюсь нашей цивилизацией с её почтами, телеграфами, с её паром, электричеством, рабами человеческой воли, которые позволяют передавать мысли с такой быстротой. (37)

Конечно, надлежало бы во что бы то ни стало изобрести какое-либо средство, чтобы эти мысли не были большей частью грустными. Единственное, что мы знали до сих пор, это радость быть молодым, любимым, свободным и любящим красоту природы и великого искусства. (38)

Так будем же довольны и воспользуемся тем, что у нас ещё осталось. Гиппократ сказал, что «искусство существует долго», мы же должны сказать, что оно существует вечно и преклониться перед его вечностью. (39)

Правда, это преклонение перед искусством делает нас страшно требовательными и удваивает для нас тяжесть повседневной жизни, которая, увы, и есть реальная жизнь. Что делать? Надеяться? Отчаиваться? Смиряться? Спать? Умереть? Не ведаю. (40)

Что знаю я? Ничто, помимо веры, не спасёт. Ничто, помимо веры, не губит. Мир – театр. А какой мир? Земной или мир того света? А в других мирах, там тоже есть свои комедианты? Так же ли мучительны их драмы, так ли очевидны оне, как у нас? А их театры: так же ли поздно там их освещают, хватает ли там времени у зрителей, чтобы состариться до того, как они поймут всё это? (41)

Неизбежные мысли, боковая, килевая качка сердца! Жалкое же оно судёнышко, знающее, что сам компас вводит его в заблуждение во время бурь. (42)

Музыканты – сумасшедшие, поэты – безумны, артисты всех родов бредят. Они страдают, истекают кровью, они умирают сто раз, прежде чем умереть окончательно, и им никогда не удаётся выразить то, что они чувствуют... Никогда. (43)

Большей части наших живописцев и скульпторов присуще понимание античности и чувство красоты, которую и страдание не искажает. (44)

Длинные ножи мне кажутся короткими, когда они не режут; длинные истории – очень короткими, когда оне меня интересуют. (45)

Поэт должен быть зеркалом, отражающим все явления, будь то грациозные и ужасные, блестящие и мрачные, спокойные и тревожные. (46)

Шекспир хотел изобразить ничтожество жизни, суетность людских намерений, деспотизм случая, равнодушие судьбы или Бога к тому, что мы называем добродетелью, преступлением, красотой, безобразием, любовью, ненавистью, гениальностью, глупостью. И преуспел он устрашающе. (47)

Цветок выразительности вянет под тяжестью перевода, каким бы бережным он ни был. В настоящей музыке есть ударения, требующие своего особого слова, и есть также слова, требующие своего ударения. Отделять одно от другого или заменять чем-либо приблизительным – то же самое, что заставлять козу выкармливать щенка или наоборот. (48)

Те же люди, которым кажутся варварскими средневековые латинские стихи с рифмами, возмущаются французскими стихами без рифм. Но всё это не более, чем следствие привычки. (49)

Известны тысячи случаев, когда положенные на музыку стихи настолько видоизменялись, что из них полностью исчезали не только рифмы, но и полустииши. (50)

Хорошо ритмованные и рифмованные стихи уместны в музыкальных пьесах, не содержащих или почти не содержащих повторений слов. Только там версификация явственна и ощутима; во всех других случаях она не существует. (51)

Длинные куплеты и пространные стихи смертельны для мелодии. (52)

Музыка – самое поэтическое, самое могучее, самое живое из всех искусств. (53)

Музыка столь могущественна, что тысячу раз имеет право сказать: «Я! Этого достаточно». (54)

Знать в музыке – далеко не всё, её ещё необходимо *чувствовать*, а народ в Париже, как я считаю, слишком сильно любит водевили и барабаны. (55)

Музыка – небесное искусство; нет ничего выше её, кроме истинной любви, и если одна сделает меня несчастным, то по крайней мере другая возместит мне всё. (56)

Которая из двух стихий может вознести человека до самой высшей из всех вершин: любовь или музыка? Это трудный вопрос. И всё же я отвечу на него так: любовь не может дать представления о музыке, а музыка может дать представление о любви. Но зачем отделять одну от другой? Оне два крыла одной души. (57)

Хотеть вернуть музыку к древней речитации античного хора – самая невероятная и, к счастью, самая бесполезная глупость, на какую можно было бы сослаться в истории искусства. (58)

Разговаривать в опере – это в тысячу раз хуже, чем петь в трагедии. (59)

В театре оркестр – раб, он и действует в своей яме, как раб. На концерте же оркестр – царь, восседающий на троне. (60)

Присущие симфониям большие страсти по сравнению с чувствами в полусерьёзных операх переворачивают мою душу значительно сильнее. (61)

Нет ничего, что мне так не нравилось бы, как эти переодевания оркестра в фортепьяно. (62)

Роялю не дано приблизиться к выразительной мощи большого оркестра. (63)

Недостатки произведения лучше видны, когда делаешь переложение его партитуры для фортепьяно. (64)

Переложение для фортепьяно и пения обладает своей особой ценностью, в особенности для разучивания. (65)

Музыка удваивает, утраивает армию. (66)

Если бы музыку не отдали на попечение общественной благотворительности, в Европе был бы театр – музыкальный Пантеон, предназначенный полностью для постановки монументальных шедевров. Они исполнялись бы там *артистами* через длительные промежутки времени, подготовленные с подобающей им тщательностью и пышностью. А слушала бы их по торжественным для искусства праздникам восприимчивая и понимающая аудитория. (67)

Но у музыки почти повсюду отняли её права, присущие ей в силу её благородного происхождения; с ней обращаются словно с подкидышем, которого желают, видимо, заставить превратиться в уличную девку. (68)

Музыка – самое великое из искусств, но она также то искусство, которое при современном состоянии цивилизации делает самыми несчастными тех, кто понимает её во всём величии, кто её чтит и уважает. Тем не менее, её нужно всегда чтить, всегда уважать, всегда любить. Любить её той великой любовью, в которой заключена сущность всех самых

благородных страстей сердца человеческого. Стало быть, надо презирать толпу и её предрассудки, не придавать никакой цены успехам, купленным ценой трусливых уступок и тщательно оберегать себя от соприкосновения с глупцами и сумасшедшими, а также с софистами, умеющими придать безрассудству видимость разума. (69)

Надо стараться делать пламенные вещи хладнокровно. (70)

Найти средство быть экспрессивным, правдивым, не переставая быть музыкантом и, совсем напротив, дать музыке новые действенные средства – вот в чём задача. (71)

Организованность отчётливая, точная, незыблемая, без неё в музыке, как и во многих других областях, невозможно сделать ничего хорошего, прекрасного! (72)

Какой ужас – *приблизительность* в музыкальном исполнении! (73)

Нескладным исполнением одного соло можно погубить целую вещь. (74)

Надо добиваться отчётливой дикции в главных сценах, без этого в эпических страстях всё ничего не значит. (75)

Увы, раса певцов, эта гордая раса, вырождается. (76)

Наблюдая всё более острую нехватку артистов, способных выразить средствами своего искусства великие и благородные страсти человеческого сердца, приходишь к мысли, что природа, сотворив в порядке исключения некоторое количество людей, наделённых даром понимать и изображать эти страсти, ныне наотрез отказывается созидать новых. (77)

Нет ничего более расхолаживающего, чем исполнение, при котором певцы читают по нотам. (78)

Театральные артисты, певцы в особенности, так сильно обделены чувством юмора! (79)

Остроумие никогда ничего не портит. (80)

Моя страсть к музыке, или, скорее, к искусству, принимает непомерные размеры. Я чувствую себя творчески сильнее, чем когда-либо, но материальные препятствия мешают мне дать волю моим способностям. (81)

После того, как узнаешь чудеса вдохновения, невозможно выносить общеупотребительную музыку, патентованные композиции, произведения, рекомендованные господином мэром или министром народного просвещения. (82)

Я болен неудовлетворённостью в моей любви к искусству. И где же? Во Франции! Ничего, абсолютно ничего! Безразличие и кретинизм, грубый индустриализм, дикость правителей, невежество, скотство богачей, обывательские интересы у всех... Змеи, ежи, жабы, гуси, цесарки, вороны, клопы и паразиты всех родов – вот милое народонаселение нашего парижского земного рая. (83)

Сколько народу будет в царстве небесном, если там окажутся все нищие духом! (84)

Кругом не видно ничего кроме путаницы, пошлости, глупости, подлости, подлецов, глупцов, пошляков и путаников. Я всё больше отдаляюсь от этого отравленного мира отравителей. (85)

Самые колоссальные творения человеческого ума не имеют в настоящее время ни кола ни двора. (86)

Больше не говорят: «Что я знаю?» – как Монтень, но: «Чего ради?» Меня неотступно преследуют планы обширных и смелых сочинений, в осуществлении которых я уверен. Начинаю и останавливаюсь: «Зачем затевать такое произведение, – говорю я себе, – увлекаться им со страшным пылом?.. Чтобы приготовить себе, когда оно будет завершено, самые жгучие огорчения, если я найду его прекрасным? Чтобы увидеть его отданным недорослям и грубиянам или заживо погребённым...» (87)

Лишь страстные свидания с природой способны заставить меня забыть на мгновение страдания оскорблённой любви к искусству. Но они же и пробуждают с новой силой эти страдания: всё это взаимосвязано. (88)

Тяжело смотреть, как человек расходует своё время и талант на ненужное и безрезультатное преодоление трудностей. (89)

Возвышенное не является возвышенным для всех на свете. То, что увлекает одних, другим непостижимо и порой даже может показаться нелепым. А затем – предрассудки обучения, различия организации. (90)

По мере того как в своём полёте гении возносятся всё выше, они всё более отдаляются от понимания существ, претендующих на то, что гении созданы для них. Это особенно заметно в музыке и в драматической литературе. (91)

Разве не от чего возмутиться участием шедевров? (92)

Целым народам отказано в умении понимать некоторые творения гениев. (93)

Есть вещи, которые нельзя показывать толпе. (94)

Как! Столь возвышенную музыку дадут слушать такому множеству пошлых повес! Как тут не утвердиться в моей системе Абсолютного равнодушия ко всему сущему? Решительно, это единственная разумная система. (95)

О, обыватели! Любители пива, едоки окороков! Кто позволил вам приходить сюда, дабы слушать или, скорее, слышать прекрасную музыку? Вы ничем не заслужили этого! (96)

Англичане поговаривают о воздвижении статуи Шекспира высотой в четыреста футов, а у них нет ни одного театра, где шедевры полубога ставились бы достойным образом. С их стороны это запоздалое проявление национального тщеславия, но чувство восхищения не является тут ни ведущим, ни истинным. (97)

Не должно было бы позволять представлять великие шедевры перед публикой, собранной по воле случая, состоящей из глупцов, полуглупцов, полужнаек, блюстителей грамматики, школьных учителей, солдат, нянек, модниц, интриганок, беззубых стариков, кормилиц, денди, торговцев зерном, маклеров и коммивояжёров. (98)

О! Если бы я был несметно богат, какие представления устраивал бы для себя и для моих друзей! Как наглухо закрыл бы двери для всех этих господчиков, которых Бог послал на землю, чтобы они унижали артистов и подрезали крылья их честолюбивым устремлениям. (99)

Однако же, к счастью, Он послал некоторых людей с большим умом, воодушевлённым и согретым добрым сердцем, для того чтобы они поддерживали у артистов мужество, когда те падают, задыхаясь, среди скопища кретинов. (100)

Дерзание и воля – гордые дочери гения. (101)

Каковы бы ни были сегодня ваши огорчения, вас должно заставить легко забыть их сознание вашей гениальности и неоценимого значения ваших творений. (102)

Гений не станет утруждать себя поправками в чужом сочинении, если произведение оказалось плохим, а если бы он счёл его хорошим, то отнёсся бы с уважением к его форме, замыслу, к деталям, вплоть до недостатков. (103)

Купюры, сделанные бездарными людьми, калечат произведения гениев. Не более того. (104)

Совершенство достаточно. (105)

Существует религия прекрасного; к ней я и принадлежу. И наш долг – восторгаться великими творениями и почитать великих людей. (106)

Нет ничего глупее учёного теоретика. (107)

К несчастью, правда, что музыкальное искусство понимается крайне ограниченным числом просвещённых людей и что на людей непросвещённых оно воздействует только своей чувственной стороной. Отсюда по поводу музыки высказываются чудовищные доктрины, которые талантливо утверждаются; отсюда ещё более чудовищные заблуждения, внесённые в музыкальную практику легкомысленными или грубыми вкусами толпы. (108)

Надлежало бы бороться с одним и просвещать других; но эту двойную задачу можно было бы осуществить только опираясь на прекрасные образцы, многочисленные, неотразимые, поразительные. (109)

Голос критики имеет слабый отголосок, резонанс прекрасной партитуры могущественнее всех наших фраз. (110)

Я ценю прямоту суждений, доброту души и любовь к искусству. (111)

Люблю быть ненавидимым крестинами; этим они позволяют мне платить им тем же самым. (112)

Не восхищаться тем, кто не восхищается нами, и наоборот – это ужасно и представляет собой полное отрицание искусства. В моей воле не только преклоняться перед высоким творением моего самого большого врага, но и питать отвращение к безобразной нелепости моего самого близкого друга. Клянусь, для меня это истина, потому что я артист, а кто стал бы в этом сомневаться, нанёс бы мне оскорбление. (113)

Что касается моего литературного стиля, если таковой у меня имеется, то это стиль писателя, который ищет слово, способное передать то, что он чувствует, и никогда его не находит. (114)

Проклятые фельетоны! Что за ремесло! Где найти солнце и досуг? Быть свободным, ни о чём не думать, спать, не слушать треньканья пианистов, не слушать рассуждений о выборах... – быть свободным, смотреть сквозь дым сигары, как рушится весь мир... и быть глупым, как восемнадцать депутатов. (115)

Ах, мой Бог! Мой Бог! Что это за проклятый мир вы создали для нас! Что это вам столь неудачно вздумалось предаться отдыху на седьмой день, когда чертовски лучше было бы поработать вам ещё, ибо очень много следовало бы сделать. (116)

Положение критика очень трудное, если он не желает потакать плохому. И всё равно ему подчас приходится высказывать в благопристойной форме ряд глупых снисходительных суждений о невероятной музыкальной ерунде. (117)

Нужно наглухо закрыть глаза трёхцветным флагом, чтобы не замечать, что музыка сейчас во Франции мертва и является последним из искусств, на которое наши правители захотят тратить время. (118)

Мне говорят, что я на Францию дуюсь. Нет, я не *дуюсь*; это выражение слишком слабо. Я бегу из неё, как бегут из варварских стран в поисках цивилизации, и это вовсе не только после революции. Уже давно я задушил в себе любовь к Франции и вырвал из моего сердца эту глупую привычку отдавать ей мои замыслы. Последние семь лет я существую лишь на то, что получаю за свои произведения и концерты у иностранцев. Без Германии, Чехии, Венгрии и, особенно, России я бы уже тысячу раз успел умереть во Франции с голоду. (119)

Под влиянием революции исчезла ли в умах французов любовь к посредственности? Будь даже так, её непременно заменили бы любовью к людям и явлениям ещё *худшим* (если существует что-либо хуже посредственности). (120)

Во Франции я получал одни лишь оскорбления, более или менее замаскированные; я встречал только тупую оппозицию, ибо национальный ум наш туп в области возвышенных вопросов искусства и литературы; я испытываю непреодолимое презрение, которое всё больше возрастает, к этим французским понятиям, о которых прочие народы ничего не знают. (121)

Только что приехал из Лондона и вот уже дерусь решительно со всем, что прямо или косвенно касается нашего искусства: с консерваторией, театрами, министерством, палатой и с бесчисленной армией кретинов, которыми кишмя кишат мостовые Парижа. Люди, делающие вид, что правят нами, постановили музыку унижить, привести к гибели, ибо они утверждают, что прежнее правительство жаловало её милостями, ею не заслуженными. (122)

Ах, негодяи! Я строго запрещаю вам разорять и принижать музыку; она и без того уже давно повержена и истощена; там, где не осталось ничего, права государства кончаются. (123)

Чувство правдивого в искусстве угасло так же, как понимание справедливого в морали. (124)

Не существует ничего, что было бы равно для всех прекрасным, безобразным, ложным или истинным. (125)

Я вижу столько «но», что должен принять меры предосторожности даже против недостаточно просвещённой доброй воли. (126)

Вкусы большинства так отличаются от наших! То, что нас трогает, оставляет грубую публику холодной! То, что её восхищает, внушает нам сильнейшее отвращение! (127)

Я вижу столько страшных нелепостей, которые совершаются и происходят в нашем музыкальном мире, что ощущаю ото дня ко дню всё более сильное желание отстраниться от этой свалки. (128)

Некоторые новоиспечённые авторы либо сумасшедшие, либо взбесились! Они нарушают гармонию, но, видите ли, *дразнят* слух! Все эти поиски отвратительного, эта вера в безобразное, стремление делать из несогласованности систему, можно ли представить себе подобную доктрину? Это даёт страшное оружие в руки рутинёров, моллюсков искусства, чтобы те били и убивали пионеров, которые с таким трудом уже поднимают целину. (129)

Что за перемены произошли в нашей несчастной Европе! Какие вопли, преступления, безумства, глупости и жесточайшие мистификации! В таких условиях мечты о мирных умственных трудах, о поисках прекрасного в литературе и искусствах равнозначны намерению играть в бильярд на корабле, попавшем в шторм, несущемся от антарктического полюса, в то время как обнаружена течь в трюме и на нижней палубе вспыхнул бунт матросов. (130)

Я больше не верю в возможность воспитания публики посредством критики или, по крайней мере, думаю, что понадобится очень долгое время, чтобы критика принесла плоды. (131)

Я упорствую в своём решении не идти больше к горе; быть может, гора кончит тем, что пойдёт сама ко мне. Это вопрос времени и хладнокровия. Сколько у меня в запасе времени, не знаю, но хладнокровия у меня достаточно, несмотря на то, что в моём сердце кипит гнев, который я сдерживаю с трудом. (132)

Что за отвращение я испытываю от жизни в этой стране, где негодяи и кретины занимают положение, позволяющее им совершать так много пошлых гадостей. Но поскольку мне приходится здесь жить и у меня есть плеть, которой их можно время от времени стегать, я заставляю их почувствовать мои уколы при каждом подходящем случае. (133)

Если бы композиторы знали, как легкомысленно или сквозь какую дремоту мы, патентованные критики, слушаем их творения, они обозвали бы нас... и это было бы справедливо. (134)

Посвящение музыкального сочинения – банальный знак уважения, который может иметь цену только благодаря достоинствам самого произведения. (135)

Пусть автор не пишет ни слишком много, ни слишком быстро, ни для слишком многих; пусть предоставляет людям самим идти к нему, не обещая им слишком много. (136)

Пусть начинающий хорошо работает: занимается контрапунктом, слушает гадости и шедевры! Это хорошо. Пусть барахтается в музыке, ложится на спину, ныряет вниз головой, погружается в неё – это единственный способ научиться хорошо в ней плавать. (137)

Музыка партитуры – это музыка, которую *видят*; музыка отдельных партий – этому музыка, которую *слышат*. (138)

Уступки большого мастера дурному вкусу некоторой части публики – печальная вещь! (139)

Ах, торговля и искусство питают страшное отвращение друг к другу. (140)

В нашем мире думают, что за деньги можно заставить художника делать вещи, противные его совести. Я доказал всем, что это ложь. (141)

Моё презрение и моя ненависть ко всему нашему миру глупости и тупости усиливаются день ото дня. (142)

У меня хватает скромности признавать, что нескромность – один из моих недостатков. (143)

Несмотря на то, что костяк моего сочинения уже давно сложился у меня в голове, требуется ещё много терпения, чтобы связать друг с другом его части и хорошенько выверить всё целиком. (144)

Вы не можете представить себе, какое наслаждение получает композитор, когда творит *свободно*, под непосредственным воздействием одной лишь своей воли. (145)

Хочу прежде всего прямоком следовать за игрой моих воображения и фантазии, пусть даже они завели бы меня в мутную топь. (146)

Как бы странно это ни показалось, но сущая правда: у меня нет времени быть музыкантом; приходится растрачивать всё моё время и работать, чтобы жить, потому что музыка приносит нечто только спустя много времени после того, как она создана. (147)

Жизнь в Париже устроена так, что невозможно делать то, к чему больше всего лежит сердце; беспокойства, неприятности, работа, проекты, попытки поглощают внимание, время и всё прочее. (148)

Во Франции артисты – крепостные. Мы платим налог с десятины. (149)

Мы нищие, у коих нет ни положения, ни денег, ни почестей, ни орденских лент – за исключением той ленты консьержей, за которую тянут, чтобы отворить дверь; кои даже с трудом смогут выкроить день, чтобы повеситься, если им захочется. (150)

В моей голове великая борьба между любовью к искусству и отвращением к нему, между скукой, вызываемой известным, и желанием неизвестного, между упрямым упорством и разумом, который кричит: «Невозможно!» (151)

Наше искусство, как мы его понимаем, это искусство миллионеров! Ему нужны миллионы. При наличии миллионов любое препятствие исчезает, любой беспросветный ум проясняется, лисиц и кротов загоняют под землю, мраморная глыба становится богом, зритель становится человеком. А без миллионов мы остаёмся после тридцати лет усилий у разбитого корыта. (152)

И ни одного монарха, ни одного какого-нибудь Ротшильда, который бы понял это!.. Не являемся ли мы после этого с нашими сокровенными притязаниями попросту смешными глупцами и наглецами? (153)

Не приходится сомневаться в существовании критиков с большой дороги и в необходимости бросать в их шляпу монетку, когда проходишь перед их мушкетом. Надо, однако, признать что это жалкое унижение. (154)

Как музыканту, я надеюсь, мне многое будет прощено, потому что я много любил. Как критик я был, есть и буду жестоко наказан, потому что испытывал, испытываю и всю мою жизнь буду испытывать жестокую ненависть и безмерное презрение. Тому, кто разделяет со мною эти чувства, мне, несомненно, не нужно указывать их объекты. (155)

Музыка – самое поэтическое, самое могущественное, самое живое из всех наших искусств. Оно должно было бы быть и самым свободным, однако оно ещё не является таковым. Отсюда наши страдания как художников, наши безвестные самопожертвования, наше отвращение, наше отчаяние, наше стремление к смерти. (156)

Что до меня, то мне кажется, что я уже достаточно хлебнул горечи. Я никогда не мог пойти следом за моими литературными и музыкальными привязанностями и не быть за этого строго наказанным. (157)

Находясь здесь (в Париже) можно умереть от сдерживаемого гнева. Из-за глухой ярости мелких завистников я вынужден прокладывать свой путь, как раскалённое пушечное ядро, свистя, дробя и сжигая. (158)

А пресса, разве она не становится день ото дня всё более гнусной? Встречаем ли мы нынче в ней что-нибудь другое (за самым редким исключением), кроме сплетен, низких сделок, кретинизма? (159)

Ужель вы думаете, что я позволю себя обмануть сей толпе лиц со льстивыми улыбками, прячущими свои когти и зубы только потому, что и у меня, как им известно, имеются и когти и клыки? (160)

Не видеть возле себя ничего другого, кроме глупости и равнодушия, неблагодарности и страха – таков мой удел в Париже. (161)

Подобно хищным птицам, я вынужден отправляться вдаль на поиски средств к существованию. Только птицы со скотного двора хорошо живут на своём навозе. (162)

Прекрасные ландшафты, горные вершины, морские просторы совершенно захватывают меня, вместо того чтобы пробуждать у меня деятельность мысли. Отдаваясь чувствам, я не в силах выражать их. Я могу описывать луну, лишь когда смотрю на её отражение в глубине колодца. (163)

Считаю наилучшим делать только то, что делаю. Я – дикарь, я дорожу своей свободой; иду, пока меня носит земля, пока в лесах водятся лани, лоси. А если я страдаю часто от усталости, бессонницы, от холода, недоедания, от надругательств бледнолицых, то зато, по крайней мере, я могу вволю мечтать около какого-нибудь водопада и преклоняться в тишине лесов перед великой природой, благодарить Бога, не лишившего меня способности воспринимать её красоту. (164)

Нужен редкостный гений, чтобы создавать творения, которые доходят сразу до артистов и до публики и в которых простота прямо пропорциональна их громадности, как это имеет место в пирамидах близ Гизы. (165)

К несчастью, я ни в коей мере не принадлежу к подобным гениям: мне требуется много средств, чтобы произвести некоторый эффект, и я боялся бы потерять навсегда уважение друзей музыкального искусства, если б преждевременной публикацией обрёк мои симфонии, слишком молодые, чтобы странствовать без меня, на жестокое искалечение. (166)

Люблю сих бедных моих детей отеческой любовью, в которой нет ничего спартанского, и тысячу раз предпочитаю видеть их безвестными, но невредимыми, чем посылать их вдаль на поиски славы или страшных ран и смерти. (167)

С риском показаться чудачком признаюсь, что никогда не мог понять, как это ради нескольких эку богатые художники могут расставаться со своими лучшими работами и, не испытывая раздирающих мучений, отсылать их на все четыре стороны, как это теперь каждодневно практикуется. (168)

Единственно писатели, поэты и прозаики могут продавать свои работы, не слишком рискуя увидеть их обезображенными, как это случается у музыкантов, либо навсегда потерять из вида, что бывает с живописцами и скульпторами. (169)

Но поэты-драматурги, коль скоро они публикуют свои пьесы, – не подвержены ли они опасности вопреки своей воле видеть их более или менее плохо представленными перед публикой, более или менее неспособной понимать их, и, сверх того, обрезанными, обструганными и освищенными? (170)

Есть произведения, которые дороги автору так же, как дороги врачу выздоравливающие, спасённые им от смертельной болезни. (171)

Утешаюсь тем, что не сделал тридцати семи комических опер и многих других ещё более реальных бед. (172)

Оратории всегда будут иметь многочисленных приверженцев среди организаторов фестивалей. Эти благоугодные творения поддерживаются всеми честолюбцами, помогающими резервированным мест на небе, и всеми последователями этих кандидатов. И какой же скучный этот жанр... самый респектабельный жанр среди всех. (173)

Писать Торжественную мессу мне, разумеется, очень лестно, хотя я ни в малейшей степени не уверен, что смогу сделать нечто новое на этот пережёванный текст. (174)

Торжественная месса – самый худший жанр среди крупных композиций, за которые можно взяться, если принять в расчёт имеющиеся у него шансы на хорошее и частое исполнение. (175)

В странах, где царствуют отвратительные схизмы, эти золотушные внебрачные дети рационализма, имя которых протестантизм, лютеранизм и все прочие *-измы*, мессы являются предметом ужаса. (176)

Реквиемы, по крайней мере у нас, имеют покровительницу, самую могущественную из всех, неутомимую и всегда за делом – смерть... Что касается песнопений, выражающих благодарность, ликование, веру, то о них не приходится и думать. (177)

Без сомнения, можно написать красивую фугу религиозного характера для выражения набожного пожелания «Amen!» Но ей следовало бы быть медленной, проникнутой смирением и весьма краткой. Ибо как бы хорошо ни выражали смысл одного слова, это слово нельзя бесчётно повторять, не сделав нелепым. (178)

Вместо этой сдержанности и стремления к выразительности все фуги на слово «Amen» – быстрые, напористые и неистовые, и оне тем более похожи на хоры пьяниц, прерываемые взрывами хохота, что каждый голос распевает на первом слоге слова *a... a-a-a-a-ten*, что производит самое гротескное и непристойное впечатление. Эти традиционные фуги – не что иное, как неистовые богохульства. Привычка, обычай и рутина поддерживают варварства такого рода, завещанные нам невежественным средневековьем. (179)

Тщеславие побуждает автора никому не показывать произведение до тех пор, пока ему больше нечего будет в нём менять. (180)

Для композитора нет сильнее радости, чем скрывать, так сказать, своё произведение, оберегать его возможно дольше от гроз, которые скверные оркестры, скверные певцы, скверные директоры и торговцы контрдансами заставляют греметь вокруг него. (181)

Для него невыразимое счастье показывать своё произведение лишь по большим дням, через большие промежутки времени, когда неослабные заботы позволят ему появиться во всём блеске своей красоты, в чистом воздухе, при ласковой, ясной погоде и перед избранной аудиторией. (182)

Количество сочинений, которые можно, не обрекая их на полную безвестность, в течение долгого времени уберечь от зубов прессы, этого льва, ищущего, кого пожрать, к сожалению, весьма невелико. Не будем ещё сокращать его. (183)

А до тех пор, смею надеяться, в моей сдержанности не усмотрят ничего, кроме недоверчивости, которая вполне естественна и уже слишком хорошо обоснована. Буду пока довольствоваться, словно осторожный навигатор, лавированием близ наших берегов, не стремясь навстречу кораблекрушению в дальнем плавании. (184)

Потеря напечатанного произведения – пустяки, но непоправимая беда – потеря рукописи. (185)

Немецкие издатели определённо скряги среди скупых или скупые среди скряг и самые скупые, самые скряжные из издателей. (186)

Какая трудная задача в наши дни обеспечить успех опере! Сколько приходится интриговать и обольщать, сколько денег расходовать, сколько давать обедов! Подумаю – и сердце заболит. (187)

Уже много лет кряду я не показываю мои партитуры публике иначе, чем под моим управлением. И вот теперь моя музыка вдруг оказалась в чужих руках, и я сразу почувствовал себя почти как курица, которая высидела утиные яйца и впервые видит, как её цыплята прыгают в воду, куда она за ними следовать не смеет. (188)

Один за другим заседают комитеты и происходят обсуждения всяческого рода. Я с большим трудом подчиняюсь таким формам представительного управления, заставляющим нас тратить неделю на то, что я сделал бы за час. (189)

С каждым днём меня всё больше раздражают нелепые препятствия, воздвигаемые мелкой постыдной завистью и бессильным соперничеством. Они не могут ничего *остановить*, но, однако, *замедляют*. Это не камни преткновения, а простой гравий, однако бежать по нему утомительно. (190)

Писать фельетоны – собачье ремесло! Собачье положение! Вечно кусаться или лизать. (191)

Что за жизнь веду я здесь! Какое непрестанное коловращение! Ни одного мгновения досуга и спокойных грёз; всегда куда-то мчаться, всегда работать наспех, всегда дрожать, всегда брызжать, всегда обуздывать кипящее негодование. Каждое утро, после нескольких часов сна, более или менее тревожного, возвращаться в этот холодно-беспокойный мир и содрогаться, словно раскалённое железо при погружении его в воду, и непрестанно спотыкаться на ходу о змей и жаб! (192)

Как похожи все эти званые обеды и светские рауты! Со мной будут разговаривать о хорошей и плохой погоде. И приходится терпеть такое оскорбительное равнодушие! Между тем я твёрдо убеждён, что сочинил великое произведение, – более великое и более благородного характера, чем всё написанное мною до сих пор! А тут приходится почти бесшумно погибать под ногами этих толстокожих. (193)

Я влачу отравленную и лишённую иллюзий жизнь, переносить которую могу лишь благодаря музыке. (194)

Разница между мной и вами в том, что вы изо всех сил пытаетесь твердить себе: «Я счастлив», я же без усилий говорю себе: «Я несчастлив», и так оно и есть. (195)

Вы и не представляете себе, в какой мере я раб моих различных неотложных дел. У меня почти не хватает времени, чтобы дышать. Но и это ещё не самое страшное, это только мешает мне чувствовать тысячи шипов, которые появляются, когда я думаю о многих терзающих меня вещах. (196)

Вернувшись, собираюсь сразу лечь и употребить свободный вечер на то, чтобы ускользнуть во сне от отвращения и скуки, преследующих меня, словно бич. (197)

Всяк за себя, а бог ни за кого! Вот верная пословица. (198)

Грустно признавать, что в интеллектуальной стране интеллект так мало почитается. (199)

Мы не рабы и мы даже выглядеть не должны так, будто подвергаемся эксплуатации. (200)

Реклама – настойчивая, упорная, неутомимая, раздражающая, тошнотворная, глупая, дурацкая. Куда бежать, чтобы избавиться от неё? Я думаю, что её нашли бы даже в шалаше эскимоса. (201)

Лучше не видеть, чем видеть то, что есть. (202)

Для того чтобы добиться должности и положения, требуется время. (203)

Все места разобраны; посредственности грызутся меж собой, и, присутствуя при драках и трапезах этих псов, испытываешь в равной мере и негодование и отвращение. (204)

Суждения парижской прессы и публики настолько глупы и фривольны, что подобных им нельзя найти у других народов. У нас прекрасное – это не безобразное, а пошлое. Дурное здесь любят не больше, нежели хорошее; всему предпочитают лишь посредственное. (205)

Кто ж это может верить, будто газеты говорят правду, всю правду и только правду? (206)

Парижанин не стал глупее, чем прежде, это невозможно. Напротив, он, кажется, немного замечает свою глупость. Но как над ним издеваются! Какие обиды его заставляют проглатывать! (207)

Давать концерты в Париже – это почти что унижение. Страна старых пресыщенных варваров! (208)

Увы! Нынешняя Италия – это прекрасный сад, населённый обезьянами. (209)

Разумеется, в политике нет ни абсолютно хорошего, ни абсолютно плохого. Несомненно, герои нынешнего дня завтра могут оказаться предателями. Всё это вещи совершенно ясные, доказывать которые бесполезно – дважды два четыре. (210)

О, что это за нелепый фарс, эти правительства с грошовым представительством! (211)

Всякого рода привилегии, скрытые, подобно паразитам, в глубочайших складках социального тела, парализуют любые усилия, направленные на его исцеление. (212)

Знаменитости, не принадлежащие к миру искусства, начинают мне надоедать. Эти мелкие злодеи, которых называют великими людьми, внушают мне лишь непреодолимое

отвращение. Все эти короли, императоры и полководцы – всего лишь бандиты. К тому же биографы противоречат друг другу, ясно видно, что они ни в чём не уверены, ничего не знают. (213)

Когда подумаю, что я сам забыл некоторые события, некоторые характерные подробности моей жизни, я спрашиваю себя: каким образом спустя два тысячелетия чужое перо может описать события из жизни людей, которых писатель не видел и не знал. История – это надувательство, подобное стольким другим признанным вещам. (214)

А война! Поговорим, кстати, о ней. Сотни тысяч идиотов, которые друг другу перерезают горло, вспарывают животы, в упор обстреливают друг друга картечью и в неистовой злобе умирают в грязи и крови из повиновения трём или четырём негодяям, хорошенько заботящимся о том, чтобы самим-то не принимать участия в драке, и умирают, не понимая ясно смысла поводов, которые перед ними выдвигают для того, чтобы повести на бойню!! (215)

Как бы мне хотелось увидеть маленькую планету, всего в сотню льё в окружности, которая задела бы нашу планету во время какого-нибудь большого сражения и, сплюснув, образумила бы истребляющих друг друга маленьких чудовищ! Какая каша! Заслуженная! Вот тут-то равнодушие природы выказалось бы во всём своём величии! Такое случалось с другими животными в допотопные времена. (216)

Свобода? Да! Но где она? Была ли она где-нибудь? Может ли она быть где-то? В этом мире *червей*. Нет, мой бедный друг, человеческий род слишком низок и слишком глуп, чтобы прекрасная богиня удостоила его божественным лучом своих очей. (217)

Вся эта людская дрянь толкует об искусстве, уме, воображении, о бескорыстии и, наконец, о *поэзии*! Слово всё это существует для неё! (218)

Как быть? Вздыхать?... Это ребячество. Скрежетать зубами? Это уже сделалось тривиальным!.. Набраться терпения?... Ещё того хуже. Нужно скопить весь яд, дать части его испариться, чтобы оставшийся стал крепче, и затаить его в душе до тех пор, пока не понадобится пустить в ход. (219)

За исключением трёх-четырёх или немногим более лиц, – что мне за дело до всего мира? Они могут погрязать в пороках, сколько им угодно; не мне тащить их из грязи. К тому же всё это, быть может, лишь игра воображения. Нет ничего реального, кроме жизни – и смерти. (220)

Меня огорчает видеть людей с сердцем и умом, употребляющими своё время и свои силы на сражения с ветряными мельницами. (221)

Как я хотел бы обладать такой громкой репутацией, которая заставила бы всех этих директорствующих каналов припадать к моим стопам с просьбой дать им партитуру, а я бы гнал их прочь ударом сапога! (222)

Забыть оскорбления или пренебречь ими можно, лишь став выше их. (223)

Как будто можно сделать нечто великое без смелости и хладнокровия! (224)

Готовые умереть, попытаемся защищаться: спасение побеждённых в том, чтобы его не ждать. (225)

Пусть погибнет существующий мир! Чувствовать и не иметь возможности выражать, или выражать и не иметь возможности заставить понять; задумывать безмерное и приводить в

исполнение лишь мелочь; жаждать свежего воздуха и жить в подземелье; завидовать орлиным крыльям и ползать, как червяк; иметь стремления божественного духа и нужды животного; носить в своём сердце молнии и выпускать только пар... (226)

Нехорошо говорить всю правду. (227)

Повсюду большие ослы и маленькие собачонки, не считая свиней, которые суют своё рыло в насаждения артиста! Так чего ради возделывать ананасы, сахарный тростник и благородную пальму? (228)

Обходительный, но гордый и очень непреклонный человек умеет как нельзя лучше ставить на место маленьких собачонок и больших ослов, слишком злоупотребляющих своей свободой. (229)

Глупцам ничто не истинно, кроме ложного, одно ложное приятно! Решительно, рай должен быть чертовски велик, чтобы вместить, когда наступит конец света, всех дураков, которым *он принадлежит!* (230)

Если кретинизм бессмертен, пусть живёт безобразным и зобатым! (231)

Никому не посылаю новогодних пожеланий по причине отвращения, которое питаю к этому обычаю. (232)

И ещё скажите мне, что я не прав, ни во что не веря. (233)

Я ни во что не верю, т.е. я верю, что ни во что не верю. Следовательно, я во что-то верю. (234)

Слова ни для чего не служат и умозаключения никуда не ведут. Только чувства и страсти реальны. Страданье, смерть, глупцы, дураки – всё это тысячи и тысячи реальностей. (235)

Не бывают верующими или доверчивыми по желанию. (236)

Вера, которую мы испытываем в отношении тех или иных предметов, ничего не меняет ни в их существовании, ни в их реальности. И вот почему, если некоторых вера спасает, то многих других она губит. (237)

Легковерному и тщеславному ребёнку обещают, что ангелы небесные сами явятся, дабы лично принести ему игрушки и конфеты. (238)

Я не легко верю в вероятные вещи, с тем большим основанием у меня не должно хватать веры в то, что не является таковым. (239)

Надо закрывать глаза на миражи грядущего. Вот что важно для меня и для моих замыслов. Ведь я, к несчастью, очень хорошо знаю, что на горизонте мне видится не озеро, но жгучие пески. (240)

Я теперь поостерегусь приняться за значительное произведение, ибо слишком хорошо знаю огорчения, которые оно непременно причинит мне во Франции в наше время, при изменности наших литературных и музыкальных инстинктов. (241)

Ах, если бы можно было жить хотя бы двести лет, кончили бы тем, что стали бы богатыми, учёными, знаменитыми, может быть, даже молодыми, кто знает? Только искренние и глубокие привязанности не увеличивались бы, потому что это невозможно. (242)

Меня смешат, когда повторяют мне эти старые слова о выполнении миссии! Какой я миссионер! Однако во мне скрыт некий необъяснимый механизм, который действует вопреки всем рассуждениям, а я предоставляю ему это, поскольку помешать не могу. (243)

Сильнее всего меня печалит уверенность, что прекрасное – для бесчисленного большинства человекоподобных – не существует! (244)

Я устал и вынужден признать, что нелепости необходимы человеческим умам и зарождаются в них, как насекомые в болотах. (245)

Всё мне теперь почти безразлично. Абсурд мне представляется естественным началом человека, смерть – благородной целью его миссии. (246)

Особенно по вечерам меня удручает усталость. Утром мужество или, скорее, безразличие к будущему возвращаются ко мне вместе со светом, я вновь начинаю вкатывать свой камень и говорить себе: есть много других Сизифов! (247)

Я всё-таки продолжаю мой долгий труд, не заботясь о судьбе, предназначенной произведению, когда оно будет завершено. (248)

Когда партитура будет окончена, – но только тогда, я смогу считать, что закончил либретто. (249)

Мне нужно много работать, чтобы вырваться из когтей глубокой и лютой скуки, которую я вынужден испытывать. (250)

Я действую, как если бы будущее моего труда было обеспечено. А ведь есть ещё один персонаж, который может явиться первым, это – смерть. (251)

В ожидании появления этой ужасной старухи будем жить и попрежнему чистосердечно любить то, что прекрасно: это единственный способ не обращать на неё никакого внимания. (252)

Раненый, обливающийся кровью солдат хорошо знает, что смотреть на его раны неприятно, и потому он благословляет сестру милосердия не в меньшей, а даже в большей мере за то, что у неё хватает мужества их перевязывать. (253)

В последнее время я не выхожу с кладбища: боженька стреляет по нам из митральезы! (254)

Одно горе у меня сменяет другое. Я не верю в будущее, но прошлое меня терзает. Я страдаю, страдаю – ясно вижу, что нелеп, но трезвость ума ни в малейшей мере и даже временно не облегчает страданий. Ах, как бы я хотел умереть. (255)

В смерти есть нечто – хорошее, много хорошего; не следует её бранить. (256)

Я не особенно встревожен тем, что меня может опередить смерть с её грубой шуткой. (257)

Все умирают. Я не выхожу с кладбища. Боженька строчит по нам картечью. (258)

У смерти, по-моему, нет более ужасного недостатка, чем невозможность более любить. (259)

Какой это ужас – жизнь!.. Мне всё приходят на память одновременно и приятные и горестные воспоминания! Её великие достоинства, её беспощадные требования, её несправедливость, но её гений и её несчастья... Ужасно! Страшно!.. О роковая способность вспоминать минувшее! Вот почему с таким беспощадным успехом мне удавалось некоторыми из моих произведений вызывать подобные впечатления. (260)

К счастью, есть Время, которое всегда идёт и уничтожает, и убивает всё – печали, как и всё остальное. (261)

Частенько я спрашивал себя, в чём может быть цель той мистификации, которую называют жизнью? Она заключается в том, чтобы понимать прекрасное, чтобы любить. Люди, которые не любят и не понимают, понастоящему мистифицированы. Мы вправе освистать за это великого мистификатора. (262)

Угас тот догоравший солнечный луч, который освещал моё окно, и холод сковывает моё сердце. Всё представляется мне в сером цвете, и я сейчас лягу на диван и закрою глаза души и тела, чтобы, ничего не видя, пребывать в тупом оцепенении, подобно дереву без листьев под проливным дождём. (263)

Спрашиваю себя ночью и днём, умру ли я с большими страданиями или с малыми, ибо я не настолько глуп, чтобы надеяться умереть без страданий. Правда, некоторые живые существа угасают потихоньку, но они так редки. То, что они называют всеблагим богом, даровало им эту исключительную милость, повидимому, для того, чтобы лучше показать всем другим свою несправедливость и жестокость. (264)

Каждый день я встаю с надеждой, что он будет для меня последним. Я сказал «прости» всем музыкальным иллюзиям, я ничего больше не делаю. Я уладил все мои дела так, чтобы иметь возможность в любой момент сказать смерти: «Когда тебе угодно!» (265)

* * *

Время – превосходный учитель, одна беда: оно убивает своих учеников. (36)

Преклонение перед искусством делает страшно требовательным. (40)

Софистика умеет придать безрассудству видимость разума. (69)

Спасение побеждённых в том, чтобы его больше не ждать. (225)

Любить прекрасное – это единственный способ не обращать никакого внимания на безобразную старуху с косой. (252)

Л. Бетховен

(1770 – 1827 гг.)

Нет ничего более прекрасного, как приближаться к божественному и распространять лучи его на человечество. (1)

Музыка должна высекать огонь из души человеческой. (2)

Взгляни на окружающую нас чудную природу – и ты успокоишься и не станешь терзаться мыслью о неизбежном. (3)

Почему я пишу? То, что у меня на сердце, должно найти себе выход. Вот поэтому-то я и пишу. (4)

Истинно счастлив тот, кто куёт своё счастье сквозь страдание. (5)

Музыка – посредница между жизнью ума и жизнью чувств. (6)

Музыка – это откровение более высокое, чем мудрость и философия. (7)

Описывать – дело живописи, поэзия также может себя считать в этом отношении счастливой по сравнению с музыкой, её область не так ограничена, как моя. Но зато моя простирается гораздо дальше в иные сферы, и на мои владения не так-то легко посягнуть. (8)

Музыка – народная потребность. (9)

Развитие искусства и науки всегда было и останется лучшей связью между самыми отдалёнными народами. (10)

Большое искусство не должно осквернять себя, обращаясь к безнравственным сюжетам. (11)

Лишь истинно правдивое непоколебимо, как скала. (12)

Высшим отличием человека является упорство в преодолении самых жестоких препятствий. (13)

Благодарить, где только можешь, превыше всего любить свободу и даже у монаршего престола от истины не отрекаться. (14)

Короли, принцы могут заводить себе наставников, учёных и тайных советников, могут осыпать их почестями и орденами, но они не могут создавать великих людей, таких людей, чей дух поднимался бы выше этого великосветского навоза. И когда два человека сходятся вместе, двое таких, как я и Гёте, пусть все эти господа чувствуют наше величие. (15)

Не буду ничего говорить вам о наших монархах и об их монархиях. Что до меня, то царство духа мне дороже всех иных, это высшая из всех империй светских и церковных. Моё царство – там, в эфире. (16)

Неужели вы думаете, что я помню о какой-то там скрипке несчастной, когда со мной говорит дух и я пишу то, что он мне повелевает! (17)

Обычно, когда я пишу, даже инструментальную музыку, у меня перед глазами весь замысел в целом. (18)

Писать без фортепиано необходимо. Мало-помалу рождается способность отчётливо представлять себе то, к чему мы стремимся, и то, что мы чувствуем, а это насущная потребность благородных душ. (19)

Свобода и прогресс – вот цель искусства, так же как и всей жизни. Если мы не так могучи, как старинные мастера, всё же утончённость цивилизации расширила для нас многие возможности. (20)

Ради своего искусства жертвуй, жертвуй всегда пустяками житейскими. Бог превыше всего! (21)

Для человека с талантом и любовью к труду не существует преград. (22)

Когда у вашего ученика по фортепианной игре прилично поставлены пальцы, когда он не сбивается с такта и правильно берёт ноты, обратите всё ваше внимание на стиль игры, не останавливайте его на мелких ошибках, укажите ему на них только после того, как он сыграет всю пьесу. Такой метод создаёт *музыканта*, что в конце концов и является основной целью музыкального искусства. (23)

Новое и оригинальное родится само собою, без того, чтобы творец об этом думал. (24)

Ещё не воздвигнуто таких застав, которые сказали бы пробивающемуся таланту: до сих пор и не далее. (25)

Истинный художник, любящий больше всего искусство, никогда не удовлетворён собою и старается идти всё дальше. (26)

Нет правила, которого нельзя было бы преступить во имя более прекрасного. (27)

У меня нет привычки поправлять мои сочинения уже законченные. Я этого никогда не делал, ибо глубоко убеждён, что всякое частичное исправление искажает общий характер произведения. (28)

Что касается меня как художника, никто не может сказать, что я когда-либо придавал значение тому, что обо мне писали. (29)

Я разделяю мнение Вольтера, что несколько мушиных укусов не могут задержать пылкий бег ретивого коня. (30)

Искусство объединяет всех, но сколь же более тесно объединяет оно подлинных художников! (31)

Что же до критиканства газетных скотов, пусть себе болтают сколько угодно. Их болтовня никому не поможет стать бессмертным, равно как и не отнимет бессмертие у тех, кому оно уготовано Аполлоном. (32)

Подлинный художник лишён тщеславия, он слишком хорошо понимает, что искусство неисчерпаемо. (33)

Я набираюсь терпения и думаю: всякое несчастье приносит с собой и какое-то благо. (34)

Я не знаю иных признаков превосходства, кроме доброты. (35)

Сердце – вот истинный рычаг всего великого. (36)

Нет ничего выше и прекраснее, чем давать счастье многим людям! (37)

Я хочу доказать, что тот, кто поступает достойно и благородно, тем самым обретает в себе силу переносить несчастья. (38)

Растите детей ваших в добродетели: только она одна и может дать счастье, а совсем не деньги. Говорю это по личному опыту. Она одна поддерживала меня в несчастье, только ей да искусству моему я обязан тем, что не кончил жизнь самоубийством. (39)

Если бы мне не довелось прочесть, что человек не вправе добровольно расставаться с жизнью до тех пор, пока у него есть надежда сделать добро, меня уже давным-давно не было бы на свете, и, разумеется, это было бы делом моих собственных рук. (40)

Человек, помоги себе сам! (41)

* * *

Музыка должна высекать огонь из людских сердец. (2)

Музыка выше, чем вся премудрость и философия. (7)

Всякий, кто поступает нравственно и благородно, может в силу этого самого переносить несчастье. (38)

Растите детей ваших в добродетели: только она одна и может дать счастье. (39)

Ж. Б и з е

(1838 – 1875 гг.)

Будьте снисходительны к моей прозе музыканта. (1)

Не будем ничего преувеличивать, друзья мои, будем гибки. Истина прекрасна. Она даже источник всех абсолютных красот: политических, артистических, философских, пластических. Но, поверьте мне, в нашем мире есть всё же немало обольстительных обманов. (2)

Не приходится ни на кого жаловаться, истинная правда, что за вчерашние безумства расплачиваешься сегодня! (3)

Коли у человека достаточно воли, то он в состоянии примириться с существующим, – если не весело, то во всяком случае решительно. (4)

Наша жизнь так коротка, что у неё не хватит времени оказаться плохой. (5)

Заранее готовить себя к разочарованию – так лучше. (6)

Никогда не нужно быть неблагодарным... даже ко злу. (7)

Нескромность, как оказывается, иногда бывает полезной. (8)

Никогда не вручай запечатанных рекомендательных писем – вот верное правило. (9)

Искренняя и глубокая дружба – редкое явление среди музыкантов. (10)

Нет ничего более заразительного, чем проявления дружбы, показной или подлинной. (11)

Тайну свою доверяют дружбе, но любовь сама в неё проникает. (12)

Всегда хорошо отстаивать свои права, и никто не поставит вам этого в вину. (13)

Надежда и ещё раз надежда – это означает уверенность. (14)

Решительно, плохая шутка быть чрезмерно счастливым. (15)

Монотонное счастье и здоровье быстро приедаются, и тогда мелкие неприятности позволяют снова почувствовать вкус к жизни. (16)

Счастливая жизнь бедна интересными происшествиями. (17)

При постоянстве удачи счастливые события теряют значение. (18)

Тише едешь, дальше будешь – это значит, что нужно тратить мало, когда имеешь мало. Таков девиз каждого честного человека и всякого философа. (19)

У меня нет чёткого плана в чтении, но я начинаю разбираться в довольно большом круге вопросов. Несчастье в том, что желание познать растёт в процессе познания; но почему это несчастье? Я буду жить и умру, не удовлетворив своей любознательности; однако чем дальше, тем всё больше философские системы кажутся мне чистейшим ребячеством. (20)

Есть страдания, которые философия не может излечить. Философия никогда не изменит сердце, мозг и нервы натуры. (21)

За прошедшие два месяца я в общих чертах изучил историю философии от Фалеса Милетского и до наших дней. Я не нашёл ничего серьёзного в этом необъятном хламе! Есть таланты, гении, весьма выдающиеся личности, которым мы обязаны открытиями, но нет ни одной философской системы, способной выдержать критику. (22)

Подлинная философия – это изучать общеизвестные факты, расширять научное познание и совершенно игнорировать всё, что недоказуемо, неточно. (23)

Человеческая мораль, увы, опирается на религию устрашения, которая в ходу у народов, достигших того уровня идиотизма, на котором они пребывают сейчас. (24)

Учиться познавать человека не всегда бывает приятным занятием, даже в том случае, если для подобного изучения используешь самого себя. (25)

Что до меня, то я становлюсь всё больше и больше мизантропом. Безразличные мне люди кажутся мне просто нестерпимыми, и я могу выносить лишь общение с людьми, у которых в голове мысли, а в сердце чувства, созвучные моим! Где только таких людей взять? (26)

Мне не хотелось бы менять мои горести на ваши: мне пришлось бы дать вам в обмен нечто слишком горькое и ядовитое! Я провожу ночи размышляя, не является ли жизнь лишь жестокой шуткой, а ум и способность чувствовать – всего лишь уродливыми порождениями нервной системы, бремя которой мы должны терпеть. (27)

Чем дальше, тем всё больше я презираю наш несчастный человеческий род. (28)

Человечество гнусно, мой бедный друг. (29)

Измученному человеку невозможно хладнокровно смотреть на все те бессмыслицы, всё то вероломство, которыми столь любезно усыпана жизнь. (30)

Так называемая артистическая среда ничем не лучше подонков общества. Среди них я не вижу ни одного, кого я мог бы любить или хотя бы уважать. (31)

Иной не грустен, а просто иронически мрачен. (32)

Ум – редкость в сей век тупиц, и встречать его в крупных дозах – большое удовольствие. (33)

Вы считаете людей, в общем, добрыми, хорошими, великодушными, искренними и человечными. Я же считаю, что они в большинстве своём коварны, злы, жадны, фальшивы и жестоки. Вы верите в людей, я к ним недоверчив. Оставаясь при своих убеждениях, я легко понимаю вашу точку зрения. Если вы сделаете то же самое в отношении меня, мы всегда договоримся. (34)

Физически и морально я постоянно пребываю в оборонительном состоянии. На это у меня достаточно оснований, и мне полезно быть предусмотрительным. (35)

Когда люди в беде, всё следует забыть. (36)

Решительно, есть ещё порядочные люди на свете. Это большое счастье, ибо бывают моменты, когда испытываешь соблазн в этом усомниться. (37)

Честные и интеллигентные люди должны объединиться, договориться, любить, просвещать друг друга и сожалеть о том, что из каждой тысячи 999 – идиоты, плуты, банкиры, несносные болтуны, отягощающие нашу бедную землю! (38)

Бодритесь и вы тоже: ведь живу же я, хотя жизнь не доставляет мне ничего приятного, поверьте! (39)

Человек, чувства которого крайне поверхностны, думает, что любит всех, но на самом деле не любит никого. (40)

Угодить всем – это скорее не угодить никому. (41)

Я стал очень строг в вопросах страстей, ибо убеждён, что если бороться с ними в принципе, всегда станешь их господином. (42)

Не понимаю все подобные увлечения, именуемые любовью, и считаю их предосудительными. В этом отношении я не соглашусь ни с кем, и это меня весьма радует. (43)

Что до прекрасного пола, то я менее всего французский кавалер: я вижу в этом лишь удовлетворение самолюбия. Охотно рискну жизнью ради друга, но счёл бы себя идиотом, если бы хоть один волос упал с моей головы из-за женщины. (44)

Есть, знаете ли, такое *бездонное* выражение глаз, которое является верным признаком чувственности и эгоизма, доходящего до жестокости. (45)

Мужчина, изменяющий своей жене, перестаёт быть порядочным человеком, так же как и женщина, изменяющая своему мужу, уже не порядочная женщина. Такого мнения я придерживаюсь. (46)

На расстоянии пятисот лье чувствуешь себя ближе, когда любишь друг друга, чем на расстоянии десяти шагов, если равнодушен. (47)

Редкие, истинно добродетельные женщины, живущие долгом, преданностью и любовью к семье, не хотят понять, что оне в тысячу раз более достойны поклонения, чем святые мученицы. (48)

Как эгоистично и глупо наше время! (49)

Мечты, планы! Насколько это лучше действительности. (50)

Если так трудно передвинуть с места на место мебель, понимаешь замедленность философского и социального прогресса. (51)

Всё мельчает, и *Гандинополис* [столица] стоит, в сущности не большего, чем *Кретинополис* [провинциальное захолустье]. (52)

Журналистика всё больше превращается в скандальное предприятие. (53)

Жить в полном неведении политики – это самая приятная жизнь, какую только можно себе представить. (54)

Увы, я больше не читаю газет. Мне так хорошо у себя, вдали от докучных бездельников, пустых болтунов, одним словом, от света. (55)

Как забавно издеваться в политике; это единственное, что остаётся делать, тем более что это лучший способ заставить восторжествовать свои убеждения. Я думаю, что Вольтер своим фрондированием сделал для свободы больше, чем Жан-Жак философствованием. (56)

Подавляющая масса народа глупа, тщеславна, и боюсь, что те страшные уроки, которые мы время от времени получаем, оказываются для большинства бесполезными. (57)

Плохо то государство, где не дозволено иметь независимое мнение. (58)

Там, где нет полиции, нужно самим творить суд и расправу. (59)

Есть несомненная разница между мятежом, подавленным быстро, полностью и успешно и гражданской войной. (60)

Когда же наконец мы будем жить спокойно? Неужели нам суждено стать добычей всех бед? Я-то ещё надеюсь, но многие тревожатся. (61)

Общество, каким бы демократическим оно ни было, может быть основано только на абсолютном уважении к человеческой жизни, свободе и собственности. (62)

Когда права голоса лишены предатели, мошенники, интриганы и невежды, то это наименее ограниченное избирательное право, какое только можно себе представить. (63)

Военное дело – наиабсурднейшая карьера в мире. (64)

Когда достигаешь трона путём надувательства, приходится окружать себя проходимцами. (65)

Те материальные блага, которые остаются у страны, всегда оказываются разделены между интриганами и ничтожествами. (66)

Смутное время имело многие прецеденты в нашей истории, и каждый раз удивляешься той быстроте, с какой французская нация низвергается в пропасть и почти немедленно поднимается из неё. (67)

Итальянцы нищенствуют разными способами: днём – с протянутой рукой, а ночью с карабином. Поэтому, путешествуя по Италии, полезно взять себе за правило никогда не давать милостыни и путешествовать только днём. (68)

Хвастовство – это черта, простительная в ребёнке, но невыносимая в мужчине. (69)

Без сомнения, быть остроумнейшим человеком своего времени великолепно; однако быть к тому же наичестнейшим человеком гораздо лучше. (70)

Я знаю многих сильных, здоровых людей, которые подобно шекспировскому Фальстафу полагают, что честь есть не больше чем условность. Я не подам им руки! (71)

Гораздо опаснее быть трусом, нежели просто выполнять свой долг. (72)

Читать, размышлять, наблюдать, познавать – вот что мне сейчас необходимо. Но и зарабатывать!! Что делать... (73)

Поверьте мне, ничто не может устоять перед материальными затруднениями в жизни. Можно всё вынести, горести, разочарования и прочая, но не ту ежеминутную тревогу, которая отупляет, унижает человека! (74)

Я никогда не знал нищеты, но знаю, что такое стеснённость, и знаю, как она бьёт по умственным способностям. (75)

Поистине, выращивание эюк уродует сердца и мозг. Я предпочитаю мою клубнику, мои дразги и моих кредиторов. (76)

И всё же зарабатывать деньги – это немалое дело. (77)

Дискуссии в переписке, при всём их живом интересе, затруднительны. Пишешь быстро, ошибаешься в слове и становишься непонятным. (78)

В письме приходится обобщать свои впечатления, поэтому все мелкие подробности, столь интересные в разговоре, передать в нём невозможно. (79)

Я не очень люблю давать советы, но нет правил без исключений. Вам я совет свой дам: гуляйте, мечтайте, дышите! Здоровье ваше от этого только улучшится, а воображение нисколько не пострадает. (80)

Без полного физического здоровья душевное здоровье невозможно. (81)

Работающая голова заставляет желудок быть более разумным. (82)

Не переутомляйтесь – это бесполезно. (83)

Самое главное, чтобы моральное самочувствие было лучше физического; я убеждён, что именно это самое важное. (84)

Пристрастие к вину слишком постыдно, чтоб можно было ждать чего-нибудь от того, кто ему подвержен. (85)

Литература спасается философией. Вольтеры будут. Это утешительно. (86)

Всякому истинно чуткому философу зрелище унижения человеческого достоинства внушает бесконечную печаль. (87)

Истина – вот единственное, что важно, – именно это ищешь всю жизнь. (88)

Странно, чем больше я укрепляюсь в своих христианских верованиях, тем больше ненавижу тех, кто призван нам их проповедовать. К счастью, можно любить Бога, не любя кюре. (89)

Мы все сходимся в одном принципе, который можно, мне кажется, сформулировать так: религия для сильного – способ угнетения слабого; религия – покров, скрывающий честолюбие, несправедливость, порок. (90)

Прогресс, о котором везде речь, движется медленно, но верно, понемногу он уничтожает все суеверия. Истина освобождается, наука делается всеобщей, религия обречена на гибель; она скоро рухнет, может быть, через несколько веков, но это всё равно что завтра. (91)

Но не забудьте, что эта самая религия, без которой можете обойтись вы, я и некоторые другие, была некогда превосходным орудием прогресса. Это она, особенно католическая, научила нас тем заповедям, которые сейчас дают нам возможность обходиться без неё. (92)

Посмотрите на вдохновенную абсурдность, каковая называется «Библией»! Разве так уж трудно извлечь из всего этого великолепного хлама большинство тех истин, которые мы сейчас приемлем? В то время нужно было их одеть в современные им костюмы, нацепить на них ливреи заблуждений, лжи, обмана. Догма, религия оказали на человека благотворное, решающее воздействие. И если вы мне укажете на преследования, преступления, гнусности, совершённые во имя религии, я вам отвечу, что человечество обожгло себе пальцы о факел. (93)

Миллионы людей, зарезанных другими людьми, не больше капли в море, ничто!.. Человек ещё недостаточно силён, конечно, чтобы отсечь от себя веру. Это печально, но что же делать? (94)

Религия – это жандарм. Несколько позже мы обойдёмся без жандармов, как и без судей. Мы уже сделали большой шаг вперёд, потому что мы почти довольствуемся одними жандармами. (95)

Спросите общество, что оно предпочитает: обходиться без епископов или без жандармов? Дайте ему возможность высказаться, устройте голосование – и вы увидите, что подавляющее большинство будет за жандарма! (96)

Треуголка сейчас достаточно устрашающа, чтобы сдерживать дурные страсти. Но та же треуголка не произвела бы никакого впечатления на иудеев, которые имели о ней не больше представления, чем о философии. Нужны были алтари. Синай с бенгальским огнём и прочая. Нужно было воздействовать на зрение, в то время как позднее достаточно стало воздействовать на воображение. В недалёком будущем мы станем обращаться только к разуму. (97)

Мне кажется, главное в будущем – это усовершенствовать наш общественный договор (к которому всегда так глупо примешивают политику). Если общество будет усовершенствовано, – не будет больше несправедливостей, а следовательно, не будет недовольных, не будет и покушений на общественный договор, не будет священников, жандармов, преступлений, Почётного легиона, не будет прессы (ах, вот это я приветствую!), не будет сильных эмоций, страстей, ни в коем случае не будет театра, постойте... не будет музыки, поэзии, не будет заблуждений, а следовательно – не будет искусства! (98)

Чорт! Этот ваш неизбежный, неумолимый прогресс убивает искусство. Моё бедное искусство! Общества, наиболее заражённые суевериями, были великими двигателями искусства: Египет с его архитектурой; Греция с её пластическими искусствами. (99)

Рафаэль, Фидий, Моцарт, Бетховен, Веронезе, Вебер – все они безумцы! Фантастика, ад, рай, джинны, видения, призраки, пери – вот область искусства. (100)

Докажите мне, что у нас будет искусство разума, истины и точности, и я перейду в ваш лагерь со всем вооружением и обозом. Но я напрасно ишу. (101)

Как музыкант я вам заявляю, что если вы уничтожите адюльтер, фанатизм, преступление, обман и сверхъестественное, невозможно будет написать ни одной ноты. Чорт возьми, у искусства своя философия! (102)

Чтобы определить смысл некоторых слов, нужно немножко ободрать с них кожу. *Наука мудрости*... это именно то, что надо, но вместе с тем и как раз обратное! К примеру, я жалкий

философ, – ну так вот, уверяю вас, что я писал бы музыку куда лучше, если бы верил во всё сверхъестественное. (103)

Отсюда вывод: искусство вырождается по мере развития разума. Вы не верите... однако это *правда*! Создайте-ка нам сегодня Гомера и Данте. С чем? Воображение живёт химерами и видениями. Вы уничтожаете химеры – прощай воображение! Конец искусству. Одна наука! Если вы мне скажете: *чем это плохо?* – я бросаю спор и не спорю больше, потому что вы правы! Но всё равно это жаль, очень жаль. (104)

Я бы не сказал, что наука – враг искусства. Я сказал – прогресс... что для меня далеко не одно и то же. Я подразумевал прогресс политический, социальный, к которому наши философы непосредственно нас ведут, – в этом сжачстье, но это американизм и совершенно антихудожественно. (105)

Человеку отпущено лишь некоторое количество добродетелей, и у большого художника оне сосредотачиваются в его искусстве. А всё остальное – уж как будет! (106)

Крупный художник обычно не человек действия. Ему нужно, чтобы рядом с ним был кто-то с верными взглядами и устойчивым, здравым суждением. (107)

Человек, всецело отдающийся своему воображению, нуждается в умной узде. (108)

Ах, сколько нужно сил, чтоб заниматься искусством! (109)

Нельзя отрицать, что каждый образованный, просвещённый человек, наделённый чутьём и способностями, имеет право хвалить или хулить любое художественное произведение. (110)

Я не принадлежу ни к какой группировке, у меня нет соратников, есть лишь друзья, которые перестанут быть друзьями с того дня, как они перестанут уважать свободу моего суждения, мою полную независимость. (111)

Ограничивая себя рассмотрением чисто художественных вопросов, я буду рассматривать произведения, не заботясь о тех ярлыках, которыми они снабжены. Равное уважение и справедливость ко всем – такой мой девиз! Не прославлять и не поносить, – такова линия моего поведения. (112)

Раз уж я высказал свой символ веры, я пойду дальше и сразу же займусь делом. Вот уже несколько лет, как дух систематизации делает тревожащие успехи в искусстве и художественной критике. Отсюда проистекают та бесплодная полемика, те иссушающие споры, которые сбивают с пути, поглощают и нервируют самые крепкие, жизнерадостные и плодovитые творческие натуры. Отсюда же и те разграничения, подразделения, классификация и определения, подчас туманные, ещё чаще ошибочные и всегда бесполезные и опасные. (113)

Препираются вместо того, чтобы двигаться вперёд, вздорят вместо того, чтобы творить. Новые композиторы появляются всё реже, но зато секты, партии размножаются бесконечно; искусство беднеет до полной нищеты, но технология обогащается до перенасыщения. (114)

Для меня существуют лишь два вида музыки: хорошая и плохая. Для имеющих уши, чтобы слушать, эти немногие слова содержат гораздо больше поучительного, нежели самые объёмистые тома по эстетике. (115)

Разве для того, чтобы любить Шекспира, необходимо опорочить Мольера? Разве гений не принадлежит в равной степени всем векам и всем народам? Разве трагедии Эсхила не в большей степени «искусство будущего», нежели трагедии Расина? (116)

Нет, прекрасное не стареет! Истинное не умирает! Как?! поэт, художник, музыкант отдаёт самое лучшее от своего ума и сердца для того, чтобы замыслить и осуществить своё творение; он верит, сомневается, восхищается, отчаивается, наслаждается и страдает попеременно. А когда, трепеща и волнуясь больше, чем преступник перед судом, он обращается к нам и говорит: «Придите и судите!», и мы, вместо того чтобы дать себя растрогать, требуем у него паспорт, осведомляемся у него о его убеждениях, связях и художественном происхождении... то ведь это уже не критика – это сыск! (117)

У художника нет имени, нет национальности; у него есть вдохновение или его нет; он обладает талантом или гениальностью или не обладает. Если он ими обладает, нужно его принять, полюбить, приветствовать. Если не обладает, следует отнестись к нему уважительно, пожалеть его и... забыть! (118)

Не всё ли равно, как вас зовут, – Россини, Гуно, Вагнер, Берлиоз или Питаншю?.. Заставьте меня смеяться или плакать; изобразите мне любовь, ненависть, фанатизм, преступление; очаруйте меня, ослепите, приведите меня в восторг и я, уж конечно, не нанесу вам глупого оскорбления наклеиванием на вас ярлычка, как на какое-нибудь жёсткокрылое насекомое. (119)

Будем непосредственны, правдивы; не станем требовать от великого художника тех качеств, которые ему не свойственны, и удовлетворимся теми, какие ему присущи. (120)

Ах! поверьте мне, пристрастная критика – это жестокое, страшное и смертоносное оружие. (121)

Каждый критик должен относиться с уважением к добросовестному и искреннему труженику. Но я боюсь, что мой совет слишком хорош, чтобы ему последовали. (122)

Я убеждён, что упадок в искусстве – неизбежное следствие политического упадка. (123)

Прославление, основанное на сговоре и личной заинтересованности, не может выдержать тщательной и длительной проверки. (124)

Пусть себе действуют ростовщики, люди без души и без таланта. Будущее, наше достоинство и наша совесть вознаградят нас. (125)

В настоящее время, чтоб быть музыкантом, нужно обладать или полной обеспеченностью и независимостью, или подлинным дипломатическим талантом. (126)

Если может что-либо утешить в равнодушии пресыщенной и рассеянной публики, так это именно одобрение и симпатия людей, наделённых умом и вкусом, посвящающих лучшее в своей жизни служению нашему возвышенному искусству. (127)

В *искусстве* (в музыке, живописи и особенно в скульптуре), так же как и в литературе, успех создаёт *талант*, а не *идея*. Публика (я имею в виду интеллигентных людей, ибо остальные не существуют: вот какова моя демократия), публика поймёт идею лишь *гораздо позже*. Для того чтобы это «позже» наступило, нужно, чтобы талант художника привлёк публику, облегчив ей понимание приятной формой, а не оттолкнул её с первого раза. (128)

Никогда книга, даже самая замечательная по своим идеям, не будет воспринята, если она плохо написана, а какой-нибудь пустяк, ерунду будут превозносить до небес, если это выражено в ясной, прозрачной форме. (129)

Без формы нет стиля; без стиля нет искусства. (130)

Не говорите музыканту о науке: то, что вы называете «учёной музыкой», просто плохо сделанная музыка (я говорю вообще). (131)

Школа приятных мотивчиков, рулад, всяческой фальши умерла, умерла окончательно! Похороним же её без слов, без сожалений, без лишних переживаний и... вперёд! (132)

Устаревшие, нелепые водевили, прилаженные к ещё более нелепой музыке. Мне отвратительна подобная музыка! К чорту всех тех, кто не увидел в нашем возвышенном искусстве ничего, кроме невинного развлечения для ушей. (133)

Нужно терпеть публику, а не советоваться с нею. (134)

Что касается собственно публики, то у неё ведь нет своего мнения. Ей совершенно справедливо говорят, что Микеланджело – бог; она верит, хотя она не способна что-либо в нём понять. (135)

Проникните в самую глубину сознания, и вы увидите, что Гомер, Фидий, Данте, Микеланджело, Сервантес, Шекспир, Бетховен, одним словом, *боги* основательно наскучивают невежде, который, однако, не осмеливается протестовать против этих общепризнанных истин и мстит тем, что оспаривает истины, ещё не освящённые традициями. (136)

Глупость будет всегда иметь своих многочисленных поклонников; в конце концов, я на это не жалею и уверяю вас мне будет большой отрадой, если меня оценят лишь чистые умы. (137)

Я не придаю особого значения той популярности, ради которой в наши дни приносят в жертву честь, дарование и счастье! (138)

Художник получает правильную оценку лишь через сто лет после своей смерти! Это печально? Нет. Это просто глупо. (139)

Физически и морально я постоянно пребываю в оборонительном состоянии. (140)

Я прежде всего люблю искренность; я требую этого качества от своих друзей и не могу считать таковыми тех, кто старается, чтобы и волки были сыты и овцы целы. (141)

Я никогда не делал никому зла. Во все мои взаимоотношения с людьми я всегда вношу доброжелательность, а в некоторые – дружбу без задних мыслей. (142)

Бывают моменты, когда я предпочитаю небрежных существ тем, которые всё предвидят. Эта истина мне дорого далась. (143)

Не примите меня за сектанта. Я – эклектик. Прекрасное, т.е. единство содержания и формы, всегда прекрасно. (144)

Я ненавижу педантизм и псевдоучённость. (145)

Я эклектик, и под эклектизмом понимаю принципиальное нежелание следовать узким канонам какой-либо одной школы или подражать стилистическим приёмам какого-либо одного художника. Я стремлюсь воспользоваться достижениями любого композитора, любого направления, любой национальной школы, отбирая то, что соответствует поставленной мною перед собой задаче. (146)

Предпочитаю полезные замечания банальным похвалам. (147)

Обычные дразги парижской жизни поглощают лучшую часть существования. (148)

Я чудак, и одним из моих принципов является не иметь в *моём* доме ничего, что не принадлежало бы *мне*. Подчас я ещё и маньяк в деле передвижения: перемена и устройство заново наполняют меня ужасом. (149)

Я играю на рояле хорошо, но зарабатываю этим на жизнь очень плохо. Ни за что на свете я не решился бы играть публично. Нахожу профессию исполнителя отвратительной. Это смешное предубеждение обходится мне примерно в пятнадцать тысяч франков в год. (150)

Я никакой дирижёр. Меня страшит подобная выставка собственной персоны. (151)

Моя чувственная натура, не скрою, поддаётся прелести итальянской музыки – лёгкой, ленивой, любовной, сладостно-томной и страстной одновременно. Я убеждённый немец, сердцем и душой... но иногда я способен блуждать в подозрительных, с точки зрения художника, местах. Одним словом, я люблю итальянскую музыку, как любят куртизанку при условии, что она прекрасна! (152)

Я остерегаюсь произведений, от которых пахнет импровизацией. (153)

Музыканту, художнику мало владеть ремеслом, он может писать только то, что прочувствовано. (154)

Как легко проходить мимо людей, ничего у них не прося! Когда обладаешь талантом, то вламываешься в двери и ни в чём никому не обязан. Именно так я сделаю и буду прекрасно себя чувствовать. (155)

Я вижу перед собой пять-шесть интриганов, лица которых мне так противны, что клянусь никогда не миновать ни одного из этих молодцов без того, чтобы не лягнуть его... лапой льва. (156)

Пусть лучше мне завидуют, чем жалеют меня! (157)

Я никогда не жалею и был бы в отчаянии, если бы могли подумать, будто я недоволен тем положением, которого сам захотел. (158)

Нет, не плакать нужно, а побеждать! Вот мой девиз. (159)

Отсутствие удачи в моих делах задевает только моё самолюбие, а это ровно ничего не значит. (160)

Я с каждым днём всё больше закаляюсь в борьбе с мелкими житейскими треволениями. Собственно, строго говоря, это не философия, а бесконечное презрение, величайшее пренебрежение, которое мне заменяет оную. (161)

Я очень мало уважаю Академию и совсем не уважаю Почётный легион. Эти два установления никого не прославили; напротив, они были прославлены выдающимися людьми, которые сообразовали своим именем придать им блеск. (162)

У меня очень мало склонности к тому, что называется светом, и ещё меньше уважения к нему. То, что называют *почестями*, *чинами* (во множественном числе), *званиями* и прочая, внушало бы мне глубокое отвращение, не будь я к ним так равнодушен. (163)

Путь, избранный мною, долог, но я знаю, куда он меня ведёт. И к тому же я включаю себя в число тех двадцати или тридцати человек, которых я в этом мире уважаю. А это уже кое-что! (164)

Моё нежелание просить кого-то из власть имущих знакомых о должности – это не скромность, её я абсолютно лишён, – но чувство собственного достоинства. (165)

Зависимость, покровительство, рекомендации мне нетерпимы. Я не уважаю людей, не умеющих жить абсолютно независимо. (166)

Время, воля и огонь в сердце – вот всё, что нужно, чтобы разбить, как стекло, все препятствия. (167)

Что касается меня, я готов сдвинуть горы и потрясти небеса. (168)

Я хорошенько запасаясь терпением перед началом той борьбы, которую мне придётся выдержать в дальнейшем. Я приготовился к многочисленным неудачам, но надеюсь, что обладаю достаточными качествами, чтобы не бояться их, ну а потом пусть берегутся все те, кто бросает камни на моём пути! (169)

Несомненно, что тот путь, которым я стремлюсь идти, усеян одними шипами без роз. (170)

Моя чертовка-карьера кажется мне всё более и более тернистой. Если бы ума у меня было поменьше, минутами я очень сожалел бы, что не пошёл по шёлковой или бакалейной части. (171)

Умение в искусстве, конечно, необходимо, но оно перестаёт быть опасным лишь тогда, когда человек и артист сформировались. (172)

Я не стремлюсь сделать нечто «шикарное», я хочу иметь *идеи*, прежде чем начну работать над вещью. (173)

Я опасаясь общения с директорами и кропателями пьес, которых я больше не удостою имени *поэтов*. Я опасаясь этих кретинов певцов. Я опасаясь, одним словом, того скрытого сопротивления, когда вам не говорят ничего неприятного, но упорно мешают продвигаться вперёд. (174)

Я в ярости против директоров: они всего-навсего машины, делающие деньги. (175)

Я часто замечал, что наименее удачные сочинения всегда особенно дороги во время работы над ними. (176)

Будьте строги к самому себе: хорошее начало всегда к этому обязывает. (177)

В искусстве нет места снисходительности! (178)

Работаете ли вы? Нужно производить, время идёт, и нельзя *протянуть ноги*, не реализовав предварительно всего, что в нас есть. (179)

Если ваша счастливая звезда даёт вам возможность найти в вас самом пищу для интеллектуальной жизни, воспользуйтесь этим. Не рассчитывайте ни на что. (180)

Каждый действует по-своему, и я тоже привык считать, что моё поведение многим лучше поведения других. (181)

Моя жизнь так проста! Трудовая жизнь, в которую время от времени вносит разнообразие хорошая прогулка, – вот и всё. (182)

Гулять и читать – этого достаточно, чтобы жизнь казалась мне великолепной. (183)

Ах, как трудно писать хорошую музыку! Если же произведение похоже на все посредственности второго сорта, оно, будьте уверены, получит самые превосходные отзывы. (184)

Действительно хорошее так трудно достижимо, что не хватает жизни, чтоб к нему приблизиться. (185)

Ничего не хочу себе спускать! Даже делая как можно лучше, я останусь намного ниже того, чего бы я хотел достигнуть. (186)

Не нужно работать сомневаясь и наощупь. (187)

Мне бы хотелось не допускать слабых мест, а это трудно. К счастью, я добился большого успеха: я умею *переделывать* – и этим пользуюсь. Раньше, после того как я заканчивал какую-нибудь вещь, я уже не мог за неё снова взяться. Теперь же – совсем наоборот, и я от этого в восторге. (188)

Другое достижение: мне кажется, что вся моя ловкость и музыкальная сноровка мне ни к чему более не служат; я ничего не могу написать без идеи – и отсюда следует, что ни один кусок моей оперы не будет *бессодержательным*. (189)

Убеждён, что лучше писать плохо, чем посредственно, а я стараюсь сделать хорошо, что ещё лучше. (190)

Мне невероятно трудно сочинять и это вполне естественно: я не могу опереться на сравнение. И удовлетворяюсь только тем, что сам считаю хорошим. (191)

Легко переделывать и знать цену тому, что делаешь – это два хороших симптома. (192)

Я двигаюсь самостоятельно, но сколько ложных шагов, сколько провалов! Как счастлив тот, кто не ломает себе шеи в потёмках искусства. Ну да у меня есть яркий светоч, который меня направит, есть цель, я знаю, что хорошо и что прекрасно. (193)

Я чувствую, как укрепляются мои художественные вкусы. Сравнение скульпторов и художников с музыкантами сыграло в этом свою роль. Все искусства соприкасаются, или, вернее, есть лишь одно единое искусство. Передают ли свою мысль на холсте, в мраморе или на сцене – это безразлично: мысль остаётся та же. (194)

Напряжённо работаю. Я один. Ничто меня не беспокоит. (195)

Во мне произошла необычайная перемена. Я меняю кожу и как художник, и как человек; очищаюсь, становлюсь лучше; я это чувствую! Да, в моей натуре я кое-что найду, если хорошенько покопаюсь. (196)

Я двигаюсь вперёд, может быть, медленно, но в искусстве не в быстроте дело. (197)

Я могу наконец утверждать, что я музыкант, в чём достаточно долго сомневался. Достигну ли я своего в два года, в четыре или в десять – это неважно: я достаточно молод, чтоб не потерять надежды насладиться когда-нибудь своим успехом. (198)

Что меня удовлетворяет больше, чем мнения разных сомнительных личностей, так это полная уверенность, что я нашёл свой путь. Я знаю, что делаю. (199)

Я отдаю себе отчёт в том, что делаю, в том, чего стою, и когда я скажу: «Я достиг», – многие будут одного со мною мнения. (200)

Было бы чудесно достичь того, чтобы имя твоё записали хотя бы на полях золотой книги творчества! Но тише. Если нас услышат, нас не поймут, примут наше честолюбие за манию величия. (201)

Будем без шума ждать будущего и скажем себе следующее: чтобы ни случилось, мы всегда будем в числе избранных, ибо мы понимаем и любим прекрасное. (202)

Я каждый день благодарю Бога за то, что Он создал меня таким. Горжусь тем, что могу быть счастлив и без всех развлечений, свойственных моему возрасту. (203)

Я знаю многих, кто думает не так, как я. Они-то не испытывают моих горестей и сомнений художника, но они лишены и моих радостей, и мне их жаль. (204)

Во всём, что касается меня, я поручаю это Богу и себе. (205)

О людях понастоящему можно судить лишь на расстоянии. (206)

Когда обладаешь талантом, положением и широкой известностью, не следует помнить о мелких обидах. (207)

Талантливый артист вознаграждён уже своим талантом и не нуждается ни в каких других наградах. (208)

Разве гений может быть вскормлен рисовой пудрой и миндальным мороженым? (209)

Есть два рода гениев: гений от природы и гений от разума. При всём моём необъятном восхищении вторым, не скрою, что первый привлекает все мои симпатии. Ну да постараемся и мы быть не совсем крестинами, а это старание уже кое-что значит. (210)

Удел всех великих гениев быть не понятыми современниками. (211)

Стать модной персоной – этому событию грош цена. (212)

Даже высокоодарённую натуру загубят небрежность и низкопробный успех. (213)

Подражать невероятно глупо. Лучше делать плохо, подражая самому себе, чем подражая другим. Да к тому же чем выше образец, тем смешнее подражание. Один Бог знает, сколькими ужасами мы обязаны этой страсти подражать! (214)

Иногда правильная работа свидетельствует о явной бездарности. (215)

Прежде всего будьте музыкальны, пишите красивую музыку. (216)

Человек, чьё музыкальное воспитание (не путать с образованием!) было несколько небрежно, вследствие этого легко поддаётся влиянию того, что он на сегодня слышит. (217)

Я убеждён в том, что умный музыкант должен сам находить сюжеты для своих либретто. (218)

Выбирайте наиболее идеальные сюжеты; самые бессмысленные всегда оказываются лучшими. (219)

Не музыкантам калечить поэтов. (220)

Чтобы сделать рагу из зайца, нужна хотя бы кошка. Точно так же, чтобы написать песню или арию, нужны стихи, которые были бы не намного хуже плохих: нелепые стихи мешают. (221)

В театре почти всегда необходимо, чтобы оркестр предшествовал голосу, выражающему удивление и т.д. Оркестр – это жест, а жест всегда предшествует крику, восклицанию. (222)

Только симфония, которая рядом с театральным произведением то же, что портрет рядом с декорацией, захватывает меня полностью. (223)

Симфония с хором – для меня вершина нашего искусства. (224)

Элегантность и вкус – превосходные качества, при условии, что они не наносят ущерба чёткости и определённости. (225)

Я предпочитаю немного меньше чистоты формы ради большего размаха мысли. (226)

В удавшемся произведении всегда очень трудно исправлять отдельный недостаток. (227)

Не упускайте ни одного случая ввести диссонансы, задержания обогащают гармонию. (228)

Любая пьеса может быть хорошо оркестрована только автором... или нужно быть очень умелым, не считая ещё и того, что можно сделать хорошо, но иначе. Самое лучшее – это оркестровать самого себя. (229)

Так как тембр каждого деревянного духового инструмента своеобразен, то нехорошо употреблять их *слитно*, если только не преследуешь особых целей. Струнные, напротив, представляют собой один огромный, совершенно однородный инструмент. Они – основа симфонического оркестра. (230)

Чем дальше, тем я всё решительнее убеждаюсь, что деревом и медью нужно пользоваться лишь с большой осмотрительностью. Нужно применять две флейты, два гобоя, два кларнета, два или четыре фагота и четыре валторны. Невозможно хорошо оркестровать, имея в своём распоряжении лишь по одному инструменту каждого вида. (231)

Восход солнца прекрасен, но закат ещё чудеснее. (232)

Благородное сердце всегда найдёт счастье в воспоминаниях; это утешение неведомо низменным душам. (233)

Чем дальше, тем всё сильнее меня леденит мысль о смерти. Это делает мало чести моей философии, но над этим чувством я не волен. (234)

Не знаю больше, в какие двери стучаться! Вижу вокруг лишь равнодушных, эгоистов или бессильных! (235)

Прежде чем какое-либо новое произведение удостоится чести быть принятым к постановке, сколько нетерпения, разочарования, отчаяния должен испытать его автор! (236)

Поистине, скажу вам, композиторы – это парии, мученики современного общества. Подобно гладиаторам древности они гибнут, восклицая: «Слава тебе, народ! Умирающие приветствуют тебя!» (237)

Мыслить значит жить! Я говорю вам серьёзно: я убеждён! я уверен в себе! Добро убило зло! победа выиграна! (238)

О, музыка! Какое прекрасное это искусство! Но и какое жалкое ремесло! Ну что ж... будем ждать! А главное, будем надеяться! (239)

* * *

Журнализм превращается во всё более скандальное занятие. (53)

Религия – это жандарм. (95)

Т. Б и ч е м

(1879 – 1961 гг.)

Музыковед – это человек, который умеет читать музыку, но не слушать её. (1)

Настоящий джентльмен – это человек, который может играть на волынке, но не играет. (2)

Духовые оркестры очень хороши на своём месте – на открытом воздухе и на расстоянии в несколько миль. (3)

Зачем нам третьеразрядные заезжие дирижёры – разве мало у нас второразрядных своих? (4)

Есть два золотых правила для оркестра: одновременно начинать и одновременно заканчивать. (5)

Клавесин: инструмент, звучание которого напоминает копуляцию двух скелетов на тонкой рифлёной крыше. (6)

Если хотите знать моё мнение, то ещё ни один оперный тенор не умер слишком рано. (7)

В жизни нужно испробовать всё, кроме инцеста и народных танцев. (8)

* * *

Музыковед – это человек, который умеет читать музыку, но не способен её слушать. (1)

Р. Б л э к м о р

(1945 г.р.)

Простота – ключ ко всему. (1)

Если вас окружают хорошие люди, то ваши собственные понятия и стремления становятся выше. (2)

Я крайне суровый критик своей собственной работы. (3)

Во время выступления на сцене своя игра может казаться восхитительной, но когда слышишь её же потом в записи, она порой производит на меня самое жалкое впечатление. (4)

Я не считаю себя особенно хорошим гитаристом. (5)

Не то, чтобы я не любил давать интервью, просто я всегда говорю правду, а это, надо признаться, нравится не так уж и многим. (6)

Если ты веришь хорошим рецензиям, то ты должен верить так же и плохим, а стало быть, не верь никаким чортовым рецензиям! Ты сам знаешь, как ты сработал: хорошо, плохо или прыгнул выше головы. Поэтому выкинь всю эту жалкую писанину! (7)

Какой смысл переделывать, ремикшировать ранее изданный альбом? Изначальный вариант звучал хорошо, зачем там что-то менять? (8)

Не выношу в музыке галантерейного глянца! (9)

Отклик от публики самый незначительный. Это особенно чувствуется на сцене. (10)

С настоящим удовольствием я играю для простых людей, а не для толстосумов. (11)

Я не собираюсь играть в России. Не хочу иметь никаких дел с русской политикой. Я поддерживаю общение со многими русскими, это очень значительные люди, но те, кто стоят у вершин иерархии в их стране, вызывают у меня тошноту. (12)

Если, подобно мне, вы колесили с гастролями более десяти лет, у вас в конце концов появляется такое чувство, словно вы постоянно ждёте кого-то или чего-то. Жизнь становится тягомотиной. (13)

Гастроли: встаёшь ни свет ни заря и торчишь в каком-то дурацком аэропорту в ожидании какого-то дурацкого самолёта, который вечно опаздывает. Гастроли – это как уход в армию: прощаешься со всеми и возвращаешься домой калекой. (14)

Уйма блюзовых гитаристов играет лишь тремя пальцами, им и в голову не приходит придумать какие-то ходы, чтобы задействовать два других. Здесь здорово помогает обучение по классической методе. (15)

В общем-то, я технически недостаточно силён, чтобы играть классику. Мне не хватает дисциплины. Когда вы исполняете классическую музыку, вы должны держать себя в жёстких рамках. А я не могу повторяться, мне надо импровизировать. (16)

Всё, что я делаю, обычно происходит совершенно стихийно. (17)

Нередко я сам свой злейший враг. Есть во мне что-то, не позволяющее мне идти вместе со всеми. Не люблю, знаете ли, чувствовать себя дохлой рыбой, плывущей с прочими дохлыми рыбами, иногда я люблю плыть вверх, против течения. (18)

Я никогда не могу вспомнить то, что делаю, даже если это происходит в студии звукозаписи. (19)

Я играю, потому что мне это нравится. Не стоит принимать музыку слишком всерьёз. Человек не живёт исключительно ради музыки. (20)

В жизни есть много и других удовольствий, но когда я беру в руки гитару, мне нужен мощный усилитель – а там, будь что будет. (21)

Рок – это музыка, предназначенная для звучания на большую мощность. (22)

Учиться играть с мощным усилителем – всё равно, что пытаться дрессировать слона. (23)

Работа в студии звукозаписи приучает к точности. Вы не можете брать ноты как попало. Вы должны играть так, чтобы каждая имела значение на своём месте. (24)

То, что вы делаете во время игры, находится на уровне подсознания. В дни досуга я могу играть гораздо лучше. (25)

Если вы в состоянии хорошо играть в студии, значит, вы в состоянии играть и на сцене. (26)

Друзья, на календаре 2003 год, каких можно ждать от меня сюрпризов, если я играю уже 40 лет? (27)

Рок-н-ролл никогда не был самой творческой из форм. (28)

Я всегда рассматривал рок-н-ролл как некоторое средство для развлечения, поэтому боготворение одного из его участников представляется мне абсурдом. Иногда я думаю, что было бы лучше, если б меня помнили за какой-то мой вклад в общественное дело, чем за несколько гитарных соло. (29)

Я всегда борюсь за совершенство, и до тех пор, пока я не достигну его, чего я, конечно, никогда не смогу, я буду готов играть с различными комбинациями музыкантов. (30)

Если люди говорят, что наша сегодняшняя музыка не оригинальна, то это неправильно. Может быть, им следует просто сесть и послушать её вместо того, чтобы пытаться её анализировать. (31)

Мне не нравится нынешняя система оценки мастерства. Сегодня хорош тот, кто быстрее перебирает пальцами по грифу. Это не игра, уж лучше слушать просто чередование двух нот. Хотя вообще-то хороших гитаристов немало. (32)

Я не люблю людей, кому-то подражающих. (33)

Мальмстин работает превосходно. Я его уважаю: для того чтобы научиться так играть, ему пришлось изрядно попотеть. (34)

Единственный способ стать хорошим гитаристом, если вы не гений, это попросту копировать удачные уловки других. Это самое лучшее, что вы можете сделать. Попросту воруйте! (35)

Слушать как можно больше гитарных соло – этой самый лучший метод для каждого на ранней стадии обучения. (36)

Саксофонные соло весьма полезны для обучающегося гитариста. Это всё отдельные ноты, и их легко повторить на гитаре. (37)

Пианист в состоянии играть в десять раз быстрее, чем природа может позволить гитаристу. (38)

Виолончель – крайне меланхоличный инструмент; инструмент одинокий, жалобный и убогий. (39)

Забота о причёске не делает меня лучшим музыкантом. (40)

Одной из причин, побудивших меня взять в руки гитару, стало моё нежелание ни с кем разговаривать. Мне было не по себе от того, что я что-то говорю людям, так что я взял гитару, просто чтобы за нею спрятаться. Я не люблю никому ничего объяснять, так уж работает моя голова. (41)

Но если серьёзно, чем старше я становлюсь, тем больше хочу слышать мелодию. (42)

Я играю на виолончели, на шарманке, и совсем немного на гитаре. (43)

Мне очень близка музыка ренессанса, но всё же я люблю играть хард-рок, правда лишь в том случае, если это достаточно сложная музыка и если она одухотворена мыслью. (44)

Я бываю счастлив, но только на мгновение. Да и кто знает, что такое счастье? (45)

Я считаю грусть нормальным состоянием человека. Однако для работы она опасна. В игре я играю, ничто от моей хандры не должно отражаться в музыке. (46)

Я всегда имел обыкновение слушать классическую музыку XVII века и всю последующую, теперь я слушаю также средневековую музыку, которая гораздо спокойнее. Я верю в перевоплощение, в жизнь после смерти, и стараюсь всё соединить в своей теперешней музыке. (47)

* * *

В жизни много приятных вещей, но когда я слышу звук гитары, я думаю только о том, как бы сделать его погромче! (21)

Т. Б о л и н

(1951 – 1976 гг.)

Единственное, что я могу делать, – это только играть на гитаре. (1)

Если это не доставляет вам удовольствия, то не стоит и заниматься этим. (2)

Держа струны под своими пальцами, находишься в прямом соприкосновении с музыкой. Это совсем не такое механическое ощущение как с клавишами фортепьяно. (3)

Я слышу в своей голове какие-то звуки и мелодии, и затем пытаюсь их сыграть. Всё это на уровне подсознания. В основном я и сам не понимаю, *что* такое играю. (4)

У меня свой собственный стиль, но он меняется в зависимости от характера музыки. У каждого исполнителя свои собственные трудно уловимые характерные черты. (5)

А. П. Б о р о д и н

(1833 – 1887 гг.)

Нужно заметить, что я вообще композитор, ищущий неизвестности, мне как-то совестно сознаваться в моей композиторской деятельности. Оно и понятно. У других она прямое дело, обязанность, цель жизни – у меня отдых, потеха, блажь, отвлекающая меня от прямого моего, настоящего дела – профессуры, науки. (1)

По-моему, в опере, как в декорации, мелкие формы, детали, мелочи не должны иметь места; всё должно быть писано крупными штрихами, ясно, ярко и по возможности практично в исполнении, как голосовом, так и оркестровом. (2)

Мудрено быть одновременно и композитором, и чиновником, и учёным, и комиссионером, и художником, и благотворителем, и лекарем, и больным. Кончишь тем, что сделаешься только последним. (3)

Служил тридцать лет и выслужил тридцать реп. (4)

И. Б р а м с

(1833 – 1897 гг.)

Орёл взвивается ввысь один, вороны же собираются в стаи. (1)

Я влюблён в музыку, мыслю только ею. (2)

Сочинять музыку нисколько несложно, но невероятно сложно вычёркивать из написанного ненужные ноты. (3)

Красивая мелодия, пришедшая в голову, для меня гораздо ценнее, чем орден, пожалованный королём. (4)

Мы все боязливо придерживаемся мелодии, но не разрабатываем её свободно, в сущности, не создаём из неё ничего нового, а лишь нагружаем её. Из-за этого мелодию совсем нельзя узнать. (5)

Только творческий гений может убедить в искусстве. (6)

Если я возбуждаю людей моей музыкой, я воодушевляюсь ещё больше и сам, если они остаются равнодушными или воспринимают её поверхностно, огонь и во мне погасает. (7)

Искусство – это республика. (8)

Не возводи художника в высший ранг и не требуй от простых людей, чтобы они на него смотрели как на вышестоящего, на консула. Благодаря своему мастерству он станет любимым и уважаемым гражданином республики, но не консулом или императором. (9)

Я всё больше замечаю, насколько жизнь виртуоза вредит столь непригодному для этого человеку, как мне. (10)

Издатель должен отказаться подгонять своих авторов: это ведь может оказаться настолько же опасным, насколько обычно бывает бесполезно. (11)

Покой должен служить не только для наслаждения, ведь даже этому в конце концов разучаешься. (12)

Двум людям наверняка труднее сойтись, чем разойтись, равно как и разум легче потерять, нежели обрести. (13)

Свобода означает одиночество. (14)

Трудно вернуть утраченное доверие, ибо доверие не отрастает с той же скоростью, как отрезанный ноготь. (15)

О, почему нам не дано заглянуть в самих себя и узнать, сколько божественного дара в нас заключено! (16)

Ты всерьёз должен стремиться к тому, чтобы твоё мрачное настроение не превысило всякую меру и изменилось бы, позаботься об этом. (17)

Жизнь драгоценна, такое настроение сильно разрушает тело. Не уговаривай себя, будто жизнь не имеет для тебя цены. Это неправда, это верно лишь для очень немногих людей. (18)

Если ты полностью отдаёшься во власть такого настроения, то не насладишься и более радостными временами в той мере, в какой мог бы. (19)

Чем больше ты будешь стремиться и привыкнешь переносить мрачные времена уравновешенно и спокойно, тем больше насладишься радостными временами, которые всегда приходят вслед. Иначе зачем же человек получил небесный дар – надежду? (20)

Тебе не следует даже примешивать страх к надежде, ты ведь знаешь, что за этими месяцами, как за любыми неприятными временами, последуют приятные. (21)

Не отнесись к сказанному легкомысленно, это очень серьёзно. Мрачному настроению нельзя предаваться, оно губит тело и душу. Необходимо его пересилить или не дать ему возникнуть. (22)

Такая вредная душевная пища, как непрестанная меланхолия, губит тело и душу подобно злейшей чуме. Просто принимай каждое утро вновь твёрдое решение провести день, всё время в более уравновешенном, более бодром настроении. Страсти человеку не свойственны, оне всегда исключение или извращение. Тот, у кого оне превышают меру, должен считать себя больным и при помощи лекарств позаботиться о своей жизни и своём здоровье. (23)

Красивый, настоящий человек спокоен в радости и спокоен в страдании и горе. Страсти должны быстро улечься либо же от них надо избавляться. (24)

Как же мы зависим от внешнего мира! Эта неразбериха, в которой живёшь – я не смеюсь по этому поводу, не участвую во лжи, но кажется, будто лучшее в тебе закрывается и живёт лишь какая-то часть твоего «я», погружённая в грёзы... (25)

Есть всё-таки что-то трагическое в том, что ума у тебя становится в конце концов больше, чем может пригодиться. (26)

Мне вспоминается всё хорошее, что было в прошлом, и приходят все мысли о хорошем, на которое я мог уповать и надеяться. Казалось бы, в такие мгновения должно испытывать облегчение и освобождение. Я этого пока не ощутил. В это мгновенье я лишь вдвойне ощущаю то, что время и прежде заставляло меня почувствовать. (27)

* * *

Писать музыку не трудно, труднее всего – зачёркивать лишние ноты. (3)

Надежда, этот дар небес, не просто же так дана она человеку! (20)

Коли я забыл кого-нибудь обругать, то покорнейше прошу меня извинить! (28)

Ф. Бузони

(1866 – 1924 гг.)

Художник в своём творении следует хорошо продуманному плану, и потому в каждой отдельной комбинации скрыта своя тайна и свой определённый смысл. (1)

При стремлении одновременно выделить все голоса легко может оказаться, что один голос лишь бессмысленно заглушает другой. (2)

Точность, лёгкость, прозрачность – вот высшее достижение пианистической виртуозности. (3)

Я требую от большого пианиста такой оснащённости и подготовки, чтобы пьеса, которой он ещё не играл, не могла уже поставить перед ним никаких незнакомых задач. (4)

Я больше не останавливаюсь на малозначительных деталях и побочных моментах – выражение лица для меня важнее, чем его отдельные черты. (5)

Я бы хотел предостеречь от излишне буквального следования моей интерпретации. Момент и индивидуум имеют свои собственные права. Моё понимание может служить хорошим путеводителем, в котором не нуждается тот, кто знает другой правильный путь. (6)

Р. Вагнер

(1813 – 1883 гг.)

Жизненной потребностью человека является потребность в любви. (1)

Одиноким всегда несвободен, ибо он зависим и ограничен в своей нелюбви; общительный всегда свободен, ибо он неограничен и независим благодаря любви. (2)

Всё сущее подчинено могуществу инстинкта жизни; он непреодолимая сила взаимосвязи всех условий, породивших всё сущее, – предметов и жизненных сил, которые во всём, что живёт ими, являются тем, что они в этой точке схождения могут и хотят быть. (3)

Для человека чем-то более высоким, чем он сам, могут быть лишь люди, человеческий род, сообщество людей. Удовлетворение потребности любить человек находит лишь в отдаче, и прежде всего в самоотдаче во имя других людей, во имя людей вообще. (4)

В абсолютном эгоисте отвратительно стремление видеть в других лишь естественное условие собственного существования, потреблять и использовать их подобно плодам и животным – пусть и особым, варварски цивилизованным образом, т.е. *брать, но не давать*. (5)

Как сам человек, так всё, исходящее от него, может обрести свободу только через любовь. Свобода заключается в удовлетворении необходимой потребности, высшая свобода – в удовлетворении высшей потребности, а высшей человеческой потребностью является любовь. (6)

Каждая отдельная способность человека ограничена; лишь объединившись, дополняя друг друга, любя друг друга, они составляют безграничную общечеловеческую способность. (7)

У нас есть все основания восхищаться тем, до каких пределов смог развиваться человек под почти непосредственным влиянием природы, бессознательно подчиняясь ей в соответствии с происхождением, языковой общностью, однородностью климата и природных условий своей общей родины. (8)

В естественных нравах и обычаях всех народов – в той мере, в какой речь идёт о нормальном человеке, пусть и ославленном дикарём, – мы познаём суть человеческой природы в её благородстве и красоте. (9)

Народ – это совокупность всех, связанных общей нуждой. К нему принадлежат все те, кто воспринимает свою нужду как всеобщую или коренящуюся во всеобщей; все те, кто ищет облегчения своей нужды в облегчении общей нужды, кто направляет все свои силы на облегчение своей нужды, которую он считает всеобщей. (10)

Только крайняя нужда является истинной нуждой; только такая нужда является источником истинных потребностей; только всеобщая потребность является истинной потребностью; только тот имеет право на удовлетворение своих потребностей, кто испытывает действительные потребности; только удовлетворение истинной потребности является необходимостью, и лишь народ действует согласно необходимости – поэтому неудержимо, победоносно и единственно правильно. (11)

Нет ни единой добродетели, присвоенной религией в качестве божественной заповеди, которая не была бы присуща естественной нравственности; нет ни единого действительно

человеческого правового понятия, развитого позднее и при этом, увы! – предельно искажённого цивилизационным государством, которое не получило бы в ней ясного выражения; нет ни единого общепризнанного изобретения, усвоенного – с высокомерной неблагодарностью – позднейшей культурой, которое не было бы этой культурой заимствовано из мастерской естественного разума. (12)

Наука является лишь средством познания, её методы имеют лишь служебное значение и цель её – быть посредником. Жизнь же – сама себе цель, сама довлеет себе. (13)

Признание непосредственной, самодовлеющей, действительной жизни, являясь завершением науки, находит своё непосредственное и открытое выражение в искусстве вообще, и в произведении искусства в частности. (14)

Искусство так же соотносится с человеком, как человек соотносится с природой. (15)

Когда природа развилась до такого состояния, которое заключало в себе условия для существования человека, сам собой появился человек. Когда жизнь человека создала условия для возникновения художественного произведения, оно возникло само собой. (16)

Творец художественного произведения будущего есть не кто иной, как художник настоящего времени. (17)

Стоит только захотеть, и будет искусство! (18)

Человек не станет тем, чем он может и должен быть, пока его жизнь не будет верным зеркалом природы, сознательным следованием единственно истинной необходимости, *внутренней естественной необходимости*, а не подчинением внешней силе, силе воображаемой, поэтому не необходимой, а произвольной. Тогда человек впервые действительно станет человеком. До сих пор он живёт по правилам, которые диктуют ему религия, национальные предрассудки или государство. (19)

Искусство также не станет тем, чем оно может и должно быть до тех пор, пока оно не будет, не сможет быть верным и сознательным отражением действительного человека и действительной жизни человека, соответствующей естественной необходимости, до тех пор, пока своим существованием оно обязано заблуждениям, извращениям и противоестественным искажениям нашей современной жизни. (20)

Истинный человек не появится, если его жизнью будут управлять произвольные законы государства, а не сама человеческая природа; истинного же искусства не будет, если оно будет подчиняться деспотическим капризам моды, а не законам природы. (21)

Потребности моды оказываются прямо противоположными потребностям искусства; и потребности искусства не могут иметь место там, где мода диктует жизни свои законы. (22)

Если нет потребности в произведениях искусства, то невозможны и сами произведения искусства. Они могут возникнуть лишь в будущем, когда для этого создадутся условия в самой жизни. (23)

Лишь из жизни, которая только и рождает потребность в искусстве, может оно черпать материал и форму: там, где жизнь подчиняется моде, она не в состоянии питать искусство. (24)

Нельзя достичь примирения приятием и воспроизведением современности – жизни, обезображенной модой. (25)

Перед каким явлением мы останавливаемся с чувством большего стыда за бессилие нашего легковесного искусства, чем перед искусством греков? Мы смотрим на него, на это искусство любимцев любвеобильной природы, совершенных людей, ярко и победно свидетельствующих о творческих силах матери-природы вплоть до унылой поры современной модной культуры, – на это искусство смотрим мы, стараясь понять, каким должно быть произведение искусства будущего! (26)

Искусство перестаёт быть искусством, как только наше сознание начинает воспринимать его как искусство. (27)

Подобно тому как человек становится свободным, лишь осознав свою связь с природой, так и искусство становится свободным, лишь перестав стыдиться своей связи с жизнью. (28)

Лишь в радостном осознании своей связи с природой человек преодолевает свою зависимость от неё; искусство же преодолевает свою зависимость от жизни лишь во взаимосвязи с жизнью подлинно свободных людей. (29)

Танец, музыка и поэзия – так зовутся три старшие сестры, которые сплетаются в хороводах повсюду, где только создаются условия для появления искусства. (30)

Искусство было всегда прекрасным зеркалом общественного строя. (31)

Современное общество – соединение произвола и своекорыстия. (32)

Рассматривая отношение современного искусства к общественной жизни, мы прежде всего видим полную неспособность искусства влиять на общественную жизнь в благородном духе. Причина этого заключается в том, что, будучи всего лишь продуктом культуры, наше искусство не рождено действительной жизнью и, подобно тепличному растению, не может пустить корней в естественной почве в климате современности. (33)

Искусство стало личной собственностью касты художников. Оно доставляет радость лишь тем, кто его понимает, а для своего понимания оно требует особых познаний, не вытекающих прямо из жизни, особой *художественной учёности*. (34)

Подобной учёностью и вытекающим из неё пониманием обладает ныне, как ему кажется, каждый, кто обладает деньгами, которыми он оплачивает предложенные художественные радости; но в состоянии ли многие из этих любителей искусств понять художника в его лучших стремлениях – на этот вопрос художник должен будет ответить глубоким вздохом. (35)

Если художник подумает об огромной массе тех, кто из-за неблагоприятных социальных отношений лишён возможности понимать современное искусство и наслаждаться им, то современный художник должен будет понять, что все его занятия искусством, в сущности, лишь эгоистическая, самодовольная возня; что его искусство по отношению к общественной жизни является не чем иным, как только роскошью, избытком, своекорыстным времяпрепровождением. (36)

Истинное искусство может подняться из своего состояния цивилизованного варварства на достойную его высоту лишь на плечах нашего великого социального движения; у него с ним общая цель, и они могут её достигнуть лишь при условии, что оба признают её. Эта цель – человек прекрасный и сильный; пусть Революция даст ему Силу, Искусство – Красоту. (37)

Вне жизни стоящее искусство должно погибнуть. (38)

Стремлению познать сущность природы и человека мы обязаны богатейшей литературой, ядром которой является поэзия мысли, дающая себя знать в науках о человеке и природе и в философии. (39)

Поэзия – творческий процесс, благодаря которому возникает художественное произведение, но только Бог творит из ничего, а поэт, следовательно, должен иметь нечто – и этим нечто является прежде всего целостный артистический человек, в танце и музыке выражающий свои чувственные желания, ставшие душевными стремлениями; желания, которые рождают потребность в поэтическом выражении и находят в нём своё завершение и удовлетворение. (40)

Благодаря достигнутому совершенству в наглядном изображении отвлечённых предметов замечательные произведения философии и науки принадлежат литературе. (41)

Музыка не может мыслить, но она может воплощать мысль. (42)

Мелодия – единственная форма музыки; без мелодии музыка немислима, а музыка и мелодия неразрывны. (43)

Самая лучшая музыка будет иметь незавидную судьбу, если доверится посредственной поэзии. (44)

Ошибка в художественном жанре оперы состояла в том, что средство выражения (музыка) было сделано целью, а цель выражения (драма) средством. (45)

Повсюду и всегда человек набрасывал на природу покров нравственности. Естественные, благородные и прекрасные правила нравственности почти совсем не искажают природы, они, скорее, образуют соответствующее её сути человеческое одеяние. (46)

Только такое действие является истинным и раскрывается для нас в своей необходимости, ради свершения которого человек употребил все свои силы; которое было для него столь необходимым и столь важным, что он должен быть отдать ради него все силы, всего себя. Но в этом он убеждает нас неопровержимо только тогда, когда он действительно *гибнет* в напряжении всех своих сил, когда его личная драма подчиняется необходимости его существа. (47)

Окончательное и полное преодоление человеком своего личного эгоизма, его полное растворение во всеобщем раскрывается нам лишь в его смерти, но не в *случайной* смерти, а в смерти *необходимой*, вызванной его поступками, рождёнными всей полнотой его существа. (48)

Самой выдающейся, отличительной чертой всех веков христианства, вплоть до наших дней, является лицемерие. (49)

* * *

Музыка не может мыслить, но может воплощать мысль. (42)

К. М. Вебер

(1786 – 1826 гг.)

Непогрешимым может считать себя только глупец, много о себе возомнивший. (1)

Создать поистине великое под силу лишь душе, целиком сосредоточенной в самой себе и отвернувшейся от мира. (2)

Подлинный гений, восхищаясь чужим произведением, не становится его подражателем, а только получает от него замечательный повод искать новых путей. (3)

Музыка – истинная всеобщая человеческая речь. (4)

Посредством божественного искусства музыки можно выразить и воплотить гораздо больше, чем словами. (5)

Что любовь людям, то самое и музыка для искусств и для людей, ибо поистине она сама и есть любовь. Чистейший эфирный язык страсти, на тысячи ладов меняющийся цветами всех красок, заключающий в себе все чувства и всё же настолько правдивый, что тысячи людей, чувствующих совершенно поразному, оказываются в состоянии его понять. (6)

Розы могут вдохновить на сочинение стихов, но яблоки годятся только на то, чтобы их есть. (7)

Просто непостижимо, как сильно, до какой степени мысль о любимом существе пронизывает собою всё, даёт всему свою окраску, служит всему мерилom, короче, словно главная нить в ткани жизни она следует всем поворотам и извивам радости и страданья. (8)

Бедным пришёл я в сей мир: всё моё достояние – это голова да руки. (9)

Коль повседневный труд тебе становится в тягость, то ты и не заслуживаешь того, чтоб он у тебя был. Лучшая награда для человека – не звезда, не крест, а мозолистая рука. (10)

Как бы его ни закрывали тучи, солнце всё равно сияет в небесах. (11)

Д ж. В е р д и

(1813 – 1901 гг.)

В музыке, как и в любви, нужно прежде всего быть искренним. (1)

Превосходные мастера в суждениях своих не основываются на предрассудках школы, национальности или времени. (2)

Спорить да высказывать свои суждения – вот что я ненавижу как нечто самое бесполезное из всего бесполезного, что существует на свете. Споры никогда никого не убеждают; суждения же в большинстве случаев оказываются ошибочными. (3)

Есть Музыка, но нет музыки итальянской, немецкой или турецкой. (4)

В музыке есть нечто более важное, чем мелодия, более важное, чем гармония. Это сама музыка! (5)

Мелодия, гармония, декламация, страстное пение, оркестровые эффекты и краски – не что иное, как средства. Создавайте с помощью этих средств хорошую музыку. (6)

Хорошая инструментовка состоит не в разнообразии и необычности эффектов – она хороша, когда нечто выражает. (7)

Мелодия и гармония – всего только орудия в руках художника, коими он создаёт Музыку, и если однажды наступит день, когда не будет речи ни о мелодии, ни о гармонии, ни о школе немецкой или итальянской, ни о прошлом, ни о будущем, ни о том, ни о сём, ни о другом, тогда, может быть, только и начнётся царство искусства. (8)

Я бы хотел, чтобы молодой композитор, когда он берётся сочинять музыку, и думать не думал о том, чтобы быть мелодистом, реалистом, идеалистом, аввениристом или как, дьявол их там возьми, называются все эти педантские штуки. (9)

Вернитесь к стародавнему, это и будет прогресс. (10)

Многое в прежнем искусстве устарело, многое недоступно нам, но в старом надо заимствовать простоту, многое заимствовать и применять заимствованное к современным требованиям. На это прежде всего нужно чувство меры, без неё никакое изящное искусство немислимо. (11)

Болезнь нашего времени – искать и ничего не находить. (12)

Я бы сказал молодёжи: упражняйтесь в фугах постоянно, упорно, до полного овладения, пока вы не приобретёте твёрдую руку и не научитесь свободно управлять нотами. Вы научитесь, таким образом, сочинять с уверенностью, хорошо вести голоса и естественно модулировать. (13)

Искусство принадлежит всем народам. Никто не верит в это твёрже, чем я. Но оно развивается индивидуально. И если у немцев иная художественная практика, чем у нас, их искусство в основе отличается от нашего. (14)

Мы не можем сочинять, как немцы, и, наконец, мы не имеем на это права, – ни они, как мы. (15)

Если немцы, исходя от Баха, доходят до Вагнера, то они поступают как подлинные немцы – и это хорошо. Но мы, потомки Палестрины, подражая Вагнеру, совершаем преступление против музыки и занимаемся делом бессмысленным и даже вредным. (16)

Что значат эти жалкие слова – банально, плохой вкус, Париж, когда вы находитесь перед произведением искусства, которое должно принадлежать всему миру? (17)

Для меня настоящий успех невозможен, если я не буду писать как чувствую, свободный от длительного внешнего влияния и не размышляя о том, что я пишу для Парижа или для луны. Кроме того, необходимо, чтобы артисты пели не на свой лад, а на мой. (18)

Ни за певцами, ни за дирижёрами я не могу признать творческой способности, которая есть начало, ведущее к пропасти. (19)

Может быть, и хорошо подражать правде, но создавать правду лучше, гораздо лучше. (20)

Пока витаешь в мире идей, всё улыбается, но как толькоставишь ногу на землю и переходишь к действиям практическим, рождаются сомнения и неприятности. (21)

Списывать с действительности вещь хорошая, но это фотография, не живопись. (22)

Для сочинения музыки необходимо, прежде всего, иметь её в своей душе! (23)

Музыка не должна ограждать нас от жизни. Ведь всё, чем мы живём: наши страдания, наши радости, – всё это должно полным голосом звучать в музыке. Мы в ней, как и в жизни, должны быть искренни. (24)

Каждому из нас следует испытывать уважение к страданиям человеческим. (25)

Все хотят быть президентами и министрами, а о родине пусть заботятся кто хочет. (26)

Это слепцы, играющие в городки: куда попадёт палка, туда и ладно. Они не знают ни куда идут, ни чего хотят. (27)

Нищета велика; это серьёзное дело и может стать наисерьёзнейшем, поставив под угрозу общественную безопасность, когда речь идёт о голоде! (28)

Бедняки просят работы и хлеба, а им посылают солдат и кандалы! (29)

Самонадеянные утопии современности заменили ошибками и условностями новыми ошибки и условности старые. Под причудливым нарядом утопии скрываются ничтожество и пустота мысли. (30)

Увы, театр не может содержать себя без помощи государства. Это невозможно. (31)

Дела в театрах обстоят сейчас настолько плохо, что совершенно незачем писать оперы. Правительство не даёт субсидий, актив бюджета театра не выдерживает критики: отсюда разорение и смерть. (32)

Знайте же, что для художника большая удача, если пресса его ненавидит. (33)

Артистические радости прошли (увы, проходит всё), но воспоминания об этом столь дорогое прошлое остаются навсегда, украшают жизнь и помогают переносить напасти, приходящие с возрастом. (34)

Я не болен, но я слишком стар!! Проводить жизнь, ничего не делая! Это очень тяжело.
(35)

* * *

Художники подлинно выдающиеся судят, не считаясь с предрассудками школ, национальности, времени. (2)

Без чувства меры никакое изящное искусство невозможно. (11)

Творческая способность – это начало, влекущее в бездну. (19)

Списывать с действительности, может быть, очень хорошо, но выдумывать действительность лучше, много лучше. (20)

А. Н. В е р т и н с к и й

(1889 – 1957 гг.)

Люди, живущие прошлым, немилосердно скучны в своей неподвижности, и, помимо того, они безбожно врут и путают даты. Всё уже перемешалось у них в голове. (1)

Сегодняшний день и особенно завтрашний для меня гораздо важнее, интереснее и дороже, чем прошлые. Искусство всегда в движении. (2)

В нашей бурной, торопливой и занятой жизни самое главное – это добежать до кладбища вприпрыжку. (3)

Даже на горе нам отпущено очень немного времени! (4)

Век такой: все торопятся, все спешат, наступают на ноги. Бабы злые, как оводы. А раньше жили не спеша. Выходили замуж, рожали детей в более или менее спокойной обстановке, болели обстоятельно – лёжа в постели по целым месяцам, не спеша выздоравливали и почти ничем, кроме хозяйства, не занимались. Без докторов, без нудных анализов, без анкет. (5)

А теперь? Не успеешь с человеком познакомиться, смотришь – уже надо идти на его панихиду! Люди «кокаются», как тухлые яйца. У всех склерозы, давления, инфаркты. И неудивительно. Век такой сумасшедший. От одного радио можно с ума сойти. А телефоны? А телевизор? Ужас! Кошмар! (6)

Если и есть на свете любовь, в чём я очень сомневаюсь, то она бывает только в юности. А теперь, перебирая в памяти все свои многочисленные «любви», которые заполняли когда-то мою жизнь, когда я вспоминаю, из-за каких женщин я страдал, и переживал, и мучился, я изумлённо думаю: «Какой же я был дурак! Как я мог так страдать из-за таких обыкновенных, злых, расчётливых и ограниченных женщин? Наваждение какое-то! Да повторись всё это ещё раз теперь – я бы и глазом не моргнув отвернулся бы от таких чувств». А вот поди ж ты, сколько всё это мне стоило здоровья и нервов. (7)

Русские женщины любят переделывать мужчин. (8)

Искусство двигают вперёд почти всегда дилетанты, люди, не связанные никакими канонами. (9)

Русские песни – звонкие и печальные, протяжные и залиvistые – пронизывают всё ваше существо сладчайшей болью и нежностью, острой, пронзительной тоской, наполняют до краёв ваше сердце любовью к родной земле и тоской по ней. (10)

Страшная, великая сила – русская песня! Всё мужество, всю терпимость, всю гордость народа, всю его глубочайшую мудрость отражает она. С ней и работа легче, и горе тише, и смерть не страшна! (11)

Я имел успех или не имел успеха. Это зависело не от меня, а просто от подбора публики и её настроений. (12)

Писать о своих успехах неудобно, и звучит это всегда как-то поактёрски провинциально. (13)

Никакой жизни вне родины построить нельзя и быть её не может. Особенно остро чувствуют на чужбине свою оторванность от неё поэты и писатели. (14)

Лучше быть бедняком на родине, чем богачом на чужбине. (15)

Как ни больно, как ни грустно, но все мы, актёры, – смертные люди и имеем свои сроки. Наши таланты с годами гаснут, увядают, отцветают. В этом большая трагедия актёра. Правда, одно всегда остаётся с актёром до конца его карьеры – это его мастерство. Но разве может мастерство, то есть рассудочность, техника, школа, заменить ушедший темперамент, вдохновение, взлёт, восторг, интуицию?! (16)

Актёр – это вообще счастливое сочетание тех или иных данных и способностей. Актёр – это аккорд. И если хоть одна нота в этом аккорде не звучит – аккорда нет и не может быть. Стало быть, нет и актёра. Если бы у Шаляпина, например, был толстый живот и короткие ноги, он никогда не достиг бы той вершины славы, которая у него была. (17)

Актёр должен быть по возможности совершенен. Во всяком случае, он должен обладать максимумом сценических данных. Когда актёр стареет, у него стареет большей частью тело. Душа же часто остаётся такой же юной и горячей, как в дни его расцвета. (18)

Нас не надо хвалить и не надо ругать. Я представляю себе нашу театральную жизнь как огромную табельную доску. Если вам понравилось что-либо в нас, подойдите и молча повесьте на гвоздик жетончик. Если нет – не делайте этого. Восхищаться, благодарить и облизывать нас не надо! Это портит нас и раздражает умнейших из нас. Мы святые и преступные, страшные в своём жестоком и непонятном познании того, что не дано другим. Нас не надо трогать руками, как не надо трогать ядовитых змей и богов! (19)

Если долго бродить по залам исторического музея и рассматривать его экспонаты, делается грустно. Думаешь об ушедших веках, о бренности всего земного, о том, что вещи переживают людей – своих хозяев. И когда выходишь на свет ослепительного летнего солнца, кажется, что ты проспал много лет в другом мире и теперь, к сожалению, проснулся. (20)

Джазовая музыка необычайно монотонна, несмотря на всё разнообразие и богатство аранжировок, и, в конце концов, от неё у слушателя ничего не остаётся ни в голове, ни в сердце. (21)

Каких только жертв не приносится на алтарь искусства! А самое обидное то, что это проклятое искусство даже не ценит этих жертв. (22)

Сравнение – великая движущая сила, которая побуждает нас к соревнованию и самосовершенствованию. (23)

Стихи очень помогают жить. В них отыскиваешь свои мысли и чувства, и уже делается легче от сознания того, что кого-то мучили те же муки, что и тебя. (24)

Стихи должны быть интересные по содержанию, радостные по ощущению, умные и неожиданные в смысле оборотов речи, свежие в красках, и, кроме всего, они должны быть впору каждому, т.е. каждый, примерив их на себя, должен быть уверен, что они написаны о нём и про него. (25)

В переводы я вообще не верю. Перевод – это рецепт вещи, а не сама вещь, и в нём никогда нельзя передать того, чем она сильна. (26)

Вещь, которая хороша на бумаге, далеко не всегда звучит так, как нужно, в музыке. (27)

Моё творчество является до сих пор загадочным для меня самого процессом. Это необъяснимо. Оно приходит ко мне непрошеным и властно повелевает моей душой. (28)

Потерять свой жанр, перестать быть автором и перейти на амплу лишь исполнителя – значит, потерять самого себя. (29)

Хорошие друзья не забываются. (30)

Очень тяжело жить в нашей стране. Воистину это «страна труда», и больше ничего! И самое страшное в ней – это отдых! Он уже у нас никак не выходит. И никаких друзей у нас *здесь* нет! Каждый ходит со своей авоськой и хватает в неё всё, что ему нужно, плюя на остальных. И вся психология у него «авосечная», а ты – хоть сдохни – ему наплевать! В лучшем случае они, эти друзья, придут к тебе на рюмку водки в любой момент и на панихиду в час смерти. И всё. (31)

Строят «дворцы культуры», а сортиров не строят, забывая, что культура начинается именно с них. (32)

О ближнем мы знаем так мало, мы им не интересуемся, и он, в свою очередь, совершенно не думает о нас, да и не хочет нас знать. Мы с ним далеки друг от друга, и каждый чувствует себя одиноко. (33)

Говорить «по душам» с посторонними – не рекомендуется. (34)

Что может быть лучше лучших отношений? (35)

Океан равнодушия захлёстывает меня. Чем больше живёт человек, тем яснее становится ему, в какую ловушку он попал, имея неосторожность родиться! (36)

Жизни как таковой нет! Есть только огромное жизненное пространство, на котором вы можете вышивать, как на бесконечном рулоне полотна, всё что вам угодно. Вам нравится токарный станок? Влюбляйтесь в него! Говорите о нём с волнением, с восторгом, с экстазом, убеждайте себя и других, что он прекрасен! Вам нравится женщина? То же самое. Обожавайте её! Не думайте о её недостатках! Вам хочется быть моряком? Океаны, синие дали... Делайтесь им! Только со всей верой в эту профессию! И т.д. И вы будете счастливы какое-то время, пока не надоест токарный станок, не обманет женщина, не очертеют море и вечная вода вокруг. Но всё же вы какое-то время будете счастливы. (37)

Жизни как таковой нет. Есть только право на неё. Бумажка, «ордер на получение жизни». Жизнь надо выдумывать, создавать. Помогать ей, бедной и беспомощной, как женщине во время родов. И тогда что-нибудь она из себя, может быть, и выдавит! Не надо на неё обижаться и говорить, что она не удалась. Это вам не удалось у неё ничего выпросить. По бедности своего воображения. Надо хотеть, дерзать и, не рассуждая, стремиться к намеченной цели. Этим вы ей помогаете. И её последнее слово всегда будет за вас. Но помогает она только тем, кто стремится к чему-то. Ибо нас много, а она одна. И всем она помочь не может! (38)

Жить! Жить очень трудно! Пока ты молод, ты не замечаешь этой трудности. Твоё внимание отвлекают тысячи мелочей, тебя очаровывают всевозможные земные развлечения и «недосягаемости», тебя манят к себе планы и мечты, «победы» – такие трудные и такие ненужные – отвлекают твоё внимание от главного – от того, что ты *живёшь*! То есть ты тратишь положенное тебе весьма ограниченное время на эти второстепенные вещи. (39)

Сколько времени мы тратим на так называемую любовь, на борьбу за своё существование, на желание достигнуть каких-то успехов, чем-то выдвинуться, обратить на себя внимание и прочее! Тут нам не до «итогов», тут мы широко и безоглядно тратим себя,

свои лучшие силы, своё Божие дарование, расточаем себя, как моты и кутилы. Незаметно в этих вечных хлопотах, исканиях, победах и поражениях проходит главный кусок времени. Проходит жизнь! (40)

Самое трудное – это жить! Просто жить! (41)

Мы живём трудно, неустанно боремся за каждое препятствие, напрягаем все силы для преодоления сволочных мелочей, учимся, постигаем, добиваемся побед – напрягаем своё мышление и разум до предела. И как только мы добиваемся наконец ясности мысли, силы разума и что-то начинаем уметь и знать, знать и понимать – нас приглашают на кладбище. Нас убирают, как опасных свидетелей, как агентов контрразведки, которые слишком много знают. (42)

И другие, новые, юные, неопытные, начинают разбивать свой лоб о то, что нам уже давно известно. Такова жизнь. И нам, старым и мудрым, как змеи, остаётся только улыбаться и притворяться, что всё хорошо, всё правильно, всё так, как надо... Всё ещё придёт. Всё ещё будет... Чтобы не разочаровывать их, начинающих жизнь, тех, кто идёт за нами. (43)

Мало ли чего мы умеем? Скучно жить на этом свете, господа! Но пока есть искусство, есть и спасение. Хоть на время! (44)

Э. В и л л а – Л о б о с

(1887 – 1959 гг.)

Главное, чтобы не получалось так, как у всех. Любой ценой избегать не только общих мест, но и всего того, что принимается легко, без спора. (1)

Лишь непосредственность может приблизить художника к Богу, дав ему возможность уйти вглубь веков, вплоть до самых истоков мироздания. (2)

Музыка отличается той особенностью, что она представляет естественный способ выражения сущности человека. Несомненно она вырвалась из груди троглодита прежде самого рудиментарного слова, этого членораздельного и искусственного выражения мысли. (3)

Виртуоз не может понять моей музыки! (4)

А. М. Волконский

(1933 – 2008 гг.)

Признак возраста очень простой: отсутствие любопытства. (1)

Быт мне неинтересен, я быстро бытовые детали забываю. Часто встречаю на улице очень хорошо знакомого человека и не могу вспомнить, как его зовут. Это очень неприятно. У меня на практические вещи ужасная память, а на то, о чём я люблю рассказывать, вроде бы ничего. (2)

С телефоном у меня сложные отношения. Только начинаю слушать музыку – звонок. Только стоит сесть за стол – звонок. У меня из-за этого истерики иногда начинаются, так что я его выключаю. (3)

У меня никогда в жизни не было телевизора и не будет. (4)

Я люблю повторять, что народ имеет то правительство, которое он заслуживает (хоть это и не моя фраза). Меня всегда поражала пассивность русских. Выражение «поживём – увидим» меня очень злило. Я по натуре человек активный, пусть и не революционер. (5)

Те, кто изучал и французскую, и русскую революцию, утверждают, что различий между ними было немного. Только во Франции революция дольше длилась, но зато меньше жертв было. Наполеона, который всему этому положил бы конец, в России не было. Я считаю, что французы должны ему спасибо сказать за то, что он всё это прекратил. (6)

Слова Пушкина о том, что русский народ ленивый и нелюбопытный, несправедливы. Человечество в целом лениво и нелюбопытно. (7)

У меня путалась Россия с советской властью. Мои родители возвращались в Россию, а привезли меня в Советский Союз. (8)

Мне парижский дух отвратителен, он поверхностный и злой. Вот где уж царят моды. Французы до сих пор воображают, что они пуп земли, но это давно кончилось. Франция производит только портных и поваров. Писателей и художников у них уже нет. (9)

Меня интересует только та литература, которая по существу. А когда автор хочет себя выставить, это не дело. (10)

Иногда покупаю и читаю русские газеты и начинаю скрежетать зубами от злости. Я ведь борюсь с засорением русского языка. «Имидж» – это американское слово. Есть же русское слово «образ». Правда, «саммит» – это короче, чем «встреча в верхах». Иногда я впадаю в недоумение: например, мне пришлось объяснять, что такое «пиарность». Это монстры, а не слова. Все это идёт из американского языка – не «пэ эр», «пи ар». Теперь вместо слова «блат» стали говорить «пиарность». Так шикарнее, что ли, звучит. (11)

На Западе постепенно исчезает социальная жизнь: люди едут по одному в машинах, телевизор смотрят, не разговаривают между собой. В Америке даже есть специальный институт «Музак», который создаёт музыку для супермаркета и лифта. Теперь и в ресторанах стали это включать – навязывают фон. И объясняют, почему в ресторане должна быть фоновая музыка: потому что иначе люди боятся разговаривать друг с другом. (12)

Музыка, получается, тоже пропитана идеей супермаркета – музыка, которую будут поглощать. Супермаркет – это оболванивание. Это портит вкус и поработачивает человека. Так во

всём. Вы покупаете в супермаркете то, что под целлофаном, что сделано и упаковано машиной. А я покупаю на рынке только то, что делают люди сами. Рынок – это не люкс, это нормально. (13)

Я вижу, что мы сейчас находимся в состоянии кризиса культуры, потому что общество находится в кризисном состоянии. Начиная с какого-то момента тот высокий уровень, который был в начале XX века в Вене, начал теряться. Всё это происходило на моих глазах, и я даже в этом участвовал. (14)

Теперь говорить о культуре неприлично, вас сразу обвинят в элитизме. (15)

Кто-то сказал, что когда всё гибнет, остаётся только культура. Вот для того, чтобы культура не разрушилась, мы и существуем. Своей миссией я считаю защиту культуры. Когда ничего уже нет, она остаётся. Я считаю себя прежде всего представителем культуры. Хотя это слово ископаблено, для меня это чрезвычайно значимое понятие. А такие заведения, как Министерство культуры, создаются, когда культуры уже нет. Я не представляю, чтобы во Флоренции Медичи было такое министерство. Это словосочетание отвратительно. (16)

Настоящая музыка заслуживает напряжения мысли. (17)

Произведения надо играть по авторскому тексту. Мне вообще непонятно, зачем нужны все эти редакции. (18)

Запись «Хорошо темперированного клавира» – это то, чем я больше всего доволен в своей жизни, даже больше, чем композицией. Потому что эта музыка лучше моей. (19)

Мне кажется, что всю музыку, которая раньше написана и которая мне нравится, сочинил я. Я её играю как свои сочинения. (20)

Когда меня спрашивают, кто я – композитор или исполнитель, – мне трудно ответить. Я не считаю, что я двуликий Янус. Я просто музыкант. (21)

Раньше все композиторы играли или пели. Это было неразделимо. Мне кажется, что должно мешать отсутствие этого. Я знал композиторов, которые вообще ни на чём не умели играть. Это неправильно. Для меня существует понятие «музыкант». Музыкант должен играть и может ещё и сочинять. Разделение на композиторов и исполнителей очень позднее и ненормальное. (22)

Я бы не сказал, что в моём творчестве есть какая-то философия. Моя музыка – это просто странности моей биографии. Я себя больше интересую как исполнитель, чем как композитор. (23)

У меня никогда не было никаких установок. По-моему, это очень плохой признак, когда хочешь что-то особое сделать. У Баха такого никогда не было, а у Скрябина всё творчество на этом основано. (24)

Не надо себе ставить особенные технические задачи. Оне так или иначе возникают по ходу действия, но специально себе ставить цель не следует. (25)

В нотах Баха ничего не написано – ни темпа, ни характера. Почему бы не попробовать то, что играют быстро, сыграть медленно и наоборот? По-моему, Бах в любом случае звучит хорошо. Надо очень постараться, чтобы его испортить. (26)

Сначала я сидел за столом и читал ноты. Потом делал свой анализ, очень тщательный. В связи с ним вырастала и агогика, и фразировка, и манера исполнения, и идея того, как я считаю нужным это сыграть. (27)

В старой музыке было следование принципам, которые делали эту музыку столь великой. Там не было стремления во что бы то ни стало удивлять и обязательно делать что-то непохожее, что так характерно для нашего времени. Когда я слышу, как говорят: «А это уже было в прошлом году» или «Шесть месяцев назад кто-то такое уже делал», «Вы уже устарели», я хочу, чтобы изменилось такое отношение. Эта постоянная «чесотка обновления» никуда не ведёт. Выясняется, что в конечном счёте все делают одно и то же и ничего не обновляют. (28)

Для клавесина не умеют писать, это инструмент другой эпохи, он не годится для современной музыки. Я для него не писал. Если писать для него так, как я вообще писал, то исказился бы дух инструмента. Нельзя «делать модернягу» на клавесине. (29)

На пианино я всегда поигрывал для себя – ну не играть же Шуберта на клавесине! (30)

Конкурсы меня никогда нисколько не интересовали. Я против конкурсов, считаю, что это нездоровое явление. Был замечательный французский пианист Ив Нат, из гигантов, бетховенист, как ни странно для француза. Он очень обрушился на Маргарет Лонг, ведь с неё начались эти конкурсы. Сказал, что конкурсы превращают музыку в спорт. Могу только подписаться под этим. Ни на какие конкурсы я никогда не ходил. (31)

Меня раздражает, когда механически выделяют тему фуги: как только появляется тема, значит, надо выделить её по громкости. Это какой-то тик: слышны темы, но не слышна fuga. Тему надо выделять не громкостью, а агогикой, фразировкой. Надо делать так, чтобы все голоса были слышны. Я старался этого достигнуть, ведь на клавесине невозможно сыграть тему громче. Я стремился найти такую агогику, фразировку и неровности, чтобы можно было прочесть все голоса, распознать их многоэтажность и чтобы всё было узнаваемо. (32)

Рубато – это орудие слабых. Рубато якобы имеет отношение к сентиментам, но на самом деле это скорее проявление некоторой беспомощности. Часто исполнители играют рубато в более трудных местах. Они начинают замедлять. У меня, скорее, наоборот – тенденция убыстрять, когда трудно. Я начинаю играть быстрее, потому что трудно. (33)

Мне Рихтер говорил: «Надо часто играть, тогда волнение совершенно пропадает». (34)

Бескультурье и полная американщина: если человек талантливый, но из Техаса, и у него не отняли оружие, он им пользуется всё время. (35)

Когда я покупаю диски и есть выбор между разными исполнениями, я предпочитаю исполнителя, а не музыку. В особенности это касается старой музыки. Но иногда могу ошибиться. Бывает, покупаешь вслепую, привлекает название или что-то ещё, и постигает разочарование. (36)

У Селина есть фраза, которую я часто цитирую: «Любая жопа мнит себя Юпитером» (это я ещё смягчил в переводе). Таких «Юпитеров» развелось множество. (37)

И. Г а й д н

(1732 – 1809 гг.)

Мой язык понятен всему миру. (1)

Мастер утверждает своё право реальным вкладом, реальными делами. (2)

Вся прелесть музыки – в мелодии. (3)

Придумайте красивую мелодию – и музыка ваша, какого бы рода она ни была, будет красива и будет нравиться. (4)

Самые необыкновенные и мудрёные аккорды, исполненные без пения, всегда остаются лишь хорошо обработанным шумом. Хотите узнать, хороша эта музыка или нет? Уберите аккомпанемент. (5)

Когда я думаю о Боге, сердце моё полно такой радости, что ноты бегут у меня из-под пера, словно нитки, разматываемые с катушки. (6)

Так как Бог даровал мне сердце, исполненное радости, то Он и извинит мне, коли я служу Ему с радостью. (7)

Г. Ф. Гендель

(1685 – 1759 гг.)

Наша радость превращается в страдание, как день переходит в ночь. (1)

Я очень сожалел бы, если бы моя музыка только развлекала моих слушателей: я стремился сделать их лучше. (2)

Пусть жизнь под угрозой, пусть близится смерть: наши души бессмертны, порукой нам – Бог! (3)

Я. Г и л л а н

(1945 г.р.)

Предпочитаю нестандартную музыку. (1)

Не задерживаться на одном месте – такое отношение к музыке очень важно для исполнителей, я бы даже сказал, необходимо. (2)

Не надо оглушительно орать, сногшибательно одеваться и врубать аппаратуру на полную мощность, чтобы быть достойным восхищения и глубоко трогать публику. (3)

Зависеть от спроса – это играть и писать то, что вас просят, и то, что от вас ждут. Едва ли так можно создать что-то выдающееся. (4)

Превратить стихи в слова песни невозможно главным образом потому, что произносимая форма слов отличается от напеваемой их формы. (5)

Некоторые песни с течением лет не то, чтобы стареют, но как бы начинают жить иной жизнью. Всё это было написано давным-давно, но значения своего не потеряло, потому что во всякие времена наши песни будут звучать поновому. (6)

А. К. Глазнов

(1865 – 1936 гг.)

Последнее сочинение всегда автору дороже всех других. (1)

Всеми силами стремлюсь оркестровать свои сочинения так, чтобы оркестровка было бы сама по себе незаметна, но, звуча подобно идеальному фортепиано под руками идеального пианиста, делала бы ясными мои музыкальные, сочинительские намерения. (2)

Самое главное – уметь прочесть «между строк». В этом должны помочь талант, ум и фантазия. (3)

Ознакомился с вашим сочинением. Милостивый государь, у меня создалось такое впечатление, будто вам предложили выбор: сочинять музыку или идти на виселицу. (4)

В небе тихо мерцают звёзды. Какой порядок и связь от луча к лучу. Словно нити протянуты. И знаете, что мне часто напоминает картину звёздного неба? Хорошая партитура. В ней – такой же порядок и такая же ясная связь во всём. (5)

Люблю спокойную, мирную беседу звёзд и мерный тихий свет. Тогда я думаю, что и я не песчинка в этой гармонии. А вот при буйном, зрелом блеске мне грустно. (6)

Хуже нет, когда дирижёр пьян и весел, а публика трезва и серьёзна... Лучше бы наоборот. (7)

Хорошо бы меня присудили на годик в тюрьму, в одиночное заключение, но с условием разрешить мне свободно работать. Поставил бы инструментик, набрал бы нотной бумаги, карандашей, сидел бы и писал, писал... (8)

М. И. Г л и н к а

(1804 – 1857 гг.)

Красота есть соразмерность частей для составления стройного целого. Чувство и форму можно сравнить с душой и телом. Первое – дар высшей благодати, вторая приобретается трудом. (1)

Чтобы красоту создать, надо самому быть чистым душой. (2)

Дело гармонии дорисовывать те черты, которых нет и не может быть в мелодии. (3)

Я всё только думаю о музыке. Что же делать? – музыка – душа моя. (4)

Святой восторг моим искусством – моё последнее прибежище. (5)

Искусство – это данная мне небом отрада – гибнет здесь от убийственного ко всему прекрасному равнодушия. (6)

Арфа – прелестный инструмент, если его употреблять вовремя. (7)

Талант исполнения на фортепиано и скрипке, кроме собственного удовольствия, действительно может доставить вам приятные и полезные знакомства, а от композиции, кроме зависти, досад и огорчений, ничего не должно надеяться. Справедливость этих слов я отчасти изведal на собственном опыте. (8)

Сила голоса приобретается от упражнения и времени, а раз утраченная нежность навсегда погибает. (9)

Вне родной стихии не может творить талант. (10)

Создаёт музыку народ, а мы, художники, только её аранжируем. (11)

Любовь, это восхитительное чувство, животворящее вселенную, у нас, жителей Севера, всегда соединена с грустью. (12)

Всё в жизни контрапункт, т.е. противоположность. (13)

Избранное общество включает в себя не только поэтов, литераторов, но и вообще людей, доступных изящному. (14)

Даже образованный человек, живя постоянно в деревне, нечувствительно огрубеет и в его обращении появится что– то жёсткое. (15)

У нас на Руси никогда не угощают достаточно, но в меру, а всегда чрез меру. (16)

Художнику свойственна лень заниматься хозяйственными дрязгами. (17)

Можно соединить требования искусства с требованием века и, воспользовавшись усовершенствованием инструментов и исполнения, писать пьесы, равно докладные знатокам и простой публике. (18)

Избегайте петь в обществе плохих дилетантов, так вас или избалуют излишней похвалой, что всегда вредно, или наделают замечаний, от которых вас будет коробить. В

обществе же настоящих музыкантов пойте смело, потому что от них, кроме полезных наставлений, вы ничего другого не услышите. (19)

Если писатель от движения жизни отступит, люди его не поймут. (20)

Следы исчезнут поколений, но жив талант, бессмертен гений. (21)

Р. Г л о в е р

(1945 г.р.)

Если слушать ту ахинею, которая сегодня бьёт все рекорды популярности, нетрудно убедиться, что она предназначена не для людей, а для роботов. (1)

Любые музыкальные упражнения доставляют мне огромное удовольствие. (2)

У меня нет ни малейшего желания быть продюсером у того, кто не желает иметь меня своим продюсером. (3)

В творческой жизни так же, как и в семейной: или ты даёшь одолеть себя невзгодам, или оне сделают тебя сильнее. (4)

Разлука с друзьями и семьёй никому не доставит удовольствия. (5)

Я достаточно пожил на свете, чтобы знать, какой была музыка до того, как придумали рок-н-ролл. (6)

Х. В. Г л ю к

(1714 – 1787 гг.)

Простота, правда и естественность – вот три великих заповеди прекрасного во всех произведениях искусства. (1)

Музыку я рассматриваю не только как искусство, доставляющее удовольствие слуху, но и как самое сильное средство трогать сердца и воспитывать чувства. (2)

Слова, действие и музыка в опере должны составлять единое целое. (3)

Когда я сочинял музыку к своим операм, я ставил себе целью избежать тех излишеств, которые с давних пор были введены в итальянскую оперу благодаря недомыслию и тщеславию певцов, равно как и чрезмерной угодливости композиторов. Ведь именно эти излишества превратили оперу из самого пышного и прекрасного зрелища в самое скучное и смешное. (4)

Я хотел свести музыку к её настоящему назначению – сопутствовать поэзии, дабы усиливать выражение чувств и придавать больший интерес сценическим событиям, не прерывая действия и не расхолаживая его ненужными украшениями. (5)

Музыка должна играть по отношению к поэтическому произведению ту же роль, какую по отношению к точному рисунку играет яркость красок и счастливо распределённая светотень: оне способствуют оживлению фигур, не изменяя их контуров. (6)

Я думаю также, что главная задача моей работы должна свестись к поискам прекрасной простоты, и потому я избегал демонстрировать нагромождение эффектных трудностей в ущерб ясности. (7)

Я не придаю никакой цены открытию нового приёма, если таковой не вытекает естественно из ситуации и не оказывается связан с выразительностью. (8)

Наконец, нет такого правила, которым я охотно не пожертвовал бы ради силы впечатления. Таковы мои принципы. (9)

Гордец сжирает самого себя. (10)

А. Б. Гольденвейзер

(1875 – 1961 гг.)

Не является ли точное исполнение того, что написано в нотах автором, как бы уничтожением индивидуальности исполнителя? Многие думают, что если исполнитель будет точно выполнять то, что написал автор, то его роль превратится как бы исключительно в посредническую и места для творческой инициативы не останется. Эта точка зрения абсолютно неправильна и основывается на недоразумении. (1)

Каждое музыкальное исполнение неповторимо. Произведение можно сыграть много раз, но каждый раз – это другой раз, исполнение никогда не бывает вполне тождественным, всякий раз это новый акт проявления творческой воли исполнителя. (2)

В наше время с помощью звукозаписи явилась возможность сохранять исполнение артистов, но и это даёт только слабое подобие подлинного исполнения. Всякая запись передаёт не все обертоны и неминуемо сопровождается большим или меньшим количеством посторонних звуков. Кроме того, артист, зная, что его исполнение записывается, чувствует себя скованным и редко даёт лучшее, на что он способен. (3)

Э. Т. А. Гофман

(1776 – 1822 гг.)

Жизнь ведёт на разные лады свою дразнящую игру. Зачем желать? Зачем надеяться? Куда стремиться? (1)

Почти всегда в жизни людей морочит лишь какое-то странное ослепление. (2)

Люди склонны называть везением коварную ловушку, прельстительный обман враждебных сил. (3)

Я пришёл к мысли, что наши, как мы их обычно именуем, грёзы и фантазии являются, быть может, лишь символическим откровением сущности таинственных нитей, которые тянутся через всю нашу жизнь и связывают воедино все её проявления. Обречён на гибель тот, кто вообразит, будто познание это даёт ему право насильственно разорвать тайные нити и схватиться с сумрачной силой, властвующей над нами. (4)

Рок, который подчас неведомо для обречённой жертвы, гнездится в глубочайших глубинах её души, повелевает быть тому, чего не допускают ни рассудок, ни чувство. (5)

Трудно поверить, какими жалкими, подчас нелепыми средствами человек считает возможным предотвратить угрожающее ему бедствие. (6)

Жизнь – ужасная игра мрачных сил. (7)

Тот, кто одарён незаурядной внутренней силой и юной отвагой, должен как бы в озарении присущей человеку божественной природы возвыситься над своей судьбой. Он должен постоянно пробуждать и поддерживать в себе пламень более высокого бытия, дабы воспарить над скорбями нашей ничтожной жизни. И я не знаю, какая судьба могла бы сокрушить столь могучую, питаемую изнутри волю. (8)

Только из борьбы возникнет твоё счастье в высшей жизни. Враждебные начала нападут на тебя, и только внутренняя сила, с которою ты противостоишь этим нападениям и искушениям, может спасти тебя от позора и гибели. (9)

Чем выше дух воспарит над всем земным, тем верней он уготовит человеку ещё в этом мире более высокий образ бытия. (10)

Только в разладе, в противоборстве разнообразнейших впечатлений, разноречивейших чувств возникает высшая жизнь. (11)

Разве есть в нашей земной юдоли счастье, которое по праву можно было бы называть длительным? Разве при каждой радости, которую мы вкушаем, нас не подкарауливает уже злобный недруг, который попытается вырвать у нас предмет нашего довольства? (12)

Наслаждения, коими мир прельщает нас, весьма кратковременны, и, можно сказать, над ними тяготеет проклятие, ибо следствием их неизбежно бывает неопишемое отвращение к жизни, полный упадок сил, тупое равнодушие ко всему высокому: они заглушают лучшее в человеке – его благородное духовное начало. (13)

Воля человека – весьма хрупкая вещь, нередко её разбивает легчайший порыв ветерка. Какая бездна лежит между тем чего желают, и тем, что случается! Часто целая жизнь есть

только непрерывное желание, и часто человек в своих постоянных желаниях в конце концов перестаёт понимать, чего он желает. (14)

Время притупляет и самые острые желания. (15)

Предаваться сладким грёзам о светлом будущем – обыкновение молодых девиц. (16)

Впрочем, разве не должны мы доверять той вечной силе, которая в должное время помещает нас в должное место?! (17)

Судьба порой подсказывает нам, в чём и где искать спасения, а мы по лености не внемлем её советам и не хотим их понять. (18)

Помыслы человека более непостижимы, чем тайны космоса, и не могут быть истолкованы никакими сочетаниями светил. (19)

Природа, обдумывая и определяя судьбу своих детей, идёт собственными, скрытыми и неисповедимыми путями, и то, что нам кажется удобным случаем, а на будничном языке заурядного мирозерцания величается истинным призванием, в её глазах есть не более, как глупая забава неразумных ребят, считающих себя мудрецами. (20)

Однако же близорукий человек часто находит безбожную иронию в противоречии между своими убеждениями и таинственной деятельностью той неисповедимой силы, которая сначала взлелеяла его на своей материнской груди, а потом покинула, и эта ирония наполняет его страхом и ужасом, потому что грозит уничтожить его личность. (21)

Часто неожиданное счастье приносит все блага жизни тому, кто уже потерял всякую надежду, и нужно только самому сделать какое-нибудь усилие, чтобы оказаться этого счастья достойным. (22)

Счастье, подобно беде, никогда не приходит одно. (23)

Покуда ты веришь в злое враждебное начало, оно существует и оказывает на тебя своё действие, только твоя вера и составляет всё его могущество. (24)

Как всё-таки прекрасно жить на земле, – разве природа не предлагает нам все прекраснейшие свои чудеса, будто добрая мать своим любимым детям? (25)

Нет большего и вреднейшего порока, чем нетерпение. Спокойствие нужнее всего, иначе человеку грозит опасность всё потерять в то самое мгновение, когда он думает, что всего уже достиг. (26)

Того, кто обладает спокойствием духа, удача не увлекает на путь гордости и заносчивости. (27)

Без душевного покоя нет на земле спасения. (28)

Коли я не могу с полной отчётливостью что-нибудь разглядеть, это для меня пагубно, ибо по своему душевному складу я могу существовать, только когда мне всё ясно. (29)

Тоска и пылкое желание наполняют нашу грудь, но когда мы наконец обретаем то, чего добивались, не щадя трудов, то сразу же всякий порыв угасает и превращается в мертвенно-холодное равнодушие и мы бросаем всё, что приобрели, словно опостылевшую игрушку. Впрочем, стоит только этому случиться, как сразу же вслед за поспешным поступком

наступает горькое разочарование, и жизнь наша продолжается в непрерывной смене влечения и отвращения. (30)

Подверженность страстям – источник слишком частых бед и даже полной гибели. (31)

Человек наблюдательный многое умеет подмечать, никому о том не докладывая, а при случае пользуется своими догадками весьма искусно. (32)

Люди всегда рады сыскать в репутации даже самого достойного ближнего какое-нибудь «но», хотя бы оно существовало только в их воображении. (33)

Сколь часто за грубой, отталкивающей внешностью скрывается нежная, чувствительная душа. (34)

Мятущаяся душа, не таясь, выказывает своё презрение к окружающим её людишкам, созданным лишь для того, чтобы она, себе на потеху, пагубно вторгалась в их тусклое бытие. (35)

Известная холодность характера совершенно необходима тому, кто желает повелевать себе подобными. (36)

Приходить в ужас – это вполне подобает толпе. (37)

Упрямое себялюбие подчас прикрывается глупой боязнью людей. (38)

На всём белом свете, на всей земле нет более скучного и более глупого создания, чем учёный филистер! (39)

Вы никогда не сможете понять, что такое филистер, пока вы сами являетесь им. (40)

Филистер страшится и избегает малейшей опасности, но выражает соболезнование, ежели ты находишься в опасности и зовёшь его на помощь, вообще же он ограничивается пламенными уверениями в своём дружеском участии, но затем присовокупляет, что как раз в это самое мгновение его обстоятельства никак не позволяют ему прийти тебе на помощь. (41)

При беспрестанно возникающих надеждах, при беспрестанно возобновляющемся доверии к людям и при повторяющемся каждый раз горьком разочаровании в них возможно ли, чтобы недоверие, злостная подозрительность, ненависть, мстительность не свили себе гнезда в душе и не истребили бы в ней всех следов воистину человеческого начала, выражающегося в сердечной доверчивости, кротости и добродушии? (42)

Всегда бывает так, что стоит человеку уйти, как о нём тут же заговорят. (43)

Трудно, даже невозможно описать, как зарождаются разные слухи; они подобны ветру, который возникает неизвестно откуда и уносится неизвестно куда. (44)

Все события в нашей суетной, быстротекущей жизни, какими бы чудовищными ни казались они на первый взгляд, в скором времени меркнут и теряют свою остроту – так и преступления, вызывавшие страх и поражавшие всех ужасом, постепенно становятся предметом всего лишь досужих сплетен. (45)

Можно не придавать мнимой ценности земному, но следует признать, что многообразные, возникшие в силу внутренней необходимости формы человеческого существования озарены радужным отблеском духовного света, без чего всё вокруг стало бы тусклым и бесцветным. (46)

В том, кто стремится быть в близости к природе, ещё не умерла частица той древней распрекрасной воли, когда людям так славно жилось на её лоне. Тогда они ещё не знали тех препон и выдумок, коими так мучают себя ныне, замуравшись в своих домах-тюрьмах и живя там в полном отчуждении от божественной красоты мира, созданного всем на радость и в назидание. (47)

Прошлых дней былой уклад не вернется назад. (48)

Легкомысленная юность склонна перескакивать через всякие препоны, имеющие отношение к этикету. (49)

Со многими людьми дело обстоит так, что они гораздо лучше знают, за кого их принимают, чем кто они на самом деле. (50)

Нет ничего проще, чем импонировать известного рода знатным особам, кои всегда стоят ниже того уровня, который, как положено предполагать, им присущ. (51)

В светских разговорах всё сводится к словам, лишённым глубокого смысла. (52)

На светские вопросы надо отвечать, не обращая особого внимания на суть вопроса, отвечать коротко и в столь неопределённо-общих выражениях, чтобы их можно было по желанию отнести к чему угодно, и при этом следует никогда не сходить с гладкой поверхности салонной болтовни и никоим образом не углубляться в суть предмета. (53)

Светской культуры нельзя достичь, попросту торча за письменным столом. Вот так и получается, что великие поэты, великие философы, во всех прочих отношениях остроумные, обладающие житейской мудростью, – проявляют такую явную беспомощность во взаимоотношениях с так называемым светским обществом. Они почему-то всегда ухитряются очутиться там, где им как раз в это мгновение не следует быть; они говорят, когда им, собственно, следовало бы помолчать, и, напротив, они молчат там, где нужны слова. (54)

Великий поэт или философ не стал бы таковым, если бы он не ощущал своего умственного превосходства; но точно так же он должен был бы быть лишён глубокого чутья, присущего каждому мыслящему человеку, чтобы не уразуметь, что это его умственное превосходство именно потому не может быть признанным, что оно нарушает равновесие, постоянное поддержание которого является основной тенденцией так называемого светского общества. (55)

Так называемая высшая светская культура состоит именно в старании сгладить все углы и шероховатости, сформировать все физиономии по образу и подобию одной, которая как раз поэтому тут же перестаёт быть единственной и неповторимой! (56)

В свете вам задают вопросы, отнюдь не ожидая ваших ответов; вашему таланту воздают хвалу, не имея, однако, о нём ни малейшего представления; и превозносят ваши творения, хотя никто в них ровно ничего не смыслит! (57)

Не следует бояться малых жертв, ежели хочешь добиться ощутительных выгод! (58)

Существует правило, основанное на глубочайшем знании света, согласно каковому правилу необыкновенно полезно и выгодно быть честным и порядочным в мелочах. (59)

Тот, кто обладает житейской мудростью, умеет всё, что он делает, использовать в своих интересах, но придавая всему этаким альтруистический оттенок, – пусть думают, что он

совершает это для других. А эти другие потом чувствуют, что они ему премного обязаны и охотно исполняют всё, что он ни пожелает. (60)

Многие представляются необыкновенно учтивыми, услужливыми, скромными и живущими на свете лишь для того, чтобы удовлетворять чужие желания; на самом же деле для них превыше всего их собственное возлюбленное «я», которому те другие, жалкие простофили, и служат, сами о том не ведая. (61)

Мудрое поведение основывается на житейском опыте, и его краеугольным камнем является циничное использование непроходимой глупости ближних своих. (62)

Голодные, как правило, куда более послушны и куда более сговорчивы, нежели сытые. (63)

Весьма серьёзный недостаток, если человек хочет, чтобы всюду прослышали о его учёности, если он вмешивается во всё, всем старается помочь словом и делом. Он навлечёт на себя ненависть и зависть совершенно так же, как вызывают вражду богачи, кичащиеся своим богатством, пусть даже нажитым честным трудом. (64)

Полезное обыкновение – письма, которые ты получаешь, оставлять нескрытыми целые часы, и – более того – нередко даже целые дни. Если содержание безразличное, то в промедлении нет особой беды; если же письмо содержит недобрую весть, то ты выигрываешь ещё несколько весёлых или, по крайней мере, неомрачённых часов; если же в письме – радостное послание, то человеку степенному не грех и подождать, пока радость не свалится ему, как снег, на голову. (65)

В разнообразии никогда не может быть чрезмерной пестроты. (66)

Игра должна быть крупной, чтобы возбуждать интерес, ведь если ставки мизерны, случай становится ленивым. (67)

Обезьяна всё равно не отстанет от игры с огнём, пока не обожжёт себе лапы. (68)

Нужно делать только то, что даётся легко, но делать это надо изо всех сил. (69)

Тот, кто слишком зависит от земных потребностей, ещё лишён надлежащей мудрости. (70)

Неутолимая жгучая жажда, от которой бурливо бежит по жилам кровь, побуждает человека неустанно и алчно набрасываться на все соблазны здешнего мира, напрасно чая найти в них удовлетворение. (71)

Пожалуй, ничто здесь, на земле, не возвышает так человека в самой его сокровенной сущности, как любовь. (72)

Любовь – та могучая таинственная сила, что потрясает и преображает глубочайшие основы бытия. Что же за диво, если человек в любви ищет утolenия той страстной тоски, которая теснит ему грудь? (73)

Разве есть на свете такая пропасть, через которую нас не перенесли бы могучие крылья любви? Что для любви пространство, время! Разве не обитает она в мыслях? А разве мыслям есть предел? (74)

Чувство рождает чувство. (75)

Только чистым сердцам дано так блаженно забываться! (76)

Как известно, разлука с близкими сердцу бывает порой столь мучительна, что и ничтожное расстояние кажется бесконечным! (77)

Кто не испытал в своей жизни откровений взлелеянной в глубочайших недрах души дивной тайны любви! Ты, кому суждено когда-либо прочитать эти листы, кто бы ты ни был, вызови в памяти то лучезарное время и взгляни на несказанно милый женский образ, который явился тогда перед тобой как воплощение гения любви. Тебе ведь казалось тогда, что только в ней ты познаешь себя самого, венец твоего бытия. (78)

Нам присуща вера, что лишь за гробом обретается величайшее блаженство любви и открываются её сокровенные тайны. (79)

Смерть для нас – это посвящение в таинство любви! (80)

В чьей душе любовь жива, смерть того унести не может; вяжет вечер кружева тем, чьё сердце утро гложет! (81)

Помимо неизъяснимой, неодолимой прелести внешнего облика, дарованного ей природой, в женщине живёт некое высшее начало, благодаря которому это очарование внешности в сочетании с духовной силой даёт ей власть достигать любой цели. (82)

Сделаться безобразной – это самое величайшее и ужаснейшее несчастье, какое только может приключиться с женщиной. (83)

Не говорите мне, что лучшим убором для красивой девушки служит простое домашнее платье. Когда женщина нарядно одета, мы испытываем таинственное очарование, противостоять которому нам нелегко. Не объясняется ли сокровенным свойством женской природы та неоспоримая истина, что в нарядном уборе красота женщины расцветает куда блистательнее и победоноснее, чем в будничном? Так красота цветов становится пленительней, когда они в пышном изобилии вдруг засверкают всевозможными оттенками. (84)

Любовь не знает ни чина, ни ранга. (85)

Самой спасти мужчину от гибели – что может больше льстить женскому тщеславию? (86)

Женщины гораздо менее поражаются чем-нибудь странным и необычным и вообще гораздо скорее собираются с мыслями. (87)

На свете не так-то легко сыскать девушку, которая могла бы полюбить труса. (88)

Разъярённой женщине нельзя противопоставить ничего лучшего, нежели непреодолимое спокойствие. (89)

Глубоко презирает общепринятые житейские понятия тот, кто чувствует себя выше их. (90)

Люди, которые во взаимной любви, узаконенной мещанской моралью, надеются найти хотя бы частичное исполнение высоких желаний, коварно заложенных в нас природой, заслужили, чтобы их язвили насмешкой. (91)

У кого довольно житейского опыта, тот знает, что девушки почитают ум, остроумие, душу и чувства лишь добрыми постояльцами в красивом доме, и когда мужчина, которому не к лицу модный фрак, будь то хоть сам Шекспир, Гёте или Тик, вздумает подступиться к молоденькой девушке, ему грозит опасность быть выбитым с позиции всяким мало-мальски статным гусарским ротмистром в блестящем мундире. (92)

Галантность – это особый дар многозначительно болтать о пустяках и таким образом вызывать у женщин приятное расположение духа, в котором оне не способны разобраться. (93)

Высшая, истинная галантность не имеет ничего общего с неуклюжей лестью, но, скорее, представляет собой болтовню, которая звучит как гимн обожаемой особе. Собеседнице вашей кажется, что вы глубоко проникаете в её внутренний мир, ей как будто становится ясным её истинное значение, и она вдоволь может любоваться отражением своего собственного «я». (94)

Часто молодые девушки на другое утро после праздника мысленно вновь переживают все его радости, и это повторение торжества кажется им едва ли не прекраснее, чем самое торжество. (95)

В какой девичьей груди не возникают предчувствия той страсти, которая является главным условием самого женского существования, ибо ведь только любящая женщина является женщиной в полном смысле слова! (96)

Пусть у мужчин жизнь не творится любовью, пусть у них любовь только вздымает жизнь на вершину, с которой вниз ещё ведут надёжные пути; высочайшим светоносным пунктом, который сперва создаёт и формирует всё бытие женщины, является мгновение первой любви. И ежели враждебной судьбе угодно, чтобы она разминулась с этим мгновением, то тогда для слабой женщины теряет смысл вся жизнь, ибо женщина эта пребывает в безутешной ничтожности, в то время как другая, одарённая большей духовной силой, яростно восстаёт против всего этого, и именно в обстоятельствах обыденной жизни приобретает то, что только и приносит ей покой и мир. (97)

Как причудливо чистейшая, сокровеннейшая любовь принимает во внешней жизни несколько шутовское обличье, что нужно приписать глубокой иронии, заложенной самой природой во все человеческие поступки. (98)

Почтительное, любезное обхождение и услужливость – естественное проявление любви, а, кроме того, естественный способ возбудить взаимность совершенно так же, как зевотой можно заразить целое общество. (99)

Женщины не ангелы и не дьяволы, а обычные люди и как по телесным, так и по душевным свойствам своим по сравнению с нами создания слабые, чем и отличаются от мужского пола. (100)

Если человек не может отделаться от мысли о привлекательной женщине, так или иначе обратившей на себя его внимание, то он уже сделал первый шаг к любви. (101)

С самым упрямым человеком легче иметь дело, чем с влюблённым. (102)

Нет ничего горше любовной муки, ничто не сравнится с нетерпением души, отчаявшейся в любовной тоске. (103)

Любовь делает человека слепым и безрассудным и заставляет совершать самые странные, безумные поступки. (104)

Как глуп, как глуп бывает влюблённый, будь он хоть самый великий мудрец! (105)

Любовь есть, собственно говоря, не что иное, как весьма болезненное психическое состояние, своего рода частичное безумие, выражающееся именно в том, что мы начинаем принимать какой-нибудь предмет совсем не за то, чем он является на самом деле; вот, скажем, приземистую и корпулентную барышню, штопающую чулки, начинаем почитать богиней. (106)

Всякий влюблённый хочет слышать только о своей любви и только одну её считает достойной речи, равно как и всякий поэт с охотой внимает только своим стихам. (107)

Лишь ту женщину можно признать вполне безупречной, о которой не говорят вовсе. (108)

Небо даровало женщинам совершенно особый такт и способность верно угадывать те или иные свойства человеческой природы, как они проявляются в индивидуальном своеобразии с самого рождения ребёнка, и потому, по крайней мере для первых годов детства, женщины – лучшие воспитательницы. (109)

Семейная идиллия – торжество простодушия. (110)

Прежде всего мой совет: не спешите. Жениться в зрелые года куда разумнее, ибо тогда человек уже умудрён опытом. Только развязные и коварные люди вступают в ранний брак, растрачивая тем самым свои физические и душевные силы. Мужчина в зрелых годах, конечно, не юноша, но молодость кончается только вместе с зрелыми годами. (111)

Иному дворянину ясно, что только в качестве дворянина он может притязать на известное положение в жизни, и больше ничто в мире не даёт ему на это права. (112)

Государя обычно окружают злодеи и проходимцы, которые всё представляют ему в ложном свете, а среди них особенно отличаются гофмаршал, гордый своим происхождением пошлый глупец, затем первый министр, коварный и алчный злодей, да ещё камер-юнкеры, беспутные совратители невинных дев. На всех лицах притворная приветливая улыбка, а в сердце обман и ложь. Они в приторно-нежных словах расточают уверения в своих дружеских чувствах, угождают и извиваются, но каждый из них – непримиримый враг всех остальных и норовит подставить ножку лицу, стоящему выше его, а самому занять его место, чтобы со временем подвергнуться той же участи. (113)

Необходимо ограничение произвола полиции, чтобы она никогда не терзала из служебного усердия своих граждан и чужеземцев, но лишь пресекала бы, без лишнего шума, злостные нарушения порядка. (114)

Народ всегда легко переходит от одной крайности к другой и рад увидеть невинную жертву варваров-судей в том самом человеке, которого сперва проклинал, называл гнусным убийцей и хотел растерзать, не дав ему подняться на эшафот. (115)

Всё известное под названием юриспруденции есть искусственное нагромождение хитросплетений, клонящихся к тому, чтобы затемнить и спутать настоящее понятие о правде и справедливости, начертанное Создателем в душе каждого порядочного человека. (116)

Бессовестные врази выдумали кучу всякого вздора, а адвокат этим вздором набил себе голову да ещё воображает, что это прибыльное ремесло и им можно кормиться. (117)

Всякий адвокат торгует правом, тащит его на публичный рынок, как какой-нибудь дрянной товар, да ещё обмеривает и обвешивает бедных граждан, которые тщетно вызывают и униженно кланяются перед бездушным судебским креслом. (118)

Коварная хитрость низких людей не может сопротивляться вечному всемогуществу неба, если оно решит ещё здесь, на земле, покарать преступников. (119)

Итальянца с его шутками больше занимают всякого рода внешние явления человеческой природы, чем она сама, или скорее люди вообще, чем человек в частности. (120)

Порою случается, что несчастье, постигшее нас, мы острее и мучительнее ощущаем в тишине и во мраке ночи, чем при свете и сутолоке дня. (121)

Проклятая удобная жизнь – она-то как раз и превращает человека в ленивого и вялого лежебоку! (123)

В природе существуют вещи, ясно показывающие нам, как именно наша скованная душа вынуждена приносить свою свободу в жертву безжалостному тирану, именуемому нашим телом. (124)

Всякий человек, мня себя свободным, лишь служит ужасной игре тёмных сил. (125)

На этом свете решительно всё несовершенно, а все мы во многом сами себя закабалили. (126)

Чем больше культуры, тем меньше свободы! Вместе с ростом культуры возрастают потребности, вместе с потребностями сокращается свобода – вот непреложная истина. (127)

О, свобода, бесценная свобода, кто тебя больше ценит, чем несчастный, сидящий в клетке, пусть даже золотой? (128)

Любое ограничение свободы, даже с целью предупредить злоупотребление ею, невыносимо, оно подавляет душу, ибо резко противоречит природе человека. (129)

То, что мы делаем с радостью и наслаждением по собственной своей охоте, становится для нас тягчайшей повинностью, как только мы делаем это по принуждению. (130)

Чем больше гнёт, тем могущественней сила освобождения, чем туже натянута тетива, там сильнее и дальше устремляется стрела. (131)

Частное лицо без всякого принуждения со стороны, по собственному изволению вправе жить так, как ему заблагорассудится. (132)

Устроить свою жизнь уютно и подомашнему для богатого и независимого частного лица более чем осуществимо. (133)

Победа несомненна там, где есть мужество. (134)

У того, кто был отважным пловцом по бурному океану жизни, никогда не иссякнут силы; он вынырнет из беспросветной пучины и снова мужественно поднимет голову. (135)

Обретя надежду, для человека вполне естественно воспрянуть духом, а там уж вернётся и прежнее обаяние. (136)

Ощущение внутренней мощи – это чувство для того, кого оно наполняет, является установлением истины. (137)

Высокородным особам к лицу, пожалуй, кое-какие странные капризы, ведь от этого оне становятся ещё почтенней. То, что у человека незнатного и безродного сочли бы абсурдом и нелепицей, то у них всего лишь – приятный каприз необыкновенного ума, вызывающий изумление и восхищение. (138)

Остаётся фактом, что незаслуженные похвалы намного больше радуют, чем заслуженные, и что восхваляемый гордится ими куда больше, чем заслуженными. (139)

Когда опасность, которая нагнала на нас страх, на наших глазах превращается в мираж и оказывается лишь пустым никчёмным пугалом, это вызывает в нас досаду. Таково свойство человеческой природы. Радость в нас возбуждает то, что мы счастливо избежали действительной опасности, а отнюдь не то, что вовсе никакой опасности не было. (140)

Никоим образом не презирай уловов, ибо в них, как в богатейших копиях, сокрыта истинная и доподлинная житейская мудрость. (141)

Мужества и храбрости как таковых бывает совершенно недостаточно для успешной борьбы против всяческих финтов, уловов и увёрток, и поэтому следует внимательнейшим образом изучить все таковые уловки коварного противника, дабы тебя не швырнули наземь, а чтобы ты удержался на ногах и оказался на высоте. (142)

Было бы гнусно и ни к чему бы хорошему не привело, если бы люди ни с того ни с сего, когда только заблагорассудится, заглядывали в мысли друг друга. (143)

Мысль – это уже деяние. (144)

Дай Бог каждому надлежащий разум и старание соблюсти его. (145)

То, что роднит человека с божественным началом, возвышает его над посредственностью, над фабричными изделиями, которые пачками выпускаются из мастерской и перестают быть нулями, только когда перед ними ставят цифру. (146)

Предвечный дух создал исполина, который в силах подавлять и держать в узде беснующегося в человеке слепого зверя. Исполин этот – сознание, и в его борьбе с животными побуждениями крепнет самопроизвольность человеческого духа. Победа исполина – добродетель, победа зверя – грех. (147)

Бесполезно раскрывать другим то, что постигается наитием. Ты сам всё поймёшь, или, вернее, тайна откроется тебе сама собой. (148)

Единственная подвижность, коей располагает бессмертная душа, это – она сама. (149)

Человеческая душа – это самая дивная на свете сказка. Какой прекрасный мир заключён в нашей груди! Никакая вселенная его не ограничивает, сокровища его превосходят неизведанные богатства всего зримого мира! (150)

До чего мёртвой, нищенской, слепой, как у крота, была бы наша жизнь, не надели мировой дух нас, наёмников природы, неистощимой алмазной россыпью души, из которой нам светит в сиянии и в блеске удивительное царство, ставшее нашим достоянием. (151)

Высоко одарены те, что сознают в себе это богатство! Ещё более одарёнными и счастливыми должно почитать тех, кто не только умеет разглядеть в себе эту залежь

драгоценных камней, но извлечь их наружу и огранить, чтоб они заиграли дивным огнём! (152)

Незримая община не знает различия наций: она имеет своих членов повсюду. (153)

Климат, отечество, нравы, обычаи – сколь неизгладимо их влияние; да не они ли оказывают решающее воздействие на внутреннее и внешнее формирование истинного космополита, подлинного гражданина мира! (154)

Сознание есть дело привычки; все мы вступаем в жизнь и скитаемся затем по оной – сами не ведая как. (155)

Мгновение, когда в нашей душе впервые пробуждается ясное сознание, – неустановимо и едва ли когда-либо будет установлено и исследовано. Если бы такое пробуждение происходило сразу, мгновенно, одним рывком, мы с вами, я полагаю, попросту умерли бы от ужаса. (156)

Разум – это всего лишь способность действовать обдуманно и сознательно, не вытворяя глупостей. (157)

Во всех умственных способностях есть известные степени. (158)

Интеллектуальные крохоборы вдаются в излишние тонкости, всё переворачивают вверх дном, лишь бы откопать хоть одну жалкую мыслишку. (159)

Пусть каждый уши наострит, как может, и смотрит зорче просветлённым глазом. Министру может пригодиться разум, но вам, ослам, и разум не поможет. (160)

Я знаю, что мысль во мне вечна и никакое враждебное начало не может её уничтожить. (161)

Я вообще существую лишь потому, что сознаю себя самого. (162)

Сознание является на свет лишь вместе со словами и связной речью. (163)

Отвергни ложной мудрости опасность! (164)

Какая истина не истолковывается ложно и не порождает самых странных недоразумений? (165)

Нелегко освободиться от глубоко укоренившегося предрассудка, но в большинстве случаев к этому даже и не стремятся. (166)

Игра слов – это раскалённые щипцы в руках глупости, которыми она завивает мысли. (167)

На земле глупость – подлинная повелительница умов. А рассудок – только её ленивый наместник, и ему нет дела до того, что творится за пределами королевства; он лишь скуки ради велит обучать на плацу солдат, которые, когда враг вторгнется в страну, и выпалить-то из ружья как следует не сумеют. (168)

Глупость, подлинная повелительница народа, отправляется в поход с трубами и литаврами – ура! ура! За ней валит восторженная ликующая толпа. (169)

Неразумные живые существа лучше пользуются разумом, нежели люди. (170)

Нет дурака, который не воображал бы, что всё понимает лучше всех. (171)

Разве не столь же трудно, да порою и ещё трудней – признаться в глупости, чем в преступлении? (172)

Известно, что нигде нет таких диких предрассудков, как в мире игроков. (173)

Разве вы не знаете, что сумасшествие заразительно? «Один дурак плодит многих» – извините, это старая пословица. Особенно когда выпьешь стаканчик вместе с таким сумасшедшим, то легко сам впадаешь в безумие и маневрируешь, так сказать, непроизвольно подражая всем его экзерцициям. (174)

Некое злобное наваждение, завладевшее человеком, не даёт ему вообще видеть жизнь в её реальном облике, и торжественность, с какой он пытается распоряжаться и управлять в областях, для него недоступных и им не исследованных, кажется мне смешной, смехотворной, – вот это-то люди и именуют горечью и ожесточённостью. (175)

Несовместимость внутреннего чувства с формами жизни вызывает у души страстное ожесточение, почти преображающееся в ненависть. (176)

Повинуясь своей божественной природе, человек стремится к совершенному. (177)

С верою и любовью познание вечно! (178)

Чем выше дух воспарит над всем земным, тем верней он уготовит человеку ещё в этом мире более высокий образ бытия. (179)

Всё неизъяснимое небесное блаженство высшей жизни возрастает и таится в душевной глубине. (180)

Ценить следует лишь то, что породил дух, всё же остальное – от лукавого. (181)

Подлинная глубина духа, как ясная поверхность залитого солнцем озера, правдиво отражает всё богатство красок действительной жизни. (182)

Вид на прекрасную живописную местность с холма или из окон высокого здания – замка или аббатства – возвышает душу и в то же время вселяет в неё чувство собственного достоинства. (183)

Фантазия – это царство, где дух человеческий по своей воле властвует над реальной жизнью и бытиём. (184)

Наш дух, как бы высоко он ни заносился, находится в самом гнусном рабстве у физического начала. (185)

Дух наш носит тело как неудобную, не по мерке сшитую одежду. (186)

Всякий, кто наделён хоть некоторой долей фантазии, непременно страдает помешательством. И оно то усиливается, то ослабевает, наподобие прилива и отлива. Первый приближается с наступающей ночью, когда волны, бушуя, всё выше, всё сильнее несутся к берегам, тогда как самая низкая точка отлива совпадает с утренним часом, когда человек после пробуждения сидит за чашкой кофе. Поэтому разумно пользоваться утром, как моментом наибольшей трезвости рассудка для выполнения важнейших житейских дел. (187)

Для меня несомненны загадочные связи духа человеческого с теми высшими началами, что скрываются повсюду в природе и лишь время от времени кое-где проглядывают в виде проблеска, который мы тогда называем случаем. (188)

Существует мир внутренний, и существует духовная сила, позволяющая созерцать его в полной ясности, в совершеннейшем блеске деятельной жизни. Но таков уж наш земной удел, что именно внешний мир, в который мы заключены, является тем рычагом, который приводит эту силу в движение. (189)

Явления внутреннего мира могут вращаться только в кругу, образованном явлениями мира внешнего, в том кругу, который духу удаётся переступить лишь в тёмных таинственных предчувствиях, которые никогда не воплощаются в ясные образы. Именно внешний мир по своему произволу побуждает заключённый в телесную оболочку дух к этим функциям восприятия. (190)

Разве не одним лишь духом способны мы усваивать то, что происходит вокруг нас в пространстве и времени? Но если мы способны воспринимать мир лишь с помощью нашего духа, то приходится довериться его показаниям, каковы бы они ни были. Перепроверить их нечем! (191)

С каждым порывом наших духовных сил ввысь пред нами разверзается пропасть, куда при безрассудном полёте нас так легко низвергнуть. (192)

Если человек хоть в чём-нибудь достиг совершенства, то на его чудачества можно смотреть сквозь пальцы. (193)

Уверенность и спокойствие неотъемлемо присущи истинному гению. (194)

Важно уверовать в свой талант, потому что, думается мне, именно с этой верой возникает и самый талант. (195)

Может ли дитя небес вместить себя в узкий круг, очерченный нашими жалкими земными нуждами? (196)

Что может причинить гению большую боль, чем видеть себя непризнанным и неоценённым и – более того – осмеянным? (197)

Что может повергнуть великий дух в большее огорчение, чем внезапное обнаружение всяческих препон именно там, где он имел все основания ожидать всевозможного содействия? (198)

Презренны деяния пошлых душ, пекущихся лишь о земном! (199)

Великие умы проходят по свету, никем не узнанные и никем не замеченные. (200)

Слащавая отталкивающая любезность и смиренная лстивость – вот форма, в которой обычно выражается людьми вынужденное и тягостное признание чужого превосходства. (201)

Людская зависть преследует всех гениев. (202)

Не красота, не одна внешняя привлекательность производят то таинственное очарование, с помощью которого многие высокодаровитые люди с первого взгляда пленяют всякого человека. Чувствуешь до некоторой степени их превосходство; но это чувство нисколько не тягостно, а, наоборот, наполняет всё существо наше каким-то особым удовольствием. (203)

Полнейшая гармония связывает все стороны физического и духовного организма в одно целое, так что получается общее впечатление полноты и чистоты, точно всё слито в стройный музыкальный аккорд. (204)

Природа, создавая меня, испробовала новый рецепт, и опыт не удался, ибо к моему чрезмерно чувствительному характеру и фантазии, вспыхивающей разрушительным пламенем, было примешано слишком мало флегмы и таким образом было нарушено равновесие совершенно необходимое художнику, чтобы жить в свете и создавать для него такие произведения, в которых он, даже в высшем смысле этого слова, нуждается. (205)

Вообще глубокая убежденность в собственной высокой культуре побуждает меня строго судить о каждой новинке искусства и науки. Суждение моё непрекаемо, ибо произвольно выливается из глубины души, как у оракула. (206)

Подобно тому, как после одержанной победы мы охотно слушаем рассказ о предшествовавших ей затруднениях и опасностях именно от того, что они ещё более возвеличивают эту победу, – так возвышается и наша душа, взирая на те чудовища, над коими гений развернул свой победный стяг, обрекая их на позор и гибель. (207)

Утештесь вы, непризнанные, вы, сраженные легкомыслием и несправедливостью духа времени: вам суждена верная победа, и она будет вечною, между тем как ваша изнурительная борьба была только временною! (208)

Всё зло происходит от дурного примера, и все слабости нашей природы происходят только лишь от того, что мы вынуждены следовать дурному примеру. Я убежден также, что род человеческий, собственно говоря, именно к тому и предназначен, чтобы подавать дурной пример. (209)

Природный ум и необыкновенная понятливость позволят человеку сделать гигантские шаги в своём образовании и приобретении учёности, но всё-таки он часто будет чувствовать свинцовые гири, которые навязало ему его прежнее воспитание и пребывание в пошлом окружении. (210)

Самый никудышный отец, я полагаю, всё же много лучше, чем самый превосходный воспитатель, и мороз подирает по коже, когда я вижу, как родители с холодным равнодушием удаляют своих детей от себя и отдают во всякого рода воспитательные заведения, где их, бедных, кроят согласно определённой мерке, нисколько не учитывая при этом их индивидуальности, а ведь именно их родителям она должна быть вполне ясна, как никому другому. (211)

Пощёчина, равно как и оплеуха, есть лаконичное воспитательное действие. (212)

Познания в науках всё-таки составляют основание всего. (213)

Глубина знаний учёного и сила таланта художника заменяют им вереницу высокородных предков и должны открывать им доступ в самые высокие сферы общественной жизни. (214)

Для меня существует лишь один аристократизм – аристократизм духа. Человека я ценю в меру его одарённости, его духовных качеств. (215)

Для меня искусство – культ, только оно и есть истинная религия. (216)

Человек, всецело преданный искусству, не имеет больше ничего общего с пёстромундирным парадом житейских пустяков, которые он с презрением отбрасывает, подобно тому как отрок, созрев и войдя в юношеские годы, отбрасывает давно наскучившую и не нужную ему, затасканную и обтрёпанную игрушку. (217)

За болтовнёй об искусстве, о любви к искусству и ещё невесть о чём не успевают добраться до самого искусства. (218)

Дилетантизм характерен для людей, не обладающих подлинным практическим знанием искусства. (219)

Цель искусства вообще, по мнению обывателя, – доставлять человеку приятное развлечение и отвращать его от более серьёзных или, вернее, единственно подходящих ему занятий, т.е. от таких, которые обеспечивают ему хлеб и почёт в государстве, чтобы он потом с удвоенным вниманием и старательностью мог вернуться к настоящей цели своего существования – быть хорошим зубчатым колесом в государственной мельнице и (продолжая свою метафору) снова начать мотаться и вертеться. (220)

Честным бюргерам и дельцам плевать на романтику и поэзию. (221)

Человек с поверхностным художественным образованием даже не представляет себе тех глубин, где зарождается дивное искусство настоящего художника, который, восприняв искру божественного огня, загорается стремлением к правде. (222)

В искусстве есть нечто божественное, ибо искусство – это вовсе не то, о чём так много разглагольствуют, оно, скорее, возникает из совокупности всего, что о нём говорят. (223)

Самые прекрасные, самые божественные чудеса происходят в глубинах самой человеческой души, и об этом чуде человек и должен возглашать во всеуслышание, в меру своих сил, и совершая это так, как только он способен это совершить, – словом, звуком или кистью! (224)

Душа писателя – самая чудесная и поразительная вещь на нашей грешной земле. (225)

Художнику прежде всего необходимо обрести спокойствие и ясность: без них он не в состоянии ничего создавать. (226)

Известное благорасположение и весёлость облегчают художнику его труд. (227)

Только воодушевление, сдерживаемое и направляемое парящим над ним разумом, создаёт классическое произведение искусства. (228)

От серьёзного, большого художника ждут только глубокого, серьёзного, истинного в искусстве, какую бы форму оно ни принимало, пусть даже в виде шутки, рождённой гордым и смелым духом. (229)

Важное теоретическое сочинение требует надлежащего досуга. (230)

Искусство является единственной целью и смыслом человеческого бытия. (231)

Смысл жизни и единственный источник внутренней гармонии мне видится в искусстве, а единственно положительного представителя общества я вижу в художнике. (232)

Искусство не только единственно благородная, но и единственно суверенная область человеческого духа. (233)

Искусство – это трагедия, а художник – мученик и изгой на земле. (234)

О великих художниках часто рассказывают анекдоты, придуманные так подетски и повторяемые с таким глупым невежеством, что всякий раз, когда мне приходится их слышать, они меня оскорбляют и сердят. (235)

Великие поэты и художники чувствительны также и к порицанию, высказываемому низменными натурами. Они слишком охотно позволяют себя хвалить, носить на руках, баловать. (236)

Неужели вы думаете, что то же самое тщеславие, которое так часто овладевает вами, может гнездиться и в высоких умах? Однако всякое приветливое слово, всякое доброжелательное усилие заглушает внутренний голос, который беспрестанно твердит истинному художнику: «Как ещё низок твой полёт, как он ещё скован силами земного! Скорее взмахни крылами и вознесись к сияющим звёздам!» И художник, побуждаемый этим голосом, часто блуждает во мраке и не может найти своей отчизны, пока приветный клич друзей не выведет его снова на правильный путь. (237)

Весьма безрассудно полагать, будто в искусстве и науке можно творить по собственному произволу, ибо вдохновение, без коего невозможно ничего произвести, рождается не из нашей души, а от воздействия какого-то вне нас лежащего высшего начала. (238)

Жеманство столь часто выказывает себя в мелочном подражании худо понятым образцам в столь же худо понятых притязаниях нашего времени. (239)

Теперь всё делается по одному образцу, и среди такой скуки люди находят удовольствие даже в том, что скучают. (240)

Только при глубине чувства, при душевной силе, которые способны противостоять убожеству современного искусства, можно понять истинный дух старых мастеров. (241)

Не редкость, что человек, не имея ни знаний, ни вкуса, разыгрывает из себя знатока искусства и литературы и охотно играл бы роль мецената, подвернись ему такая возможность. (242)

По большей части бывает так, что люди, не имеющие таланта, но желающие подражать талантливому писателю, заимствуют у него непременно самые слабые черты, так как они более понятны подражателям и ближе подходят к их творческим способностям. (243)

Лишь поэт способен постичь поэта; лишь душе романтика доступно романтическое; лишь окрылённый поэзией дух, принявший посвящение посреди храма, способен постичь то, что изречено посвящённым в порыве вдохновения. (244)

Нередко случается, что даже и самая глубокая скорбь, если только для неё найдутся слёзы и слова, растворится в нежно томительной грусти и даже кроткий луч надежды вновь вспыхнет в душе. (245)

Блаженство есть не что иное, как жизнь в поэзии, которой священная гармония всего сущего открывается как глубочайшая из тайн природы. (246)

Стихи не должны быть путаным набором слов, возникающим из нелепых бредней. (247)

Будь скромн и не суйся всюду со своими стихами, когда вполне достаточно простой и честной прозы, чтобы связать твои мысли воедино. (248)

Вставные стихи в книге, которая написана прозой, имеют то же значение, что шпиг в колбасе, а именно – они должны быть рассеяны там и сям, мелкими кусочками, чтобы придать всей смеси больше жирного блеска, больше сладостной прелести вкусу всего колбасного изделия! (249)

Порой хороший стих столь же полезен для посредственного романа, как жирный шпиг полезен для тощей колбасы. (250)

Муза ускользает – архивная пыль делает взгляд на мир мрачным и пасмурным! (251)

Только душе поэта открывает себя сходная по натуре организация. (252)

Божественность поэзии обнаруживается преимущественно в том, что сочинение стихов, ежели кое-какие рифмы и стоят порою нескольких капель пота, даёт однако чудесное внутреннее удовлетворение. Оно преодолевает всякую земную скорбь, – ведь известно же, что оно уже не однажды побеждало даже голод и зубную боль! (253)

Перед поэтом его любовь, его страдания предстают как поэтический сюжет, во всём блеске святого искусства. Он слышит, как близкая ему муза берёт первые аккорды на лире, и в божественном вдохновении хватает на лету крылатые слова, в которых изливаются его любовь, его страдания. (254)

Будучи действительно уязвлён до глубины души, когда сердце его источает кровь, поэт тем не менее счастливейший в мире человек, потому что он не нуждается ни в каком искусственном возбуждении, чтобы настроиться поэтически. Пусть же он поспешит воспользоваться этим периодом глубокой тоски, ибо она ему поможет создать нечто великое и превосходное. (255)

Чтение, которое заставляет думать о том, что читаешь, явно противоречит развлекательной цели. (256)

Только глупый человек способен ссылаться на поэтов, чтобы доказать истинность того, что противоречит здравому смыслу и разуму. Поэты являются законченными фантастами, плодящими и провозглашающими одни только вымыслы и глупости. (257)

Когда речь идёт о предметах недостоверных, мы вправе ссылаться на поэтов, ибо обычные историки ни черта в этом не смыслят. (258)

Если даже тончайшее сукно его одежды не защищает поэта от напора плебейских кулаков, то следует дать время выдохнуться всей этой кислой прозе, жалкому продукту грубейшей вульгарности, и тогда останется один чистейший осадок истинно поэтического страдания. (259)

У читателей и слушателей иссяк прекрасный дар терпения, и те подробные жизнеописания, что были столь любимы в старину, ныне вызывают одно неудовольствие. (260)

Разве не правда, что порой авторы обязаны экстравагантностью своего стиля благосклонным наборщикам, которые спешествуют вдохновенному приливу идей своими так называемыми опечатками? (261)

Ежели вникнуть в самоуничижительные выражения, коими изобилуют предисловия иных стеснительных авторов, то выяснится, что за всей этой словесной мишурой они лишь тщательно скрывают своё самомнение и зазнайство. (262)

Только в истинном романтизме комическое может быть так гибко соединено с трагическим, что оба производят единое, цельное впечатление, неотразимо действуя на душу зрителя. (263)

Рассказ или стихотворение, предназначенные для чтения вслух, должны содержать элемент драматизма или даже быть понастоящему драматичными. (264)

Большинство комедий и трагедий положительно невозможно читать вслух, не вызывая раздражения и смертельной тоски потому, что они начисто лишены драматизма или рассчитаны на исполнение их хорошими актёрами, будучи сами по себе так слабы и ничтожны, что не в силах нарисовать зрителю красочной картины с живыми людьми, а вынуждены рассчитывать на щедрую помощь театра и актёров. (265)

Волшебная сила поэтической правды должна одна руководить писателем, изображающим фантастический мир чудес, потому что только она одна может нас понастоящему увлечь. (266)

Целого арсенала нелепостей и чертовщины ещё недостаточно, чтобы вдохнуть душу в сказку, если в ней не заложен глубокий замысел, основанный на некоем философском взгляде на жизнь. (267)

Какой бы фантастический бред ни пришёл в голову автору, ему от этого будет очень мало пользы, если он не осветит всё лучом рассудка и не сплетёт предварительно разумного основания для всего произведения. (268)

Уточнять место действия отнюдь не вредит делу. Это не только придаёт рассказу характер исторической верности, оживляющей ленивую фантазию, но хорошо ещё тем, что необыкновенно освежает весь сюжет в воображении тех, кто сам бывал в упоминаемых местностях. (269)

Ничего нет удивительнее и безумнее действительной жизни, и только её может стараться уловить писатель, как в смутном отражении кривого зеркала. (270)

Всё то, чем сердце полно, о том вещают уста, а, пожалуй, также и гусиное перо поэта! (271)

Избегая всего непристойного, умей коснуться самой сути. (272)

К сожалению, многие мудрые слова падают на жёсткую, бесплодную почву, так что не могут приняться и пустить корни. (273)

При частых беседах полное притворство невозможно. (274)

Согласно авторитетному мнению именитейших авторов, блаженные обходятся без слов – одними только помыслами и взглядом. (275)

Взгляды часто звучат как чудесные слова, как заветные мелодии, вспыхнувшие в недрах души. (276)

Бывают мгновения – положения, более того, ситуации, когда, как я полагаю, человеку непременно следует держать язык за зубами, ибо ежели он распустит язык и раскроет рот, то

из этого рта не выйдет на свет ничего, кроме решительной чуши, которая способна только вызвать раздражение в душах людей разумных и добропорядочных! (277)

Коль человек всё время чего-то не договаривает, виляет, это указывает на ограниченность его ума и робость нрава. (278)

Иной старается быть остроумным, не будучи умным, и казаться глубокомысленным, не умея мыслить. (279)

Вдаваться в пустую болтовню – естественное свойство поверхностных душ. (280)

Коли без умолку рассказывают что-нибудь весёлое, то сюда же замешается и всякий вздор. (281)

Шутливыми речами пользоваться следует умеренно, как повару солью, а острыми словечками, как ружьём, не обращая их против других, а применяя для самозащиты, наподобие того как ёж пускает в ход свои иглы. (282)

Разумному человеку не так за словами, сколько за выражением лица следить надлежит, ибо то, что частенько утаивают речи, выдаёт лицо, и зарождению симпатии либо антипатии поведение, а не слова, споспешествует. (283)

Не забывайте, что голодный оппонент спорит с вами только ради ячменного хлеба насущного. (284)

Берегись сумасбродных безумных глупцов и замкни свою душу от злого волшебства их увлекательных речей! (285)

Учёное знание иностранного языка противоположно болтовне или «парлеканью», каковые суть полная готовность говорить на чужом языке обо всём сразу и ни о чём в частности: вполне беспредметно и бесцельно. (286)

Следует стараться думать на чужом языке, если хочешь его быстро изучить. (287)

Музыка открывает человеку неведомое царство, не имеющее ничего общего с грубым миром, нас окружающим. (288)

Есть один лишь ангел света, способный осилить демона зла. Этот светлый ангел – дух музыки, который часто и победоносно вздымается из души нашей: при звуках прекрасного голоса немеют все земные печали. (289)

О, музыка! С неизъяснимым трепетом, даже страхом, произношу я твоё имя! Ты – выраженный в звуках праязык природы! Непосвящённый лепечет на нём детские звуки, дерзкий хулитель гибнет, сражённый собственной насмешкой. (290)

Тайна музыки в том, что она находит неиссякаемый источник там, где речь умолкает. (291)

Музыка есть таинственный язык того далёкого царства духов, дивные звуки которого, находя отклик в нашей душе, пробуждают её к высшей и более интенсивной жизни. (292)

Для одновременного восприятия большого количества музыки необходимы необычайная крепость духа и внутренняя музыкальная сила. (293)

Взмыть в заоблачную высь, туда, где витает сладостное волшебство, где та любовь, которая не обусловлена ни временем, ни пространством и вечна, как мировой дух, всё это возможно музыканту в исполненных предчувствия небесных звуках, являющих страстную печаль и страстное желание. (294)

Наше царство – не от мира сего, – говорят музыканты, ибо мы не можем найти в природе прообраза нашего искусства, как это делают живописцы и скульпторы. (295)

Звук живёт везде. Звуки, слитые в мелодию, говорящие священным языком царства духов, заложены только в человеческом сердце. Но разве дух музыки не пронизывает всю природу, подобно духу звуков? (296)

Механически раздражаемое, пробуждаемое к жизни звучащее тело заявляет о своём бытии, или, вернее, осознав себя, выявляет свою сущность. Что, если и дух музыки, пробуждённый избранником, выражает себя в мелодии и гармонии только тайными, одному этому избраннику понятными звуками? (297)

Музыкант, т.е. тот, в душе которого музыка воплощается в ясно осознанное чувство, вечно одержим мелодией и гармонией. Не для красного словца, не в виде аллегии утверждают музыканты, что цвета, запахи, лучи представляются им в виде звуков, а сочетание их воспринимается ими как чудесный концерт. (298)

Подобно тому как, по остроумному выражению одного физика, слух есть внутреннее зрение, так и у музыканта зрение становится внутренним слухом, способствующим проникновенному осознанию музыки. Она созвучна его духу и исходит от всего, что человек может охватить взглядом. Поэтому внезапное возникновение в его душе мелодий, бессознательное, вернее, невыразимое словами познание и восприятие таинственной музыки природы и является основой жизни и деятельности музыканта. (299)

Слышимые звуки природы, завывание ветра, журчание ручья и прочая представляются музыканту сначала отдельными выдержанными аккордами, затем мелодиями с гармоническим сопровождением. (300)

Вместе с познанием крепнет и воля, и разве не может тогда музыкант относиться к окружающей природе, как магнетизёр к сомнамбуле: неотступное его хотение будет как бы вопросом, и природа никогда не оставит его без ответа. (301)

Чем живее и глубже познание, тем выше значение музыканта как композитора. (302)

Способность особой духовной силой овладевать вдохновением, закреплять его в нотных знаках, словах и есть искусство композиции. Это могущество достигается музыкальным образованием, дарующим умение бегло и свободно распоряжаться знаками (нотами). (303)

В индивидуализированной речи между словом и звуком существует такая тесная связь, что ни единая мысль не рождается в нас без соответствующего иероглифа (буквы в письме). (304)

Музыка остаётся всеобщим языком природы. Она говорит с нами чудесными таинственными звуками, но напрасно мы стремимся запечатлеть их в знаках. Искусно составленная череда музыкальных иероглифов сохраняет нам лишь слабый намёк на то, что мы подслушали. (305)

Истинная музыкальная механика та, которая подслушивает тайну звуков у самой природы, а затем пытается передать их инструменту. Поэтому натуральный чистый строй стоит выше искусственного – темперированного. (306)

Музыка – самое романтическое из всех искусств, пожалуй, можно даже сказать, единственное подлинно романтическое, потому что имеет своим предметом только бесконечное. (307)

Романтический вкус – явление редкое; ещё реже – романтический талант; поэтому так мало людей, способных играть на лире, звуки которой открывают полное чудес царство романтического. (308)

Музыка открывает человеку неведомое царство, мир, не имеющий ничего общего с внешним, чувственным миром, который его окружает и в котором он оставляет все свои определённые чувства, чтобы предаться несказанному томлению. (309)

Какое всё же удивительное, чудесное искусство музыка, и как мало человек сумел проникнуть в её глубокие тайны! Но разве не живёт она в груди самого человека, так наполняя его внутренний мир благодатными образами, что все его мысли обращаются к ним, и новая, просветлённая жизнь ещё здесь, на земле, отрешает его от суеты и гнетущей муки земного? (310)

Какого художника занимали когда-либо политические события дня? Он жил только своим искусством и только с ним шёл по жизни. Но тяжёлое, роковое время зажало человека в железный кулак, и боль исторгает из него звуки, которые прежде были ему чужды. (311)

Как я подавлен гнётом всех тех ничтожных, презренных мелочей, которые, как ядовитые жалящие насекомые, преследуют и мучат в этой жалкой жизни человека, а в особенности – художника, до такой степени, что он часто готов предпочесть этой вечно язвящей муке жестокий удар, могущий навсегда избавить его и от этой, и от всякой иной земной скорби! (312)

Дух возносится превыше земных скорбей в блаженной надежде скоро увидеть в высшем и лучшем мире исполнение всех обетований. (313)

Когда меня станет осаждать ничтожество и, считая равным себе, вступит со мною в пошлую борьбу, когда глупость захочет ошеломить меня, а отвратительная насмешка черни – уязвить своим ядовитым жалом, тогда утешающий голос духа шепнёт мне магическими звуками: «Я спокоен, ибо скоро я буду с *тобою*, жизнь моя!» (314)

Искусство позволяет человеку почувствовать своё высшее назначение и из пошлой суеты повседневной жизни ведёт его в храм Изида, где природа говорит с ним священными, никогда не слыханными, но тем не менее понятными звуками. (315)

Музыка – самое романтическое из всех искусств, так как она имеет своим предметом только бесконечное. Она – таинственный, выражаемый в звуках праязык природы, наполняющий душу человека бесконечным томлением. Только благодаря ей постигает человек песнь песней деревьев, цветов, животных, камней и вод. (316)

Гений музыки горит в душах людей, занимающихся искусством и лелеющих его в себе, и пожирает их неугасимым пламенем, когда более низменные начала пытаются загасить или искусственно отклонить в сторону эту искру. (317)

Если вы можете удержаться от слёз, слушая прекрасную игру на благороднейшем инструменте, то возблагодарите создателя за свою крепкую конституцию! (318)

Когда идёт речь о музыке как о самостоятельном искусстве, не следует ли иметь в виду одну только музыку инструментальную, которая, отказываясь от всякого содействия или

примеси какого-либо искусства (например поэзии), выражает в чистом виде своеобразную, лишь из неё познаваемую, сущность свою? (319)

В пении, где поэзия выражает словами определённые аффекты, волшебная сила музыки действует, как чудный философский эликсир, коего несколько капель делают всякий напиток вкуснее и приятнее. (320)

Всякая страсть, – любовь, ненависть, гнев, отчаяние и прочая, – как её представляет опера, облекается музыкою в блестящий романтический пурпур, и даже обычные наши чувствования уводят нас из действительной жизни в царство бесконечного. (321)

Инструментальная музыка, там, где она действует только сама по себе, как музыка, не служа какой-либо определённой драматической цели, должна избегать всего незначительно-шутливого, всяких пустых побрякушек. Она должна пробуждать в глубине души предчувствие той радости, которая, будучи выше и прекраснее всего, что есть в нашем замкнутом мире, и приходя из неведомой страны, воспламеняет сердце полною блаженства жизнью; должна найти для неё более высокое выражение, нежели те ничтожные слова, которые свойственны только робкому земному счастью. (322)

О глубоких, таинственных предметах даже и тогда, когда внутренне сроднившийся с ними дух чувствует радостный и весёлый подъём, никак не следует говорить на повседневном языке, а должно изъясняться лишь словами возвышенными и торжественными: танец жрецов Изиды может быть только ликующим гимном. (323)

Кто не чувствует в себе этой посвящённости, кто полагает, что священная музыка есть только забава, пригодная лишь для времяпрепровождения в свободные часы, для минутного услаждения тупых ушей или для хвастовства своим умением, тот пусть лучше её оставит. (324)

Настоящий художник – артист, исполнитель – весь живёт творением, которое он воспринял в духе мастера и в том же духе исполняет. Он пренебрегает желанием так или иначе выставить свою личность. Всё его творчество и изобретательность направлены лишь к тому, чтобы в тысяче блестящих красок вызвать к жизни все те прекрасные, благодатные картины и явления, которые мастер волшебной силой заключил в своё детище, и сделать это так, чтобы они охватили человека светлыми, сияющими кругами и воспламеняя его фантазию и глубочайшее внутреннее чувство, в стремительном полёте унесли его в далёкое царство духов. (325)

Понимать музыку можно и без всяких музыкальных познаний. В этом отношении иной простой любитель с гораздо большим правом может назваться истинным музыкантом, нежели бесталанный человек, изучивший в поте лица музыкальную технику со всеми её заблуждениями и боготворящий взамен чистого духа искусства им же самим созданный кумир мёртвых правил, лишая себя, таким образом, во имя ложного идолопоклонства истинного блаженства получить доступ в высший мир искусства. (326)

Как чудесно, когда человек до такой степени весь проникнут музыкой, что, словно вооружённый нездешней силой, легко и весело овладевает самыми громоздкими музыкальными сооружениями, построенными композитором из бесчисленного количества нот и звуков разнообразнейших инструментов, воспринимает эту музыку умом и рассудком, но без особого душевного волнения, без всяких болезненных приступов страстного восторга и душераздирающей тоски. (327)

Фортепьяно – инструмент, более подходящий для гармонии, нежели для мелодии. Наивысшая степень выразительности, на которую способен этот инструмент не в силах дать

мелодии той жизни, какую могут воспроизвести в тысячах тончайших оттенков смычок скрипача или дыхание играющего на духовом инструменте. (328)

Пианист тщетно борется с непреодолимой трудностью, представляемой самим механизмом инструмента, который заставляет струны дрожать и звучать посредством удара. Но зато (не считая, впрочем, гораздо более ограниченной по звучанию арфы), пожалуй, не существует другого инструмента, который мог бы в таких полных аккордах, как фортепьяно, обнять всё царство гармонии и в самых дивных формах и образах развернуть пред знатоком её сокровища. (329)

Если фантазия художника охватывает целую звуковую картину с многочисленными группами, светлыми бликами и глубокими тенями, то он может вызвать её к жизни на фортепьяно, и она выступит из его внутреннего мира во всех своих красках и блеске. (330)

Многоголосая партитура, эта поистине волшебная книга музыки, заключающая в своих знаках все чудеса звукового искусства и таинственный хор разнообразнейших инструментов, оживает на фортепьяно под руками мастера; пьесу, полно и точно воспроизведённую таким образом по партитуре, можно сравнить с хорошей гравюрой, снятой с большой картины. (331)

Числовые соотношения в музыке и таинственные правила контрапункта вызывают во мне какой-то глубокий ужас. (332)

Особенно томительны и скучны музыкальные пьесы, написанные по заданной формуле. (333)

Только тот композитор действительно проник в тайны гармонии, который умеет действовать через неё на человеческую душу. Числовые соотношения, остающиеся для бездарного грамматика лишь мёртвыми, неподвижными цифровыми примерами, для композитора являются чародейными препаратами, из которых он творит волшебный мир. (334)

Первое и самое главное в музыке – мелодия. Чудесной волшебной силой потрясает она человеческую душу. Нечего и говорить, что без выразительной, певучей мелодии всякие ухищрения инструментовки – только мишурная отделка: она не служит украшением живого тела, а висит на верёвке и влечёт за собою глупую толпу. (335)

Певучесть в высшем смысле слова есть синоним подлинной мелодии. Мелодия должна быть песней и свободно, непринуждённо струиться непосредственно из груди человека. Ведь он тоже инструмент, из которого природа извлекает чудеснейшие, таинственнейшие звуки. (336)

Мелодия, не обладающая певучестью, остаётся рядом разрозненных звуков, напрасно пытающихся стать музыкой. (337)

Непостижимо, до какой степени в последнее время пренебрегают мелодией. Мучительные попытки поражать и быть оригинальным во что бы то ни стало совершенно лишили певучести многие музыкальные произведения. (338)

Отчего незатейливые песни старых итальянских композиторов, иногда с аккомпанементом одного только баса, так глубоко нас трогают и вдохновляют? Не в великолепной ли певучести здесь дело? (339)

Вообще песня – неотъемлемое, прирождённое достояние этого воспламенённого музыкой народа. Немецкий композитор, даже если он достиг высшего т.е. истинного понимания оперной музыки, должен всячески сближаться с творцами итальянской музыки для

того, чтобы они могли тайной волшебной силой обогащать его внутренний мир и зарождать в нём мелодии. (340)

Превосходный пример этого искреннего содружества даёт высокий мастер музыкального искусства Моцарт, в чьём сердце зажглась итальянская песня. Какой другой композитор создал такие певучие произведения? Даже без оркестрового оформления каждая его мелодия глубоко потрясает, и этим-то и объясняется чудесное действие его творений. (341)

Что же касается модуляций, то поводом для них может быть только содержание самого произведения, оне должны проистекать из движения чувств, и в той же мере как чувства эти могут быть спокойны, сильны, величественны, зарождаться постепенно или нахлынуть внезапно, так и композитор, в котором заложен дивный природный дар – чудесное искусство гармонизации, лишь усовершенствованное изучением техники, – композитор легко сможет установить, когда надо переходить в родственные тональности, когда в отдалённые, когда делать это постепенно, когда неожиданно смело. (342)

Настоящий гений не стремится к тому, чтобы поразить своими лже-искусными ухищрениями, превращающими искусство в отвратительную искусственность. Он только закрепляет на бумаге звуки, какими говорило с ним вдохновение. Пусть же музыкальные грамматисты, приняв такие творения за образец, пользуются ими для своих упражнений. (343)

Мы далеко бы зашли, заговорив здесь о глубоком искусстве гармонии, заложенном в нашем сознании, о том, как ищущему открываются таинственные законы этого искусства, коих не найти ни в одном учебнике. Указывая лишь на одно явление, замечу, что резкие модуляции только тогда производят сильное действие, когда, невзирая на свою разнородность, тональности всё же находятся в тайном, но понятном музыканту сродстве. (344)

Конечно, поражающее впечатление, производимое гениальным творением великого мастера, в значительной мере зависит также от инструментовки. Но мы едва ли возьмём на себя смелость установить здесь хотя бы одно-единственное правило: этот раздел музыкального искусства окутан мистическим мраком. (345)

Каждый инструмент, производя в каждом отдельном случае то или иное впечатление, заключает в себе сотню других возможностей. Смешно и бессмысленно думать, что только совместное их звучание может быть выразительным и мощным. Иногда единственный звук, изданный тем или иным инструментом, вызывает внутренний трепет. (346)

К инструментовке относятся и различные фигуры сопровождающих инструментов. Как часто такая правильно осознанная фигура придаёт величайшую силу правдивому музыкальному выражению. (347)

Фигуры также нельзя придумывать и вставлять искусственно. Живые краски музыкального творения ярко оттеняют мельчайшие его подробности, и всякое лишнее украшение только искажает, а не улучшает целое. (348)

То же самое можно сказать о выборе тональности, о *forte* и *piano* – смена их должна определяться внутренним содержанием произведения, их нельзя применять произвольно, для одного лишь разнообразия, так же как и другие второстепенные выразительные средства, находящиеся в распоряжении музыканта. (349)

Пусть утешится композитор, снедаемый сомнениями, павший духом, гонящийся за эффектами: если только он талантлив, то понастоящему глубоко проникаясь творениями мастеров, он войдёт в таинственное соприкосновение с их духом, и дух этот воспламенит его

дремлющие силы, доведёт его до экстаза. Тогда, пробуждённый от смутного сна к новой жизни, услышит он чудесные звуки своей внутренней музыки. (350)

Изучение гармонии, технические упражнения дадут ему силу запечатлеть эту музыку, не дать ей ускользнуть. Вдохновение, породившее его детище, чудодейным своим отзвуком мощно захватит слушателя, и он разделит блаженство, объявшее музыканта в минуту творчества. В этом подлинный эффект вылившегося из глубины души музыкального произведения. (351)

Я, по крайней мере, знаю по опыту, что первая зародившаяся, точно волшебной силой, в уме мелодия всегда бывает лучшей и может быть единственно верной. (352)

Музыка более, чем всякое другое искусство, требует для удачного творчества, чтобы художник создавал свои произведения сразу, со всеми мельчайшими подробностями, так как нигде изменения и исправления не вредят так делу, как в ней. (353)

Написать хороший последний акт оперы так же трудно, как искусно заключить пьесу. И то и другое обыкновенно перегружено украшениями, и упрёк: «Он никак не может закончить», слишком часто бывает справедлив. Поэту и музыканту бесполезно посоветовать сочинять последний акт и финал до всего остального. Но увертюра, так же как и пролог, безусловно должна писаться в самом конце работы. (354)

Большая часть опер не что иное, как театральные представления с пением, где полное отсутствие драматизма относят то за счёт текста, то за счёт музыки; на самом же деле происходит оно от литературной формы всего произведения, состоящего из массы нанизанных одна на другую без толку мёртвых сцен, лишённых поэтической правды, оживить которые не в состоянии никакая мелодия. (355)

Бывает, что композитор невольно работает только для себя, и тогда мы видим ничтожный сюжет, который тащится возле мелодии, не будучи нимало ею проникнут, а она им. При этом иногда может быть, что музыка в известном смысле даже хороша, т.е., не поражая слушателя с магической силой до глубины души, она всё-таки производит приятное впечатление, как весёлая игра ярких красок. Но тогда это уже не опера, а концерт, исполняемый на сцене, с декорациями и костюмами. (356)

Поэт и музыкант – родные братья и члены одной и той же религии, ибо они освящены одним, высшим таинством – таинством слова и звука. (357)

Одно из затруднений, в которые композиторы ставят оперных поэтов, – это невообразимая краткость текста. Она делает крайне затруднительной разработку того или иного положения, лишает возможности ярко изобразить развитие страсти. Со всем этим, по мнению композиторов, следует разделяться в двух-трёх стихах, да и те они ещё калечат и переделывают по своей прихоти. (358)

Автор оперного либретто должен, подобно декоратору, наметить только общий план картины в сильных выразительных контурах, а затем уже дело музыки осветить всё правильным светом, привести в перспективу – словом, оживить всё так, чтобы отдельные черты, кажущиеся произвольными, соединяясь, превращались в смелые, яркие фигуры. (359)

Что касается характера собственно слов, то для композитора лучше всего, если они кратко и сильно выражают положение и страсть, которые должны быть переданы; всякие же украшения, а особенно образы, будут излишни. (360)

Именно в том и заключается поистине высшее искусство композитора, что правдивостью выраженных чувств он трогает и потрясает всякого слушателя, как того требует

тот или иной момент действия, и сам он, подобно поэту, создаёт такие моменты. Все средства, предоставленные ему неисчерпаемым богатством музыки, находятся в его распоряжении, и он пользуется ими, поскольку они нужны ему для художественной правды. (361)

Опера, уже по самой своей природе соединяющая индивидуализированную речь с всеобщим музыкальным языком, производит величайшее и чрезвычайно глубокое впечатление на человеческую душу. (362)

Певцу мало обладать полнозвучным, звонким, чистым голосом, надо ещё петь с воодушевлением, которое как бы изливается из глубочайших недр его души. (363)

Чтобы растрогать и властно захватить слушателя, художник сам должен быть проникнут глубоким чувством, и только умение с величайшей силой запечатлеть в звуковых иероглифах (в нотах) то, что бессознательно воспринято душой в минуту экстаза, есть подлинное искусство композитора. (364)

Если молодой композитор спрашивает, что надлежит сделать, дабы написать выдающуюся оперу, то ему можно ответить только одно: прочти поэтическое произведение, устрями к нему все свои умственные силы, со всей мощью воображения вникни в развитие событий, воплотись в действующих лиц, стань сам тираном, героем, возлюбленным. Восчувствуй горе, любовный восторг, стыд, страх, ужас, неописуемые смертные муки, радость блаженного просветления! Гневайся, надейся! Приходи в бешенство, в отчаянье. Пусть кровь кипит у тебя в жилах, быстрее бьётся сердце. От огня вдохновения, воспламенившего твою грудь, загорятся звуки, мелодии, аккорды, и тогда из глубины твоей души, говоря чудесным языком музыки, выльется твоё произведение. (365)

Достигая технического совершенства изучением гармонии и творений великих мастеров, а также собственными творческими упражнениями, ты будешь всё яснее чувствовать звучащую в тебе музыку, и от тебя не ускользнёт ни одна мелодия, ни одна модуляция, ни один инструмент. Таким образом ты одновременно научишься воздействовать на слушателя, обретёшь необходимые для этого средства и заключишь их, как подвластных твоему могуществу духов, в волшебную книгу партитуры. В сущности говоря, это значит: «Будь любезен, милый, постарайся стать истинным музыкальным гением! Остальное приложится». Но ведь это действительно так, а не иначе! (366)

Многие заглушают в себе живую искру таланта, когда, не доверяя собственным силам, пренебрегая зарождающимися в душе мыслями, стремятся использовать всё наиболее блестящее в сочинениях великих мастеров. Таким образом они впадают в слепое подражание форме, которая никак не может породить из себя дух, ибо только дух создаёт форму. (367)

Близорукие умы, неспособные постичь сущность творений великого гения, воспринимают их как изуродованную картину: они или подражают ей, или высмеивают отдельные её части. Гётевский Вертер породил в своё время слезливую чувствительность. «Гец фон Берлихинген» вызвал неуклюжие подражания, подобные пустым доспехам, — они гулко звучат грубой наглостью и прозаически тупой глупостью. (368)

Существует ли мастерское произведение, не породившее смехотворных, нелепых подражаний? (369)

«Дайте нам что-нибудь эффектное!» Этот вечный вопль театральных директоров, желающих, выражаясь обычным языком подмостков, «схватить публику за шиворот», а также требования так называемых привередливых знатоков, для которых и перец недостаточно едок, — всё это часто приводит в малодушное отчаянье музыкантов, мечтающих елико возможно перещегоолять эффектностью настоящих мастеров. (370)

Таким образом создаются удивительные сочинения, где без всякого основания, т.е. без согласованности с соответствующими местами поэтического произведения, нагромождены резкие отклонения, мощные аккорды всевозможных духовых инструментов, словно пёстрые краски, из которых никогда не возникнет целой картины. Композитор здесь похож на заспанного человека: каждую минуту его будят удары молота, но он тотчас засыпает снова. Такие музыканты крайне удивляются, что, несмотря на их мучительные усилия, творения их отнюдь не производят ожидаемого впечатления. (371)

При сём эти авторы забывают, что музыка, созданная их собственным гением, вылившаяся из глубины их существа и казавшаяся им чересчур незатейливой, чересчур бессодержательной, быть может, произвела бы бесконечно большее действие. Робость и малодушие ослепили их, помешали правильно понять взятые за образец мастерские произведения, потому-то они и ухватились за внешние средства, полагая, что именно в них заключён секрет успеха. Но один только дух, по произволу своему повелевая внешней формой, безраздельно господствует в этих произведениях. Только искренне и мощно вылившееся из глубины души произведение проникает в душу слушателя. Духу понятен только язык духа. (372)

Не дивно ли? Музыка, как это легко заметить на всех концертах и музыкальных собраниях, чрезвычайно способствует беседе. Во время пауз всё тихо, но как только начинается музыка, сейчас же вскипает поток речей, поднимающийся всё выше и выше вместе с падающими в него звуками. (373)

Музыке лучше всего внимать в одиночестве: одно замечание соседа, да ещё, чего доброго, глупое, может самым болезненным образом спугнуть чудесный миг музыкально-поэтического восторга. (374)

Поистине ни одно искусство не подвергается столь бесконечному и гнусному злоупотреблению, как дивная, святая музыка, нежное существо которой так легко осквернить! (375)

Если у вас есть настоящий талант, настоящее понимание искусства, – хорошо, учитесь музыке, создавайте нечто достойное искусства, и в должной мере служите своим талантом посвящённому. А если вы лишены таланта и хотите просто бренчать, то делайте это для себя и про себя и не мучьте этим чувствительные души, которым дано понимать музыку. (376)

Я сделался злобным и бешеным главным образом потому, что видел, как чернь оскверняет музыку. (377)

Как высший судия, я поделил весь род человеческий на две неравные части. Одна состоит только из хороших людей, но плохих или вовсе никаких музыкантов, другая же – из истинных музыкантов. Но никто из них не будет осуждён, наоборот, всех ожидает блаженство, только на различный лад. (378)

Я слышал, что существует старинный закон, который запрещает ремесленникам, производящим шум, селиться рядом с учёными. Неужели же бедные притесняемые композиторы – которым вдобавок приходится ещё чеканить из своего вдохновения золото, чтобы дольше протянуть нить своего существования – не могли бы применить к себе этот закон и изгнать из своего окружения дударей и все крикливые глотки? Что сказал бы живописец, если бы к нему в то время, когда он пишет идеальный образ, стали беспрестанно соваться разные скверные рожи? (379)

Если сравнивать музыку с живописью, то музыкальная поэма предстанет в душе художника в виде законченной картины, и, глядя на неё, он сам найдёт верную перспективу, без которой невозможно правдивое изображение. (380)

Рассматривание какой-нибудь картины может продолжаться лишь очень недолго, ибо интерес к ней теряется, как только вы угадали, что именно эта картина изображает. (381)

Пейзажист, так же как и художник исторический, должен быть поэтом, иначе он навсегда останется ремесленником. (382)

Любой государь во всей славе своей жалок мне в сравнении с отменным художником, и величайшие ратные подвиги кажутся мне лишь свирепой земной забавой, меж тем как творения живописца – это чистейший отблеск обитающего в нём благодного духа. (383)

Разве довольно в точности знать, как Рафаэль задумывал и создавал свои картины, для того чтобы самому сделаться Рафаэлем? (384)

Самое большее, что умеют современные художники, – это рисовать, но живопись как таковая им отнюдь не даётся. (385)

Не одинаковая форма носа, лба, глаз, даже одинаковый рост, но именно освещаемое мыслью выражение лица главным образом и создаёт настоящее сходство, которое большинство портретистов, вернее сказать – копировщиков, не умеют уловить, почему в их портретах никогда нет подлинного сходства с оригиналом. (386)

Нелегко одеваться так, чтобы по общему впечатлению от костюма нельзя было заключить, будто этот человек занимается тем, а не другим делом, и никому бы даже в голову не приходило задуматься над этим. (387)

Костюм гражданина вселенной определяется тем, чего в нём избегают, и его можно уподобить светскому поведению, о котором судят не столько по поступкам, сколько по тому, что в манерах светского человека исключается. (388)

О, одеяние – это не просто так. Поверьте, есть сокровенная сила в подобного рода внешних вещах. Напомню вам об актёрах, которые, одеваясь в тот или иной костюм, чувствуют, будто ими овладевает некий чужой дух, и легче становится им изобразить тот или иной характер. (389)

Нужно сказать правду, что всякий, у кого есть глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, и рука, чтобы писать, воображает, что он призван быть театральным критиком и знает толк в искусстве. (390)

Существует два вида галиматии: одной не понимает ни читатель, ни зритель, а второй не понимает даже и сам автор – поэт или прозаик. Из этой-то последней, более высокого сорта, драматургической галиматии состоит большинство так называемых «благодарных» ролей. Речи, полные благозвучных слов, непонятных ни зрителю, ни актёру и непонятных даже самому сочинителю, вызывают самые бурные аплодисменты. (391)

Как ничтожно и бесцветно должно быть произведение, в которое вопреки замыслу автора можно вводить новое действующее лицо или переделывать уже имеющиеся по своему произволу, не нарушая общего впечатления! (392)

К сожалению, была и есть масса пьес, в которых герои и героини походят на чистые листы, которые актёру предстоит ещё заполнить. (393)

Меня положительно злость берёт, когда я слышу, что та или иная роль или партия написаны для того или другого актёра или певца. Разве истинный поэт имеет право ставить

себя в зависимость от тех или иных актёрских индивидуальностей? Разве не должны принадлежать всему миру его выразительные и удачно схваченные образы? (394)

Актёр должен обладать столь редко даруемой небом способностью в совершенстве владеть всем своим внешним видом, чтобы любое, самое незначительное движение было обусловлено тем или иным движением души. Разговор, походка, манера держать себя, все жесты принадлежат уже не ему, а тому лицу, которое желал изобразить автор с такой живостью и правдивостью, и всё это должно быть представлено в таком блеске, который освещает актёра при подобном исполнении роли, чтобы его собственное «я» исчезало как нечто вполне бесцветное и ничего не значащее. (395)

Полное отречение от самого себя или, вернее, забвение своего собственного «я» – первое требование исполнительского искусства. (396)

Страсть выставлять на вид не личность, созданную автором, а свою собственную и есть самая грубая ошибка исполнителя. (397)

Небрежное отношение актёра к своему делу и, наконец, лёгкость, с которой он приобретает шумное одобрение публики, внушают ему не только известную долю ложного самомнения, но приучают его в то же время относиться к ней с пренебрежением. Публика опять-таки платит ему тем же, не умея отличить настоящего артиста от презренного фигляра, когда первый не стыдится прибегать к уловкам последнего. (398)

Истинный артист умеет отличить, кто и как относится к его игре, и постарается играть таким образом, чтобы заслужить одобрение людей, знающих дело и мнение которых он уважает. (399)

В комических ролях артист должен стараться вызвать искренний, невольно вырывающийся смех, и тогда цель его достигнута, он играл хорошо; трагически напряжённое внимание зрителей во время исполнения драматической роли, пожалуй, самое верное свидетельство истинно талантливой игры. (400)

Хотя неутомимое прилежание и глубокое изучение искусства имеют громадное значение, но, как всякий художник, настоящий актёр должен быть рождён для искусства. (401)

Гениальный артист должен быть таковым по природе. Но так как природа настолько экономна, что не расточает подобные великие дары направо и налево, а награждает ими тех из своих детей, которые родились под особенно счастливой звездой, то труппу, заключающую в себе лишь одних высокодаровитых артистов, можно найти разве только в какой-нибудь волшебной стране. (402)

Ни одно искусство не находится до такой степени в зависимости от исполнителя, как драматическое. Драматический писатель имеет целью выставить напоказ то или другое созданное им лицо через посредство актёра. (403)

Гениальный актёр нередко исполняет свою роль несколько иначе, чем она была задумана автором. (404)

И в аду не уготовано актёру более тяжких мук, чем раны, нанесённые тщеславию, ибо оне попадают в самое сердце. (405)

Театральная публика – это причудливое тысячеглавое хамелеоноподобное чудовище. (406)

Нет ничего проще, как сравнить директора театра с драматургом, автора с издателем, чтобы, накинувшись друг на друга, они в лютой борьбе пожрали один другого, подобно тем двум львам, от коих на месте битвы остались лишь хвосты – страшные памятники свершившегося убийства. (407)

В жизни не так уж редко случается, что какого-либо человека считают особенно порядочным и добродетельным именно тогда, когда он как раз совершает какой-нибудь скверный поступок. (408)

Всемогущая судьба, карая злодеяние, позволяет грешнику своею гибелью искупить вину. (409)

Да есть ли такое человеческое сердце, которое не было бы полем битвы добра и зла! Но без этой борьбы нет и добродетели, ибо добродетель – это победа доброго начала над злым, и, напротив, грех – поражение доброго начала. (410)

Малодушие и ложный стыд – обычные спутники нищеты. (411)

Плохую услугу оказывает беднякам тот, кто раздражает их вкус разными сластями, ведь после этого они вдвойне почувствуют свою несчастную судьбу, когда им с голоду опять придётся жевать безвкусные куски, которых не станет есть ни одна разборчивая комнатная собачонка. (412)

О, до чего мне отвратительна эта кормёжка бедняков, как я подумаю, что растраченного за один только день хватило бы для пропитания их умеренной пищей в течение нескольких месяцев. (413)

В груди верного друга найдётся место для чужой печали. (414)

Человеку, обречённому на одиночество, собственный дом представляется мрачной гробницей, в которой он похоронён со всеми своими радостями. (415)

Увы, до чего же редка в наши скудные, закоснелые, безлюбивые времена истинная симпатия душ! (416)

Силе иллюзии удалось скрыть от нас истинное значение нашей любви и так ужасно нас обмануть, что небесное мы понимаем только на земной лад. (417)

Сердце человека – великая тайна; но искренняя вера всегда преодолает презренное и даже греховное дерзновение ожесточённого ума, и, если Богу угодно, всё сделается к лучшему. (418)

Жизнерадостность и добросердечие вносят проблески высшего бытия в земную юдоль. (419)

Есть ли более приятное состояние, чем когда мы совершенно собой довольны? (420)

Ясный и здравый человеческий рассудок вкупе с верными жизненными взглядами неизбежно порождают меткую иронию, когда они оказываются вынуждены взирать на балаган человеческой жизни, потому что, только громко, от всего сердца рассмеявшись, можно дать облегчение своей угнетённой душе. (421)

Сознание несоответствия между внутренним миром человека и внешним миром имеет следствием чрезвычайную раздражительность, сказывающуюся в едкой, злой иронии. Это –

судорожные реакции измученной, израненной души, и смех её есть не что иное, как жалобный крик, в котором выражается неизбывная тоска по родине. (422)

Ирония, сталкивающая человеческое с животным, издевающаяся над человеком и его жалкою суетою, живёт лишь в обители могучего духа. (423)

Очень комическое настроение, когда иронизируешь над самим собой. Так, мертвецы пляшут вокруг своих могил. (424)

Никто не осмелится отрицать иронию, глубоко корнящуюся в человеческой природе и, более того, обуславливающую её в самой её сути, как бы излучающую вместе с глубочайшей серьёзностью остроумие, юмор и дух лукавства. (425)

Сильнейшая боль, жалоба безнадёжного отчаяния часто перерождаются в смех и безудержное веселье. Полнейшее познание этого странного, присущего человеческой природе свойства и есть, пожалуй, то, что мы называем юмором. (426)

Люди любят смешное, потому что оно помогает им скоротать праздное время. (427)

Юмор – чудесная способность мысли путём глубочайшего созерцания природы создавать свой двойник – иронию, по шальным трюкам которого мы узнаём шальные трюки всего сущего на земле. (428)

Гротеск раскрывает серьёзному и проникновенному взору все таинственные намёки, скрытые под покровом шутовства. (429)

Шутовство – это щит от безумия. (430)

Многим умным людям, невзирая на всю их серьёзность, свойственна некоторая наклонность к иронии и шутливости, которая при малейшем толчке выходит наружу. Так глубокий поток, невозмутимо катящийся вперёд тихие воды, серебрится и подёргивается игривою рябью от дуновения мимолётного ветра. (431)

Когда горе раздирает нам сердце, надо к нему попривыкнуть немного, чтобы побороть его как следует. (432)

В скорби – радости залог! (433)

Воля небесная, в неисповедимых путях своих посылающая нам жестокое испытание, подаёт нам и силу перенести его, а всякое земное утешение может нас только оскорбить. (434)

Человек не должен поддаваться никакому горю, а всегда высоко держать голову и с душевной силой, которую Бог влагает в грудь каждого человека, до тех пор бороться со своим несчастьем, пока не станет очевидно, что дольше он терпеть не может. (435)

Я понимаю, что смерть родителей может потрясти человека, но если бы каждый, понеся чувствительную потерю, уползал как улитка в свою раковину, то свет, чорт возьми, уподобился бы какой-то покойницкой, и я не стал бы в нём жить ни минуты. (436)

Природа жестока к нам, она печётся и заботится лишь о своих здоровых детях, а больных она покидает, и более того – обращает все виды грозного оружия против самого их существования. (437)

Если для нас многое или скорее даже почти всё в природе остаётся недоступным исследованию, то у нас всегда под рукой готовые ярлычки, так что мы неизменно кичимся

своей пустопорожней школярской премудростью, хотя с её помощью видим не дальше собственного носа. (438)

Учёные, эти жалкие сумасброды, чья жизнь непрерывное заблуждение, стремятся исследовать природу, не имея ни малейшего понятия о её внутренней сущности. Они могут мнить, будто созерцают высокие святыя чудеса природы со смиренным благоговением, а между тем сами уничтожают это благоговение, силясь в своём преступном дерзновении доискаться до сокровеннейших условий сих чудес. И познание, к которому они стремятся, оказывается лишь призраком, который морочит их как любопытствующих, надоедливых детей. (439)

Все вы, люди, таковы! Пока здоровы, пока у вас ясная голова и хорошо варит желудок, вы верите лишь тому, что можете пощупать руками. Но стоит начаться у вас душевному или физическому несварению, как вы жадно хватаетесь за первое, что вам предложат. (440)

Какими жалкими кажутся мне эти медики, которые всерьёз полагают, что с человеческой природой можно обращаться как с часовым механизмом, каковой можно очистить от пыли и вновь завести! Они вселяют в меня страх, вместе со всеми своими каплями и эссенциями. И от этих пустяков должно зависеть моё здоровье и моё благо? Если б оно и впрямь было так, то вся наша жизнь в юдоли сей была бы ужасающей издёвкой мирового духа! (441)

Предпочитай мирный сон пустому препровождению времени. (442)

Нерушимое отправление церебральной системы есть необходимое условие сознания, личности как выражения совершеннейшего соединения целого в едином фокусе. (443)

Физический принцип есть условие чисто вегетативной жизни, психический же, напротив, обуславливает человеческий организм, который находит двигателя своего бытия лишь в духе, в способности мышления. (444)

Физическое относится только к чисто вегетативной жизни, лишённой способности мышления, как это имеет место у растений, психическое же относится к способности мышления. Но ежели последнее в человеческом организме главенствует, то медику надлежит всегда начинать со способности мышления, с области духа и взирать на тело только как на вассала духа, который должен повиноваться, коль скоро этого пожелает его повелитель. (445)

С юношескими экзальтированными умами дело обстоит точно так же, как с частично сумасшедшими, обладающими известным пунктиком, которых открытое сопротивление только повергает ещё глубже в пучину безумия, в то время как опыт, испытанный на собственной шкуре, коренным образом исцеляет безумные заблуждения, причём настолько радикально, что отнюдь не приходится опасаться рецидива. (446)

Покой всего дороже в пору безмятежной старости. (447)

Если ты исполняешь лишь неизбежное, от века тебе предназначенное, то как ты можешь совершить грех? (448)

Если сын грешника должен грешить лишь потому, что он унаследовал греховный организм, тогда и греха тут нет. (449)

Вот в чём проявляется всемогущество Господне: как в мире природы яд поддерживает жизнь, так в мире нравственном добро обуславливается существованием зла. (450)

Говорят, чудесное на земле исчезло, но я этому не верю. Чудеса попрежнему остаются, но даже и те чудеснейшие явления, какими мы повседневно окружены, люди отказываются так называть потому, что они повторяются в известный срок, а между тем этот правильный круговорот нет-нет и разорвётся каким-либо чрезвычайным обстоятельством, перед которым оказывается бессильной наша людская мудрость, а мы в нашей тупой закоренелости, не будучи в состоянии понять сей исключительный случай, отвергаем его. Мы упорно отказываемся верить своим внутренним очам и отрицаем явление лишь потому, что оно чересчур прозрачно и мы не можем его узреть нашими земными глазами. (451)

Неверие – это худшее из суеверий. (452)

Как всё же сразу у нас готово объяснение, когда происходит нечто чудесное, сверхъестественное! (453)

Когда чудо, в которое ты было поверил, внезапно оказывается всего лишь простым фокусом, всякий испытывает досаду и готов рассердиться. Человеку куда более приятно состояние глубочайшего ужаса, чем естественное объяснение того, что показалось ему призрачным. (454)

Иллюзионист готовит своё чудо, как ловкий кулинар, из всех острых ингредиентов и полагает, что люди, фантазия которых ослабела и увяла, как желудок кутилы и гурмана, непременно должны будут несколько оживляться после подобного рода бесчинств. (455)

Совсем недавним чудесам верят с трудом. (456)

Только ледяное сердце, закосневшее в бесплодном аскетизме, неспособно воспламениться от высочайшего благочестия истинных песнопений. (457)

Настоящая церковная музыка, т.е. сопровождающая церковное богослужение или, можно сказать, сама по себе являющаяся культом, кажется нам неземной – глаголом небес. Предчувствие Высшего Существа, зажжённое священными звуками в человеческом сердце, уже есть присутствие самого Высшего Существа: понятным языком музыки говорит Оно о беспредельно прекрасном царстве веры и любви. (458)

Молитва – скорее потребность духа, взыскующего горнего мира, чем проявление аскетического покаяния за первородный грех. (459)

Человек, зажившийся на свете, неизбежно представляется самому себе призраком, который в глубоком одиночестве ещё бродит по земле, когда все его близкие и друзья давным-давно умерли. (461)

Иные из мудрецов полагают, будто человек должен всю свою жизнь употребить на то, чтобы учиться умирать. Экой вздор! Умереть – это, должно быть, не так уж трудно, ибо удаётся всем и каждому с первой же попытки! (462)

* * *

Есть ли на этом свете счастье, которое было бы хотя бы сколько-нибудь прочно! (12)

Воистину человеческое начало выражается в сердечной доверчивости, кротости и добродушии. (42)

Краеугольным камнем житейского опыта и мудрого поведения является циничное использование непроходимой глупости ближних своих. (62)

Любовь обитает в мыслях. А разве мыслям есть предел? (74)

Только любящая женщина является женщиной в полном смысле слова. (96)

Всякий поэт с охотой внимает только своим стихам. (107)

Без спокойствия и бодрости художник не в состоянии ничего создавать. (226)

Кислая проза – жалкий продукт грубейшей вульгарности. (259)

Нет ничего более удивительного и безумного, чем сама действительная жизнь, и поэт может представить лишь её смутное отражение словно в негладко отполированном зеркале. (270)

Вместе с познанием крепнет и воля. (301)

Э. Г р и г

(1843 – 1907 гг.)

Великое искусство – уметь быть старым. Ещё большее искусство – уметь быть молодым. Уметь понять, как молодости, зрелости подобает относиться к старости. (1)

Радость необходима для творчества. (2)

Искусство – загадка! (3)

Там, где национальный элемент не омыт кровью сердца, он может играть в искусстве лишь «фотографическую», а не «творческую» роль. (4)

Слова иногда нуждаются в музыке, но музыка не нуждается ни в чём. (5)

Когда я пишу свои песни, главное для меня состоит не в том, чтобы сочинить музыку, а в том, чтобы удовлетворить сокровеннейшим намерениям поэта. (6)

К счастью, посмертная слава в искусстве, как и в жизни, следует правилу: хорошее вспоминается, дурное забывается. (7)

В старости начинаешь придавать значение не столько творчеству, сколько жизни. (8)

Г. Я. Г р о д б е р г

(1929 – 2016 гг.)

Орган – гениальное изобретение человека, инструмент, доведённый до совершенства. Он действительно способен быть властелином душ. (1)

У всех нас есть дела и проблемы. В жизни надо видеть основное. Объять необъятное невозможно, поэтому сосредотачиваюсь на главном. А главное в моей жизни – большие концерты в Москве. (2)

Концерты проходят практически каждый месяц и они – главная задача моей жизни. Я могу себя назвать органистом города Москвы. Городской органист – такая должность когда-то была в средневековье. (3)

Я беззаветно люблю Баха. Это нетрудно. Бах – это гениальная музыка на все времена, и любить её – это вовсе не подвиг. Баха любит половина образованного и просвещённого мира. Это главный композитор Земли по популярности и гениальности. (4)

Если бы я сегодня встретился с Бахом, я попросил бы его сыграть мне. Я бы послушал. Ведь мы же не знаем, как он играл, и можем это только предположить по его сочинениям. (5)

Я был в 90 городах Германии и играл там на многих органах. Но Россия на сегодняшний день является настоящей органной державой. Я сужу по интересу, который публика проявляет к Баху и к концертам. (6)

Во многих местах Европы органные концерты плохо посещаются. Там не любят органную музыку понастоящему. Потому что слышат её они на богослужениях и праздниках, они с ней выросли. Это не что-то особенное, это не событие для них. А орган – даже нечто низменное, ежедневное. Они не любят Баха. Играют его одно, два, может, три сочинения. Но целые концерты Баха в Европе редкость. (7)

Я не делаю никаких специальных упражнений для пальцев. У меня есть одно «специальное» – это совесть и моя любовь к музыке, Баху и вам, мои слушатели. (8)

Без слушателя не может быть высокого искусства. Настоящее исполнительское искусство напоминает служение, в этом есть даже что-то религиозное. Я служу людям и хочу сделать им приятное, хочу сделать их лучше. (9)

Я не отдыхаю от музыки. Музыка – это моя жизнь и радость. Благодаря ей я ещё жив. Это жизненный эликсир и он продлевает мою жизнь. (10)

Настоящий музыкант всё время в работе, он всё время хочет совершенствоваться. Я иногда отдыхаю после обеда и мысленно пропускаю через себя сочинения, которые играл или буду играть. Это как смотреть фильм на медленной скорости. Я анализирую: как это было, как я играл, где был неубедительный темп, где я играл неточно. (11)

Я знаю, что меня называют Патриархом. К сожалению, скорее по моему возрасту, нежели по моей деятельности. А если по музыкальной деятельности, то это очень приятно. (12)

Ш. Г у н о

(1818 – 1893 гг.)

Большая часть важнейших вопросов сводится к немногому: к добру, истине, красоте. (1)

Для крупного художника искусство – это священнодействие. (2)

Самое большое утешение в неизбывных печалях – это труд; только у него достаточно убеждающий голос и достаточно нежная рука, чтобы прикоснуться к самому большому в жизни страданию и самой большой радости, ибо только он один чист от пятен и недостатков нашего бедного человечества. (3)

Без знания нет искусства – это глубоко справедливые слова. (4)

Искать, *найти*, *как выразить*, и достигнуть цели – вот в чём задача! (5)

Будь самим собой: это верный способ остаться сегодня в одиночестве, зато это не менее верный способ завтра оказаться в кругу многих. Верь твоему чувству: в этом залог успеха и заявка на будущее. (6)

Первое проявление оригинальности – всегда дуэль; второе превращается в сражение; третье будет победой, не всегда сразу очевидной, но несомненно реальной, истинной. (7)

В конечном счёте характер направляет интеллект и определяет его уровень. Восхищайся же, восхищайся как можно больше: восхищение – это благодарная способность и вместе с тем одно из самых живейших наслаждений человека, если не самое живое из всех. Восхищению свойственно состояние непрерывной приподнятости. Поэтому, восхищаясь, растёшь. (8)

Человек всегда может достичь большего, если у него есть сила воли и если он предъявляет большую требовательность к себе. Небрежность же с течением времени неизбежно перерастает в бесплодие. (9)

Разбрасываться – значит совершать над собой самоубийство. (10)

Искусство – это сердце, способное мыслить. (11)

Сценическое искусство подобно искусству портретиста: оно должно обрисовывать характеры. (12)

Я бываю твёрдо уверен в своём мнении о произведении лишь тогда, когда я его знаю почти наизусть: если и при таких условиях оно меня неизменно захватывает при слушании, то *для меня* это добрый знак. (13)

У славы свои пути, которыми она рано или поздно приходит увенчать лаврами того, кто шёл своей избранной им стезёй. (14)

Иметь имя значит быть отмеченным, выделенным из массы, подняться над безвестностью. (15)

Когда мне было двадцать лет, я признавал только самого себя. Тридцати лет я говорил уже: «Я и Моцарт», сорока – «Моцарт и я», а теперь я говорю уже только «Моцарт». (16)

Мы лишь с запозданием сознаём те перемены, которые в нас происходят. (17)

Я совершенно ничего не делаю. Мне кажется, что этот период бесплодия продлится ещё довольно долго. Я чувствую, что я «размузыкаливаюсь»: дух мой подобен разлагающемуся телу, в нём нет больше движения мысли. (18)

Учитель, *каким бы он ни был*, не может уничтожить индивидуальность ученика, так же как он не может её создать; это акция, превышающая не только его права, но и его возможности. (19)

Индивидуальность — это прямое выражение, произвольная эманация, лицо, неотъемлемое от существа: она столь же неизбежна, как и непередаваема; она неизгладима. Следовательно, её нельзя поглотить, если она существует, так же как и нельзя создать, коли её нет. (20)

Достоинства, которые можно найти в произведении, имеют очень мало шансов воздействия на публику, если эти достоинства не выявлены усилиями и способностями тех, кому поручено разучить и исполнить произведение. (21)

Я не люблю неблагодарных; мне знакомы многие из них, и я был бы в отчаянии, если бы пополнил собой их плачевный список. (22)

Когда же наконец поймут, что, стремясь к тому, чтобы всё шло *скорее*, добиваются лишь *тусклости* и что сочность и ясность музыкальной фразы чаще всего зависят от точного нахождения времени, которое она длится? (23)

Убеждён, что, с одной стороны, время повлияет на художника, а с другой — публика будет становиться всё более подготовленной для понимания того, в чём сегодня она находит столько трудностей. Такова судьба всего нового в этом мире. (24)

Доверие и непринуждённость являются дыханием душевной жизни. (25)

Четверть часа разговора объяснит всегда больше, чем двадцать писем. (26)

Две любви сразу! Я нахожу, что две — это меньше, чем одна. (27)

Коли человек молод и свободен, нужно жить, быть счастливым и оставаться им. (28)

Сосредоточенность и уединение от всех ничтожных мелочей реальной жизни дают возможность подняться и реять в великом царстве непреходящего. Именно эта абсолютная свобода от забот повседневности и составляет самую чарующую и божественную прелесть воспоминаний. (29)

В покое и тишине часы обладают необъятной моральной протяжённостью. Час, о котором знаешь заранее, что он недостижим для досадных помех, обладает неисчислимой плодотворностью. (30)

Что в привычной нам обстановке делает творчество столь замедленным, так это остановки, перерывы, ежеминутные помехи; это как поезд, который движется медленно потому, что останавливается на всех станциях. (31)

Формированию нашего тела способствует немало факторов, на которые оно реагирует своей трансформацией. (32)

О человеке можно сказать, что стареет только жилая постройка, а жилец — нет. (33)

* * *

Восхищаясь, растёшь. (8)

Человек – это квартира, которая ветшает, и квартирант, который в ней живёт и над которым время не властно. (33)

А. С. Д а р г о м ы ж с к и й

(1813 – 1869 гг.)

Быть в пылу молодости значит быть в когтях наслаждений житейских. (1)

Беззубый водевиль хуже беззубой женщины! (2)

Я присутствовал при шести судоговорениях и часто бы ходил туда. Нельзя себе представить, как интересны все эти драмы в действии. Многим интересно читать романы, в коих рассказываются происшествия вымышленные. Ещё интереснее, когда рассказывается происшествие истинное. Но быть свидетелем живого рассказа-происшествия, где действуют страсти человеческие, видеть самые действующие лица и следить за развитием и раскрытием дела для меня занимательнее всего на свете. (3)

Зачем путешествовать? Во-первых, удалиться на время от домашних гнусностей, а во-вторых – развлечься новизной и разнообразием кочующей жизни. (4)

Париж представляет великолепнейший *кафе-ресторан-шантан-фам-се-променан*. Старики всех стран съезжаются в Париж с деньгами, чтобы помолодеть в воображении своём и погулять с лоретками. (5)

Нет в мире народа лучше русского. Что больше изучаю наши народные музыкальные элементы, то больше открываю в них разнообразных сторон. (6)

Естественность и благородство пения русской школы не могут не произвести отрадного впечатления посреди вычур нынешней итальянской, криков французской и манерности немецкой школ. (7)

Видя обломки превосходного греческого храма, художник может заключить о величестве и изяществе самого храма, а между тем храма уже не существует. (8)

Я человек практический и знаю, что слово одобрения – великий двигатель для молодого таланта. (9)

Постоянная забота об усовершенствовании своих произведений – вот истинная жизнь художника, вот его счастье. (10)

Выше всего ставил я идеал прекрасного и никогда не хотел подчиниться вкусам и требованиям публики. (11)

Никакое мастерство и никакой ум не подделаются под сердце человеческое. (12)

Самый высокий художник не есть ещё поэт. (13)

Что меня мучает – это либретто: вообрази, что я сам плету стихи. Поэты у нас все гении: ни одного нет просто с талантом, как ты да я, и с ними ладу никакого нет, смотрят на тебя с высоты высот и презирают. (14)

Невозможно себе представить, как гнусная постановка оперы вредит эффекту музыки! (15)

Рутинный взгляд любителей музыки и газетных писак ищет льстивых для слуха мелодий, за которыми я не гонюсь. Я не намерен снизводить для них музыку до забавы. Хочу, чтобы звук прямо выражал слово. Хочу правды. (16)

Увы, публика подчас глупее кур. (17)

Новизна тех или иных элементов может, пожалуй, приглянуться за границей, куда давно стремлюсь в мечтах моих. Здесь мне страх как душно! А если и эти мои вещи окажутся лишними на земле, то прослушаю сам, потешусь – да и в огонь (разумеется, вещи, а не себя). Много у меня рукописей, обречённых на такую участь. (18)

Я много музыкалил и довольно удачно. При всём том – грустно. Искусство, в благородном его значении, кажется, пало безвозвратно. Сохраняется оно ещё в небольших артистических кружках. Всё остальное – спекуляции или пошлые забавы. Шарлатанство везде преобладает. (19)

Писано и правильно и гладко, а выходит и пасквильно, и гадко. (20)

К сожалению, профессорский взгляд в искусстве не может никогда сойтись с художническим. (21)

Правда правдой, но надобен и вкус! (22)

Когда медаль или монета отчеканены и описаны, надо ли ещё описывать следующие за ними медали или монеты, которые чеканятся по той же форме и тою же машиною? (23)

По всей вероятности, все будут удивлены моей смелостью, позволившей мне писать о либерализме, тем более когда я объявляю, что либерал, упомянутый мною, я сам. Признаюсь в этом смело, открыто, так как могу гордиться этим званием. (24)

Как либерал, я стою за правду и искренность, т.е. за свободу мыслей, свободу чувств, свободу их выражать и высказывать, но никогда не за свободу слова, оскорбляющего честь и самолюбие других. (25)

Я стою также за свободу воли и действий, не переходящих за границы общественной безопасности. Одним словом, я либерал самый мирный и самый безвредный. (26)

К чему безумства, к чему возмущение? Вместо улучшения положения общества эти меры нарушают только спокойствие граждан, усиливают зоркость полиции, а, в сущности, не производят желаемого переворота. (27)

Воодушевление юности, стремящейся к неограниченной свободе, есть величайший яд, отравляющий юные лет, бесполезные поиски и увядшие в начале развития надежды. Молодые силы ослабевают в бесполезной борьбе. Крепкий, ищущий деятельности дух исчезает. Что же остаётся в юношах? Слабый, больной организм, разочарование, холодное сердце и увядшая воля. Я сам почти дошёл когда-то до такого состояния, и потому тягость его мне хорошо знакома. (28)

Я убедился, что свет не переделаешь, что отдельным личностям плохо бороться с глубоко укоренившимися принципами жизни. Назад, братья. Ярые либералы, последуйте за мной, за душой, глубоко сочувствующей, но не переходящей за границы возможного и должного. Не возмущайте других. Какое ни на есть общество – мы не вправе нарушать его спокойствие. Разве только задеть тонким пером его дурные, вызывающие негодование стороны. (29)

Люблю вас, о юные грёзы высокой и чистой души, люблю ваши тёмные слёзы, надежды, что зреют в тиши. Мне жаль, что, столкнувшись с судьбою, оне погибают, как чёлн, разрушенный тщетной борьбою с могучею силою волн. (30)

Без печали народной по усопшему газетный шум пуст и омерзителен. (31)

К. Дебюсси

(1862 – 1918 гг.)

Не люблю специалистов. Специалист, по-моему, тот, кто сузил свой кругозор и обеднил для себя мир, в котором он живёт. (1)

Не нужно слушать чьего-либо совета, только совет ветра, который напевает историю мира. (2)

Превзойти других – в этом, право, нет ничего особенно сложного, пока не задашься прекрасным желанием превзойти самого себя. (3)

Всегда находились люди, которые воспринимали красоту как неявное личное оскорбление. (4)

Если бы Бог не любил мою музыку, я бы её не писал. (5)

Музыка должна скромно стремиться к тому, чтобы доставлять удовольствие, чрезмерная усложнённость противоположна задачам искусства. (6)

Настоящая музыка так прекрасна, что не знаешь даже, как и расположиться, дабы достойно воспринять её. (7)

Музыке не нужно заставлять людей думать. Будет достаточно, если музыка сможет заставить людей слушать, помогая им отвлечься от самих себя, от мелких повседневных проблем. (8)

Музыка – арифметика звуков, подобно тому, как оптика – геометрия света. (9)

Музыка – это пространство между нотами. (10)

Произведения искусства создают правила, но правила не создают произведений искусства. (11)

Искусство – самая красивая форма лжи. (12)

Я отвергаю непрерывный лирический подъём, так как в жизни такового нет и человек возвышается до лиризма только в определённые решающие мгновения. (13)

* * *

Искусство – самый красивый обман из всех. (12)

Б. Д ж и л ь и

(1890 – 1957 гг.)

Если впереди – прелестная неопределённость, не так уж и трудно относиться ко всему с оптимизмом. (1)

Порой бывают «случайности», от которых зависит вся твоя дальнейшая жизнь. (2)

Память, как старая кинолента, разворачивает передо мной картины былого, порой смутные и туманные, порой ясные и отчётливые. (3)

По мере того как приходит опыт, начинаешь понимать, что в жизни нет ничего бесполезного или ненужного. Даже тихие, спокойные годы – годы юношеских мечтаний – тоже оказываются по-своему плодотворны. (4)

Только тот, кто имеет время мечтать, может начать претворять свои мечты в жизнь. (5)

Это правда, что за успех так или иначе приходится расплачиваться. И если при этом вам удалось остаться простым и здоровым человеком, то, думаю, это прежде всего потому, что у вас было когда-то время, прежде чем стать знаменитостью, стать самим собой. (6)

Свободное время! Какая это роскошь, когда сутки расписаны по минутам, когда живёшь только для публики. (7)

Чем больше узнаёшь людей, тем больше они начинают казаться тебе ходячими интригами и болезнями. (8)

Свободно и откровенно выражайте свои чувства, раскрывайте душу, делитесь всем – будь то плохое или хорошее. Потому что если это хорошее, то зачем подавлять его или прятать? А если плохое, то от него тогда легче избавиться. Ведь плохое может оказаться опасным ядом, и его надо удалять, как гной из раны. Во всяком случае, любая возможность так или иначе отвести душу всегда на пользу человеку. Это своего рода предохранительный клапан в нервной системе. (9)

Быть культурным и образованным человеком – это большое преимущество. (10)

Путешествовать необходимо: путешествия учат нас ощущать пропорции окружающего мира. (11)

Жизнь всегда полна неожиданностей, и тот, на чью голову несчастья имеют обыкновение сваливаться совершенно неожиданно, может быть уверен в том, что судьба слишком благоволит к нему. (12)

Как быстро проходит популярность и как причудливы капризы моды! (13)

Годы идут, прошлого уже не вернуть. Всякое сожаление было бы напрасным и бесполезным. (14)

Вкусы изменчивы, и нельзя не признать этого. (15)

Обожание прошлого не лишено некоторого комизма. Впрочем, почему бы и не вспоминать о нём хотя бы так? Ведь наша жизнь так скучна и некрасива. (16)

Когда решение всё-таки принято, не терпится окончательно порвать с прошлым, чтобы думать только о будущем. (17)

Вчерашний день – достояние мусорного ящика. (18)

Со зрелым возрастом приходят и грустные размышления. И человек волен предаваться им, сознавая, что он теперь знаменитость, а когда-то был просто счастливым человеком. (19)

Иметь слишком много – это всё равно, что ничего не иметь, или даже меньше, чем ничего. (20)

Если и есть на старости лет какие-нибудь радости у людей, то, думается мне, самая большая – это когда можешь насчитать много старых друзей. (21)

Должно быть, люди в основном добры, когда для этого есть подходящие условия. (22)

Ваша непримиримость со всем, что не является поистине совершенным, заставит людей глубоко уважать вас. (23)

Когда человек всё же теряет самообладание, реакция бывает особенно бурной именно потому, что до этого он слишком долго сдерживал свой гнев или возмущение. (24)

Сталкиваться с завистью и злобой – такое выпадает особенно часто на долю певцов, и в общем это тоже своего рода расплата за успех. (25)

Когда делаешь карьеру, нельзя отказываться от удобного случая. (26)

Бывает, что лавры достаются победителю лишь потому, что не явился противник. (27)

Импресарио падки на всякие ярлыки, особенно если они помогают рекламе. (28)

Из разумной предосторожности и инстинкта самосохранения певцу следует иногда критически относиться к предложениям импресарио. Ведь их всегда интересует только настоящий момент, а певец должен думать и о своём будущем. Не подходящие для голоса партии могут надолго повредить или даже навсегда испортить голос и карьеру. (29)

Певцу приходится судить о музыке в какой-то мере по личному ощущению, т.е. довольно субъективно. И не всегда музыка, которая ему особенно нравится, бывает самая лучшая. Просто певец обычно предпочитает ту музыку, которая даёт ему больше возможности вывить голос. (30)

Петь на языке оригинала гораздо легче, потому что слова лучше ложатся на музыку. (31)

Самое главное в опере – музыка. И ради неё нужно играть, несмотря на все нелепости. Хорошее либретто тут может только помочь. Всё остальное должно быть домыслом – домыслом актёра и зрителя. Публика должна быть захвачена настолько, чтобы она могла поверить во все условности. (32)

Без участия и помощи зрителей актёры не могут хорошо играть свою роль, как бы они ни старались. (33)

Есть одно важное обстоятельство, которое сближает оперу с драматическим спектаклем: необходимо, чтобы публика помогала актёрам играть, верила в то, что происходит на сцене, участвовала в этих событиях, переживала вместе с исполнителями, т.е. вместе с актёрами создавала спектакль. (34)

Если публика или бóльшая часть её остаётся равнодушной, то спектакля не будет. Исполнители перестают в таком случае быть героями, героинями и действующими лицами и превращаются просто в группу людей, которые пытаются изобразить на сцене какие-то события. (35)

Как сильно может захватить музыка! Как страстно она может выражать те человеческие чувства, которые слишком глубоко скрыты в наших душах, чтобы их можно было объяснить словами. (36)

Пение тем и отличается от всех прочих музыкальных форм искусства, что творчество композитора вдохновляется самой жизнью и что выражение своё оно находит не с помощью какого-нибудь медного или деревянного инструмента, а с помощью такого в высшей степени субъективного инструмента, как человеческий голос. (37)

Певцу необходимо ощущать своё единение со слушателем, иначе все его действия сводились бы к чисто технической проблеме извлечения звука из своего горла, и он не отдавал бы тогда пению все самые лучшие чувства, не вкладывал бы в звучание нот всё своё сердце. (38)

Тот, кто хочет хорошо петь, должен быть добрым и хорошим человеком с отзывчивым и любящим сердцем. (39)

Певец не может жить без аплодисментов. (40)

Без публики певец невыносим. Здесь одно дополняет другое. (41)

Пресловутое тщеславие певцов – это лишь своеобразное выражение мучительной, не дающей покоя потребности снова и снова убедиться, увериться, что найден контакт со слушателем, что вокальное исполнение (поскольку во всём прочем певцы чаще всего слабы и беспомощны) тронуло сердца, преодолев все преграды, создаваемые импресарио и всякими другими людьми. (42)

Я мог бы, разумеется, петь и в пустыне или так, как поют в ванной, – ради развлечения. Но только благодаря публике эти упражнения для лёгких, диафрагмы и голосовых связок стали для меня моей духовной жизнью. (43)

Публика платит, чтобы слушать певца, она даёт ему средства для существования. И в пределах своих творческих возможностей он должен честно отдавать ей в обмен всё, что она требует от него. (44)

Я всегда был убеждён в том, что публика, которая приходит на концерт, должна получать именно то, что она хочет. (45)

Певец может что-то предлагать публике, но не должен навязывать ей свои желания. Он должен нравиться, завоевывать симпатию публики. Иначе ему лучше сразу же покинуть сцену. Публика – это его судья, его жюри, его трибунал. (46)

Публику нужно отучать от её капризов, и нужно научить её уважать волю автора. (47)

Настоящий театральный администратор должен быть глубоким знатоком и самоотверженным служителем оперы. Он повышает художественный уровень труппы и воспитывает вкус слушателей. Он даёт публике то, чего она хочет, но только до известной степени, а затем заставляет её делать некоторые усилия и осмысливать новые явления. (48)

Я так привык много работать, что мне просто трудно оставаться без дела во время каникул. Вообще, будущее бельканто как искусства зависит главным образом от желания хорошо поработать. (49)

Что можно сказать о методике преподавания пения? В каждом отдельном случае к голосу нужен особый подход. Каждый голос, на мой взгляд, предъявляет свои требования. (50)

И, кроме того, есть ещё нечто другое, чему никак нельзя научить, – например, природное чувство музыкальной фразировки. Если чувство это не дано человеку от природы, ничто ему не поможет, и любая попытка стать певцом будет лишь напрасной тратой времени. (51)

Никому не пожелаю я такого тяжёлого пути, каким шёл я. Однако думаю, что жизнь моя означает и другое: для того, чтобы иметь успех, не нужны ни деньги, ни знакомства, при условии, что есть настойчивость и, конечно, голос. (52)

Теперь, оглядываясь на прошлое, я рад, что мои первые годы были отмечены трудностями и борьбой. Если бы карьера певца требовала от меня только усилий, необходимых для того, чтобы издавать звуки, то вряд ли я чувствовал бы сейчас, что достиг цели. (53)

В мире много добрых людей, и я, убеждён, что каждый молодой певец или художник должен верить и надеяться на помощь, при условии, конечно, что прежде всего он сам будет готов помочь себе. (54)

Меня всё же утешает тот очевидный и волнующий факт, что давно уже отзвучавший голос может всё-таки жить и сохраняться в памяти людей. (55)

Последнее прощание с публикой мучительно для актёра, это всегда очень трудный момент и как бы предвестие смерти. Всех нас ждёт этот час, и лучше, если он наступает слишком рано, чем слишком поздно. (56)

Лучше, чтобы публика сожалела о вашем уходе, чувствовала бы, что её лишают чего-то дорогого и говорила: «Он ещё так прекрасно поёт!». Это лучше, чем если она будет пожимать плечами и говорить: «Наконец-то старик решил расстаться со сценой». (57)

Прощальные концерты, от которых разрывается сердце, относятся уже к тому, чем приходится расплачиваться за успех. (58)

Словно белка, собирающая на зиму свои ореховые сокровища, складываю я в кладовую своей памяти все аплодисменты моих слушателей. (59)

В наши дни стремление каждого артиста должно быть направлено к тому, чтобы удержать и сохранить художественное наследие, оставленное великими мастерами прошлого, и каждый должен стараться сделать это не ради пустого тщеславия и желания приобрести известность. Упорным трудом мы должны добиться, чтобы торжествовало всё чистое и прекрасное. (60)

Б. Д и л а н

(1941 г.р.)

Чтобы жить вне закона, нужно быть очень честным человеком. (1)

Сколько раз может человек отворачиваться, притворяясь, что он ничего не видит? (2)

Вчерашний день – это только память, завтрашний – никогда не бывает таким, каким его предполагали. (3)

Тот, кто не собирается родиться, собирается умереть. (4)

Изменение – это самое стабильное, что есть в этом мире. (5)

Никто не свободен – даже птицы прикованы цепями к небу. (6)

Герой – это тот, кто понимает ответственность, наступающую вместе с его свободой. (7)

Всякая правда, которая есть на свете, добавляет свою крупицу к одной большой лжи. (8)

В своих поступках люди редко руководствуются тем, во что они верят. В поступках они руководствуются приличиями, а потом раскаиваются. (9)

Вы называете себя так, как вы хотите себя назвать. (10)

Вдохновение приходит само, а не по заказу. Поэтому нужно пользоваться им, когда оно есть. (11)

Причём тут деньги? Человек может считать, что добился своего, коли утром он встаёт с постели и вечером ложиться в неё опять, а в промежутке делает то, что хочет. (12)

На самом деле я не считаю себя счастливым или несчастным. (13)

Вам предстоит умереть, и вы в конце концов умираете. Это может случиться через 20 лет, может случиться завтра, случиться в любую минуту. И с вами, и со мной. Всем нам предстоит отсюда уйти. И миру предстоит быть без нас. Так вот: вы делаете своё дело перед лицом этого факта, и насколько серьёзно вы воспринимаете самого себя, вам решать самому. (14)

Р. Дж. Дио

(1942 – 2010 гг.)

Невозможно заменить легенду... Можно только самому попытаться стать ею. (1)

Музыканты, играющие «тяжёлый металл», пишут свою музыку в минорных тональностях, но, поступая так, мы пугаем людей. (2)

Я никогда не брал уроков пения. С детства я играл на трубе, чего вкупе с врождённым талантом к пению мне всегда было достаточно. В карьере же рок-певца, на мой взгляд, всегда лучше быть немного неподготовленным – так лучше сохранишь свою индивидуальность. (3)

Здесь важна техника. Нужно петь не гортанью, а диафрагмой. Через голосовые связки должен проходить воздух, и если вы делаете это неправильно, и не даёте им достаточно воздуха, то можете сами себе навредить. (4)

Итак, я складываю всё вместе: опыт прослушивания оперы, игра на трубе и адаптация техники этой игры к пению – всё это причины, по которым сейчас я могу делать то, чем я занимаюсь. (5)

Любовь – это никогда не прекращающаяся улыбка. (6)

Я твёрдо верю в то, что мужчины находятся в опасности, вначале женщины ослепляют, а потом крадут все твои мечты. (7)

Это ваше *здесь*, это ваше *сейчас*, так пусть же оно будет волшебным! (8)

Г. Доницетти

(1797 – 1848 гг.)

Музыка – это не что иное, как акцентированная музыкальными звуками декламация, и потому каждый композитор должен уловить и извлечь пение из речевых акцентов. Тот, кому это не под силу или кому не удаётся, может сочинять лишь музыку, лишённую чувства. (1)

Музыка рождается из слов и к ним присоединяется, и секрет этого слияния трудно выразить более точно. (2)

Нужно брать хорошее, где бы оно ни было, но только хорошее. (3)

Подражайте всему хорошему, что только встретите, ибо, избегая его, потеряете то, что составляет главную цель, а именно – доставить слушателю удовольствие. (4)

Если у итальянской музыки и был когда-либо какой-нибудь недостаток, то именно из-за того, что она слишком увлекалась пением. Потому, думаю, появилось в ней и пренебрежение инструментальной. (5)

Кроме умения сочинять музыку (фантазии), композитор должен ещё обладать знаниями и практическим вкусом. Ум – это грубый камень. Обработанный, он становится блестящим, но не со всех сторон. (6)

Можно иметь знания, но не вкус; можно иметь практический вкус, но не иметь знаний, если иметь и то, и другое – вы будете гением. (7)

Наукой при усердии может овладеть каждый. Опыт даётся жизнью и работой. У композитора же вкус и одарённость должны быть врождёнными. (8)

Гений, влияет на воображение своих современников, и тем совершает революцию. (9)

Дайте мне новые идеи, и я дам вам новые оперы. (10)

Театру нужны новые идеи и отличные певцы, а гармонический фон должен поддерживать мелодии, но не подавлять и заглушать их. Так что оставим гармонические и шумовые эффекты военным оркестрам. (11)

Пышная инструментальная обработка помогает скрыть бедность вдохновения. (12)

Я не люблю говорить о себе. (13)

Ох, музыка имеет огромную власть надо мной... хоть бы я умер! (14)

Если услышите, что я умер, значит, вспомните обо мне. Чем больше мы думаем, что отдаляем от себя этот переход, тем быстрее устремляемся к нему. (15)

Время исправляет все несправедливости. (16)

Мой черёд вызывать симпатии уже прошёл, настала пора другому занять это место. Миру всегда нужно что-то новое, другие ведь уступили когда-то место нам. Теперь и нам надо уступить место другим. (17)

Сердце человеческое везде одинаково. Талант повсюду заставляет ценить себя. (18)

Прекрасное остаётся в памяти неизгладимо. Красота, как бы ни менялись времена и нравы, живёт вечно. (19)

Ж. М. Ж а р р

(1948 г.р.)

Музыка – это пульсация образов, возникающих в голове её творца, стимулятор ума и духа, способ жизни между необходимостью и удовольствием, как воздух, море и свет. Занятия музыкой всегда были для меня как бы построением звукового ландшафта где-то на грани экологии и технологии. (1)

Выражение «электронная музыка» – выражение крайне неточное: музыка не может быть электронной, таковыми могут быть лишь инструменты, на которых она исполняется. (2)

Красота музыки подобна красоте света: она в быстроте, в движении, в неуловимости. (3)

Я настаиваю и утверждаю: мелодия – самая главная составляющая в моей музыке. Звук и ритм – тоже, но только после мелодии. (4)

Любая художественная форма зависит не только от инструментов, которые вы используете, но и от идей и эмоций, которые при этом проявляются. (5)

Я всегда старался избежать влияния моды. (6)

Я не считаю себя ни шоуменом, ни преуспевающим музыкантом, живущим на свои доходы. Я предпочитаю вкладывать свои человеческие и финансовые ресурсы в собственные проекты. Роскошь для меня в том, чтобы иметь средства для их осуществления. (7)

Я, скорее, маргинал в мире шоу-бизнеса, хотя бы потому, что не пою сейчас, когда «поют» все кому не лень, хотя задора у них с их песней хватает только на три минуты! (8)

Я стал музыкантом только потому, что слушателям нравилось то, что я делаю. Музыкантом меня сделали они. Случайность ли это? Не знаю, хочется верить, что нет. (9)

Я считаю себя также уличным музыкантом: это объясняет, почему я так комфортно чувствую себя во время концертов на открытом воздухе по сравнению с концертами в закрытых залах. (10)

Артист должен приближаться к лучшему, что есть у него в душе. Именно это движет меня вперёд. У меня всегда ликование и возбуждение, которыми одержим ребёнок. (11)

Всё сделанное мною прежде я считаю лишь набросками и эскизами, я в постоянном поиске идеальной композиции. (12)

Концерты – это химическая реакция двух субстанций: зрительного зала, с одной стороны, и сцены, с другой. (13)

Чем проще инструмент, тем больше ты можешь им выразить. (14)

Аналоговые музыкальные инструменты, возможно, станут со временем подобны Страдивариям среди акустических инструментов. (15)

Аналоговая музыка – это женщина под макияжем. Цифровая музыка – это женщина, разрубленная на куски. Предпочитаю первую. (16)

Я думаю, что кризис звукозаписи вызван эмоциональной удалённостью, которую принёс с собой компакт-диск. В конечном счёте, это гнусная технология. Так же как цифровой диск на 78 оборотов или видеокассета для передачи звука. Это всегда было гораздо хуже, чем винил. (17)

Мы существа аналоговые. Нам нравится дотронуться до того, что мы слушаем. В мире, по части звука становящемся всё более «виртуализованным», нам необходимо иметь опору в тактильных ощущениях. И в этом отношении в виниле содержится определённая поэзия, вызывающая ко всем нашим чувствам. (18)

Для меня, компьютер – это орудие аутиста. (19)

Насилие – мрачная сторона человеческой природы, а средствам информации и их воротилам оно приносит денег больше всего. Трудно продвигать такие ценности, как мир и безмятежность, сохранение планеты, чувство всё большей ежедневной ответственности за каждого из нас, и делать это в привлекательной и сексуальной манере. (20)

Будь вода так же дорога, как нефть, американцы захватили бы Канаду, а не Ирак. (21)

Дух времени диктует нам быть пессимистами. Я же, из духа противоречия, считаю, что стоит быть только оптимистом. Нам нужна мечта, нужна утопия. А задача артистов и художников совсем не в том, чтобы сообщать послания, а в том, чтобы подавать знаки. (22)

Я считаю, что если художники не творят, когда наступают трудные времена и когда какая-то часть человечества страдает от неких бедствий, они тем препятствуют осуществлению главной задачи искусства. (23)

Нужно ездить в страны, где не всё благополучно с правами человека. Нельзя людей, страдающих телесно от неприемлемого государственного устройства, лишать ещё и музыки, кино, литературы или живописи. Значит, приходится туда ездить. (24)

Чем ближе ты к своим корням, тем более всеобъемлющим ты можешь стать. (25)

Чтобы смотреть на мир и не показать, как мне от него не по себе, я прячу свои глаза за стёклами чёрных очков. (26)

Ф. Заппа

(1940 – 1993 гг.)

Журналистика – это когда люди, не умеющие писать, расспрашивают людей, не умеющих говорить, для того, чтобы всё это прочли люди, не умеющие читать. (1)

В узких кругах происходит очень много грязных манипуляций. Люди могут этому помешать, если они заглянут за кулисы. Кто не занимается этим, тот не имеет права жаловаться! (2)

Вы представьте себе, что может быть антонимом одиночества. Это значит, вы обожаемы всем миром? Кошмар! А теперь представьте себе эту самоизоляцию. Представили? Вот и наслаждайтесь ею! Живите в ней! Радуйтесь, что вам не приходится иметь дело с людьми, которые словно созданы для того, чтобы красть ваше драгоценное время. Потому что бок о бок с любовью и восхищением, которые размыкают кольцо изоляции, движется невыносимая эмоциональная нагрузка: от вас ждут участия в делах обожающей вас публики. (3)

Вы стремились к посредственности, вы её поощряли – вот вы и получили посредственность. Люди, которые могли бы достичь большего, не вступают в игру, поскольку знают, что от них ждут «этого», а какой нормальный, порядочный человек согласится на «это»?! (4)

Лучше понастоящему помочь одному человеку, чем делать вид, что через секунду благодетельствуешь всё человечество. (5)

К. Н. И г у м н о в

(1873 – 1948 гг.)

Раньше, чем не услышите – не играйте дальше. (1)

Я – непримиримый старый враг удара по инструменту. Насколько люблю слово «туше», настолько ненавижу слово – «удар». Клавиши надо скорее ласкать, мягко прикасаясь к ним, а не бить их. (2)

Звук не должен становиться предметом эстетского любования. Он – не цель, но лишь сильнейшее средство художественной выразительности. (3)

Д. Б. Кабалевский

(1904 – 1987 гг.)

Духовный багаж в отличие от обычного багажа обладает удивительным свойством: чем он больше, тем легче идти человеку по дорогам жизни. (1)

Музыка не только доставляет нам удовольствие. Она многому учит. Она, как книга, делает нас лучше, умнее, добрее. (2)

Искусство, быть может, самое удивительное чудо из всех чудес, созданных человечеством за всю историю его существования, и в этом чуде неразрывно связаны чувство, мысль и красота. (3)

Зачем же обманывать людей, зачем обеднять их духовный мир, выдавая за наивысшие достижения искусства бездарные уродства, лишённые и чувств, и мысли, и красоты? (4)

П. К а з а л ь с

(1876 – 1973 гг.)

Мастерство ещё не делает художником. (1)

Самая совершенная техника та, которая совершенно незаметна. (2)

Я потрясён тем, как молчание превращается в музыку, а затем вновь становится молчанием. (3)

Почему бы нам не учить своих детей в школе тому, что они есть? Мы должны сказать им: «Ты знаешь, кто ты такой? Ты чудо. Ты уникален. Во всём мире нет другого точно такого же ребёнка. За миллионы лет не было точно такого же ребёнка. Посмотри на своё тело. Что это за чудо – ноги, руки, умелые пальчики, то, как ты двигаешься. Ты можешь стать Шекспиром, Микеланджело, Бетховеном. У тебя есть способности ко всему. Ты – чудо!» (4)

М. К а л л а с

(1923 – 1977 гг.)

Обстоятельства меняются, и вместе с обстоятельствами меняются чувства. Мы не можем быть прежними. (1)

Улыбка – аргумент серьёзный. (2)

Почему я должна стыдиться, что получаю за концерт больше, чем президент Эйзенхауэр за целый месяц? Ради бога – пускай поёт! (3)

Когда у меня не станет врагов, тогда я пойму, что уже ничего не стою. (4)

В чём разница между хорошим и великим учителем? Хороший учитель развивает способности ученика до предела. Великий учитель сразу видит этот предел. (5)

Нет, музыка – не самая важная вещь в жизни. Самая важная вещь в жизни – общение. Это то, что делает человеческие трудности терпимыми. И искусство – наиболее глубокий путь общения одного человека с другим. (6)

Любовь более важна, чем любой артистический триумф. (7)

Любовь это намного лучше, когда вы не женаты. (8)

Служение искусству – тяжёлый труд. И в начале, и в середине, и в конце. (9)

Публика всегда требует от меня максимума. Это плата за славу, и очень жестокая плата. (10)

Не говорите мне о правилах. Где бы я ни была, я сама устанавливаю эти чортовые правила. (11)

Мой голос не может понравиться сразу, к нему надо сначала привыкнуть. (12)

У меня нет соперниц. Когда другие певицы будут петь так, как я пою, играть на сцене так, как играю я, и исполнять весь мой репертуар, тогда они станут моими соперницами. (13)

Я никогда не уверена в самой себе, меня постоянно гложут разнообразные сомнения и опасения. (14)

Я помешана на совершенствовании. (15)

Или у вас есть голос, или у вас его нет, и если у вас он есть, вы сразу начинаете петь ведущие партии. (16)

Мы, певцы, – главный инструмент оркестра. (17)

Когда хочешь найти жест, когда хочешь понять, как играть на сцене, требуется только одно – прислушаться к музыке. Композитор об этом уже позаботился. Если не поленишься понастоящему прислушаться душой и ушами – я говорю, душой и ушами, потому что ум тоже должен работать, но не слишком много, – обнаружишь в музыке каждый жест. (18)

Артистом либо рождаешься, либо нет. И артистом остаёшься, даже если в твоём голосе уже меньше огня. Артист – это навсегда. (19)

Э. Карузо

(1873 – 1921 гг.)

Песни много значат везде: оне улучшают настроение людей, оне сгоняют печаль и всё дурное и заполняют душевную пустоту, а это многого стоит. (1)

Неясные и непонятные теории я ни во что не ставлю. (2)

Моё искусство настолько индивидуально, что я зачастую сомневаюсь в ценности каждого слишком распространённого метода. (3)

Я никогда не могу сказать о себе, что я доволен. Только внимательная и беспощадная самокритика может привести к настоящему бельканто. (4)

Публика ошибается, думая, что мне легко петь. Я нигде так напряжённо не работаю, как у рампы. Но певец не должен показывать публике, что пение – напряжённый труд. Это и есть мастерство. (5)

Подлинный талант художника обнаруживается в его способности понимать и вскрывать свои ошибки и особенно в мужестве признавать их наличие. (6)

Важнейший принцип певческого искусства – сохранение в тайне художественного напряжения. Сначала певцу следует научиться как нужно дышать. Невозможно художественно петь, не владея в совершенстве контролем над дыханием. (7)

Работая сознательно, певец быстро поймёт, что всякое большое искусство является, кроме всего прочего, умелым выявлением накопленного опыта. Без такого опыта техника звука несовершенна, а несовершенная техника означает несовершенное искусство. (8)

Каждый человек наделён особым голосовым инструментом, и каждый голос требует своего индивидуального, разумного и сознательного ухода. (9)

Как каждый художник, певец должен прежде всего изучить свои собственные средства передачи, т.е. голосовые органы, которыми его наделила природа, должен стараться установить, каковы принадлежащие ему голосовые источники. (10)

Певец должен упражняться естественно и без всякой напряжённости. Это является неизменным условием хорошей кантилены. (11)

Упражняя голос, певец не должен нарушать спокойного выражения лица, так как всякое сокращение мышц лица действует на мышцы шеи. (12)

Искажённое лицо указывает на недостаток спокойствия, тогда как необходимо, чтобы певец приступал к своим упражнениям совершенно спокойно. Как может он надеяться управлять своей волей, если он внутренне неспокоен? Кроме того, спокойное состояние духа облегчает достижение полнейшего отсутствия напряжения в голосовых органах. (13)

Диапазон голоса певца надо развивать с бесконечной тщательностью. Чистота и лёгкость звукообразования на высоких тонах в большей мере зависит от того, как спеты ведущие к ним более низкие тона. Если последние правильно образованы и сохранено равномерное положение при восходящей гамме, то верхние тона будут зависеть от более низких, особенно если гортань хорошо открыта. Благодаря этому можно избежать сжатого звука, так часто слышимого на высоких нотах у певцов. (14)

Чистота дикции зависит главным образом от чистоты подачи и образования звука; плохая дикция обыкновенно результат неправильного звукообразования и судорожного напряжения голосовых органов. (15)

Добивайтесь гибкости и выразительности голоса, вносите в слово как можно больше жизни, потому что слово – это сама музыка и правда. (16)

В хорошо тренированном голосовом аппарате сила и окраска звука должны меняться в зависимости от характера музыкальной фразы и текста. (17)

Любое чувство, даже мимолётное, требует для своего выражения подготовки голосового аппарата, влияет на его положение, напряжение и звуковую нагрузку. (18)

Каждому чувству свойствен свой тембр, а каждому тембру – своя окраска звучания: светлая, тёмная, округлая. (19)

Для граммофонных записей я иногда иначе пою арии, чем в спектакле, так как на пластинке ария – законченный музыкальный номер, а в опере ария есть часть трактовки всей партии. (20)

Певец, хотя бы он и обладал необыкновенным голосовым аппаратом, не может стать оперным или концертным исполнителем за полгода или за год. Успех такого певца, не вполне владеющего своим инструментом, не может быть продолжителен, а его старания в области драматизма и выразительности лишь влекут за собой разрушение голоса. (21)

Смешно: человек думает, что он обладает голосом, а на самом деле голос обладает человеком, и так всю жизнь. (22)

Выдержать ужасное зрелище корриды оказалось для меня куда тяжелее, чем исполнить партию Отелло. (23)

* * *

Как можете вы надеяться управлять своей волей, если вы внутренне беспокойны? (13)

Д. К о в е р д э й л

(1951 г.р.)

Я думаю, что в нашей жизни у нас две очень важных задачи. Одна – выяснить, кто мы такие есть, а другая – взять от жизни всё, что она в состоянии нам дать. (1)

На самом деле не имеет значения, что о тебе думает кто-то другой. Важно, что ты думаешь о себе сам. (2)

Мой голос – это музыкальный инструмент. (3)

Я всегда любил музыку просто как способ самовыражения, и ничто здесь не изменилось. (4)

На сцене публика может заставить вас чувствовать себя полубогом, но, уйдя со сцены, надо снова стать человеком. (5)

Концертные альбомы я всегда считал субпродуктами. (6)

Любители на месте профессионалов всегда выводят меня из себя. (7)

Очень грустно, но развитие художественного вкуса – это явление прошлого. (8)

Будь я политиком прямо сейчас, я буквально всё поставил бы с головы на ноги. (9)

Ц. А. К ю и

(1835 – 1918 гг.)

Из всех человеческих прав право труда самое священное. Оно должно быть обеспечено во что бы то ни стало. (1)

Музыка более всего способна к выражению и к передаче душевных настроений. (2)

Народные песни, будем ли рассматривать их текст или их музыку, всегда будут иметь большое значение для всякого образованного человека. В них высказываются творческие силы целого народа. Величайшие композиторы нередко черпали из этого источника и благо им было: этот дивный материал, в руках художника, понимающего характер народного гения, материал, облечённый в высшие формы искусства, породил немало гениальных произведений. (3)

Чего должны мы требовать от оперной музыки? Мне кажется, что ответ на этот вопрос заключается в двух словах: от оперной музыки мы должны требовать правды и красоты. (4)

Модернизм и современные многочисленные сверхгении мне глубоко противны. У них вместо музыки – звуки, вместо красоты – уродство, вместо чистоты – грязь, вместо мысли – бессмыслие, вместо таланта – наглость и нахальство, вместо изящества – грубость. (5)

Прожил я свои годы хорошо – среди разнообразного труда. Но что меня ожидает впереди? Количество труда и его разнообразие поуменьшилось. Талант, уцелел ли он и надолго ли его хватит? А пережить себя не хотелось бы. (6)

Д ж. Л а у р и – В о л ь п и

(1892 – 1979 гг.)

Вселенная – равновесие противоположных начал, гармония разнонаправленных сил, подобная тому, что мы наблюдаем в лире или в луке. (1)

Человек стоит в центре вселенной, объединяя в себе материю и сознание. (2)

Мир, в котором мы живём, всего лишь внешняя форма человечества. (3)

Все мы сделаны из того же материала, что и сновидения. (4)

Борьба человека в этом мире – это борьба с инертностью; мы имеем дело с переходом от инертной материи к материи живой, от жизни без мыслей и эмоций к жизни сознательной. (5)

Счастье заключается не во внешней свободе, но в исполнении долга, в борьбе, в преодолении. (6)

Аномалии в обычаях и поведении нарушают равновесие сил и губят гармонию, которая присутствует во всём. (7)

Тот, кто бежит один, всегда приходит к финишу первым. (8)

Поистине невозможно определить всю меру вреда, который человеку могут принести его собственные собратья! (9)

Мы поистине живём в мире сумасшедших. (10)

Ничто не ново, и смерть гения в глазах человечества не стоит выеденного яйца. Человечество жаждет и ищет скандала, абсурда, чудовищности и над чем бы посмеяться. (11)

Человек, обладающий высокой степенью развития, имеет обязанностью исправлять погрешности и искажения, попадающие ему на глаза, говорить и писать, по мере сил, то, что думает, и о том, во что верит; разоблачать тех, чьё поведение ему представляется злостным и лицемерным. (12)

Раскаяние – признак ума и совести. (13)

Известно, что человек пребывает в постоянной борьбе с собой: быть ангелом или чудовищем? (14)

Зависть – божество inferнальное. (15)

Стоя вдали от огня, не приходится опасаться ожогов; но стоять в пламени и оказаться невоспламенимым – это уже добродетель, редкая даже среди святых. (16)

Собственно говоря, человек в гораздо меньшей мере друг собаке, чем собака – друг человека. (17)

Контрасты защищают от апатии, которая является дочерью привычки. (18)

Трагическое и смешное в нашем мире идут рука об руку. (19)

Жизнь, будучи всего лишь комедией в глазах того, кто мыслит, неизбежно превращается в кровавую драму для того, кто чувствует и страдает. (20)

Судьба наносит свои удары не разбирая. (21)

В то время как по отношению к одним судьба оказывается прижимистой и коварной, к другим она излишне щедра и благосклонна. (22)

Природа, даже когда она очень щедра, не даёт всего. (23)

Репрессии – отнюдь не способ добиться прогресса. (24)

Всякое давление, всякое сжатие неминуемо сопровождается взрывом. (25)

Не секрет, что идолопоклонники любят сокрушать чужих идолов. (26)

«Всякое сравнение хромает», – привыкли мы говорить. Сравнения и в самом деле страдают хромотой, но лишь в тех случаях, когда, сравнивая, мы норовим принизить одних, чтобы этим возвеличить других. (27)

Те, кто тратят свою жизнь на мелочные стычки, тешат лишь своё тщеславие и эгоизм. (28)

Эстетика и мораль тесно связаны между собой, гораздо теснее, чем это думают поклонники искусства для искусства. (29)

Законы Прекрасного соединяют в себе нерушимые законы природы и мысли. (30)

Богатство внутреннего мира далеко не всегда находит отклик в поверхностной душе толпы. (31)

Люди маленькие и заурядные не верят в исключения. Они думают, что великие имена всегда, без всяких исключений создаются лишь случаем, уловками, хитростью, что их носители – просто удачливые посредственности. (32)

Есть такая логика, которая позволяет всё свести к статистической вероятности, к физическим усилиям. И тогда роль интеллекта, упорных занятий, воображения, мужества, умения собраться оказывается, по такой логике, равной нулю. Каких только глупостей не повторяют насчёт роли природы и везения, забывая, что «на перине лёжа, ни славы не добыть, ни одеяла». (33)

Как найти границу, за которой кончается дело рук преподавателя и начинается инициатива, самостоятельное творчество его ученика? (34)

Правда выражения, предполагающая чистоту стиля и величие форм, – это то, к чему стремятся все школы, и она должна лежать в основе обучения во все времена. (35)

Комичность нельзя отождествлять с карикатурностью. Иначе искусство превращается в фальшь, в избитое общее место. (36)

В основе каждого искусства лежат убеждённость и техника. Первая возникает в результате размышлений и опыта, вторая – из способности синтезировать. (37)

Технические навыки – это ещё не искусство, поскольку искусство представляет собой союз природы и духа. (38)

В искусстве, как и в других областях жизни, подлинные ценности далеко не всегда пробивают себе дорогу и озаряются светом известности. Порой высокие дарования и заслуги держатся под спудом лишь из-за того, что не находится человека, заинтересованного в том, чтобы рассказать о них другим. И наоборот, патентованные посредственности, заполучившие ловких популяризаторов, добиваются известности в два счёта. (39)

Удача и одарённость порой дополняют друг друга самым неожиданным образом. (40)

Инстинкт, природная одарённость, призвание значат много. Но аналитический ум, дух искания, артистическая интуиция – это нечто принципиально иное. Артист – это реальность, которая должна сама себя сделать, породить себя в извечной диалектике, в конкретной работе творческой мысли. (41)

На Олимпе искусства сословные различия стираются, и божественное братство роднит людей, сумевших стать выше мира внешних явлений. (42)

Не раз доказала себя неправота тех, кто верит в эффективность внешнего и отрицает существование абсолютного в жизни, в окружающей нас действительности в искусстве. (43)

Искусство имеет единственную цель – показать в природе и в нашей душе, вне нас и в нас те вещи, которые не могут непосредственно воздействовать на наше чувственное восприятие и наше сознание. (44)

Художник ближе к истине, чем учёный. Он берёт общее в частном и делает его постижимым для дилетанта и профана не меньше, чем для эксперта. (45)

Прекрасное – законный глашатай Истинного, а стало быть, ему предшествует. (46)

Самым первым стремлением каждого вокалиста, как и всякого художника, должно быть стремление быть самим собой, а не имитировать кого-то с целью уподобления ему! (47)

Талант порой норовит обойтись без деспотической строгости технических канонов. (48)

То, что необычно – всегда артистично, художественно, ценно, желанно, пусть даже это и отклонение от нормы. (49)

Иной автор или исполнитель напоминает ту юную простушку, которая, не ведая о своей красоте, берёт себе за образец женщину, поразившую её воображение, перенимает у неё причёску, манеру красить губы, жесты, походку и интонации, забыв в конце концов о себе самой и отрешившись от собственной личности. (50)

Каждое человеческое существо – это новость в истории нашего мира. (51)

Разве бывает, чтобы большой бриллиант не имел ни малейшей примеси угля? (52)

Критическая мысль зачастую убивает душу. (53)

Критическим умам следовало бы воздержаться от суждений о том, что говорится и поётся сердцем. (54)

Вокальное искусство, само по себе, столь эфемерно и преходяще. Художники и скульпторы имеют дело с осязаемым и неподатливым материалом, которому они должны придать форму, цвет, ритм. Певец же обрабатывает, формирует и окрашивает своим тембром воздух. (55)

Скрипач, пианист или любой другой музыкант имеет под руками выразительное средство, с помощью которого он может воплощать свои творческие намерения, и средство это не является частью его самого. А инструмент, которым располагает певец, состоит из нервов, мышц, костей и хрящей, он упрятан внутрь его собственного тела и все неполадки кровообращения, пищеварения и дыхания отражаются на его состоянии. Инструмент этот подвержен заболеваниям и может быть повреждён, а когда это случилось, не так-то легко снова привести его в порядок. А отсюда следует, что певец должен до тонкостей изучить самого себя. (56)

«Стремление сказать» отличает инструмент певца от всех прочих музыкальных инструментов. (57)

В пении «тот умнее, кто безумен», кто меньше мудрствует и больше чувствует, кто меньше ищет вне себя – и больше внутри себя. (58)

Дать свободу своему голосу, не запирает его в грудной клетке, освободить его из плена искусственно подавленного дыхания – это значит также освободить сердце и ум. (59)

Вокальное искусство – один из благороднейших видов деятельности человеческого духа. (60)

Недостаточно просто петь, нужно уметь петь, чтобы служить искусству и сохранить голос. (61)

Тембр – лицо голоса, как сам голос – отображение духовного мира артиста. (62)

Звук, слово, мысль, чувство, фантазия и ум ещё не составляют всего, но должны быть дополнены – мы настойчиво это подчёркиваем – некой таинственной силой души, творящей вокальное чудо. (63)

Пение не исчерпывается физической красотой звука, точным воспроизведением нот и ритма; всё это качества, достойные всяческих похвал, но не имеющие ничего общего с внутренней жизнью. (64)

При всей необходимости владения техникой звука не менее необходимо знание тех отношений, которые связывают наш дух и наше тело; лишь оно, это знание, может поднять вокал на уровень требований, заложенных в исполняемой музыке. (65)

Духовные проявления и, в частности, искусство пения, черпающее силу во внутреннем мире человека и являющееся в то же время его проекцией, не укладываются в каноны точных наук. (66)

В каждом человеке присутствует некий дуализм природы, некое более или менее гармоничное сосуществование мужского и женского начал. Этот дуализм заявляет о себе во многих аспектах жизни, но полнее всего виден в пении. Когда оба компонента звучат в резонанс, они вызывают к жизни наиболее совершенные человеческие личности. (67)

Наука и искусство – это два начала, которые в пении гораздо чаще конфликтуют, нежели сотрудничают. Наука оказывается безусловным подспорьем, пока речь идёт об отработке технической стороны звукообразования. Но когда инструмент настроен, надлежит заниматься лишь игрой на нём, разрешив сердцу уноситься, куда ему угодно, на крыльях чувства и фантазии. (68)

Подражание тому, что хорошо известно и вызывает восхищение, всегда приносит неоспоримую коммерческую выгоду. (69)

Не всегда публика права. Часто и вполне охотно она заблуждается. (70)

Пение – это не игра в кунтюшки, действующие на воображение мещан. (71)

Там, где пение не имеет какого-то высшего права на существование, где оно является не порождением духа, а лишь фактом физиологии, там оно недолговечно, как пепел, как вздох, как сказанное и отзвучавшее слово. (72)

Именно о разладе между физической и умственной сторонами бытия свидетельствует отказ человечества от высшей музыки и от героического пения и рабское подчинение его абстрактной или позитивной науке, либо, того хуже, технике. (73)

Настало иное время, машины стали теснить людей, и на смену пению, очищавшему души, явилось ушербное пение, достойное века, не признающего духовных ценностей. (74)

Техника создаёт приспособления, а не выковывает чувствующие души. (75)

Да, пение переживает кризис, когда человек теряет себя и отдаётся лишь чисто внешней деятельности, когда он безрассудно насилует свои природные качества и физические свойства. (76)

Кто они, эти «человеки дня нынешнего»? Всего лишь – моторизованные мертвецы. Только живые, вечно живые, поют в мире этом и ином, предоставив «мертвецам хоронить своих мертвецов». (77)

Имеют глаза, но не видят. Или видят, но не говорят. Или говорят, да не говорят правды, о которой и не помышляют, которую и не уважают, и не совершают. (78)

Да кто я такой, чтобы позволить себе говорить хорошо о других?! (79)

Как артист и художник, верую во всё прекрасное, здоровое, человеческое. (80)

Искусство, по своей природе и сущности, аристократично и живо лишь лучшими человеческими мыслями да самыми возвышенными вдохновениями духа. (81)

Философия сердца есть пение. А пение, истинное пение есть дух. (82)

Если пение не выражает самых благородных чувств души, то это и не пение, а просто звуки, лишённые жизни. (83)

Пение обладает несомненной властью. Можно сказать, что тот, кто поёт в духе, живёт дважды. (84)

Какое зло и кому может причинить человек, который поёт в духе и сочиняет музыку в ритме вечности? (85)

Опера становится прекрасной или безобразной в зависимости от голосов, которые её исполняют. (86)

Рано или поздно любой голос выходит из повиновения, если он не поёт на дыхании и благодаря дыханию. (87)

Артист, перестающий петь, считается усопшим, даже если он жив. (88)

Жанр камерной музыки таков, что певец, подвизающийся в нём, является не драматическим персонажем, но лишь инструментом, исполняющим музыку под управлением собственного хорошего вкуса и интеллекта художника. (89)

Культ драматической декламации постепенно превращает пение в чисто словесные экзерсисы, сопровождаемые рёвом оркестра. (90)

Слово, не увязанное со звуком и мыслью, становится бессвязным набором слогов. (91)

Кто вложит наконец в людские головы мысль, что человек, который поёт, может также и думать? И писать то, что думает? (92)

Писать – то же самое, что и петь. (93)

Человек – это бог, вспоминающий о небесах во время своего пребывания на земле. (94)

Великие идеи не умирают, а заблуждения и моды проходят. (95)

С тех пор, как стоит мир, за ночью всегда следует заря, и не было ещё случая, чтобы солнце, уйдя за горизонт, не появилось вновь. (96)

Д ж. Л е н н о н

(1940 – 1980 гг.)

Счастье – это ключ жизни. (1)

Когда в школьных сочинениях мне предлагалось писать что-то на тему, кем я хочу быть, когда стану взрослым, я всегда писал, что *хочу быть счастливым*. На это учителя говорили мне, что я не понял вопроса. А я отвечал им, что они не поняли жизни. (2)

Во время своих путешествий я обнаружил, что каждый народ считает себя выше всех других. (3)

Когда я был моложе, гораздо моложе, чем сейчас, мне ни в чём не была нужна чужая помощь. (4)

Мы играем в игры мозга, творя будущее из сегодняшнего дня. (5)

Вы не можете узнать ничего, что не было бы уже кому-то известным. (6)

Чем больше я вижу, тем меньше у меня уверенности в своих знаниях. (7)

От неприятностей реального мира можно уйти, погрузившись в собственный внутренний мир. (8)

На многие вещи приходится смотреть сверху вниз. (9)

Состояние души гораздо важнее, чем какие-либо события, происходящие вовне. (10)

Человек – это то, что он есть, и то, о чём он думает. (11)

Всё, что тебе нужно, – это любовь. (12)

Дайте миру шанс! (13)

Любовь – ответ на все вопросы. (14)

Я искренне верю в любовь и мир. Я достаточно агрессивный человек, который научился быть более мягким и который сожалеет о своей агрессии. (15)

Любовь – это вы, вы и я. (16)

Если кто-то думает, будто любовь и мир – это просто избитые слова, которые следует оставить в шестидесятых годах, то это его проблема. Любовь и мир вечны. (17)

Под нами нет ада, над нами только небо. (18)

Я понимаю потребность в переменах в обществе, но считаю, что революция должна произойти в сознании, в головах, а не на улицах. (19)

Пока мы не поменяем наши взгляды, ход наших мыслей – нет никакого шанса. Покажите мне хотя бы одну удачно завершившуюся революцию. Кто запорол коммунизм, христианство, капитализм, буддизм? Больные головы, больше никто. (20)

Прежде чем делать революцию для других, сделай сначала революцию в своей голове. (21)

Я считаю, что нам нужно менять своё сознание, точнее осознание. А вы хотите просто уничтожить систему. Этот процесс идёт уже очень давно. И чего вы добились? Это произошло в Ирландии, в России, во Франции, и что в итоге? Вы никуда не продвинулись. Всё равно это возвращается на круги своя. (22)

Кто будет руководить революцией? Кто потом станет лидером? Те, кто сумеет перебороть всех конкурентов, уничтожить их. Это будут те, кто дорвётся до власти первыми – как в России, и потому они будут убивать, чтобы удержать её. (23)

Я не знаю, в чём истина. Мне кажется, в головах. (24)

Я вполне готов показаться клоуном, если это принесёт хоть какую-то пользу. По какой-то причине люди печатают каждое моё слово. И сейчас это слово «мир». (25)

Я не хочу показывать пальцем и обвинять. Не существует хороших и плохих людей. Битвы происходят в головах. Нам стоит похоронить своих чудовищ и перестать обвинять других. (26)

В каждом из нас есть частичка Иисуса и Гитлера. Я хочу, чтобы победу одержал Иисус. Я стараюсь сделать его идеи более современными. Чего бы он мог добиться, если бы у него под рукой были современные средства массовой информации, реклама, фильмы, телевидение? Музыка? (27)

Для того чтобы донести свои идеи до людей, Иисус творил чудеса. В современном мире чудо – это коммуникации. Давайте же их использовать! (28)

Я знаю, что действительно стоит ценить в этой жизни. (29)

Если ты думаешь, что у тебя есть проблемы, посмотри на мои! (30)

Говорить о музыке – это всё равно, что говорить о сексе. Какие тут могут быть разговоры? (31)

Музыка принадлежит всему миру, и только издатели воображают, будто она может принадлежать кому-то. (32)

Никакой авангардист не сумеет доказать мне, что создаваемое им – действительно музыка. Рок-н-ролл – единственный вид музыкального искусства, имеющий сегодня право на существование. И значения своего он не утратит никогда. (33)

Французский рок – это как английское вино. (34)

Жить легко с закрытыми глазами, не понимая, что ты видишь. (35)

Мы знаем, чем они набивают себе животы и чем им приказано набивать себе головы: объедками с хозяйского стола. (36)

Типичный человек из ниоткуда живёт в своём неведом нигде, и, строя планы никакие, он вилами их пишет на воде. Он не имеет точки зрения, куда идёт, и сам не знает. Он чем-то каждого из нас напоминает. Послушай, человек из ниоткуда, в твоём распоряжении весь мир. Не упusti свой шанс попасть на жизни пир. (37)

Если бы у меня была возможность стать кем-нибудь другим, то я бы ею воспользовался. Быть знаменитым не так уж и просто. (38)

Когда деньги появляются, то вдруг оказывается, что в этом есть свои минусы. (39)

Роскошь идёт бок о бок с известностью. (40)

Мне кажется, что никто не может понять меня и ход моих мыслей, стало быть, я либо гений, либо безумец. (41)

Я смотрю на вещи с другой точки зрения, отличной от остальных. (42)

Я не понимаю оптимизма, ведь жизнь так коротка, и ни на что нет времени, в особенности на ругань и разборки. (43)

Время, которое вы потратили на развлечения, не потрачено впустую. (44)

В жизни, проблемы – это и есть решения. (45)

Фанатам нужно чувствовать себя частью того, что делают их кумиры. (46)

Все, кто лучше тебя на твоём поле деятельности, не могут не влиять на тебя. (47)

Инструмент, на котором ты впервые написал песню, должен быть основным на записи. (48)

Деньги мне нужны просто для того, чтобы быть богатым. (49)

Труд – это жизнь, упраздните его – останутся только страх и незащищённость. (50)

Я поэт революции. Моё искусство посвящено переменам. (51)

Прежде всего, я пишу для себя. Что потом подумают об этом люди, для меня важно, но не настолько, чтобы я как-то подстраивался под их вкусы и ожидания. (52)

Жизнь – это то, что с нами случается как раз тогда, когда у нас совсем другие планы. (53)

Я не боюсь умереть. Для меня смерть то же самое, что пересест из одной машины в другую. (54)

* * *

Только любовь. (12)

Жизнь – это то, что происходит, когда вы обдумываете другие планы. (53)

* * *

Жизнь – это то, что происходит, когда ты строишь совсем другие планы. (53)

Ф. Л и с т

(1811 – 1886 гг.)

Хорошо или никак. (1)

Если даже согласиться с тем, что всё уже сказано, из этого никоим образом не следует, будто всё было услышано и понято. (2)

Истина – большая кокетка. (3)

Остерегайтесь упустить возможность, во второй раз она может и не представиться. (4)

Всякое величие несёт в себе своё оправдание. (5)

Всякое величие измеряется теми редкими силами, коими оно само себя достигло и которые употребило, дабы устранить возникшие препятствия. (6)

Наставления и правила, заимствованные из прошлого, в состоянии оценить и понять лишь те, кого понесённый ущерб одарил способностью признавать значение этих наставлений и правил и целиком понимать их смысл. (7)

Блажен, кто умеет покончить отношения прежде, чем они покончат с ним самим. (8)

В угаре ненасытных желаний и мимолётных наслаждений никому не дано найти удовлетворения. К пребыванию в узком, ничтожном существовании приговорён каждый, каждый ощущает одиночество и пустоту. Так называемая реальность, действительность не может ни насытить, ни удовлетворить никого. (9)

Ничто благородное не может возникнуть, никакое великое дело осуществиться, никакой союз быть заключён и сохранён помимо святой почвы идеала. (10)

Поостережёмся – кто бы мы ни были – изображать из себя баловней судьбы, обременённых славою. Ведь каковы бы ни оказались наши заслуги, мы всегда останемся, по слову Писания, только *ленивою прислугою*, ибо слава принадлежит одному Богу! (11)

Способность создавать богатства бесконечно важнее самого богатства. (12)

Чтобы сформировать художника, прежде необходимо воспитать человека. (13)

Вера усиливает творческую энергию. (14)

Гений есть сила, дающая душе человеческой понятие о Боге. (15)

Печальна и всё же велика судьба художника. (16)

Без фантазии нет искусства, как нет и науки. (17)

Непозволительно требовать от художника, чтобы он дал обет воздержания и бедности, чтобы он в той или иной форме отказался от любви, будь она чувственная, духовная, аскетическая или мистическая. Его фантазия живёт в необходимом разнообразии всех возможных для любви форм. (18)

Художественный вкус предполагает наличие материальных средств. Сам факт, что для удовлетворения его нужны деньги, побуждает художника к творчеству и бережливости. (19)

Сколь удивительные достижения как в духовном, так и в материальном производстве могут быть отнесены на счёт стремления находиться в лучшем обществе! (20)

Лишь когда корни его обретаются в почве общего благосостояния, дух нации даёт прекрасные цветы и приносит щедрые плоды. Из единства материальных интересов вырастает единство духовное, и только из соединения обоих у нации возникает её сила. (21)

В пении достаточно вдохновения, чтобы придать выразительности звуку, особенно когда песня без слов. (22)

Моё пылкое и самое честолюбивое желание – это оставить после себя работу с несколькими полезными наставлениями для пианистов будущего. (23)

У кого много художественного чутья, тому нечего бояться быть оригинальным. У кого громадный и оригинальный талант, пусть никого не слушает, а работает в своей манере. (24)

Двери открыты лишь перед посредственностями. (25)

Гений редко торжествует без борьбы, он прокладывает себе путь, преодолевая тысячи препятствий, его подолгу не признают, на него яростно нападают, более того, половина его современников подчас просто отрицает его существование. (26)

Я не говорю комплиментов, я так стар, что мне не пристало говорить кому бы то ни было иначе, чем я думаю. (27)

Жизнь – всего лишь долгое и горькое самоубийство, и только вера может преобразить это самоубийство в жертву. (28)

Д ж. Л о р д

(1941 – 2012 гг.)

Я против музыкальных классификаций. Когда вы классифицируете музыкальные произведения или стиль игры исполнителей, вы тяготеете к тому, чтобы разложить музыку по полкам и лишить её настоящей силы. (1)

Не стану притворяться, будто мы не хотим заработать, но не это главное. Главное то, что мы снова вместе и как бы помолодели на десять лет. (2)

Свободная джазовая форма – что это такое? Она для меня ничего не значит. Потому что в ней нет никаких границ. (3)

Бороться с ограничениями – для меня это даёт порой больший результат, чем свобода от всех границ и пределов. (4)

Чего я требую лично от себя? Я должен играть так, чтобы у людей мурашки по спине бегали. (5)

Я люблю классическую музыку, мне нравится, как она сработана... все эти аккордные секвенции, и я часто использую подобные приёмы в своих сольных проигрышах. (6)

Звучание студийного альбома – это эталон, к которому мы всегда стремимся приблизиться, играя на наших концертах. Хотя это и очень трудно. Ведь, играя вживую, нет возможности редактировать звук с помощью спецэффектов, как то было сделано в студии звукозаписи. (7)

П. М а к к а р т н и

(1942 г.р.)

Мыслите глобально, действуйте локально. (1)

Лирики играют словами. (2)

Если очень долго искать, то у любого слова будет ещё одно значение. (3)

Очень трудно написать простую, но при этом оригинальную и хорошую песню, состоящую из трёх аккордов. (4)

Когда я работаю, я не стремлюсь к заурядности. (5)

Больше всего мне нравится пойти в комнату и выйти из неё уже с готовой песней. (6)

Философская песня – это песня простая и честная. (7)

Хорошая женщина должна целиком и полностью посвятить себя своему мужчине и должна быть счастлива просто потому, что она находится с ним рядом. (8)

Будь стены боен сделаны из стекла, каждый стал бы вегетарианцем. (9)

Я никогда не старался сделать серьёзное социальное заявление. Только слова, которые ложились на музыку. А вы можете толковать их как угодно. (10)

То, что ты вкладываешь, к тебе и возвращается. (11)

И. М а л ь м с т и н

(1963 г.р.)

Не думаю, чтобы музыкальному мастерству можно было научиться. Это идёт изнутри. И требует многих жертв. (1)

Скорость игры гитариста только тогда впечатляет, если в извлекаемых им звуках есть мелодия и субстанция. (2)

Судить об игре гитариста по количеству нот, которые он успевает взять за долю секунды, – это просто нелепость. Понастоящему важно только качество музыки, которую он исполняет, и то, насколько она понятна его почитателям. (3)

Когда музыкант начинает творить, вдохновение уносит его в какие-то запредельные дали и уже непонятно, он ли извлекает музыку, или *музыка* использует его. (4)

Для меня публикой может быть и один человек. Я так требователен к себе, что мне очень непросто самому разобраться в том, что у меня вышло. Иногда мне это удаётся, но большей частью нет. Поэтому я очень рад, если рядом оказывается кто-то, кто, как я уверен, сможет верно оценить то, что у меня получается. И мне всё равно, будет ли это один человек или же сотни тысяч. (5)

На меня всегда сильно влияла классическая музыка, главным образом музыка барокко. (6)

Мир классической музыки – это совсем другая планета сравнительно с миром рока. Но музыканты оркестра встретили меня с распростёртыми объятиями. Я вошёл в их мир, но они не вошли в мой. Когда я играл вместе с ними, это произвело на них значительное впечатление, и я добился их признания. (7)

Царство классической музыки приходит в упадок, потому что никому не нужны новые композиторы классической музыки. Моя концертная сюита была попыткой сделать инъекцию новой крови. (8)

* * *

Я не думаю, что музыкант может достичь совершенства с помощью обучения. Это должно идти изнутри. И ради того приходится многим жертвовать. (1)

Ф. Мендельсон

(1809 – 1847 гг.)

Время летит стрелой, хотя минуты ползут. (1)

Самая главная черта в художнике-творце – это уважение и внимание ко всему великому, это умение преклониться перед истинно великим. (2)

Сущность красоты – это единство в разнообразии. (3)

Так много разговоров о музыке, и так мало о ней сказано. А всё только потому, что о музыке словами не расскажешь. Так я считаю, и если б считал иначе, то и не стал бы сочинять музыку. (4)

Всё, на мой взгляд, настолько неоднозначно, настолько расплывчато, настолько ошибочно в сравнении с подлинною музыкой, которая одна только и наполняет душу образами в тысячу раз более прекрасными, чем слова. (5)

Когда всё вокруг представляется пустым и ничтожным и вызывает одно отвращение, музыка в состоянии так захватить нас, перенести так далеко от места где мы находимся, так увлечь ввысь от земной жизни и всего будничного, что сразу понимаешь: музыка – поистине благословенный дар Божий. (6)

С тех пор, как я начал писать музыку, я оставался верным своему основному правилу: не писать того, чего ждёт публика, или того, что может понравиться музыкальной барышне, а писать единственно то, что представляется наилучшим мне самому, и то, что доставляет мне наибольшее удовольствие. (7)

Люди нередко жалуются, что музыка-де довольно неоднозначна, что мысли, которые она у них вызывает, далеко не так ясны и вняты как выраженное словами, потому как слова не допускают подобной неопределённости и понятны каждому. Со мной всё как раз наоборот, и не только, когда дело касается целого высказывания, но и отдельных слов. (8)

Я считаю невозможным сочинять музыку, которая не прочувствована мною вполне; это кажется мне ложью, ибо ноты имеют такой же определённый смысл, как и слова, – быть может, ещё более определённый. (9)

Когда я нахожу какое-то слово, чтобы передать то, что хочу сказать, я не могу быть уверен, что выбрал верное слово, поскольку одни и те же слова для разных людей могут означать совершенно разные вещи. Только одна и та же музыка может сказать всем людям одно и то же, вызвать те же самые чувства и ощущения, которые и бесполезно пытаться выразить словами. (10)

* * *

У нот есть такой же точный и определённый смысл, как и у слов – быть может, ещё более точный и определённый. (9)

Ф. М ё р к ь ю р и

(1946 – 1991 гг.)

Чем больше, тем лучше – что ни возьми. (1)

Я хозяин своей судьбы. (2)

Если бы я не занялся музыкой, мне было бы нечего делать. Стряпать я не умею, домохозяйки бы из меня не вышло. (3)

Многие думают, что все поп-звёзды – это бывшие водители грузовиков, которые в свободное время научились играть на гитаре. (4)

Я не собираюсь быть рок-звездой. Я буду легендой. (5)

За деньги счастья не купишь, но за них можно чертовски легко его получить! (6)

Мне нравится быть в окружении великолепных вещей. (7)

Современная живопись, она как женщина: она не доставит тебе никакой радости, если ты будешь пытаться её понять. (8)

Я думаю, что мои мелодии гораздо лучше моих стихов. (9)

Концерт – это не живая презентация нашего альбома, это – театральное событие. (10)

Я охотно смеюсь над собой, и не воспринимаю себя слишком всерьёз, ведь делай я это, я бы никогда не позволил себе облачиться в подобное тряпье! (11)

Талант, голубчик, всегда себя проявит. (12)

Я всегда знал, что я звезда, а теперь, похоже, и весь мир со мною согласен. (13)

Кто хотел бы жить вечно? (14)

Я не собираюсь дожить до старости. Мне неважно – что дальше. Когда тебе за семьдесят – это попросту скучно. (15)

Скука, голубчик, самая распространённая болезнь на свете. (16)

О, я не создан для неба. Нет, я не хотел бы попасть на небеса. Ад куда лучше. Только представьте, сколько интересных людей вы там встретите! (17)

Если мне суждено умереть завтра, я не буду сожалеть: я действительно сделал всё, что мог. (18)

М. д е л ь М о н а к о

(1915 – 1982 гг.)

Всем большим иллюзиям уготованы тяжкие разочарования. (1)

Человек по своей природе склонен сомневаться в очевидном, когда очевидное не совпадает с его пессимистическими настроениями. (2)

Время пропускает через себя лишь подлинные чувства. (3)

Всё чрезмерное вместе с тем до крайности примитивно. (4)

«Добропорядочные» люди смотрят на все события жизни сквозь призму древнего искусства приспосабливаться к обстоятельствам. (5)

В провинции любят пошутить: шутки помогают переносить скуку. (6)

Всё, что влияет на жизнь человека, его успехи или неудачи, зависит от ряда больших или малых факторов, ни один из которых сам по себе не является решающим. Некоторые из факторов такого рода усилием воли нередко удаётся превратить из отрицательных в положительные. (7)

Добрая судьба даёт нам способность прислушиваться не только к печалям, но и к радостям жизни. (8)

Подчас подлинное значение имеет не успех, а только образ успеха. (9)

Нужно понимать разницу между просто хорошим тенором и великим тенором. (10)

Сам по себе голос как самоцель – отнюдь не ключ к успеху. (11)

Репертуар имеет для певца фундаментальное значение. Совершенно очевидно, что чем шире репертуар, тем большей гибкостью обладает певец. Но ведь и гибкость имеет свои точные границы, за пределами которых певец впадает в эклектику, почти всегда далёкую от подлинно великого исполнительства. (12)

Голос сам по себе ещё ничего не значит. С помощью одного лишь голоса никто ещё не сделался настоящей звездой оперы. Нужно выстраивать свою собственную сценическую личность, чтобы не стать чьей-то копией. (13)

Певцу нужно уметь при необходимости отказываться от той или иной оперы, если он понимает, что она губительно скажется на его голосе и престиже. (14)

Атмосфера сцены помогает смелым и ниспровергает робких. (15)

Великого певца недостаточно слышать, его нужно ещё и видеть. Ведь опера не только музыкальный, но и сугубо театральный жанр, и её прелесть рождается именно в чудесном равновесии обеих частей. Никто – ни режиссёр, ни дирижёр – не должен стремиться к превосходству. Синтез обеих сторон следует искать именно в певце, поскольку он один воплощает в жизнь два нередко противоположных стремления. (16)

Упадок оперного искусства выражается в том, что певцы понемногу отходят на второй план, а главными героями беззастенчиво становятся режиссёры и дирижёры оркестра. (17)

С появлением технических средств, которые сегодня позволяют режиссёру достигать особых ошеломляющих эффектов, начался закат бельканто. (18)

Нескрываемое наслаждение жизнью и жажда вкусить сполна собственного счастья – это и есть то, что называется уверенностью в себе. (19)

Хорошо, если для власть имущего власть не является самоцелью, если ради неё он не согласен жертвовать приятными сторонами жизни. (21)

Всегда полезно осваивать новое. (22)

На земле я уже стою на одной ноге, да и та скользит на банановой корке. (23)

Б. М о н с е ж о н

(1943 г.р.)

Неоднозначная и многоплановая личность не принадлежит ни к какой определённой нации, а значит, принадлежит ко всем. Такой человек повсюду чужой и везде как у себя дома. (1)

Исполнитель может быть гениальным, его исполнение может стать творением гения. (2)

Русский пыл – совершенно особое чувство, скорее мистического, чем разумного порядка, особенно впечатляющее тех, кто сам его испытал, хотя бы на мгновение. (3)

Беседы, в которых тебе отвечают – пусть и бегло – на вопросы, представляющиеся тебе в высшей степени важными, – это такое взаимообогащение мыслями, в коем следует видеть одно из истинных наслаждений, доставляемых игрой между «я» и «ты». (4)

К. Монтеверди

(1567 – 1643 гг.)

Я знаю, что музыку можно сочинять быстро, но сочинять быстро и хорошо – невозможно. (1)

Современный композитор пишет свои произведения, возводя их на правде. (2)

В. А. М о ц а р т

(1756 – 1791 гг.)

У меня всегда так – меня никогда не покидает надежда. (1)

(2) Хотя дела иногда и идут враскосьяк, но всё ещё будет, как надо. Нужно только терпение.

Нужно стараться, и я стараюсь как могу. (3)

Я убеждён, что для того, чтобы пережить большую радость, надо чем-то пожертвовать. Ведь в величайшем счастье всегда чего-то не хватает. (4)

Я ничего без причины, а именно, без основательной причины не делаю. (5)

Сумейте совладать с собой, раз уж ничего невозможно изменить. Утешьтесь и молитесь усердно. Это единственное, что нам остаётся. (6)

Поспешать нельзя ни в чём: тише едешь, дальше будешь. (7)

Пожалуйста, всегда берегите себя – ничего нет на свете важнее этого. (8)

Новые радости, новые печали. (9)

Что касается меня самого, то, что бы ни случилось, меня это не очень беспокоит, ибо я умею приспосабливаться к обстоятельствам. (10)

К страданию предназначен я. (11)

Ведь кем только ты не бываешь, когда влюблён! И чаще всего – дураком! (12)

Кто хранит верность Единственной, жесток ко всем остальным. (13)

Тот, кто откровенно и честно любит, не может оставить свою возлюбленную. (14)

С добрыми людьми всё можно уладить миром. Великодушное и кроткое поведение уже нередко примиряло злейших врагов. (15)

Поступать, как все – не всегда хорошо даже для мужчин, а тем более для женщин. (16)

Стремление участвовать в общей компании очень хорошо. Но при этом надо учитывать многие мелочи. Все ли среди собравшихся – близкие друзья и знакомые? Ребёнок ли я или уже девица на выданье? И уж тем более, не обручённая ли я невеста? Главным же образом, все ли из присутствующих – люди моего круга или ниже меня? И, особенно, не выше ли меня? (17)

Поверьте, людям не стоит знать, как в действительности идут наши дела. (18)

Скорое счастье недолговечно: тише едешь – дальше будешь. (19)

Утехи любви ветреной, своенравной, не далеки ли оне, в самом деле, как небо от земли, от того блаженства, которое даёт нам настоящая, разумная любовь? (20)

Женщине всегда нужно требовать уважения к себе, иначе люди станут толковать о ней превратно. (21)

Только благоразумным поведением женщина может привлечь к себе мужчину. (22)

По моим понятиям, чистая мыслями, честная, добропорядочная и внимательная жена составит счастье любого мужа. (23)

Свадьба денег встречается сплошь и рядом. Я не хотел бы так жениться. Я хочу сделать свою жену счастливой, а не строить своё счастье благодаря ей. Поэтому я пока подожду и буду наслаждаться своей золотой свободой до тех пор, пока не буду в состоянии прокормить жену и детей. (24)

Знатные люди никогда не могут жениться по вкусу и любви, но только по расчёту и из всяких прочих интересов. Таким высоким персонам вовсе не пристало ещё и любить свою жену, раз уж она исполняет свой долг и производит на свет неуклюжего наследника. Но мы, бедные простые люди, не просто должны, а можем и имеем право взять себе жену, которую мы любим и которая любит нас, потому что не принадлежим к знати, не высокородны и не благородны, не богаты, а напротив низки, плохи и бедны. Стало быть, мы не нуждаемся в богатой жене: наше богатство умирает вместе с нами, ибо оно у нас в голове. И его не может отнять у нас ни один человека, разве что нам не отсекут голову, а тогда нам больше ничего и не нужно. (25)

Сразу после Бога идёт отец. (26)

Великое дело – быть среди людей, которые в случае необходимости всегда готовы прийти на помощь (чего лишён тот, кто живёт один). (27)

Дома мне всегда лучше, чем где-либо, и я всегда охотнее всего буду дома или у хорошего честного истинного немца, который, если холост, то живёт, как добрый христианин, а если женат, то любит свою жену и хорошо воспитывает своих детей. (28)

Более всего меня утешает и ободряет то, что я – честный немец. (29)

Французы есть и останутся ослами; они ничего не умеют, им приходится искать помощи у других. (30)

Итальянец вам что-то обещает, только кто знает, сможет ли и захочет ли он сдержать слово? Вы же знаете, как милы господа итальянцы, когда глядят вам в глаза! Знаем мы их! Все итальянцы шарлатаны. (31)

Если Германия, моё любимое отечество, которым я, знаете ли, горжусь, не хочет принять меня, то ради Бога, пусть Франция или Англия станут богаче ещё одним умелым немцем. И пусть это будет позором для немецкой нации. Ведь почти во всех искусствах немцы превосходили всех. Где же нашли они своё счастье и славу? Уж наверное, не в Германии! (32)

Уверяю вас, человек, который не путешествовал (по крайней мере, человек искусства и науки), – такой человек заслуживает сожаления! (33)

Человек посредственного таланта всегда останется посредственностью, путешествует он или нет. Но человек с супериорным талантом (в котором отказать мне может только безбожник) чахнет, если остаётся на одном месте. (34)

(35) Мне – поскольку я постоянно сочиняю – нужна просветлённая голова и спокойный дух.

Что такое слава? Это когда не так люди известны тебе, как ты им. (36)

Кого Бог призывает на службу, тому и разум даёт. (37)

(38) Когда нет гения, вовсе нет никаких мыслей, и всего приходится добиваться ремеслом.

Нужно с самого начала поставить себя твёрдо, иначе навсегда проиграешь и придётся идти вместе с другими обычным путём. (39)

Быть гением и не иметь сердца – это просто бессмыслица. (40)

Я люблю не безделье, а работу. (41)

Если не торопиться, то всё получается лучше. (42)

Поскольку я предпочитаю работать медленно и вдумчиво, то полагаю, что начал работать не слишком рано. (43)

Раз уж дело зашло так далеко без моего участия, то и само придёт к завершению. (44)

Нет ничего более неприятного, чем жить в неведении, не зная чего ожидать. (45)

Если дело не продвигается, его надо бросать. И я скорее решусь именно на это, чем стану долго ждать. Мои дела должны не ухудшаться, а улучшаться. Поэтому я не могу ждать дольше. Так будет лучше не только для меня, но и для всех остальных. (46)

Ожидание, разумеется, всегда бывает неприятно, но ещё более неприятно, если то, что за ним следует, не соответствует ожиданиям. (47)

Я настроен самым лучшим образом ко всем честным людям. (48)

Я самый покладистый человек в мире, если и со мной обращаются так же. (49)

Как со мной, так и я в ответ. Если меня презирают или низко ценят, то я могу быть спесивым, словно павиан. (50)

Чем враждебнее к вам настроены эти люди, тем более гордо и презрительно вы должны смотреть на них. (51)

Благородным делает человека сердце. И если я не граф, то в душе моей, возможно, больше чести, чем у некоторых графов. Слуга ли, граф ли, оскорбивший меня, – сам собака. (52)

Если кто-то оскорбит меня, то я должен отомстить. И если я не сделаю больше, чем было причинено мне, то это только расплата, но не наказание. К тому же это поставит меня на одну доску с моим недругом, а я слишком горд, чтобы равняться с таким дураком. (53)

Я охотно веселюсь, но будьте уверены: несмотря ни на что, я могу быть серьёзен. (54)

Как только мне перестают доверять, то я и сам себе больше не доверяю. (55)

Хотелось бы знать, почему подавляющее число молодых людей так дорожат бездельем, что не помогают ни уговоры, ни побои. (56)

Поскольку ты так долго лентяйничал, то не повредит, коли на короткое время ты снова станешь прилежным. (57)

Хорошая привычка, если человек говорит медленно, потому что его легко понимать. (58)

Случайное слово иногда может иметь большее воздействие, чем какое-либо указание. (59)

Хорошо и красиво говорить – искусство немалое, но, может быть, не меньшее искусство – вовремя умолкать. (60)

Сахар и мёд на устах, а в голове и сердце – перец. (61)

Я хотел бы иметь всё, что хорошо, натурально и красиво! Почему те, кому это недоступно, дали бы за это многое, а тем, кто может это иметь, это не нужно? (62)

В дороге нужны деньги, а мы здесь все странники. (63)

Да, вот так на свете этом – кому кошель, а кому монеты. (64)

Во избежание долгих переговоров всегда приходится называть самую низкую цену. (65)

Чести много, а денег – мало. (66)

Да это и не стоит того, чтоб за ним наклоняться. (67)

Ничего – это всегда меньше, чем мало, а мало – всегда меньше, чем не много, и много – всегда больше, чем мало, и так оно было, есть и будет. (68)

Похоже, я имею честь исполнять две службы разом, а жалование получать только за одну. (69)

Ничего в мире не бывает без корысти! (70)

Вы, конечно же, сами знаете, как трудно или даже невозможно жить, когда приходится перебиваться от одного заработка до другого! Если не имеешь определённого, *самого необходимого запаса*, то привести дела в порядок нет никакой возможности. Из ничего и получается *ничто*. (71)

Работая с меньшим бременем забот и без тяжести на сердце, я мог бы зарабатывать значительно больше. (72)

Будьте уверены, что я имею намерение заработать как можно больше денег, потому что после здоровья это самое главное. (73)

После моего здоровья не знаю ничего более необходимого, чем деньги. Я, конечно, не скряга, и мне было бы очень трудно стать скупцом, но всё же меня считают скорее склонным к скопидомству, чем к расточительству. (74)

Где я научился знать цену деньгам? Я слишком мало их видел. Помню, как, имея 20 дукатов, я думал, что уже богат. Только нужда учит знать цену деньгам. (75)

Многочисленные ученики – это очень беспокойное поприще. Жить учениками – для этой работы я не рождён. (76)

Я с охотою могу дать урок из любезности, особенно, когда вижу талант, радость, удовольствие от учения. Но когда надо ходить в определённый час на дом или ждать кого-то дома, этого я не могу, как бы много этим ни заработал. Это для меня невыносимо. Это я оставляю людям, которые ничего не умеют, кроме как играть на клавире. (77)

Я композитор и рождён быть капельмейстером. Я не имею права закапывать мой талант композитора, которым меня так щедро наградил милостивый Господь. Я могу сказать это без ложной скромности, ибо чувствую это сейчас больше, чем когда-либо. (78)

Без музыки всё было бы ничем. (79)

Музыка прежде всего должна быть музыкой. (80)

Мелодия – это сущность музыки. (81)

Самое необходимое, самое трудное и самое главное в музыке – это темп. (82)

Работа – моё первое наслаждение. (83)

Сочинять – это моя единственная радость и страсть. (84)

Порой преднамеренно делаешь пьесу немного длинной, ибо убрать можно всегда, а добавить не так-то просто. (85)

Музыка властвует самодержавно и заставляет забывать обо всём остальном. (86)

Поэзия – послушная дочь музыки. (87)

Изысканные или необычные слова всегда некстати в задушевной арии. (88)

Я люблю, чтобы ария подходила певцу с точностью хорошо сработанного платья. (89)

Поскольку страсти, сильные или не очень, никогда не должны выражаться в отталкивающей форме, то и музыка даже в самом ужасном месте никогда не должна оскорблять слуха, а напротив услаждать его и, следовательно, должна оставаться музыкой. (90)

Немногим понимающим людям, которые там будут, музыка моя, ручаюсь, понравится. Что до глупых – тут я не вижу большой беды, коль она им и не понравится. Однако, у меня есть надежда, что и ослы найдут в ней что-нибудь приятное для себя. (91)

Я считаю, что в музыке клоунада ещё себя не изжила, и в этом случае правы французы. (92)

Если в опере-серии должно быть мало озорства и много учёного и серьёзного, то в опере-буффа должно быть мало учёного, но зато много озорства и веселья. (93)

У каждой нации есть своя опера. Почему же у нас, немцев, её быть не должно? Разве на немецком языке поётся хуже, чем на французском или английском? Хуже, чем на русском? Ну так я пишу немецкую оперу *для себя*. (94)

В опере поэзия должна быть всего лишь послушной дочерью музыки. (95)

Почему везде так нравятся итальянские комические оперы? И это при всём убожестве текста! Потому что в них полностью господствует музыка, и от этого всё остальное забывается. (96)

Ещё больше должна нравиться опера, в которой хорошо разработан сюжет пьесы, слова же написаны только для музыки, а не для того, чтобы понравиться убогой рифмой (которая, видит Бог, никогда не повышала ценности театральной постановки, разве что приносила ей вред). Так те стихи только портят композитору весь замысел. (97)

Без стихов музыке, конечно, не обойтись, но рифмы ради рифмы – самое вредное. Господа, которые с подобным педантизмом подходят к делу, погибнут вместе со своей музыкой. (98)

Поэты иногда кажутся мне трубочами с их ремесленническим гонором! Если бы мы, композиторы, всегда слепо следовали нашим правилам, которые были хороши в те времена, когда не знали ничего лучшего, то мы писали бы такую же негодную музыку, какие они изготовляют негодные тексты. (99)

Музыка – главное во всякой опере, и если не будет хорошей музыки, оперная пьеса наверняка не понравится. Поэтому поэт должен менять и переделывать для меня всё столько раз и так часто, как я захочу, а не следовать своим собственным соображениям. (100)

Лучше всего, когда сойдутся вместе настоящий композитор, который в состоянии выполнить свою задачу, и умный поэт, словно истинный Феникс. Тогда можно не бояться и аплодисментов невежд. (101)

Чего вы хотите – середины, истинного во всём? Сейчас этого не знают и более не ценят. Чтобы сорвать аплодисменты, нужно либо писать вещи настолько простые, чтобы их мог напеть всякий возница, либо такое непонятное, чтобы только потому и нравилось, что ни один нормальный человек этого не понимает. (102)

Вкус постоянно меняется, и изменения его распространяются даже на церковную музыку, чего, однако, быть не должно. Потому-то и выходит, что истинную церковную музыку откапывают на чердаке и почти изъеденную червями. (103)

Если фугу не играть медленно, то невозможно чётко и ясно выделить появляющуюся тему и, следовательно, всё в целом не производит должного впечатления. (104)

Вообще, играть вещь быстро намного легче, чем медленно. Можно пропускать в пассаже некоторые ноты, и этого никто не заметит. Но хорошо ли это? (105)

При большой скорости можно менять и в правой и левой руке, так что этого никто не увидит и не услышит, но хорошо ли это? (106)

В чём состоит искусство чтения с листа? А вот в чём: играть пьесу в правильном темпе, как это указано. Выигрывать все ноты, форшлагги и прочая с должным выражением и вкусом, как написано, чтобы казалось что тот, кто играет, сам сочинил это. (107)

Однако, как это всегда случается со мною, в нужный момент мне ничего достойного в голову не приходит. Лучше бы я вместо музыки выучился строительному искусству: я слышал, что тот, кому ничего в голову не приходит, и есть самый лучший архитектор. (108)

Я всегда помню о Боге. Я признаю его всемогущество, страшусь гнева Его, но я также вижу Его любовь и сострадание к тварям Его. Он никогда не оставит рабов Своих. Всё движется по воле Его. И потому я со всем согласен. И посему всё хорошо. Я должен быть доволен и счастлив. (109)

Бог всё видит, а этого мне довольно для успокоения. (110)

Достичь Неба – и прекрасно, и возвышенно, но ведь и на милой Земле божественно прекрасно. Будем только людьми. (111)

С бодрым чувством отдадимся тому, к чему предназначило нас Провидение – и жизнь станет прекрасной. (112)

Я твёрдо надеюсь на лучшее, хотя взял себе в привычку всегда во всём допускать самое худшее, поскольку смерть (строго говоря) есть подлинная конечная цель нашей жизни. За последние два года я так близко познакомился с этим подлинным и лучшим другом человека, что образ смерти для меня не только не включает в себе ничего пугающего, но, напротив, даёт немало успокоения и утешения! И я благодарю Бога за то, что Он даровал мне счастье понять смерть как *источник* нашего подлинного блаженства. (113)

Я никогда не ложусь в постель, не подумав при этом, что может быть (хотя я и молод) уже не увижу нового дня. Но при этом никто из моих знакомых не сможет сказать, что я угрюм или печален. За это блаженство я всякий день благодарю Творца и от души желаю этого блаженства каждому из моих близких. (114)

Слишком долгий траур приносит не столько пользы мёртвому или мёртвой, сколько вреда множеству живых. (115)

Я утешаю себя мыслью: пусть случится то, что должно случиться, потому что я знаю, что так угодно Богу, который печётся о нашем благе, даже если мы этого и не понимаем. (116)

Я верю (и в этом меня никто не переубедит), что ни доктор, ни человек, ни несчастье, ни случай не могут ни дать, ни отнять у человека жизнь. Это может один только Бог, а то, что можем видеть мы – это только инструменты, которыми Он большей частью пользуется, да и то не всегда. (117)

Иногда мы видим, что человек упал и умер. Если наступило его время, то бесполезны все средства. Они скорее способствуют смерти, чем препятствуют ей. (118)

От смерти никто не застрахован, и она для человека таланта, да к тому же неженатого, – беда небольшая. (119)

Не будем слишком надеяться; доверимся Богу и утешимся той мыслью, что всё вершится по воле Всемогущего, который лучше знает, что нужно нам для нашего как временного, так и вечного счастья и благополучия. (120)

Мы теряем любимых своих не навеки, мы снова увидим их и будем вместе более счастливы, чем на этом свете. Нам неизвестно только время, но это меня совсем не пугает. Когда Богу будет угодно, тогда и мне хорошо. (121)

* * *

Музыка даже в самых ужасных драматических положениях должна всегда пленять слух, всегда оставаться музыкой! (90)

Исполнитель должен играть так, чтобы слушатели подумали, будто он сам сочинил эту музыку. (107)

* * *

Музыка, даже когда она рассказывает о самых ужасных вещах, никогда не должна ранить ухо: она всегда должна нравиться, т.е. всегда оставаться музыкой. (90)

Е. А. М р а в и н с к и й

(1903 – 1988 гг.)

Когда-то, слушая музыку, я испытал потрясение, как удар молнии или грома. Искусство должно потрясать. Иначе это не искусство. (1)

В сознании человека Природа взглянула не только на себя – а что важнее – внутрь себя. (2)

Можно ли прожить без музыки? Как будто она не относится к первейшим потребностям человека. Но лишиться её равносильно, по выражению Дарвина, «утрате счастья». (3)

Я верю во всепобеждающую силу музыки. Достаточно прийти в концертный зал без предубеждённости, чтобы оказаться во власти музыки. (4)

У меня прекрасная память, мне не нужны ничьи подтверждения. (5)

Партитура для меня – это человеческий документ. Звучание партитуры – это новая стадия существования произведения. Сама партитура есть некое незыблемое здание, которое меняется, но стоит в целом прочно. (6)

Я спрашиваю с себя много. Как дирижёр иду на репетицию подготовленным. Я понимаю, что я не «хозяин музыкантов», а посредник между автором и слушателями. (7)

В нашем коллективе сложилась практика полной отдачи и подготовленности. Я ничего особенного не требую. Прошу лишь точного проникновения в авторский замысел и моё понимание атмосферы произведения. (8)

Иногда трудно удержаться. Если человек не бесстрастен. (9)

Мне вспоминается, что я начал с введения строгой дисциплины. Вначале это не всем нравилось. А музыканты – народ с юмором, и надо было обладать выдержкой, чтобы не растеряться и настойчиво утверждать свои принципы в работе. Понадобилось время, чтобы мы полюбили друг друга. (10)

М. П. Мусоргский

(1839 – 1881 гг.)

Жизнь дана для того, чтобы жить, а искусство живёт и растёт только в борьбе. (1)

Требования искусства от современного деятеля так громадны, что способны поглотить всего человека. (2)

Соединить военную службу с искусством – дело мудрёное. (3)

Как выросло требование общества перед современными русскими художниками! Великое знамение страшного времени всесословного недовольства! (4)

Искусство есть не самоцель, а средство беседовать с людьми. (5)

Надо говорить людям правду, не трескучую, а настоящую правду. За шумихой условных, квази-художественных приёмов, безусловных и, следовательно, вовсе нехудожественных форм человечество *упрятало* само себя. (6)

Штука проста: художник не может убежать из внешнего мира, и даже в оттенках субъективного творчества отражаются впечатления внешнего мира. Только не лги – говори правду. Но эта простая штука тяжела на подъём. Художественная правда не терпит предвзятых форм; жизнь разнообразна и частенько капризна; заманчиво, но редкостно создать жизненное явление или тип в форме им присущей, не бывшей до того ни у кого из художников. (7)

Прошло время писаний на досуге; всего себя подай людям – вот что теперь надо в искусстве. (8)

Художественные цели без борьбы никогда не достигаются. (9)

Уверенность, смелость и спокойствие – вот что должно быть нашим девизом. (10)

Жизнь, где бы ни сказалась, правда, как бы ни была солона; смелая, искренняя речь людям в упор – вот моя закваска, вот чего хочу и вот в чём боялся бы промахнуться. (11)

Греки боготворили природу, значит, и человека. И великая поэзия и наикрупнейшие искусства от того произошли. (12)

Человек в лестнице творчества природы составляет высший организм (по крайней мере на Земле), и этот высший организм обладает даром слова и голоса, не имеющим себе равных в земных организмах вообще. (13)

Хотелось бы мне, чтобы действующие лица говорили на сцене, как говорят живые люди, т.е. звуки человеческой речи должны сделаться музыкой, правдивой, точной, высокохудожественной. (14)

Какую ли речь ни услышу, кто бы ни говорил (главное, что бы ни говорил), уж у меня в мозгах работается музыкальное изложение такой речи. (15)

Если звуковое выражение человеческой мысли и чувства простым говором верно воспроизведено у меня в музыке, и это воспроизведение музыкально-художественно, то дело в шляпе. (16)

Пробивая новый путь, чувствуешь удвоенные силы, а когда сила удвоена, то можно работать и весело работать. (17)

Я почти никогда не доволен собою, но теперь более, чем когда-либо, склонен думать, что роль моя поболее в уединении и поболее сосредоточения искусства для. (18)

Ни по характеру своих композиций, ни по своим музыкальным воззрениям я не принадлежу ни к одному из существующих музыкальных кружков. Мой основной художественный принцип: искусство есть средство для беседы с людьми, а не цель. (19)

Какой обширный, богатый мир искусство, если целью взят человек! (20)

К новому музыкальному труду, широкой музыкальной работе зовёт жизнь; дальше, ещё дальше в путь добрый, с большим рвением к новым берегам пока безбрежного искусства! Искать этих берегов, искать без усталости, без страха и смущения, и твёрдою ногою стать на земле обетованной – вот великая, увлекательная задача! (21)

Тончайшие черты природы человека и человеческих масс, назойливое ковырянье в этих мало изведанных странах и завоевание их – вот настоящее призвание человека. (22)

Для меня важная статья – верное воспроизведение народной фантазии, в чём бы она ни проявлялась. (23)

Где люди, жизнь – там нет места предвзятым параграфам и статьям. (24)

Народ хочется сделать: сплю и вижу, ем и помышляю о нём, пью – мерещится мне он, он один цельный, большой, неподкрашенный и без сусального. И какое страшное (воистину) богатство народной речи. Какая неистощимая руда для хватки всего настоящего – жизнь русского народа! (25)

Я разумею народ как великую личность, одушевлённую единою идеею. Это – моя задача! я попытался разрешить её в опере. (26)

В человеческих массах, как в отдельном лице, всегда есть тончайшие черты, ускользающие от хватки, черты, никем ещё не тронутые: подмечать и изучать их в чтении, в наблюдении, по догадкам, всем нутром изучать и кормить ими человечество, как здоровым блюдом, которого ещё не пробовал – вот задача-то! Восторг и присно восторг! (27)

Крест на себя наложил я, и с поднятой головой бодро и весело пойду против всяких к светлой, сильной, праведной цели, к настоящему искусству, любящему человека, живущему его отрадой, его горем и страдой. (28)

Прошлое в настоящем – вот моя задача. (29)

Способ лёгкой наживы и, конечно, столь же лёгкого разорения (биржа) очень родственно уживается со способом лёгкого сочинительства (буфф) и лёгкого разврата (канкан). Но, боже мой, как всем скучно! Как бесчеловечно переполнены все каким-то мертвецким, удушающим газом! Ах, какие лица, какие ужасные человеческие оболочки! (30)

И так уж на Руси великой не весело, не радостно живётся, а тут бабий вой слушать, и вопль, и скрежет – куда как чудесно! (31)

Русский человек хотя от дела не бежит, но делает по природной лености мало. (32)

Признавая, что в области искусства только художники-реформаторы создавали законы искусству, я не считаю эти законы за непреложные, а прогрессирующими и видоизменяющимися, как и весь духовный мир человека. (33)

Настоящий художник должен быть хороший *сам себе судья*. (34)

В какой степени я послужил искусству – не знаю, но чувствую, что сделал что-то праведное и бесповоротное. (35)

Досадно, что с бывшими единомышленниками приходится толковать через «шлагбаум», за которым они остались. (36)

Эта бездарная дура смерть косит, не рассуждая. (37)

Г. Г. Нейгауз

(1888 – 1964 гг.)

Сердцевина всякого искусства, его глубочайшая сущность и сокровенный смысл есть *поэзия*. И это неоспоримо. (1)

Дыхание большого искусства – соединение мысли, чувства, красоты и законченности отделки. (2)

К красоте искусства нельзя «привыкнуть», как нельзя привыкнуть, отнестись равнодушно к красоте майского утра, безлунной летней ночи с мириадами звёзд, а тем более к душевной красоте человека, которая и есть первопричина и источник великих дел в искусстве. (3)

Достойно осуждения стремление умышленно преуменьшать те утешения и радости, которые доставляет художнику само творчество, повседневная, заставляющая часто забывать всё другое, работа над своими произведениями. (4)

Само собой понятно, что «особо прекрасных» мест в музыке сотни, тысячи и десятки тысяч – столько же, сколько прекрасных видов в природе, надолго приковывающих к себе путника-пешехода и заставляющих его часто к ним возвращаться. (5)

Гениев и таланты создавать нельзя, но можно создать культуру, и чем она шире и демократичнее, тем легче произрастают таланты и гении. (6)

М. Н о п ф л е р

(1949 г.р.)

У каждой песни есть своя тайна, отличающая её от остальных песен, и у каждой из них своя жизнь. Иногда песня пишется с трудом, а иногда она пишется легко. Нет никаких правил, как писать и создавать песни. Это зависит от того, что вы делаете, а не от того, что вы о себе думаете. (1)

Я всегда стараюсь откликнуться на зов рождающейся песни; теория же вызывает у меня лишь протест. (2)

Я просто хочу играть и хочу, чтобы людям доставляло радость то, что я делаю. Если таковы ваши мысли, то с вами может случиться всё что угодно. И обычно случается только хорошее. (3)

Я люблю играть все старые песни. Мне это доставляет подлинное удовольствие. Для людей песни – это вехи. Верстовые столбы на жизненном пути, помогающие вспомнить пройденные участки дороги. И это мне по душе. (4)

Всякая гитара, которой я обзавожусь, не лежит без дела и имеет своё предназначение. (5)

Если вы хотите подражать чужой игре, какому-то своему любимому исполнителю, то стоит вам только поехать в Нэшвилл или в Аргентину, и вы забудете об этой затее. На свете полным- полно потрясающих гитаристов, и вы это знаете, и я знаю это – таков урок скромности. (6)

Так много разных миров, и так много разных солнц. А у нас у всех один мир, и при этом мы живём все в разных мирах. (7)

Я не люблю давать определения, но если всё же нужно было бы дать определение свободе, то я бы сказал так: свобода – это когда в нашей власти так воздействовать на действительность, что она изменяется, а не мы терпим её такой, как она навязана нам. Большого, право, не стоит и желать. (8)

О. О з б о р н

(1948 г.р.)

Печально, знаете ли, что деньги делают с людьми! (1)

Когда человек молод, он глуп и делает глупости. (2)

Хороший знак, коли вы можете смеяться над своими ошибками. (3)

Может быть, ещё не слишком поздно, чтобы научиться любить и забыть, что такое ненависть. (4)

Жить с ненавистью к людям – в этом нет ничего конструктивного. Какой смысл кого-то ненавидеть? В мире и без того хватает ненависти и злобы, чтобы я ещё прибавлял что-то от себя. (5)

Меня всегда поражало, какой силы достигают люди, когда они сосредотачиваются на чём-то положительном. (6)

Вы должны верить в себя, иначе никто не поверит в вас. Воображение, оно как птица в полёте: летит свободно, и вам не надо делать никаких усилий. (7)

Я бы не хотел быть королём: это жизнь в сверхзвуковом аквариуме для золотой рыбки. (8)

Я думаю, что каждый из тех, кто ест мясо, должен хотя бы раз в жизни побывать на бойне, просто чтобы увидеть, что там творится. (9)

Я считаю, что война – попросту часть человеческой природы. (10)

Я не знаю, что случится завтра, и не могу воскресить вчерашний день, но я стараюсь, насколько то в моих силах, жить наличествующей минутой. (11)

Только одно меня смущает: в мире нашем религий стало больше, чем когда-либо прежде, а Бог при этом предполагается только один. (12)

Когда откусываешь, нужно быть очень осторожным, чтобы не откусить больше, чем можешь прожевать. Мы живём в очень опасном мире. (13)

Й. О н о

(1933 г.р.)

Делай всё с ощущением радости. Негативное мышление – роскошь, которую мы не можем себе позволить. (1)

Улыбайся будущему, и оно улыбнётся тебе в ответ. (2)

Если ты мечтаешь о чём-то один – это всего лишь мечта; если вы мечтаете об этом вдвоём – это реальность. (3)

Любой цинизм не является реальной душой. (4)

Воздух – это единственная вещь, которую делят побратски. (5)

Если вы можете изменить свою жизнь, то вместе мы можем изменить мир. (6)

Мы все мечтатели, создающие следующий красивый мир для нас и наших детей. (7)

Твой ум – это часть вселенной. (8)

Искусство для меня подобно дыханию. (9)

Н. П а г а н и н и

(1782 – 1840 гг.)

Надо сильно чувствовать, чтобы другие чувствовали хоть что-то. (1)

Надо сильно чувствовать самому, чтобы заставить чувствовать других. (2)

Сейчас я – гений, а прежде был зубрилой-каторжником. (3)

Стоит мне день не поупражняться, и это вполне заметно мне; стоит не поупражняться два – и это заметит уже публика. (4)

Я некрасив, но, заслышав мою игру, женщины приползают ко мне на коленях. (5)

Я люблю гитару за её гармонию; она моя верная попутчица во всех разъездах. (6)

Ф. П а л ь м е д ж а н и

(перв. пол. XX в.)

От спектаклей публика требует очень немногого – хорошего конца: она привыкла уходить из театра в хорошем настроении, а не преследуемая кошмарами. Публика хочет только одного: действительно развлечься в театре. (1)

Прекрасна жизнь, когда поёт великий певец. Миллионы людей наслаждаются его пением, миллионы, по крайней мере на несколько часов, на несколько мгновений, забывают свои горести и печали, уносясь в мир мечтаний, обманываясь улыбкой счастья. Но затем жизнь возвращает их к горькой действительности. Злоба, фальшь, жадность, хитрость, зависть, месть – сколько печали, сколько несчастий взамен нескольких мгновений радости! Грустный мир!.. (2)

Без сомнения, слабый пол в слабости своей гораздо сильнее. (3)

Любые, даже самые исключительные события, если они происходят в жизни обыкновенных людей, чаще всего остаются никем не замеченными, предаются забвению и в историю не входят. Иначе обстоит дело, когда речь идёт о каком-либо человеке, чья злая или добрая судьба перевела его из категории обыкновенных смертных в разряд знаменитостей. В таком случае любая подробность из его жизни, даже личной, становится чем-то необычным, оригинальным. (4)

Те, кто выделяется благодаря своим талантам в той или иной области и входит в число кумиров, всегда будут отличаться чем-то от простых смертных. И это что-то делает их ещё более привлекательными и помогает быстрее отличить от обыкновенного человека. (5)

Голос певца – естественный результат дыхания – может нестись на любое расстояние. (6)

Избегать петь всеми фибрами – вот один из самых больших секретов школы бель канто. (7)

Хорошая школа в пении – это далеко не всё, даже не половина дела. Искусство действительно становится искусством только там, где помимо мастерства есть проникательный, пытливый ум, где есть человек, умеющий подчинить всё своему видению, своей интерпретации. (8)

Музыка говорит с нами на всемирном языке. Она посланница самых горячих чувств души и сердца, она герольд духовной общности, которая возвышает, волнует и сближает людей. (9)

Безусловно, в музыке следует идти вперёд. Страстные поиски заставят это благородное искусство сказать новое слово, много говорящее и уму и сердцу. Инстинктивно хочется найти это слово, особенно в музыке – слово, которое принесёт самые глубокие и высокие ощущения! Важно только, чтобы это были истинно человеческие чувства, поданные в новой форме и не задавленные модными музыкальными идеями. (10)

Д ж. П е й д ж

(1944 г.р.)

Музыка всегда была для меня главным в жизни. Она никогда не была мне поводом для огорчений. (1)

Мною всегда движет музыка. Необязательно в диапазоне рока или блюза. Мои аппетиты простираются гораздо дальше. Музыка существует для меня во множестве различных жанров. (2)

Моя ранняя изолированность, возможно, повлияла на формирование моего характера. Я одиночка. (3)

Многие люди не могут оставаться наедине с собой. Они пугаются. Одиночество не доставляет мне хлопот. Оно даёт мне чувство защищённости. (4)

В самого себя я могу и не верить, но я верю в то, что делаю. (5)

Мой аппетит как к вещам земным, так и неземным поистине ненасытен. (6)

Упустить в жизни свой шанс — это пугает многих, но на самом деле жизнь даёт нам множество шансов, а не один-единственный. (7)

Никто не в силах купить время. На мой взгляд, вся наша жизнь — это гонка ради того, чтобы сэкономить время. В музыке это особенно заметно. (8)

Музыка всегда может оказаться фактором, преображающим и изменяющим жизнь, как у самих музыкантов, так и у любителей музыки, или по меньшей мере она всегда может оказать на жизнь воздействие; всё дело в том, до какой степени. (9)

Вы не можете рассчитывать на то, что вы всё тот же человек, каким были, скажем, три года назад. Но некоторые люди надеются как раз на это и не могут осознать того факта, что коли новый альбом вышел через год после предыдущего, то этот временной интервал неизбежно означает собой произошедшие изменения. Стало быть, это отражается на материале, на словах и.... на музыке тоже. (10)

Художники часто говорят, что картина никогда не бывает закончена. У меня такое же ощущение и о музыке. Я бы никогда не сказал, будто в исполнении чего-то достигнуто совершенство. Есть записи, которые могут вызвать у меня поток эмоций при прослушивании, но я бы не смог сказать, что в них достигнуто совершенство. (11)

Я могу сказать, как далеко простираются мои устремления. Я знаю, как достичь желаемого, всё, что мне остаётся, — это только продолжать играть. (12)

Хочу кое-что сказать по поводу игры на гитаре. У каждого гитариста своя уникальная манера игры, свой стиль, и это всего более изумляет меня с того самого дня, как я впервые взял в руки гитару. То, что каждый извлекает из шести струн, всегда отличается от того, что извлекут другие, и тем не менее всё это значимо и заслуживает внимания. (13)

В моей игре на гитаре для меня главное не техника, а сила эмоций. (14)

В звучании акустической гитары несопоставимо больше жизненной силы, чем её может быть в звуках, издаваемых синтезатором. Такова, по крайней мере, моя точка зрения. Всё дело в напоре, в огне, в страсти, а они-то и идут от гитары. (15)

В гитаре заключено огромное богатство стилей и выразительности: фламенко, джаз, рок, блюз... Всё это в ней. Когда-то в самом начале пределом моих мечтаний было слияние всех этих стилей воедино. Теперь ничуть не меньшим стремлением стало для меня сочинение музыки в каждом стиле в отдельности. (16)

Многие считают меня гитаристом-виртуозом, но я о себе куда более значительного мнения: моим главным достижением как музыканта было создание неожиданных мелодий и гармоний в тесных пределах рок-н-ролла. (17)

Моё призвание – в сочинении музыки гораздо более, чем в чём-либо ещё, т.е. в построении гармоний с помощью гитары, оркестровывание гитары как армии, армии гитар... (18)

Каждому музыканту хочется создать что-то долговечное, и нашей четвёрке, я думаю, это удалось с нашей «Лестницей на небеса». (19)

Играя на гитаре, я сумею сказать гораздо больше, чем произносятся слова. (20)

Не такой уж я и виртуоз. Я просто беру в руки гитару и играю на ней. Виртуозность тут не при чём. (21)

Мне действительно не хочется, чтобы люди видели, как я играю. Мне становится от этого неловко, потому что мне самому кажется, что всё это слишком легко и просто. (22)

Я твёрдо убеждён в том, что игра каждого гитариста содержит в себе нечто уникальное. И задача любого из них просто в том, чтобы уразуметь, чем он отличается от остальных, и тогда уже развивать и совершенствовать эту свою особенность. (23)

Сколь многое можно сделать на гитаре! И чем гитара особенно хороша, так это тем, что каждый, играя на ней, может получить невероятное удовольствие, да ещё доставить его другим. Ну что может быть лучше этого? (24)

Мне всегда казалось, что гитаре прибавляет достоинства то, что игре на ней не учат в школе. (25)

Художник как можно больше впитывает в себя из того, что его окружает, а после умеет взять оттуда всё, что ему необходимо в его творчестве. (26)

В классической музыке есть критерии, позволяющие применение слова «гений», но, пытаясь использовать его в отношении исполнителей рок-н-ролла, вы вступаете на тонкий лёд. (27)

Мне очень и очень сильно повезло в жизни, потому что людям, насколько могу судить, нравится музыка, которую мне нравится играть. Может ли быть большая удача для музыканта? (28)

Если вы работаете на фабрике и проклинаете каждый день, как только просыпаетесь, чтобы идти туда – во что бы то ни стало выбирайтесь из такого положения! Вы просто угробите себе здоровье. (29)

Я очень счастливый человек, потому что я люблю то, что я делаю. (30)

Меня совершенно не заботит, что думают критики и все остальные люди. (31)

Невозможно делать что-то, не получая от этого удовольствия. (32)

Чувство глубокого удовлетворения даёт не получение награды как таковое, а само сознание, что ты оказался в состоянии помочь тому, кому действительно была нужна твоя помощь. (33)

Очень немногих людей я могу назвать своими настоящими, близкими друзьями. Я бесконечно дорожу ими. (34)

Я знаю, что я хотел бы сделать, и у меня осталось совсем немного времени, чтобы сделать это. (35)

Я не боюсь смерти. Это величайшая тайна из всех возможных. И она будет ею всегда. (36)

* * *

Многие неспособны существовать сами по себе. Их это пугает. Меня одиночество не беспокоит вообще. Оно придаёт мне ощущение безопасности. (4)

Э. П и а ф

(1915 – 1963 гг.)

Я пою не для всех, а для каждого. (1)

Флирт – это бег наперегонки, в котором выигрывает тот, кто позволяет себя догнать. (2)

Чудесно быть влюблённым. (3)

О, я знаю, что следует быть благоразумной, но благоразумие в любви всё равно, что расчёт. У любви нет дна, у любви нет пределов, иначе это – не любовь! (4)

Ничто не имеет значения, ничто не существует, кроме того, кого любишь: любовь даёт крылья и уносит прочь от земли. (5)

Быть вдвоём – это величайшее счастье. (6)

Сколько же нужно пролить слёз, чтобы иметь право любить! (7)

Даже после утраты, любовь, которая у вас была, оставляет вкус чего-то восхитительного. Любовь – это навсегда! (8)

Спать – только время терять. Сон пугает меня. Это разновидность смерти. (9)

Смерть? Её не существует. (10)

Смерть – это начало чего-то иного. (11)

Есть безмолвие, которое скажет о многом, как есть и слова, которые ничего не значат. (12)

* * *

Я пою не для всех, я пою для каждого. (1)

Р. П л а н т

(1948 г.р.)

Ненавижу клише. (1)

Ненавижу терять время. (2)

Я не знаю, что думают люди. Мне до этого нет дела. (3)

Я не могу нравиться людям, просто потому что я занимаюсь только тем, что мне нравится. (4)

Я не боюсь обладать властью, но это худшая валюта на свете. (5)

Мне непременно нужно подправить и изменить ландшафт, каким бы он ни был. (6)

Быть одному – эта идея мне нравится. Часто бывать одному по любым жизненным поводам – это мне вполне по вкусу. Мне нравится чувство одиночества. Мне нравится, что мне что-то нужно. (7)

Я на самом деле о многом думаю и многому учусь в музыкальных паузах. (8)

Нельзя работать слишком много, потому что так можно выбиться из сил, и тогда всё погибнет. Знаете, это одно из безумств. Ты можешь всё погубить, и всё же существует огромный соблазн сделать именно это. (9)

Выступая год за годом на огромных стадионах, когда прямо перед глазами у тебя стоит только стена мрака, чувствуешь себя в бесконечном отдалении. (10)

Я рискну утверждать, что хороший концерт служит оправданием недели бездействия в домашнем уюте. (11)

Нет ничего постыдного в том, чтобы сказать успеху «до свидания». Не стоит вкушать его плоды день за днём, год за годом. Их следует смаковать и ценить, но не превращать в смысл жизни. Понимание этого приходит с годами. (12)

Дело в том, что когда-нибудь следует порадовать и самого себя. (13)

Я люблю, чтобы мне было более или менее понятно всё, что меня окружает. Это какая-то одержимость, черта характера, только усиливающаяся со временем. Но я нисколько не стремлюсь к такому пониманию, когда создаю свою музыку. (14)

Не перестаю себе удивляться. (15)

Люди говорят, что я миллионер, но это не правда – я только трачу миллионы. (16)

Мне очень, очень нравится оказывать содействие в той или иной форме. (17)

Сам по себе я ничто. Я обязан всем тем музыкантам, с которыми работаю. (18)

В воздухе есть нечто большее, чем только ветер. (19)

Музыка, она ведь для каждого, кто ходит по этой планете. (20)

Я отражение того, что я пою. Иногда мне приходится быть серьёзным, потому что вещи, с которыми я имею дело, тоже очень серьёзны. (21)

Для того, чтобы исполнять рок, необязательно прыгать и дёргаться. (22)

Свою голосовую манеру я ни у кого не заимствовал. Она развивалась сама собой, пока не стала изнеженным жалобным воем, каким и является теперь. (23)

Петь рок-н-роллы – это не бог весть какая завидная и распрекрасная работа. (24)

Какой смысл выходить на освещённую сцену, если вы только и можете, что повторять самого себя? (25)

Прошлое – это не вежа, а ступень с которой надо подняться. (26)

Я думаю, что и страсть, и любовь, и боль можно вынести, и благодаря этому любовь становится прекрасной. (27)

Вы обязательно должны задаться вопросами: кто за всё расплачивается и чем ценна эта жизнь? (28)

Вы не можете из финансовых соображений бросить то, во что вы верите. Если вы умрёте на обочине дороги – что ж, значит так надо. Но вы хотя бы знаете, что вы попытались. Десять минут на музыкальной сцене стоят больше, чем сто лет жизни вдали от неё. (29)

С. С. Прокофьев

(1891 – 1953 гг.)

Я придерживаюсь того убеждения, что композитор, как поэт, ваятель, живописец, призван служить человеку и народу. Он должен украшать человеческую жизнь и защищать её. Он прежде всего обязан быть гражданином в своём искусстве, воспевать человеческую жизнь и вести человека к светлому будущему. Таков, с моей точки зрения, незыблемый кодекс искусства. (1)

Сейчас не те времена, когда музыка писалась для крошечного кружка эстетов. Сейчас огромные толпы народа стали лицом к лицу с серьёзной музыкой и вопросительно ждут. Композиторы, отнеситесь внимательно к этому моменту; если вы оттолкнёте эти толпы, оне уйдут к джазу или туда, где «Маруся отравилась и в покойницкой лежит». Если же вы их удержите, то получится такая аудитория, какой не было нигде и ни в какие времена, но из этого не следует, что надо подлаживаться под эту аудиторию. (2)

Подлаживание таит в себе элемент неискренности, и из подлаживания никогда ничего хорошего не выходило. Массы хотят большой музыки, больших событий, большой любви, весёлых плясок. Оне понимают гораздо больше, чем думают некоторые композиторы, и хотят совершенствоваться. (3)

Д ж. П у ч ч и н и

(1854 – 1924 гг.)

Я восприимчив к мелочам, и только ими нравится мне заниматься. (1)

Я питаю огромную симпатию к простым женщинам: только оне умеют любить и страдать. (2)

Я великий охотник, и охочусь я на диких птиц, на оперные либретто и на красивых женщин. (3)

Д. А. Рабинович

(1900 – 1978 гг.)

Линия наибольшего сопротивления – путь, требующий отваги и даже известной жертвенности. (1)

Спокойное и серьёзное воспитание стимулирует быстроту интеллектуального развития. (2)

Два полюса – это лишь две точки, вокруг которых располагаются обширные области, сходные в наиболее общих признаках, различные в любой частности. (3)

В конечном счёте знание любой из глав великой летописи человечества, как знание искусства, как всякое знание, расширяя кругозор художника, делает его чувства более тонкими, восприятие более чутким, реакции более разветвлёнными. (4)

Было бы неразумным всегда и непременно искать во что бы то ни стало новых формулировок, если уже существующие представляются удовлетворяющими. (5)

В пределах непрменной правдивости, реалистичности, каждое явление искусства судится по своим собственным законам. (6)

В значительном большинстве случаев то, что хорошо у одного крупного художника, стало бы гибельным для другого. (7)

В применении к искусству одержимость означает способность артистической натуры безраздельно и страстно отдаваться потоку вдохновения. (8)

Пути исполнительского раскрытия всегда находятся артистом не только с помощью «слепой» интуиции, но и в результате непрестанной работы мысли. (9)

У всякого истинного художника верность изображаемому сочетается с наличием *своего* видения. (10)

Реализм и романтика, объективное и личное, разум и чувство в настоящем правдивом искусстве дополняют друг друга. (11)

Для всякого подлинного художника в искусстве имеется близкое и далёкое, то, что он принимает и что отвергает. (12)

Естественно, что пианист не в состоянии приняться за разучивание пьесы, если предварительно, вслушиваясь и вглядываясь в неё, не почувствует к ней непреодолимого влечения. (13)

Всякий концертант в той или иной степени выражает через исполняемое себя, свой внутренний поэтический мир. Это естественно, неизбежно и не содержит в себе ничего дурного, если художник не искажает музыки, если музыка не предстаёт в его передаче словно в кривом зеркале. Вместе с тем характер слияния играющего с музыкой у разных артистов не одинаков. (14)

В пределах единой художественной правды число реалистических, т.е. чуждых субъективистскому, эстетскому произволу, а следовательно, законных и допустимых интерпретаторских версий – практически неограниченно. (15)

Большой артист успешно переступает грань, отделяющую формальное мастерство от искусства. (16)

Музыкальность? Привить её бессилён даже гениальный педагог. Но если она есть, её можно устремить по наиболее верному руслу. (17)

Музыкальность – свойство, которое нельзя «приобрести»; её возможно лишь обогатить, углубить. Вообще же, либо она есть, либо её нет. (18)

Высшая техничность только преддверие настоящего искусства. (19)

В чисто виртуознических увлечениях много наивности. Они обычны у молодых концертантов, от природы наделённых мощной технической потенцией. Неспособные пока ещё найти ей разумное применение, они бездумно предаются её стихии. (20)

Термин «виртуозность» трактуется поразному. Многие наивно и примитивно отождествляют его с моторностью, с «виртуозничаньем». Для них быть виртуозом значит уметь играть очень быстро (аппарат!) и очень громко (масштаб!). (21)

Виртуозность – это когда уже не хочется думать о технике, о преодолении трудностей, о темпах, ибо суть здесь не в геркулесовских *силовых* подвигах, а в человеческом духе, властвующем над «мускулатурой». (22)

Не будучи равнозначным виртуозности, являясь в какой-то мере антиподом её, виртуозничество растёт от одного с ней корня. Мощност пианистического аппарата – их общая почва. И там, где духовный мир артиста беден, где в исполняемой музыке он различает лишь текст, не подозревая о существовании обширных «подтекстов», где стремление к успеху заслоняет высокие цели искусства, – там, как потенциальная угроза, исполнителя подстерегает внешне блистательное, но пустое, бессодержательное виртуозничество. (23)

Оратор-трибун привык адресоваться не к тесному кругу рафинированных собеседников, а к толпе, к массе. Тут мало уместны интимная приглушённость голоса, подчёркнутое изящество оборотов, особо изысканное сравнение, как бы невзначай брошенные французская фраза или тончённо меланхоличная строчка стихов. (24)

Чтобы зажечь сердца людей на площади, чтобы властвовать над их умами, надо говорить внятно, а слова выбирать веские, ясные, содержательные в своей «прямолинейной» простоте. (25)

Чемпионы исполнительской сверхтехники обращаются к толпе. Их правильное уподобить демагогам, тем, кто каскадами красноречия, блёстками темперамента, мишурой вовремя пущенных в ход и потрафляющих мещанским вкусам ловких острот прикрывают внутреннюю пустоту своих речей. (26)

Нередко приходится видеть, что рано сформировавшиеся художественные натуры довольно скоро оказываются перед лицом серьёзных творческих затруднений. (27)

Творческое и психологическое формирование щедро одарённых натур обычно совершается где-то на рубеже отрочества и юности. А наряду с этим именно сложность таких от природы богатых натур, содействуя их быстрому общему самораскрытию, нередко тормозит ход их окончательной кристаллизации. Чем раньше такая натура «созреет», тем медленнее идёт её «дозревание». (28)

В трудные переломные периоды охваченный горестным раздумьем художник замолкает, чувствуя, что старые пути для него исчерпаны, а новых он ещё для себя не нашёл. (29)

Целиком полагаться на художественную интуицию рискованно. Она только следующий шаг от познанного. Фигурально выражаясь, она действует в ограниченном радиусе, к тому же не безотказно. (30)

Исполнительство нечто более значительное, чем повод для самолюбования. Мастер видит в нём *дело*, громадную и полную смысла *жизненную задачу*, в разрешении которой сами собой разумеющиеся талант и мастерство составляют лишь необходимые условия, оказываются лишь средствами. (31)

Для исполнителя важно не только тщательно прятать волнение, важно преодолевать его. Не абстрактные, коренящиеся в конституциональных свойствах психики «воля», «настойчивость», но *осознание* важности своего жизненного дела сообщит ему железную выдержку, необыкновенное самообладание. (32)

Исполнитель *работает*, с жаром, увлечённостью, страстью, как бы находя высшее наслаждение в единстве труда и творчества, психического и физического начал в процессе созидания. Он работает подобно скульптору, отсекающему лишние куски камня и знающему, что неподатливое вещество его искусства требует усилий, что напряжённый мускул не обозначится в бесформенной глыбе, если не напрягутся мускулы его собственной, самого скульптора *руки*. (33)

Руки – зеркало души пианиста. (34)

Настоящих художников надлежит судить не по их частным (неизбежным, ибо они живые люди) ошибкам и заблуждениям, но по тому, что оказывается основным законом их творчества. (35)

М. Р а в е л ь

(1875 – 1937 гг.)

Знаю: для современной музыки почти нет правил. Начинают без всякой надобности с того, что попадётся под руку. Торопятся модулировать, чтобы казаться дерзкими. Несколько аккордов, считающихся ультрасовременными, – сюда гамму, так называемую китайскую – туда. Похоже на изготовление дамской шляпки, хотя и менее искусно. Заканчивают, как придётся. Стоило ли начинать? (1)

Великая музыка, я убеждён в этом, всегда идёт от сердца. Музыка, созданная путём только приложения техники, не стоит бумаги, на которой она написана. (2)

Надо же, наконец, признать, что суждения критиков не всегда свободны от пристрастия. А часто даже бурный напор в нападении ловко маскирует отсутствие понимания, о котором при отзыве, более скромном, можно было бы догадаться. (3)

Я так привык к своему убийственному одиночеству, что оно почти не тяготит меня. (4)

Р а в и Ш а н к а р

(1920 – 2012 гг.)

Нужно заглянуть в своё прошлое, нащупать свои корни. (1)

Звук – это Бог, если это настоящая, хорошая музыка. Но музыка может быть и дьяволом, не буду уточнять, какая именно музыка. (2)

Музыка может заводить, сводить с ума, это тоже музыка, но она не приводит к Богу. (3)

Мы все говорим о мире, любви, но всё это только слова. А сделать это трудно. Мне проще достучаться до сердца другого человека через музыку. Так я и общаюсь с ним. Другие читают лекции, очень много говорят, но добиваются немногого. У музыканта больше возможностей. (4)

Ж. Ф. Р а м о

(1683 – 1764 гг.)

Музыка должна обращаться к душе. (1)

Подлинная музыка – язык сердца. (2)

Можно судить о музыке только посредством слуха: и разум в этом случае может пользоваться авторитетом, только поскольку он согласуется со слухом. (3)

Этот принцип неисчерпаем и связан с теологией столько же, сколько и с геометрией. (4)

Музыкальный звук – сложный комплекс, заключающий в себе некое внутреннее пение, а стало быть, гармония предшествует мелодии. (5)

Искусство я стремлюсь скрыть самим искусством. (6)

Здравый смысл предоставляет нам только один аккорд – логическое следствие резонирующих призывов звучащего тела. (7)

Когда мы сочиняем музыку, не время вспоминать правила, которые могут держать в рабстве наше вдохновение. (8)

Хороший музыкант должен перевоплощаться во все характеры, которые он желает обрисовать. (9)

Я рискнул, мне повезло, я продолжил. (10)

С. В. Р а х м а н и н о в

(1873 – 1943 гг.)

Самое высокое качество всякого искусства – это его искренность. (1)

Музыка прежде всего должна быть любима; должна идти от сердца и быть обращена к сердцу. Иначе музыку надо лишить надежды быть вечным и нетленным искусством. (2)

Сочинять музыку – неотъемлемая часть моего существования, всё равно как дышать или есть – необходимые функции жизни. (3)

Когда мне бывает тяжело, тогда я могу только заниматься. И когда занимаешься весь день напролёт, тогда становится как-то легче. (4)

Хороший дирижёр должен быть хорошим шофёром; обоим нужны одни и те же качества: сосредоточенность, непрерывное напряжённое внимание и присутствие духа. Дирижёру остаётся лишь немного знать музыку. (5)

Странно, как смерть композитора меняет отношение к его произведениям. Она, по мнению издателей, вдесятеро увеличивает стоимость его произведений. (6)

Н. А. Римский – Корсаков

(1844 – 1908 гг.)

Утешение поднимает дух, а душевный подъём часто оздоравливает тело. (1)

О вы, которые хотите чтаньем просвещать умы, без пользы многих книг не читаете, остерегайтесь большей тьмы. (2)

Действительно талантливому ученику так мало надо; так легко показать ему всё нужное и поставить его на ноги, если только взяться за это умеючи. (3)

Вовсе нет надобности учиться читать у литератора, а арифметике – у астронома. (4)

Музыки вне национальности не существует, и, в сущности, всякая музыка, которую принято считать за общечеловеческую, всё-таки национальна. (5)

Я прислушивался к голосам народного творчества и природы и брал напетое и подсказанное ими в основу своего творчества. (6)

Острая и продолжительная память так много значит для того, чтобы разобраться критически в музыкальной литературе. (7)

Укорять композитора за контрапункт так же неосновательно, как укорять поэта за стих и рифму, которыми он якобы себя стесняет, вместо того, чтоб употреблять свободную и непринуждённую прозу. (8)

Считаю вредными чужие советы во время сочинения, и предпочитаю, чтобы сочинение вышло хуже, но по крайней мере было бы оригинально и всецело принадлежало автору. (9)

В наше время уметь более или менее хорошо писать одни лишь фуги скорее свидетельствует против истинного композиторского дарования, а уж никак не за. (10)

В настоящее время уже стало невозможно писать оперы в старых формах; требуется полная осмысленность текста и полная солидарность с ним музыки. (11)

Несмотря на то, что сочиняемая без рояля музыка ясно слышится автору, когда приходится проигрывать на рояле в первый раз значительное количество сочинённого без рояля, получается впечатление особое, какое-то неожиданное, к которому надо привыкнуть. Причиной тому, вероятно, отвычка от звука рояля. При сочинении же оперы звуки представляемые мысленно, принадлежат голосам и оркестру и, будучи исполняемы в первый раз на рояле, кажутся несколько чуждыми. (12)

Пока сочиняешь, то многое кажется неудовлетворительным, а когда черновик написан, то многие недостатки приятно исправлять и неотделанное отделать, а к неисправимому привыкаешь, и оно перестаёт раздражать. (13)

Руководящие гармонии, лейтгармонии трудно уловимы для слуха массы публики, которая предпочтительнее схватывает лейтмотивы, напоминающие грубые военные сигналы. Схватывание же гармонических последовательностей есть удел хорошего и воспитанного музыкального слуха, следовательно – более тонкого понимания. (14)

Оркестровка – это не суть, а наряд музыкального сочинения. (15)

Дирижёр всегда должен быть в состоянии прийти на помощь музыканту во время исполнения и подсказать ему вступление; дирижируя же наизусть весь концерт, этого решительно сделать невозможно. Если публике и приятно видеть самоуверенность капельмейстера, дирижирующего наизусть, то оркестру всегда приятнее обратное. (16)

Равнодушная к искусству, сонная и важная публика абонементов, идущая в театр лишь по неотвязчивой привычке, чтобы себя показать и поболтать обо всём, кроме музыки, скучала не на живот, а на смерть в моей опере. (17)

Для меня существует лишь художественный интерес, и к вкусу французов я остаюсь совершенно равнодушным и даже, наоборот, хочу, чтобы они меня ценили таким, каков я есть, а не приспособленным к их обычаям и вкусам, которые отнюдь не закон. Если слабосильной французской публике во фраках, забегающей на некоторое время в театр, прислушивающейся к голосу продажной печати и наёмных хлопальщиков, моя опера в настоящем виде тяжела, то и не надо её давать. (18)

Публика неспособна знакомиться с неизвестным; она приветствует лишь известное, знакомое и модное, т.е. тоже известное. Из этого заколдованного круга выводят искусство две вещи: задорная реклама и популярные артисты. (19)

Вообще приезд автора прямо на генеральную репетицию имеет мало смысла: слишком поздно, чтобы что-нибудь поправить или переиначить, а настаивать, чтобы спектакль отложили, неудобно и неприятно. (20)

Автор должен понимать, что никакие его слова и запрещения ничему не помогут, если за нарушение условий нельзя притянуть к суду и ответу. (21)

Не естественно ли моё желание видеть своё произведение в руках известного мне талантливого и опытного капельмейстера? Я считаю, что это даже долг мой, так как в деле искусства художественная сторона важнее всяких личных отношений. (22)

У нас в обычае забывать об авторе, но я, как автор, своего произведения не забываю, и моя забота о нём естественна. (23)

Постановка может погубить оперу, и опять будет торопня причиной. А в сущности, лень и небрежное отношение к музыке. О впечатлении целого никто и не думает. Зачем разучивать какой-то секстет, когда и без него обойтись можно? И оперу скорее можно разучить, и деньги с публики получить. Ведь публика заплатит те же деньги за оперу с секстетом и без секстета. Друзья-рецензенты оперы не знают и, следовательно, одинаково похвалят за постановку с секстетом и без секстета, рецензенты-враги одинаково разбранят. Какая гадость! Нет на это управы, которая могла бы быть лишь в хорошей критике и в хорошей публике. (24)

Как приятно иметь нечто своё, да притом такое хорошее. (25)

Я горжусь тем, что не уверовал в существование единой истинной оперной формы и в своей музыке дал целый ряд разнообразных решений этой сложной художественной проблемы. (26)

Мои оперные принципы следующие: толковое и интересное либретто; художественная правда; осмысленное пользование всею роскошью современного оркестра и гармонии, предоставляя при этом голосу первенствующее, господствующее значение. (27)

Нельзя заниматься одним чтением; не производя ничего, можно умереть со скуки. (28)

Но совершенства нет на свете. (29)

Сочинять от скуки – грех. (30)

На старости лет становишься мнителен и боязлив более, чем во время оно. (31)

Всегда боюсь смерти, когда сочиняю что-либо, а то вдруг умрёшь и не допишешь, что задумал, а это было бы ужасно глупо и обидно. (32)

Мне хотелось поведать миру по этой части не менее, как всё. (33)

Я совершенно спокойно, без страха и безболезненно всегда готов поиграть в домашнюю философию, как это делают почти все, поговорить о материях важных, «продумать миры» для развлечения, перевернуть начала всех начал и концы всех концов. (34)

Мне надо отдохнуть и развлечься, а не миры разрушать и против Бога восставать. Да музыка и не в состоянии это сделать. Литература может: ей нипочём врать, не зная меры. (35)

Вообще «нет правды на земле». Хотя это тоже неправда ибо правда на земле существует, но только в науке и в искусстве. Наука – не для нас с вами, а искусство по нашей части. (36)

Слушаешь иного новейшего автора... Ведь это мерзость. Ведь это отвратительно. Тело болит от такой музыки! (37)

Вернитесь к чистому искусству; только в нём вы обретёте правду и сами будете поступать по правде, т.е. без ошибок и недоразумений. (38)

От звания доктора Оксфордского или Кембриджского университета я решительно желаю уклониться, потому что не считаю какие-либо почётные звания подходящими для композиторов вообще и для меня в частности. (39)

Желательно более или менее стоять на артистической, а не чиновничьей ноге. (40)

Никто не способен так скоро утомляться, впадать в рутину и думать, что постиг всю тайну, как природные русские, а вместе с ними и те иностранцы, которые сжились с нами на Руси. (41)

Кто проиграл, тот виноват, а выигравший всегда прав, какими бы он средствами этого ни достиг. (42)

Истинный художник не может не любить цветов, не любоваться их красотой, не восхищаться их ароматом. (43)

Ехать так ехать, сказал попугай, когда кошка тащила его из клетки. (44)

Я большой скептик, а потому дела в России мне представляются весьма дрянными. У нас нет согласия, единства, всё вразброд идёт, поэтому нет успеха. (45)

Новое время – новые птицы, новые птицы – новые песни. (46)

С. Т. Р и х т е р

(1915 – 1997 гг.)

Есть что-то олимпийское в том, чтобы с высоты оглядываться на свою жизнь и на всё, что было. (1)

Почему люди всё забывают? Потому что люди совершенно не думают, не умеют сосредоточиться. Это общая для всех беда. (2)

Бывает кто-то что-то спрашивает, я начинаю объяснять, а ему уже неинтересно. Равнодушие. (3)

Секрет поразительной памяти только в одном: запоминать всё интересное! (4)

Стремление к совершенству и честный труд приносят свои плоды. Не сразу, конечно, но медленно и верно. (5)

Всё надо делать понастоящему, с уважением к тому, что делаешь. (6)

Естественно делать одно дело и хорошо делать до конца. (7)

Как счастлив, должно быть, человек, который почти всегда доволен собой. Думаю, это также признак хорошего здоровья. Но если бы он был скромнее, был бы ещё счастливее. (8)

Аристократизм – это и есть простота и естественность. (9)

Бездна трудностей фатально сопровождает работу ансамбля. Да здравствует индивидуализм. (10)

Вообще ревность во всех её проявлениях считаю настоящим грехом и могу сказать про себя, что лишён этого порока. (11)

Быть болезненно ревнивым к успехам других – это действует губительно, ибо из-за этого всегда чувствуешь себя несчастным. (12)

Иметь собственное мнение – это хорошее качество, и пусть после этого сколько угодно обвиняют в «индивидуализме». (13)

Человеку очень прямому, лишённому черт дипломатии абсолютно веришь – он вам скажет всё в лицо. (14)

Как это хорошо, когда говорят смело правду в глаза (я не всегда умею это). (15)

Никогда не обращаю внимания на житейские треволения и говорю себе, что весь этот вздор когда-нибудь кончится Божией милостью, что не стоит переживать, придавать этому значение и что, замкнувшись в себе, мне удастся преодолеть отвращение. (16)

В жизни царят тоже принципы... утверждающие бездействие. (17)

Слишком часто возникает ощущение запущенности культурной жизни. Всё суконно, официально, бездушно. (18)

Власть традиций – какая это сила! (19)

Человечество не находит времени и охоты подниматься часто на духовные высоты. Все ведь так заняты, и потом все больше всего на свете любят разговоры из пустого в порожнее, а помолчать – их приходится заставлять. (20)

Жалко времени, которое уходит на бесконечные застолья. Я стараюсь их избегать по мере возможности, но ведь вежливость, этикет... Как красиво, как вкусно, как удобно. Это должно быть иногда, а не всегда. (21)

Боже, как я ненавижу юбилеи! Потом всякие поздравления, надо улыбаться, и чувствуешь себя в весьма глупом положении. (22)

К сожалению, всё хорошее забывают, а привычное среднее помнят. (23)

Политика никогда не интересовала меня, я никогда не имел ни малейшего отношения к этому занятию, вызывающему во мне чувство отвращения. (24)

Я никогда не читаю газет – проку от них никакого, по-моему, оне только пальцы паккают у тех, кто их читает. Обо всём, что в них пишется, я узнаю из разговоров. (25)

Не слишком я долюбливаю концерты, устроенные политическими деятелями. Все эти фразы, «культура сближает народы», «музыка помогает взаимопониманию разных стран» и т.д. и т.д. отдают некоторой фальшью и кокетством. Поэтому я без удовольствия посещаю эти официальные сборища. (26)

Тлетворное соседство искусства с политикой подпортит любое произведение. (27)

Прекрасный концерт прекрасного певца – и на этом концерте всего лишь около ползала публики... Французы не любят пение? Нет, дело не в этом, всё ещё хуже. Они все сидят у телевизоров в ожидании результатов выборов президента! Вот это интеллигентный народ!?! Как будто от того, что они смотрят в это отвратительное окно, что-то изменится. По-моему, это показывает полное падение нравов нашей современности. (28)

Прочим средствам передвижения предпочитаю машину: в машине ты свободен, в машине всё зависит от тебя, можно остановиться где угодно, сделать фотографии, приглядеться к пейзажу. В поезде же, а тем более в самолёте – ты пленник, вынужденный подчиняться. (29)

В старых любительских фотографиях всегда есть своя прелесть, конечно, если их не чрезмерно много или если оне сопровождаются интересным текстом. (30)

Как же можно, чтобы что-то пропадало? Ведь кусок хлеба или сахара, выкинутый вами, будет мотаться за вами в аду. (31)

Нельзя ни в коем случае забаловывать детей. (32)

Как воспитать художественный вкус? Как учить воспринимать живопись и другие искусства с малых лет? Очень просто: ребёнку надо показывать хорошее. (33)

Архитектура не может быть человечна, разве только барокко или рококо. Красота архитектуры – другая, высшая, само совершенство. (34)

Письма нельзя писать нетворческие, тогда это вообще ненужно. В каждом письме должно быть нечто особенное. (35)

Нет смысла читать произведение, если его не хочется прочитать пять раз. (36)

Один просмотр фильма, одно прослушивание произведения, однократное чтение литературного произведения не может дать полного представления о них, так же, как нельзя за один раз смотреть более пяти картин. (37)

Вообще, к сожалению, о произведении часто судят по его исполнению. Плохо исполнено – плохое сочинение, хорошо – хорошее. Это, конечно, досадно. (38)

Какая же фантазия бывает у творцов искусства! Это смесь кошмаров в восхитительных садах. Это красота рядом со смертью, и всё это реальнее, чем наша жизнь. (39)

Музыкальные критики говорят много, даже немного слишком, и как все, кто много говорит, сводят настроение на прозаическую ноту. (40)

Чувство верности и благодарности – прекрасное чувство. Но у настоящего искусства другие законы, и преступать их не годится. (41)

Композиторы особенно критичны к композиторам, пианисты – к пианистам. (42)

Конечно, искусство балета не в состоянии передать то, что есть в музыке, и я каждый раз удивляюсь несовершенству этого искусства. (43)

Как я не люблю балет. Это такое несостоятельное искусство. Когда хорошая музыка, балет не дотягивает до неё – с средненькой ещё кое-что получается. (44)

Музыка – это ошеломляющая печаль одиноких нот и всплески звуков, которых нельзя вообразить, пока не услышишь. (45)

Музыка – она ведь хлеб насущный для нашего слуха и души. Слушать, привыкать, любить и ценить – и тогда не будет скучно (чего боятся многие), а будет спокойно на душе. Такой мой скромный совет. (46)

Есть записи, которые можно без конца слушать, всё время находишь новые детали. Думаю, что далеко не все это делают, и те лежат у них на полке несколько бессмысленно. Ну что ж? Люди тяжелы на подъём. (47)

Как угощение... также музыка... своего рода дисциплина... (48)

Слушать прекрасную музыку как нечто само собою разумеющееся – с этим, мне кажется, следует бороться. Ведь это не просто удовольствие даром, а результат интеллектуальной работы гениального музыканта (композитора или исполнителя). Это следует уважать и понимать. (49)

Мне всегда казалось, что музыка, созданная для игры и слушания, в словах не нуждается – всякие толкования по её поводу совершенно излишни. (50)

Настоящая музыка всё ставит на своё место. (51)

Сочинения, слишком излюбленные публикой, иногда много от того теряют. (52)

Сколько хорошей музыки мы не знаем! (53)

Есть музыка, которую следует класть публике ложкой в рот, иначе она ведь не поймёт. (54)

Но классическая музыка не нуждается в пропаганде! (55)

Я думаю, что полная невозможность запомнить и хотя бы напеть какое-то место не говорит в пользу музыки. (56)

Почему же вся плохая музыка так похожа между собой! (57)

Я не одобряю переложений, за исключением сделанных самим автором. Оригинал, по моему, всегда предпочтителен. (58)

Почти всем дирижёрам присуще желание показать, что в оркестре всё лучше, отсюда и всякие инструментовки. Считаю это страшной ошибкой. Сочинение должно быть всегда исполнено в оригинальной версии, иначе оно как-то теряет свою подлинность. Если инструментовку делает сам автор, то это другое дело, однако чужая рука здесь действительно не к месту. (59)

Я всегда полагал, что следует освящать музыкантов (многих!), не следующих указаниям композитора и опускающих репризы. (60)

Ненавижу две вещи: анализ и применение власти. Дирижёру не избежать ни того, ни другого. (61)

Я не уверен, что найдётся много хороших дирижёров, не вызывающих чувства ненависти у своих оркестрантов. (62)

Течения в музыке для меня ничего не значат. Только талант. Талант имеет значение, а не разные течения. (63)

Мода, на мой взгляд, и следование моде – это признак самого большого мещанства. Мода провоцирует однообразие. Хотя мода весьма переменчива, но не она приносит с собой нечто подлинно новое. (64)

Всё зависит только от таланта. Талант отказывается следовать моде. Посредственность же чаще всего ей подчиняется. (65)

Что главное в игре музыканта-исполнителя? Прежде всего, следовать тексту. Пропускать его через себя. Но играть композитора. Его музыку. Играть себя (пусть даже очень талантливо) – гораздо легче. (66)

Когда исполнение не оставляет большого впечатления, слушатель относит это часто в минус произведению. (67)

Исполнитель – ничто или, точнее, не что иное, как зеркало, отображающее партитуру. Он лишь фанатически точный, скрупулёзный читатель партитуры. (68)

Если ощущаешь произведение не как своё, значит получилось. (69)

Надо играть только те вещи, в которые влюблён. (70)

Исполнитель есть в сущности исполнитель воли композитора. Он не привносит ничего, чего не содержалось бы в сочинении. Если он талантлив, то приподнимает завесу над истинным смыслом произведения – лишь оно гениально, и лишь оно в нём отражается. Он не должен подчинять музыку себе, но – растворяться в ней. (71)

Музыканту необходима самодисциплина. Нужно играть из самой глубины, ни в коем случае не внешне. А главное, нельзя терять голову во время исполнения. Самодисциплина – это очень важно! Надо играть сознательно, хладнокровно и аккуратно, с холодной головой и горячим сердцем; тогда всё хорошо получится. (72)

Удачно можно играть только, когда играешь часто. (73)

Недостаточная подготовка – это бич нынешнего отношения к музыке музыкантов. (74)

Не редкость, что оркестр под управлением того или иного дирижёра играет безупречно и точно, но абсолютно невыразительно. Никакого чувства; никакой любви к сочинению... Какая жалость! (75)

«Вдохновение» – может, это понятие вообще ушло из нашей современности? А жаль. (76)

Типично средний уровень исполнения – это, когда всё на месте. И только. Слушать поэтому довольно скучно. (77)

Как это снижает музыку, когда её играют так, как будто боятся опоздать на поезд. (78)

Станным образом – я давно это заметил – от чрезмерно быстрых и неверных темпов музыка становится скучной, это действительно факт. Исполнителям следует серьёзно подумать об этом. (79)

У иного пианиста всё учтено, взвешено, никаких неожиданностей и сюрпризов. Он всё преподносит как на большом подносе, где вы уже заранее знаете, что будет и как будет. Его исполнение безупречно и уравновешено, и никак вас не удивляет, вы находите всё на своих местах. Но чтобы это было понастоящему интересно? – о, нет! Это лишено трепетности, и поэтому слушатель (во всяком случае, я) остаётся холодным. (80)

Театральность представляется мне чрезвычайно важной в музыке, необычайно важно произвести впечатление неожиданности. Я знаю многих великолепных пианистов-исполнителей, но у них всё преподносится на блюдецке, известно заранее, что и когда будет подано. Хорошо, чудесно, но... знакомо. Впечатляет же неожиданное, непредвиденное. (81)

Теория, согласно которой «артистичность», т.е. художественная индивидуальность, лишь мешает музыке, это полный абсурд. Дело не в том, что исполнитель должен выпячивать себя, и не в том, чтобы полностью раствориться, а в том, чтобы стать зеркалом композитора, перевоплотиться в него. (82)

Во всяком случае я играю не для публики, а для себя, и когда мне нравится, то и публика довольна. Моё поведение во время игры связано с самим произведением, а не с публикой или ожидаемым успехом, и если между мной и публикой устанавливается взаимопонимание, то лишь через произведение. Говоря начистоту, хотя и несколько грубовато, публика мне безразлична. Пусть не обижается на меня. Не нужно понимать слова в плохом смысле. Мне нет дела до публики, я в ней не нуждаюсь. Между ней и мною нечто вроде стены. И чем менее я в ней нуждаюсь, тем лучше играю. (83)

Уверен, что значительные технические трудности вредят здоровью. (84)

Я не отвергаю то или иное сочинение под тем предлогом, что не удовлетворён своим исполнением его на концерте. Исполнитель движется, как мне кажется, не по прямой, а по спирали. Я умею запасаться терпением и без конца оттачиваю и шлифую свою игру, пока не получу удовлетворяющего меня исполнения. (85)

Заниматься с учениками, как я думаю, пустая трата времени. Преподавание – страшная вещь, губит пианиста. Да и как учить других, когда самому нужно учиться и учиться? (86)

Правило: никогда не надо слушать что-то перед собственным выступлением – это приводит к катастрофам. (87)

Исполняя ту или иную, прямо скажем, гадость, артист теряет уважение к искусству и к самому себе. (88)

Мой принцип, что надо играть только те сочинения, в которые действительно влюблён, а не те, которые обязательно «принято» играть. (89)

Люблю, когда концерт – неожиданность. Тогда, по крайней мере, люди придут не из снобизма, а чтобы послушать музыку. (90)

Теперь, когда музыкальное богатство стало необъятным, небезопасно и даже рискованно перегружать голову. Поэтому я играю по нотам. (91)

Совершать подвиги запоминания – какое ребячество, какая суета, в то время как главная задача – тронуть слушателей хорошей музыкой. Косность и рутина ради пустой славы – здесь есть на что сердиться. (92)

Несомненно, видя стоящие перед собой ноты, не так легко чувствовать себя совершенно свободным; этому приходится учиться, нужно время, соответствующие навыки; а потому следовало бы стремиться овладевать ими как можно раньше. (93)

У меня антипатия к слишком часто исполняемым произведениям. Освободив мозг от напрасного труда запоминания, обретаешь также возможность перестать терзать публику и самого себя одними и теми же бесконечно повторяемыми программами. (94)

Невозможно всё сделать, всё прочитать, всё увидеть. Шедевров – несметное множество, а я – воплощение лени и бездеятельности. Я просто пытаюсь привнести немного новизны, играя что-нибудь неожиданное, не то, что играют все. (95)

Кроме того, музыка не вполне свободна от известной доли опасности и риска, так что, когда перед тобою партитура, ты чувствуешь себя в большей безопасности и, следовательно, меньше отвлекаешься. (96)

Наконец, и прежде всего, играть так честнее: перед твоими глазами именно то, что должно играть, и ты играешь в точности то, что написано. (97)

Вместе с тем непрестанное и тесное общение с музыкальным текстом и точными указаниями автора предоставляет меньше возможностей для слишком большой «свободы» и пресловутого «проявления индивидуальности» исполнителя, который терзает публику и разоряет музыку, являя собой не что иное, как недостаток смирения и отсутствие уважения к композитору. (98)

Исполнитель есть зеркало. Играть музыку не значит исказить её, подчиняя своей индивидуальности, это значит исполнять всю музыку как она есть, не более, но и не менее того. А разве можно запомнить каждую стрелочку, сделанную композитором? Тогда начинается интерпретация, а я против этого. (99)

Играть по нотам – вот совет, который я охотно дал бы молодым пианистам. Принять, наконец, этот разумный и естественный метод, который поможет вам не быть навеки

прикованными к одной и той же программе, но сделать свою жизнь в музыке более богатой и разнообразной. (100)

Надо играть музыку малоизвестную. Так много существует музыки классиков всех времён, которую почему-то не принято исполнять. (101)

Хороша та публика, которая интересуется неизвестными ей сочинениями. (102)

Может быть, я играл всё более раскованно по мере того, как избавлялся от пут существования, от всего лишнего, всего, что отвлекает от главного. Я обрёл свободу, замкнувшись в себе. (103)

У меня могли зародиться сомнения относительно того, удастся ли мне сыграть то, что я слышал, но в отношении любого произведения я всегда с самого начала был уверен, что его следует играть именно так, а не иначе. Почему? По очень простой причине: я внимательно смотрел в ноты. Ничего другого и не требуется, чтобы стать зеркалом содержащегося в них. (104)

Высшая похвала, какую я когда-либо слышал, касалась не моей игры, а моего умения хорошо читать ноты. Думаю, что это было довольно верное замечание. (105)

Хотя мне и присуща склонность судить строго, своего рода немецкая дотошность, я ведь способен различать, что истинно, а что ложно, в отношении самого себя, что более или менее приемлемо, а что попросту плохо. (106)

Можно не только играть, но и слушать удачно или неудачно (к сожалению, и это часто бывает по многим причинам). (107)

И тому, кто составляет программу концерта, и слушателю необходимо понимать и помнить, что из-за высочайшего качества количество обесценивает прекрасную музыку. (108)

В целом «сборные» концерты (винегрет) я не слишком долюбиваю (вернее, совсем даже не люблю) – они всегда как-то обыденны. (109)

Моё отношение к конкурсам всегда было крайне отрицательное. Они повергают меня в ужас, ибо обрекают на страдания и участников, и членов жюри. Как можно двадцать раз слушать одно и то же произведение, исполняемое другими? И как не сойти при этом с ума? (110)

Наше внимание на технические трудности, с которыми успешно справляется исполнитель, часто заслоняет и мешает истинному восприятию музыки (к сожалению!!!). Это почти всегда так с виртуозными сочинениями. (111)

Я всегда исхожу из очевидной истины, что простое постигается быстро, а на трудное требуется время. Как правило, стоит музыке возобладать, я отдаюсь на её волю, и всё становится гораздо проще. (112)

Определять качество записей – это скучная обязанность, убивающая настоящее восприятие музыки и любовь к ней. (113)

Все эти технические недочёты и недостатки – шумы, треск и т.д. – нисколько мне не мешают, если я чувствую, что музыка исполнена хорошо и мне передаётся её настроение. (114)

Если сочинение удачно исполнено, никакая техника не может помешать. Современные слушатели однако придают техническому качеству колоссальное значение. Думаю, что это потому, что любят и понимают больше её, чем музыку. К настроению же исполнения они просто близко не приближаются. Это влияние нашего века, века машин и техники. Люди также очутились дальше от природы и настоящих человеческих чувств... и понемножку превращаются в машины. (115)

Досадно, что подлинные шедевры (в том числе и записи) не пользуются заслуженной известностью. (116)

Образцовые записи надо многократно слушать и суметь вслушаться. Учитывая то, что великий артист записал все песни композитора, на это потребуются много времени... И вот опять встаёт роковой вопрос – когда же это всё успеть? Увы... Прекрасного написано слишком много! (117)

Нужно нести музыку тем, кто любит её. (118)

Публика любит концерты в таких местах, где её, кроме музыки, окружает красота. (119)

Иногда бывает, что когда слышишь что-то, чего не ожидал, и в неожиданном месте (в ресторане, например), то впечатление свежее, чем в концерте, где от ожидаемого теряется непосредственность восприятия. (120)

Никогда не надо (хоть краем глаза) смотреть на слушающих. Тут сразу же вы увидите, что кто-то из них (не все, конечно) абсолютно не в состоянии быть внимательным; от усталости или от немusыкальности они начинают клонить голову. На лице написана борьба со сном (отвратительная гримаса), или они просто тихо заснули. (121)

Я являюсь ярым противником телепередач (если это не кинофильмы). Слушать музыку мешает изображение, а смотреть – просто ненужно и неинтересно. (122)

Телепередачи – это какие-то собачьи выжимки. В целом же – свойственная нашему времени «халтура» (интеллигентная). Большой радости не приносит. (123)

Невыносимо гадко и противно смотреть на исполнителей во время музыки. Это мешает слушать и только злит. (124)

Запись по трансляции: смотреть на это – сплошное мучение. Искажённые лица исполнителей так мешают восприятию музыки, что можно проклясть факт изобретения телевизора. Такое просто невозможно допускать – а как хорошо было бы просто прослушать эту музыку в чистом виде. (125)

Зачем смотреть, как играют инструменталисты?! Это абсурд! (126)

Нужно, чтобы музыка приходила чистым и прямым путём. С наилучшими пожеланиями и в надежде, что темнота будет способствовать сосредоточенности, а не нагонять дремоту, я и играю в темноте. (127)

Если играть в полутёмных залах, где лишь смутно вырисовывается силуэт исполнителя, то это не только создаёт совершенно необычную атмосферу, но и избавляет слушателя от босовского искушения вуайеризмом. (128)

Самое важное, конечно же, хорошо играть – а не мизансцена. Но чтобы музыка доходила до слушателя, непременно должна быть и некоторая театральность, которой столь недостаёт казённой сухости концертного зала. (129)

Концерт должен быть неожиданностью. Вся свежесть восприятия теряется, стоит заранее объявить публике, что её ожидает нечто необычайное. Это мешает ей слушать. Именно по этой причине я играю отныне в темноте, чтобы отвлечься от всяких посторонних мыслей и дать слушателю сосредоточиться на музыке, а не на исполнителе. Какой смысл глядеть на руки или лицо пианиста, не отражающие, в сущности, ничего, кроме усилий, прилагаемых к исполнению произведения? (130)

Мы смотрим на музыку, и нет ничего пагубнее для неё. Движение пальцев, мимика отражают не музыку, а работу над ней, они не помогают схватить её суть; взгляды, брошенные в зал и на слушателей, разъединяют, отвлекают воображение, вторгаются между музыкой и её восприятием. Поэтому я играю почти в темноте. (131)

Какое же богатство вокальной музыки сотворили композиторы! (132)

Важно давать толчок фантазии слушающего (особенно слушающего оперу), чтобы он мог представить себе всё действие в идеальном виде, не испорченном дурными постановками театра современными слабыми и наглыми режиссёрами. Я слишком хорошо знаю это досадное до трагического обстоятельство, ведь оно убивает сочинение. (133)

Как часто музыкальное исполнение в опере губит безвкусно современная и сверхпретенциозная постановка. Я не могу одно отделить от другого, и визуальный момент портит мне всю музыку. (134)

На концерте вокальной музыки не редкость услышать, до какой степени пение может доставлять страдание. Не из-за отсутствия голосов, а из-за ужасной манеры исполнения. (135)

Внешность певицы очень много определяет (разумеется, если она хорошо поёт). И ещё одно прекрасное качество – великолепная дикция. (136)

Все современные оперные режиссёры стараются поразить своими выдумками, которые только портят впечатление от исполняемого произведения. (137)

Постановщиков спектаклей по большей части заботит одно: выпячивание своего маленького «я», а не верное отражение природы музыки и точное следование партитуре. Безнадёжно испорченная претенциозная постановка легко может загубить музыкально безупречно исполненный спектакль. Сколько раз приходилось мне страдать в опере от подобного вандализма! (138)

В театрах не редкость чудовищные антихудожественные спектакли. Режиссёры – бесноватые идиоты, которые всё растаптывают в грязи своей отвратительной постановки. Таких людей надо «гнать палкой» из искусства. (139)

В наше время на бездарнейшие сюжеты тратятся колоссальные деньги, и исполнены они предельно добросовестно (прекрасными артистами); а настоящие произведения искусства подвергаются разрушительному произволу режиссёров, не имеющих ни дарования, ни прав. Возмутительно и то, что голосов протеста не слышно. В оперу и драму, повидимому, лучше не ходить. (140)

Всё как-то повторяется: люди, ситуации, места, и иногда кажется, что, может быть, всё так и стоит на месте. А может, это и не кажется, а так и есть. Здесь призадуматься. (141)

Забвение – это наше будущее (а может, оно и прошлое). Может, вообще ничего не надо делать, всё равно всё пойдёт прахом?.. Несимпатично. (142)

Главное – всё зависит от людей, от их желания, а им ведь часто ничего не нужно, лишь бы их оставили в покое. (143)

Г. Н. Рождественский

(1931 г.р.)

Личность – эпицентр: вокруг неё всегда распространяется тепло. (1)

Существуют три слоя людей, реакции которых дирижёр может опасаться: оркестр, публика, критика. (2)

Власть не скрывает своих пристрастий. (3)

В XX веке сталинский период дал наибольшее количество всходов. И, вероятно, во многом, как ни парадоксально, благодаря угнетению. (4)

Хорошее вино произрастает на плохой почве. Корень виноградного куста прилагает огромные усилия, чтобы пробить почву, сок, который он высасывает из земли, даётся с трудом. Но и результат налицо. (5)

А. Г. Р у б и н ш т е й н

(1829 – 1894 гг.)

Мир основан на прошедшем, настоящем и будущем, которые взаимно питают друг друга. Человеческое же бытие основано на обратном отношении: на рождении (будущее), жизни (настоящее) и смерти (прошедшее). (1)

Существуют люди, делающие замечательным то время, в которое они живут, и существуют времена, которые делают замечательными людей, живущих в них. (2)

Новейшее время знаменуется стремлением придать всему прежнему другой характер. Так, например, из оперы сделать драму, из фортепиано сделать инструмент с продолжительным звуком, из песни – декламацию, из картины – импрессию, из войны – искусство истребления, из женщины – мужчину и прочая. Едва ли всё это к лучшему! (3)

Факт, что человек попадает на ложные пути, является доказательством того, что он в своих действиях руководствуется не высшим знанием, а собственным пониманием. Но для своего оправдания он сочинил себе божества: судьбу, предопределение, провидение... (4)

Пар и электричество изменили человеческое мышление, деятельность, жизнь, можно даже сказать, сам характер человека. Но к лучшему ли это – покажет будущее. Кто помнит прежние времена, тот едва ли безусловно примирится с нынешним положением. (5)

Человеку необходимо иметь сознание долга, который он должен исполнять во что бы то ни стало. В противном случае он теряет смысл своего существования. (6)

Утончённый комфорт человеческих потребностей как в домашней, так и в общественной жизни представляет собой завоевание и почти ежедневное усовершенствование новейшего времени и совершенно отсутствовал в прежние времена. (7)

Во всём материальном есть частица идеального, как и всему идеальному присуща частица материального. (8)

Нести легче, чем перенести. (9)

Ребёнка усыпляет не то, что ему поют у колыбели, а однообразный укачивающий ритм. На человека действует не то, что случается в жизни, а однообразный ритм жизни и смерти. (10)

Только жизнь незаменима, а кроме неё – все и всё. (11)

Чего только человек не сможет сделать, если он захочет! Он должен суметь невозможное сделать возможным. Я выбираю это своим девизом! (12)

Пусть только каждый делает то, что он может, а остальное пусть его не касается. (13)

Не забывай делать невозможное, чтобы достигнуть возможного. (14)

Один человек может иметь *много* достоинств, но, во всяком случае, не *все*. Так проявлена забота о том, чтобы деревья не вращались в небо. (15)

Человеческие свойства так специфичны и так мало имеют между собой общего, что, например, образованный человек может быть неразумным, учёный – может делать глупости,

гений – совершать в другой области абсурды, высокоморальный человек – быть слабохарактерным, и так оно далее. (16)

Главные основания человеческого характера являются прирождёнными, и воспитание должно изменить эти основания, если они склонны к дурному. Но уничтожить их вполне оно не в состоянии. (17)

Грустно видеть, что человек рождается со скверными инстинктами (эгоизм, жадность, жестокость – первые его проявления), и что ему надо ещё *привить* хорошее (любовь к ближнему, сожаление, доброту, кротость и прочая). (18)

От самолюбия до эгоизма, от силы характера до упрямства расстояние едва ли превышает то, которые существует от великого до смешного. (19)

Робость происходит, кроме нервности, также от самолюбия и гордости, и от боязни в непризнании существующего качества. Ревность тоже большею частью является последствием самолюбия и гордости – другой привлѣк внимание моей жены или возлюбленной. (20)

Странно, что для ненависти и для мстительности тоже необходима сила характера. (21)

Люди теперь теряют свою индивидуальность. (22)

Я знаю людей, которые, при весьма значительных успехах в своей специальности, имеют противно униженные и вкрадчивые манеры, но я избегаю этих людей, так как мне кажется, что это основано скорее на иезуитстве, чем на наивности характера или ребячестве духа. (23)

Тонкие губы – злой характер. (24)

Смех ребёнка – это яркий солнечный луч. Усмешка старика – приветливость, доброжелательность. Хихиканье мужчины – демонично. Постоянная смешливость – во всяком возрасте глупа. (25)

Смех разнообразен по характеру: громкий смех, усмешка, хихиканье и непрерывный смех. Первый встречается у ребёнка и у добродушного взрослого. Второй принадлежит серьёзному и наблюдательному человеку. Третий встречается у человека сатирического склада ума, скрытного, даже злого. Последний мы видим у трусливых, робких, простодушных и глуповатых людей, которые, одинаково смеясь, говорят: «добрый день» и «что за несчастье». (26)

Правда, что не платье красит человека, но только внутреннего, а не наружного. В последнем случае оно объясняет другим людям характер призвания человека и отношения, в которых он к ним находится. Поэтому вполне правильно, что во многих странах судьи и адвокаты надевают особое платье при исполнении своих служебных обязанностей. Точно так же правильно, если священник для богослужения надевает рясу или облачение. (27)

Было бы даже вполне логичным, если бы каждый человек носил особое одеяние согласно своему призванию. (28)

Людоедами бывают не только одни каннибалы: и остальные люди пожирают друг друга. Причѣм каннибалы, в отличие от остальных людей, избрали себе только тело – значит, не самое благородное, что имеется в человеке. (29)

Разве злодей кричит и мечется? Я думаю, что его речь похожа на змеиное шипение, а иногда на лай собаки. (30)

Я человек добродушный и сознательно никому не делал вреда, но не могу отказаться от известной дозы удивления по отношению к тем людям, которые умеют водить за нос человечество. (31)

Симпатия и антипатия являются главными двигателями во взаимных человеческих отношениях. А так как они большей частью основаны на отсутствии мотивов, то несправедливость и неприязнь становятся наиболее частыми явлениями взаимных общественных отношений человечества. (32)

Интеллигентное, здоровое, деятельное и самостоятельное существо ищет занятия – его не пристраивают, потому что не находят симпатичным. Существо же болезненное, бездеятельное и неинтеллигентное, но грациозное, нуждается – оно объявляется симпатичным и пользуется деятельным участием. Как часто встречаемся мы в жизни с этим недоразумением! (33)

Как у женщины обращают внимание прежде всего на наружность, а затем лишь интересуются её внутренними достоинствами, так и общество принимает человека сначала за то, за что он себя выдаёт, а затем уже оно делает заключение о том, что он есть. Иногда общество ещё при жизни выносит человеку свой вердикт, большей же частью лишь после его смерти. Ибо тогда исчезает интерес общества к субъекту и оно думает только об объекте. (34)

В нынешние времена стараются изменить физиономию знаменитейших городов, перестраивая их из гигиенических целей. Старые города мало-помалу исчезают и получают всесветный облик – хотя теперь и люди теряют свою индивидуальность. Результат всего этого: люди сделаются стадом, города казармами – общая нивелировка, посредственность. Но зато всё и все здоровые. Как это материалистично! (35)

Я предпочитаю дамское общество мужскому. Однако лес мне более приятен, чем цветник. (36)

Два или три последовательных тона образуют диссонанс. Взятые врозь они могут расплыться в благозвучное созвучие. Так и у людей два или три сожительствующих человека, не переносящих друг друга вследствие несогласия их характеров, будучи разделены, но оставаясь в хороших отношениях, могут составить весьма сердечный союз. (37)

Для одиночества необходима сила характера: легче переносить долгое время других, чем самого себя. Хотя бы потому, что нам приходится других переносить в жизни только отчасти, а не всецело. (38)

Дипломатия зиждется на понятии: «Речь дана, чтобы скрывать мысли», и она в этом смысле вкоренилась так глубоко, что если теперь какое-либо правительство говорит правду, то ему не верят, а ищут в его словах какой-либо особый, сокровенный смысл. Обыденная жизнь человеческого общества основана тоже на дипломатии, поэтому вежливость в обществе – выше чистосердечия. (39)

Одно из самых пагубных человеческих влечений – стремление к «большему» и к «другому». Мало того, что он считает для себя невозможным довольствоваться малым, он ещё, имея многое, желает большего. (40)

Если, в виде исключения, находится человек, довольствующийся тем, что он имеет, то его немедленно объявляют философом. (41)

Чистому – всё грязно. (42)

Неожиданное посещение обыкновенно бывает попыткой к какому-нибудь ходатайству. (43)

Туда, где ты желаешь быть хорошо принятым, ты должен являться редко. (44)

Роза спросила судьбу, зачем ей шипы. Ответом было: «Тебе для защиты, человеку для поучения». (45)

Если человеку преподать какое-либо правило и заметить при этом, что допускается то или другое исключение, – он с особою любовью будет руководствоваться исключением. (46)

Крайние принципы недопустимы. Золотая середина обычно бывает правильной, но она остаётся без внимания. (47)

Камин относится к печи так же, как ухаживание – к любви. (48)

Вечно женственное приближает нас к земному. (49)

Физическая сила и ловкость производят на женщин гораздо большее впечатление, чем проявления искусства! (50)

Девушка, смотрящая из окна на улицу, представляется мне птичкой, выглядывающей из клетки. Клетка девушки – её девичье состояние. (51)

Цветок – это девушка в растительном мире, девушка – это цветок в человеческом обществе. (52)

Скрытое имеет особую прелесть, – пожалуй, большую, нежели запретное. Я думаю, что у готтентотов, разгуливающих голыми, реже бывают соблазны и нарушения супружеской верности, чем у европейцев. (53)

Усы и борода являются маской для мужчины: они закрывают ту часть лица, по которой легче всего можно узнать характер человек, – рот и подбородок. (54)

Любовь может возбудить взаимность из сожаления, даже согласие из тщеславия. Но и то, и другое преходяще, так как даже и настоящая взаимная любовь не вечна. (55)

У голубоглазых девушек (женщин) физическая жизнь управляется духом – это чувство. У черноглазых, наоборот, духовная жизнь управляется телом – это темперамент. Отсюда последних бывает труднее обмануть и обольстить, чем первых. (56)

Часто случается, что старые мужчины влюбляются в молодых девушек, привлекаемые их неопытностью. Но часто случается, что и молодые девушки влюбляются в старых мужчин – их привлекает опытность. (57)

Дружба между пожилым человеком и молодой женщиной или девушкой, между пожилой женщиной и молодым человеком, между стариком и старухой, даже между молодым холостым человеком и молодой замужней женщиной – встречается часто и допустима. Но дружба между молодым холостым человеком и молодой девушкой – это не что иное, как взаимная любовь, скрываемая вследствие требований обстоятельств. (58)

Румяна и белила, пудра, подрисовка глаз, губная помада и лак для ногтей, украшение камнями, цепочками, браслетами и серьгами женщин – доказательство восточного происхождения человечества. (59)

Отношение мужчины к женщине похоже на отношение к цветку: он им любит, обоняет его, срывает, носит и... берёт другой. Жена же для мужчины напоминает собою вечноцветущий эдельвейс. (60)

Женщина бывает змеей, кошкой или коровой. В обществе она – змея, извивающаяся и ядовитая; с любовником – кошка, грациозная, прижимающаяся и царапающаяся; с мужем – корова, полезная и безропотная. Кроме того, женщина – драматический элемент творения, и при всём том всё же – поэзия жизни. (61)

Выдающийся артист или артистка не должны бракосочетаться. Их выдающееся общественное положение создаёт им столь частые и столь разнообразные ловушки, что они должны были бы быть святыми, чтобы устоять против всех соблазнов. Если же они хотят жениться или выйти замуж, то должны найти жену или, соответственно, мужа, которые имели бы столько житейской мудрости, что могли бы отличить неверность от мгновенного заблуждения страстей. (62)

Виновата ли женщина только тогда, когда она отдалась не своему мужу, а другому мужчине или уже тогда, когда, не отдаваясь, другой мужчина занимает все её мысли и чувствования? Женщины считают преступным только первое. (63)

Скромность мужчин в отношении их связей с женщинами недостаточно оценивается последними. Если бы мужчины (а в особенности артисты) были болтунами, то праздновалось бы гораздо меньше свадеб, а число разводов сильно бы увеличилось. (64)

Автобиографии (даже исповеди) существуют в большом количестве мужские и только в весьма малом – женские. Повидимому, женщины неохотно поднимают завесу над своим прошлым. (65)

Я не понимаю, зачем женщины в настоящее время так стремятся к *правам*. Ведь во все времена и во всех вопросах (хотя и тайно, большей частью) оне всегда имели решающий голос. Теперь же оне хотят иметь *специальные* права. Это, мне кажется, будет скорее сокращением тех прав, которыми оне до сих пор пользовались. (66)

При часто возбуждаемом ныне вопросе о равенстве и равноправии женщин с мужчинами, повидимому, совершенно упускается из виду тот закон природы, согласно которому женщина обыкновенно три дня ежемесячно или месяц до и месяц после родов бывает неспособной к работе. А между тем уже это ясно указывает на тот факт, что она создана иначе и не может быть приравниваема к мужчине. (67)

Я охотно признал бы за женщинами больше прав, чем те, которыми оне теперь пользуются. В особенности за одной категорией женщин – за незамужними. За ними государство и общество должны были бы признать права на работу, начиная с тридцатилетнего возраста. Ибо их участь как в обществе, так и в собственной семье невыносима без всякой вины с их стороны. (68)

Зато, например, права избирательного, на котором так настаивают женщины, я бы им не давал. Ибо в этом случае необходимо опасаться их личного расположения или нерасположения к данному субъекту и полного игнорирования объективных условий. (69)

Столь часто раздающиеся жалобы о невозможности якобы для женщин достичь известного образования кажутся мне не выдерживающими критики. Во все эпохи

существовали высокообразованные женщины, а теперь, когда им во многих странах даётся возможность стать медиками и юристами, такая жалоба является просто смешной. (70)

По всей вероятности, в непродолжительном будущем для женщин откроются все поприща. Но есть, тем не менее, ремёсла и занятия, по отношению которых к женщинам применима немецкая пословица: «Не играй с ружьём». (71)

Мнение, что до совершения брака необходимо взаимно хорошо изучить друг друга – ошибочно: можно быть женихом и невестой долгие годы, но друг друга хорошо узнать лишь по истечении медового месяца. (72)

Если мужчина хочет иметь женой женщину, вполне отвечающую его желаниям, то он должен жениться на девушке шестнадцати или семнадцати лет, не имеющей ещё своих собственных воззрений. Тогда, при взаимной их склонности, в доме его будет только одно мнение, одна воля. Если же он женится на девушке свыше двадцати лет, имеющей уже свои собственные понятия, то в доме и при взаимной склонности будут уже полтора мнения и полторы воли, а то и два мнения и две воли, т.е. – несогласие. (73)

Мужчины гораздо чаще женщин заключают неравный брак, так как при таких союзах мужчины надеются приобрести себе подданную, а женщины – бояться найти себе властелина. (74)

Развод при несчастном браке кажется мне нравственнее, чем неразрывность брачных уз, потому что разводом устраняется обман. (75)

Ребёнок чувствует естественную привязанность к матери, хотя бы из-за вопроса питания. Привязанность же к отцу должна быть ему привита. В более зрелом возрасте естественная привязанность к отцу тоже проявляется вследствие вопроса о насущном хлебе. (76)

Материнская любовь по своему происхождению материальна: ребёнок – моя плоть и кровь. Любовь отца – более идеального свойства – мною созданный. Материнская любовь интенсивнее. Отецеская – более спокойная, сосредоточенная. Но любовь обоих – одинаково натуральная, родительская, потому что объект её родился от взаимного притяжения. (77)

Родители часто путают понятия «воспитание» и «образование» и думают, что они дали своему ребёнку воспитание, когда они заставили его изучить столько-то предметов. Отсюда столь частое разочарование родителей в своих детях в последующие годы. (78)

Воспитание детей – это большая ответственность как перед обществом, так и перед государством. Это недостаточно сознают теперь родители. Оно не столько основано на образовании детей, сколько на развитии в них необходимых черт характера. (79)

Я замечаю, что прежде говорили родители, а дети молчали. Теперь же говорят дети, а молчат родители. (80)

Я нахожу вполне правильным, что родители не сами обучают своих детей, так как они бывают при этом или слишком строгими, или слишком снисходительными. А между тем факт, что они воспитание доверяют другим людям, представляется мне ненормальным. Это мне напоминает мать, не кормящую своего собственного ребёнка, что допустимо только из соображений здоровья. (81)

Семья и родственные узы имеют сильное влияние на человека только при постоянном совместном жительстве, при постоянных взаимных отношениях. Долголетняя разлука парализует у него эти чувства и может его даже совсем оттолкнуть от родных. (82)

Человек носит в себе добро и зло. У меньшинства добро преобладает над злом, у громадного большинства – зло над добром. (83)

Меня всегда больше сердят те, кто исполняет жестокие приказания, чем те, которые отдают таковые. Ибо это доказывает, что дурными могут быть не единицы, а многие. (84)

«Свобода», «равенство», «братство»: все эти три божественных слова противны человеческой природе. Свобода у людей переходит в необузданность, своеволие и анархию. Равенство вообще немыслимо, ибо сильный и слабый, красивый и безобразный, добрый и злой, умный и глупый, и прочая, всегда будут претендовать на обособленность, а между тем все эти противоположности свойственны людям. Братство же человек распространяет на своего ближнего всегда лишь в филантропическом смысле, т.е. – из сожаления, а из убеждения – никогда. (85)

Чтение биографий и изучение истории (за исключением исторических фактов) покажется лишним и бесполезным, если принять во внимание, сколько заключается преувеличенного, замолченного, прибавленного, искажённого в устных передачах происшествия, хотя бы вчерашнего. И сколько пишется об известных личностях субъективного, злого, слишком снисходительного, осуждающего, восхваляющего, пристрастного, неверного и изобретённого в газетных отчётах (которые впоследствии являются обыкновенными источниками биографий или истории). (86)

Люди совершают свои действия и поступки, обыкновенно, с мыслью о Боге. Если бы они, при всех своих поступках, имели в виду мысль о человечестве, они действовали бы менее легкомысленно, ибо *Бог* милостив, но не люди. (87)

Если кто желает, чтобы какой-либо из его поступков остался незамеченным современниками, то он должен громко высказать своё намерение совершить этот поступок. Если же он сделает из него тайну, то это возбудит любопытство, подозрения, искажения и сделается злобою дня. (88)

Великие мира сего воображают, что они владеют людьми. Безумное заблуждение! Они сами (как и все люди) подчинены самым мелким существам, а именно: бактериям, бактериям и прочая. (89)

Короли всегда прежде имели при себе придворных шутов, т.е. кого-то, кто имел право говорить им правду. Но только для развлечения! (90)

Тяжело поплатится народ, монарх которого следует в политике капризам. Ибо «каждое преступление получает возмездие на земле». Поэтому монархи должны в своих политических поступках обращать больше внимания не на настоящее, а на будущее. Но в истории с этим встречаешься очень редко. (91)

Существовали известные тираны, смерть которых оплакивалась частью народа. Были и любимые монархи, проклинявшиеся после их смерти частью народа. Абсолютно правильная оценка властелинов очень затруднительна. (92)

Когда я наблюдаю за производством выборов (избрания депутатов и прочая), то я прихожу к сознанию, что люди не заслуживают никакой другой формы правления, как только деспотической. (93)

Я люблю своего ближнего, как самого себя, но убеждён, что люди едва ли заслуживают лучшего, чем неуважения. (94)

Республиканское правление требует от нации полной политической зрелости. Франция теперь – республика и потому имеет право ставить себя во главе всех европейских государств. (95)

Политическая гибель народа всегда возбуждает участие и жалость. (96)

Интересно проследить, насколько некоторые нации ассимилируются с другими, и насколько те или другие слепо поддаются под влияние иных. (97)

Народная толпа производит на меня всегда угнетающее, даже грустное, впечатление. Это величайшее выражение материальной силы и полного отсутствия идеи. Толпа не мыслит и не чувствует и не имеет собственной воли. (98)

Толпа только действует, и то только согласно данному паролю. Мне она противна, даже если она бездействует – следовательно, является простой зрительницей – вследствие её столь импонирующей невежественности. (99)

Выражение «глас народа», пожалуй, верно, когда относится к мнению различных отдельных индивидов, но как выражение мнения народной толпы это может быть только «глас зверей». (100)

Самое ужасное, что можно себе представить – это анархист. Ибо это животное в человеческом образе, и даже животное не в нормальном состоянии, а в бешенстве. (101)

Народная масса в гневе подобна стихиям – она ужасна, непобедима, разрушительна, безжалостна и невменяема. (102)

Я – республиканец, но убеждён, что единственно правильная форма правления для людей, подходящая их собственному существу, – строго монархическая. (103)

Тщеславие, самолюбие, зависть и прочая столь свойственны людям, что их не могут освободить от этого даже родственные узы. (104)

Аристократия – это искони существующее в человеческом обществе зло – мыслима только тогда, когда она богата и могущественна. (105)

Как «фон» в Австрии и «чин» в России, так и «барон» банкира поумniejszyли спесь аристократии. (106)

Я считаю не вполне зрелыми по культуре те нации, у которых высшее общество придаёт большое значение своему национальному костюму. (107)

Характер и степень цивилизованности народа можно узнать по его развлечениям. (108)

Карточная игра – лучшее времяпрепровождение в стране, где запрещено «всякое высказывание». (109)

Деспоты никогда не считают народ достаточно зрелым для свободы. (110)

Народ стремится к просвещению, и деспот даёт ему его. Только, говоря фигурально, вместо электрического или газового освещения народ получает сальные свечи. Чему же удивляться, если народ остаётся недовольным и возмущается? (111)

С политической точки зрения существование маленьких государств кажется смешным, но человечество должно быть благодарно за цивилизацию именно только мелким

государствам: маленькой древней Греции – больше чем великому древнему Риму; прежней Италии и Германии – больше чем теперешним великим державам. (112)

Все страны я люблю и никакой не могу отдать предпочтения и объяснить, где именно лучше. Но могу лишь объявить, что одинаково хорошо и тут и там, а в особенности везде одинаково скверно! (113)

Европа интересна своим прошлым, Америка – будущим. Во всяком случае настоящее в этих обеих частях света мало утешительно. (114)

Славянская раса состоит из двух главных групп: католической и православной. Никогда и ни за что не соединятся эти две группы (разве только при возникновении расовой борьбы между германцами и славянами, но и это сомнительно, ибо различие вероисповеданий играет у славян главную роль). Вот почему следует смотреть на стремление славянофилов соединить всю расу в одну братскую семью как на утопию. (115)

Уже один тот факт, что существуют люди белые, чёрные, жёлтые, красные, делает аксиому о том, что все люди братья, гадательной, а тут ещё разнообразие языков! Как могут братья не понимать друг друга? (116)

Каждая нация имеет свои качества и пороки. Однако ныне судят о нации только на основании политических соображений, т.е. её или ругают на чём свет стоит, или превозносят без меры. (117)

Величайшее данное человеку благо – это солнечный свет. О, свет солнца! Мне непостижимо, как могут люди, живущие под голубым солнечным небом, иметь те же политические и социальные недовольства, как те, которые приговорены к жизни под серыми облаками и в тумане. (118)

Благодаря путешественникам, описывающим и иллюстрирующим нам жизнь народов и стран, мы приобретаем о них более правильное понятие, чем то, которое себе составили вследствие незнания или предубеждения. (119)

Строго говоря, родина у человека должна быть там, где ему хорошо. Однако это совсем не так: любовь к родине развита в нём так сильно, что будь это Сибирь или Сицилия, цивилизованная или дикая страна – он всегда тоскует по своей родине, если судьба занесёт его вдалеке от неё. Космополитизм может привиться, патриотизм – прирождён. (120)

Русский напивается из душевной потребности (в самом узком смысле этого слова), другие нации – из задора. Оттого русский в пьяном состоянии обыкновенно нежен, весел, плаксив. Люди других наций обыкновенно задорны и грубы. (121)

Мы часто слышим, что одна нация, как бы в оправдание своей незрелости, приводит тот факт, что она – самая молодая из наций. Этим она только доказывает, что не была в состоянии ничем воспользоваться от других наций, которые должны были бы служить ей примером. (122)

Буква «I» – единственная, которую англичане пишут прописной буквой. Я нахожу, что это лучшее выражение их характера. (123)

Случается, что осуждают невинных, хоронят мнимоумерших, людей сажают в сумасшедший дом, иногда только по подозрению, часто даже для преступных целей. (124)

Относительно сидящих в сумасшедшем доме экспертиза бывает самой затруднительной. Возможно, что иной помешанный гуляет на свободе, а иной здоровый сидит в сумасшедшем доме! (125)

Я не допускаю смертной казни, так как при этом общество ставит себя на один уровень с убийцей: он убивает и его убивают. Кроме того, это является жестокостью по отношению к его родным, которые больше всего при этом вполне невинно страдают. Сделать его безвредным для общества посредством пожизненного заключения – это я понимаю; я повесил бы даже портрет его жертвы в его камеру и положил бы там оружие как намёк на самоубийство, которое кажется мне в таких случаях вполне логичным. (126)

Для убийц или злоумышленников, которые по злой воле устраивают крушение железнодорожного поезда при помощи взрывчатки, причиняют этим смерть и калечат путешественников – раскаяние и исправление не могут служить причинами для облегчения или освобождения их от наказания. Так как ни раскаяние, ни исправление преступников не могут вернуть мёртвых к жизни, а калекам вернуть свободу движения повреждённых членов. При других же преступлениях, каковы воровство, подлог и прочая, раскаяние и исправление преступника нужно принимать во внимание. (127)

Если вспомнить, что теперь ещё находятся матери, которые делают своим детям (девочкам) дырки в ушах, чтобы они могли носить серьги, то можно задать себе вопрос: неужели цивилизация отличает европейских женщин от диких только тем, что первые не носят колец в носу, как последние. (128)

Каким образом получается, что дети (мальчики) раньше всего и больше всего любят играть в солдаты, носить сабли и оружие, изображать из себя полководцев, командовать и вообще любят всё военное? Неужели это будет характеристикой самого милитаризма или монарха, направляющего все свои мысли и силы к милитаризму? Меня в особенности сильно поражает выражение этого пристрастия при парадах. (129)

Милитаризм в своих целях, основаниях и средствах настолько односторонен и абсолютен, что он аннулирует всякое другое мышление. А так как он поглощает самую свежую, сильную и здоровую часть мужского населения, то прогресс цивилизации (не даром это понятие соединено со словом «цивильный», «штатский») при таких условиях весьма грустный. (130)

Военным принципы прививаются «по приказам»; свободное мышление, рассуждение, выбор – почитаются преступлением. На войне такая дисциплина ещё необходима, но так как, к счастью, война бывает исключением, то вследствие всего сказанного большая часть мужского населения за мирное время делается немыслящей. (131)

При настоящем способе ведения войны отнюдь ничем не доказывается, что каждый воин может быть храбрым в поединке. (132)

Война присуща не только человеческой природе, но и всякому живому существу. Было бы только желательным, чтобы война всегда признавалась несчастьем и была бы исключением. (133)

Поединок – безнравственная и бессмысленная вещь. Но он так присущ человеку, как и всякому живому существу, что его не искоренит никакое запрещение, никакие доводы и разъяснения. (134)

При настоящем характере войны она должна быть вовсе отменена, так как она сделалась теперь не чем иным, как убийством масс в самом широком смысле слова. (135)

Необходимо иметь гораздо больше храбрости, чтобы спасти кого-либо из горящего здания или вытащить утопающего из воды, чем для того, чтобы сражаться в бою. Здесь, по крайней мере, помогает численность товарищей, знамя полка, честолубие, мысль об отечестве... Между тем как в первом случае двигателями являются исключительно человеколюбие и готовность к жертвам. Однако люди, отличившиеся в этих подвигах, в лучшем случае получают медаль, между тем как военные получают титулы, чины, ордена и другие всевозможные отличия. (136)

Если спасти кому-нибудь жизнь или в большой нужде помочь кому-нибудь деньгами и ежедневно и ежечасно о том ему напоминать, то он из чувства благодарности впадает в чувство вражды к своему спасителю и помощнику. (137)

У лошадей и собак заметны резкие переходные ступени от пород благородных к низшим. Не существует ли того же самого и в физической природе человека? В таком случае идея о равенстве – утопия и мыслима только с медицинской точки зрения! (138)

Борьба даёт вкус жизни, как перец и соль дают вкус пище. (139)

Я допускаю охоту или на диких зверей, или как необходимость добычи пищи. Но как удовольствие – она мне непонятна. (140)

Ничто не может выдержать строгого, серьёзного, основательного испытания. (141)

«Смерть без фразёрства» – считается героическим выражением. А я говорю: «Жизнь без фразёрства». Я знаю многих, которые совсем не были бы в состоянии этого вынести. Стало быть, *это* кажется мне более мужественным. (142)

Выдающиеся люди редко выигрывают при ближайшем знакомстве. (143)

Мания величия должна быть воодушевляющим чувством: разочарование ей несвойственно. (144)

Человек настолько нуждается в признании и похвале, что если он их находит, то они редко его удовлетворяют. Если же он их не имеет, то впадает в самовосхваление. (145)

Серебряная валюта обесценила серебро. В нынешние времена в ходу также и лавровая валюта – она обесценит лавры. (146)

Короли теперь дают артистам ордена не за отличие, а, как правило, из экономических соображений. Вот почему теперь увешана медалями грудь многих артистов и даже феноменальных детей. (147)

В прежние времена, если замечательные люди оказывались разносторонними, народ одаривал их ещё большим восхищением и почётом. Теперь же кажется, будто публика не имеет времени восхищаться различными достоинствами того же самого человека: она требует от него специализации и придерживается только её; многосторонность скорее повредила бы ему в глазах публики. (148)

При воздухоплавании человек не может подняться выше известного предела. В процессе мышления это замечается ещё яснее. (149)

Величайшие умы стоят как бы выше человечества. Как будто они не имеют ничего общего с его стремлениями, жалобами, надеждами и действиями. (150)

Человека можно научить известному способу мышления так же, как научить его речи. Поэтому если окружавшие его в детстве люди страдали ложными философскими понятиями (в особенности по отношению к вере и религии), то человек вырастает с этим ложными понятиями, и они столь глубоко в нём укореняются, что впоследствии, когда он придёт к другим понятиям при помощи собственного мышления, первоначальные понятия в нём остаются. И он никогда не может от них вполне освободиться. Вот почему так трудно привить человеку философскую истину. (151)

Бывают люди, которые со своим образом мышления слишком рано появились на свет, и такие, которые появились слишком поздно: первые – мученики, последние – неудачники. Попасть на свет в своё время – вот в чём штука! Только немногим это удаётся! (152)

Меня упрекают в том, что я мало двигаюсь, но я могу думать только сидя и лёжа. Если мне во время ходьбы придёт какая-либо мысль, я должен остановиться, чтобы подумать над этой мыслью и развить её. Хождение мешает размышлению. Во время ходьбы мысли тоже движутся, оне даже перегоняют друг друга. Гигиеническое же хождение без мысли я охотно предоставляю любителям прогулок. (153)

Сумерки располагают к серьёзному размышлению, а чем темнее делается в комнате, тем светлее в уме и на душе. Если же в этот момент зажечь свет, то он странным образом действует ослепляюще на мысли и оне теряют свою прежнюю интенсивность. (154)

Талант, даже гений, без прилежания может достичь малого. Одно же прилежание без таланта – многого. И хотя оно не достойно восхищения, но всё же заслуживает признания. Вот почему часто погибают талантливые и гениальные люди, а трудолюбивые достигают славы. (155)

Рассеянность – следствие или слишком сильного мышления, или полного его отсутствия. Следовательно, быть рассеянным имеют право только гении и кретины. (156)

Прежде больше ценили воспитание, теперь же выше ставят образование. Соединение же этих двух требований – идеал. Там же, где эти качества встречаются поодиночке, я всё же предпочитаю первое последнему. (157)

Образование души и сердца (такт) должно предпочитаться книжному образованию. Но существуют целые народы, которые в высокой степени обладают последним, но у которых совершенно отсутствует первое. (158)

Газеты, журналы и вообще периодические издания угрожают совсем вытеснить чтение книг. Поэтому в наше время образование хоть и бывает энциклопедическим, но зато делается поверхностным. (159)

Я признаю охотно свободу прессы, но не её наглость. В наше время газеты имеют столь вредный характер, что я не прочь признать газетных писак за анархистов, а их газеты за бомбы. Их манеры действовать как в политических, так и в артистических вопросах, как в общественных, так даже и в частных (!) делах настолько неделикатны, бесцеремонны и даже оскорбительны, что делается необходимым от них скрываться, хотя совсем от них избавиться стало почти невозможным. (160)

Запрещение работы не может вызвать в человеке нравственного подъёма, а запрещение развлечений после работы граничит с жестокостью. (161)

Мне не жалко того, кто попадает в несчастье по лени, но чувствую самое большое сожаление к тому, кто ищет работы и таковой не находит. А таких теперь становится всё больше и больше. Ответственность за них ложится на государство и общество, которые

сильно поплатятся, если скоро не найдут радикального средства против этого положения. (162)

Работа, в какой бы то ни было специальности – лучший друг человека. Праздность – его самый заклятый враг. (163)

Работа укрепляет здоровье – праздность подрывает его. (164)

Работа устраняет заботы о всеобщем благосостоянии – праздность питает восстания и анархию. (165)

Работа даёт самоудовлетворение и спокойную совесть – праздность возбуждает угрызения совести. (166)

Работа поддерживает весёлость и жизнерадостное настроение духа – праздность производит пресыщение жизнью и портит темперамент. (167)

Работа – жизнь, праздность – смерть. (168)

Для творящего самым ужасным несчастьем будет пережить самого себя. А как часто это случается! (169)

Наука ежедневно делает поразительные успехи; почти ежедневно являются такие изобретения, которые отнимают всякий смысл у чудес. (170)

Кто вкусит от древа познания, тот теряет рай наслаждения. (171)

Мудрость – это способность рассматривать всё и всех не по своему собственному представлению, а согласно тому, каковы они в действительности, и действовать соответственно этому представлению. Философия – способность докапываться до дна всего и всех и делать на основании этого свои заключения. Первое принадлежит области сердца, второе – разума. (172)

Мыслители и дети всегда бывают наблюдательны, с той только разницей, что первые объясняют себе наблюдаемое, выводят из него заключения и действуют на их основании, а последние этого не умеют. (173)

Одиночество – участь мыслителя, творческого человека. Даже в кругу своей семьи, в товарищеском кружке, в обществе он одинок: он между ними, но он не с ними, они не в нём. (174)

Искусство – это Ева, подающая молодому художнику яблоко. Кто вкусит от этого яблока – теряет рай своего душевного спокойствия и довольства. Виноват в этом успех – эта вкрадчивая змея. (175)

Не некрасивое бывает неэстетичным, а неэстетичное – некрасивым. (176)

К вопросу о природе в искусстве: виноград – это природа, вино – искусство. Дальнейшие комментарии, думаю, излишни. (177)

Природа имеет формы, но в ней нет ограничительных условностей, рамок. Искусство же не может их не иметь: сцена – для драмы с её актами, рама – для картины, части – для симфонии и т.п. Поэтому неограниченный реализм в искусстве превращается в нечто ненатуральное. (178)

Природа в искусстве – то же, что правда в жизни. Её не всегда можно высказывать: необходимая ложь неизбежна в жизни так же, как и в искусстве. (179)

Как после вина виноград не может быть вкусен, так и после художественного наслаждения не может нравиться учебная книжка. (180)

Допустимо ли понятие об экономии в области искусств? (181)

Прежде везде были (большей частью) маленькие, некрасивые концертные залы и театры, но великие артисты. Теперь же везде (большей частью) – громадные блестящие концертные залы и театры, но... (182)

Что предпочтительнее в художественном произведении: правда без возвышенности или возвышенность без правды? Я предпочитаю последнее, потому что она действует на моё воображение, тогда как первое оставляет его без возбуждения. (183)

Подставлять людям зеркало хорошо и полезно, но бывают зеркала хорошие и плохие: зеркала, отражающие лицо чисто и хорошо, и такие, которые дают искажённые и преувеличенные отражения. Всегда ли сознают это последователи школы реализма в искусстве? (184)

Мыслители и учёные держат голову опущенной вниз и большей частью смотрят вперёд перед собой. Художники и поэты держат голову откинутой назад и обыкновенно смотрят вверх. (185)

То, что человек создал искусства, делает его равным Богу. (186)

Многосторонность ничуть не непременно условие в творческой способности. (187)

Художник живёт во внутреннем идеальном мире. Поэтому в обыденной жизни и в отношениях к женщинам он действует и проявляется только материально. (188)

От выдающегося артиста можно было бы ждать, кроме его творчества, жизненного совета или указания для жаждущего научиться его искусству. А публика и дамы в особенности требуют от него уроков, как от любого профессионала. (189)

Величайшие корифеи искусства не должны были бы принимать учеников, на которых их влияние может быть только косвенным, т.е. для ученика может быть полезным их слушать, но они никак не могут передать ученику именно того, что делает их великими – свою индивидуальность. А всё остальное ученики могут воспринять и от второстепенных величин. (190)

Никогда не следует судить о сочинении учителя в исполнении его ученика, ибо такое исполнение, даже если оно хорошо, – тем не менее только ученическое. (191)

Очень хорошо, что дети великих людей искусства редко избирают для своего жизненного призвания специальность своих отцов. Это отличает настоящее искусство от промысла. (192)

Национальность той страны, в которой сочинитель родился и воспитывался, всегда будет проглядывать в его сочинениях, живи он даже в чужой стране и пиши на чужом языке. (193)

«Аноним» – это ловушка, в которую легко попадает публика и даже специалисты, особенно если при этом ссылаются на какое-либо прошлое столетие. Человеческая способность суждения весьма ограничена. (194)

Если классические произведения теперь произвольно уродуются, то современный автор в крайности тоже это допустит, так как он знает, что идеальные представления недостижимы. (195)

Бывают художники, которые обнаруживают изумительные достижения, – даже непогрешимы в своём искусстве, – но влияние которых на публику ничтожно, а иногда и совсем отсутствует. Бывают и такие, чьё творчество обладает многими недостатками, но воодушевляет публику. Кажется, будто публика подчиняется влиянию какой-то магнетической силы при виде художественного исполнения. Как будто личность художника при оценке его произведений имеет большее воздействие на эту оценку; будто бы существует какой-то моральный магнетизм! (196)

Относительно исполнения художественных произведений публика бывает весьма снисходительна. Этому нельзя не удивляться. Не знаю, из равнодушия ли это, или из добродушия, или просто по глупости. Я думаю, что скорее из пренебрежения (не стоит из-за этого горячиться!). И это всегда останется так, пока искусство будет служить только развлечением, удовольствием, времяпрепровождением и не будет восприниматься как нечто серьёзно влияющее на жизнь. (197)

Что будет большим комплиментом художнику: «Ваше искусство сделало меня совсем больной» или: «Вы, вашим искусством, сделали меня опять здоровой»? Оба выражения художники часто слышат от дам, и при этом кажется, что в обоих случаях они благодарны художнику. Удивительно! Я нахожу, что наиболее лестным это должно быть самому искусству, которое производит такое сильное воздействие. (198)

Если я теперь слушаю артистов и они меня не удовлетворяют, то я приписываю это не их исполнению, а своему возрасту и притуплению моей чувствительности. (199)

Если на концерте по окончании установленной программы артиста просят исполнить ещё что-нибудь, то он отнюдь не должен воображать, что это делается вследствие восторга слушателей, а только потому, что ещё не настал момент для разъезда. (200)

Артист, дающий концерт, всё же желает, чтобы его исполнение было оценено публикой. Он легче всего мог бы достичь этого, предложив публике вместо входной платы уплатить ему по окончании концерта, при выходе, любое вознаграждение. Таким способом лучше всего можно было бы определить степень одобрения, и лучше всего был бы положен предел концертному наводнению. (201)

Я выступал публично до тех пор, пока чувствовал, что перед публикой играю лучше, чем для себя дома. Но отрёкся от публичных исполнений с тех пор, как заметил, что я дома, для себя, играю лучше, чем перед публикой. (202)

Я прежде верил в чистое искусство, с годами же потерял и эту веру. Уж больно много ерунды позволяет оно с собой творить. (203)

Распри (даже в искусстве) являются раковой болезнью нашего времени. (204)

Слон не может защититься от жала овода, человек – от клеветы, художник – от жёлчи обиженного писака (вследствие того что ему не польстили). Художник даже и тогда не может защититься, когда пользуется расположением публики. (205)

Требуется большая доза веры в себя или утешительное «А всё-таки она вертится!», даже частичка сумасшествия, для того чтобы не отчаиваться и вновь творить и работать. (206)

«Жизнь серьёзна, искусство весело» – изречение это относится к публике. «Жизнь весела, но искусство строго» – к артисту. (207)

Художник, особенно творящий, не может существовать без признания, иначе его творчество иссякнет от горечи сомнений в своих возможностях. Это не обязательно должно быть всеобщим признанием, достаточно и признания небольшого кружка. Иногда даже и одного почитателя. (208)

На высокую артистическую натуру успех действует возбуждительно и ободряюще, низкую натуру он ведёт к сомнению, иногда к остановке развития, даже к упадку. Хотя неудача озлобляет первых, но не даёт им отчаиваться и побуждает к борьбе и стремлению вперёд. Вторых же она убивает. (209)

Дилетант занимается искусством для своего *собственного* удовольствия, артист – для удовольствия *других*. Это – громадная разница в смысле предъявляемых к ним обоим требований и в смысле оценки их исполнения. (210)

Искусства не могут существовать без дилетантов. Но не таких, которые выступают перед публикой из тщеславия или самомнения, хотя бы и с благотворительной целью (их мнимо скромная отговорка), а таких, которые настолько любят искусство, что интересуются артистами, охраняют их и награждают, чтобы последние доставляли им наслаждение своим искусством. (211)

Наше нынешнее творчество во всех областях искусства реально, тенденциозно, программно, а потому лишено абсолютного художественного характера, так как вызывает рассуждение. (212)

Искусство для нас уже не является выраженным стремлением к бессознательному – оно является выражением сознаваемого. Многие считают это более правильным, мне же это кажется умалением значения искусств – это отнимает у них мистический, мифологический характер. (213)

Реализм на сцене пугает нас не столько из-за реальности действия, сколько потому, что он предстаёт перед нами в современном облике, и поэтому мы его воспринимаем как будто он относится к нам самим. Если бы нам представляли его в облике прошедших времён, мы не признавали бы его таковым и смотрели бы на него как на зрелище. (214)

Артист в своём искусстве должен уметь всё. Он может в одном роде быть более искусным, чем в другом, но он не должен избирать себе как жизненное призвание только один род этого искусства. Это было бы похоже на то, если бы музыкант посвятил себя исключительно исполнению одних ноктюрнов, этюдов или сонат. (215)

Артист не должен родиться в богатстве. Заботы о хлебе насущном даже полезны ему в первое время – оне придают драматизм его творчеству. Но заботы эти не должны быть слишком продолжительны. Он должен, наконец, прийти к свободной от материальных забот жизни. В противном случае эти заботы о насущном хлебе могут уменьшить и даже совсем уничтожить силу его творчества. (216)

Поэзия творчества много теряет от того, что цветы можно вырастить в оранжереях и что цыплёнок можно вывести искусственно (без курицы). (217)

Бывают художники (живописцы, скульпторы и другие), которые работают всю свою жизнь над одним произведением, чтобы довести его до совершенства. Бывают другие, которые всю свою жизнь создают бесконечное количество работ, которым, однако, далеко до совершенства. Последнее кажется мне более логичным. Абсолютного совершенства в человеческом произведении быть не может, но и в несовершенных произведениях может быть прекрасное и достойное внимания. Обилие произведений имеет в себе что-то симпатичное, потому что является наивным, между тем как мнение о возможности создать нечто совершенное носит на себе печать самомнения. (218)

«Хорошо» и «скверно» – эти понятия, столь относительные и растяжимые, подлежат столь разнообразным оттенкам и модификациям (в особенности в отношении к искусству и художественным произведениям), что их невозможно употреблять абсолютно. А между тем публика и даже пресса делают это весьма охотно. Отсюда столь большой успех посредственностей и столь частое непризнание талантов. (219)

Артисту одобрение так необходимо и настолько поощрительно, что там, где оно отсутствует, артист охладевает в своём исполнении, иногда даже теряет всю свою способность. (220)

Самому выдающемуся артисту часто приходится слышать самые преувеличенные похвалы относительно его исполнения или его произведения. И в том же разговоре, от того же самого лица, тому же самому артисту приходится слышать те же самые похвалы, расточаемые артисту, которого он сам считает весьма незначительным и признаёт только вполне условно за артиста. (221)

И к дурному можно привыкнуть. Мне это стало ясно при преувеличенных похвалах, которые пришлось услышать от весьма образованного человека по поводу более чем посредственного театрального представления в одном провинциальном городе. (222)

Ошибочно предположение, что художник (живописец, поэт, музыкант, скульптор) должен быть верующим и набожным для того, чтобы хорошо и правильно обрабатывать религиозный сюжет. Как будто художник, обрабатывающий мифологический сюжет, должен непременно быть язычником. (223)

Искусство пантеистично: оно в каждой былинке видит Божество, а следовательно, и сюжет для выражения искусства. Его религия – эстетика. Она не требует от художника никакой церковной религии, он же может свои образы сделать святыми. (224)

Надо удивляться, как усиленно стараются специалисты в науках изучать все новейшие сочинения и насколько по отношению к искусствам замечается полная противоположность. Поэтому учёные оцениваются, обыкновенно, при жизни, а художники – только после смерти. Потому что только тогда берут на себя труд изучить их творчество полностью. (225)

Писание – удовлетворение, печатание – ответственность. (226)

Что такое поэзия? Она рифмуется, но она – не правда. А истина? Это – правда, но она не рифмуется. (227)

Следует ли при чтении стихов больше обращать внимание на ударения и рифмы или на смысл фразы? Говорят, что в последнем случае, стихотворение превращается в прозу. Я не могу с этим согласиться, так как стихотворение создаётся не только рифмой, но и ритмическим изображением поэтических мыслей. (228)

Если смотреть на рифму как на одежду поэтической мысли, нужно помнить, что не платье красит человека. (229)

В литературе существуют типы и прототипы. Первые относятся к известным временам, известным нациям, известным обществам и известным событиям. Последние относятся вообще к человеческому роду и потому подходят ко всем временам, народам, обществам и событиям. Первые, хотя и встречаются в образцовых произведениях, но могут быть забыты. Последние же непоколебимы, вечны, потому что всегда налицо Дон-Кихот, Тартюф, Фауст, Дон-Жуан, Мизантроп, Скупой, Мещанин во дворянстве, Больной в воображении и многие другие. (230)

Я сужу о величии поэта по созданным им женским типам. (231)

Писатели охотно приводят в своих произведениях цитаты на латинском, греческом и даже еврейском языках. Весьма ошибочно их предположение, что все читатели понимают эти языки. Было бы также весьма полезным приводить при цитате перевод её на тот язык, на котором написана книга. (232)

Как жаль, что художественные произведения иностранной литературы могут сделаться известными человеку лишь в переводе на его родной язык. Перевод (даже самый лучший) может, правда, ознакомить его с содержанием произведения, но он никогда не может передать целиком духа языка (являющегося вместе с тем и духом данного народа), а знание иностранных языков далеко ещё не доказывает понимания духа этих языков или народов. (233)

Я сужу о городе по количеству имеющихся в нём книжных магазинов. (234)

Человек стремится к солнечному свету, но, как только солнце появится, он должен закрывать глаза от его лучей. Точно так же и с другими стремлениями. Человек стремится приблизиться к предмету своей страсти – предмет этот появляется и он не находит слов, чтобы выразить ему свои чувства. Человек страстно ищет случая испросить себе от монарха какую-нибудь милость – монарх появляется, человек конфузится и не в состоянии высказать ему и половины того, что намеревался сказать. (235)

Клевета – столь же опасное оружие, как и огнестрельное или холодное. И она, если не смертельна морально, то оставляет шрам, который не изглаживается даже юридическими доказательствами невинности и который остаётся навсегда. Поэтому наказание за клевету должно было бы быть то же, что и за смертоубийство. (236)

Незнание языков ведёт к взаимному недоразумению народов между собой. Если друг друга понимаешь и можешь разговариваться – судишь совсем иначе. (237)

Способность к языкам связана со слухом: музыканты легче всего практически усваивают иностранные языки. (238)

Часто один язык более другого подходит к пению. Но я нахожу, что на каком бы языке ни пели, хотя бы даже и на самом неблагозвучном, тем не менее оригинал звучит лучше, чем перевод его на самый красивый язык. Французский язык не музыкален, а итальянский – весьма музыкален. Однако, когда, например, в «Гугенотах» поётся: «Qui les condamne? Dieu! Et qui les executera? Nous!», то эти «Dieu» и «Nous», хотя и закрытые звуки, драматичны: каждый из них выражается *одной* нотой. В переводе же на итальянский это будет: «il Dio» и «noi». Следовательно, они воспроизводятся тремя и двумя нотами, что не столь драматично, ибо слишком мягко. Так и многое другое. (239)

Можно хорошо изучить иностранный язык, но дух его останется чуждым. (240)

Каждый язык по своему духу является лучшей характеристикой народа. (241)

Диалект связан с леностью движения губ. Отсюда проглатывание букв, сокращение слов и прочая. (242)

Когда у меня *спрашивают* моё мнение, то я его высказываю вполне откровенно, даже если оно может быть и неприятно заинтересованному лицу. Но я никогда не высказываю своего мнения, если меня о таковом *не спрашивают*. (243)

Я слышу многое, но вижу не многое. Яснее: говорят много, делают мало. (244)

Бывают длинные речи с коротким смыслом. Но бывают и короткие речи с длинным смыслом, который никогда не может быть достаточно взвешен произносящим их. «Я вас люблю...» Последствия и далёкий смысл этой короткой фразы решительно не могут быть определены заранее. (245)

Можно говорить много и красиво, не говоря при этом ничего замечательного. В музыке это будет необычайно красивая инструментовка незначительных мыслей, в живописи – большая золочёная рама к маленькой ничтожной картинке. (246)

Музыка – благороднейшее, сердечнейшее, задушевнейшее, прелестнейшее, тончайшее из всего, что человеческий дух изобрёл! (247)

Хотя много прекрасного уже было сказано и написано про музыку, однако никто ещё до сих пор не сумел *объяснить* её сущность... Повидимому, это невозможно. (248)

Музыка, столь неосоздаемое, отвлечённое и высокое искусство, доступно и понятно часто даже ребёнку, и иногда непонятно взрослому и образованному человеку. (249)

Ошибочно мнение, что музыка – всесветный язык. Она в действительности язык, но чтобы быть понятной и доставлять наслаждение, она, как и всякий язык, должна быть изучена. (250)

Изучение музыкального языка – то же, что и изучение других языков. И кто учится ему в детстве, тот себе его усвоит, а выучить его в позднейшем возрасте едва ли возможно. (251)

Как древнееврейский язык или санскрит – наслаждение для того, кто их понимает и тарабарщина для непонимающего, так и музыка – для непонимающего в лучшем случае является только приятным шумом. Между тем как для того, кто её понимает, она является божественным языком. (252)

Многие воображают, что мелодия является в голове композитора внезапно, неожиданно, будь он занят даже чем-либо совсем другим. На самом деле это не так: изобретение мелодии напоминает собой процесс зажигания спички: от трения зажигательной массы о твёрдую поверхность вспыхивает пламя, которое, пожирая дерево, превращается в свет. От трения музыкального мышления о волю рождается музыкальная мысль, которая, будучи во всех своих частях взвешена, изменена и обогащена, в конце концов образует из себя тему, мотив. (253)

Если музыкальные мысли разных композиторов отчасти походят друг на друга, то на это нельзя сейчас же смотреть как на плагиат, в особенности если эти композиторы доказали своими сочинениями, что они, слава Богу, не нуждаются в украшении себя чужими перьями. На это надо смотреть как на случайность, как на то, что два человека могут походить друг на друга, вовсе при этом не будучи в родстве. (254)

Когда я посетил типографию для печатания нот и увидел, как затруднительно изготовление музыкального сочинения, то я даже решил писать меньше. Но это решение отождествилось у меня с жалостью к матери при рождении ею ребёнка – надолго его не хватило. (255)

Когда музыкальные мысли отсутствуют, весьма кстати появляется лейтмотив. (256)

При просмотре нынешних музыкальных сочинений нельзя не заметить, что, несмотря на все необыкновенные и даже весьма интересные способы писания, в них собственно музыкальная мысль большей частью оказывается совсем обыкновенной, а зачастую даже банальной. (257)

Народная музыка вполне понятна и приятна только соответственному народу – как образованному, так и необразованному классу. (258)

Ритм в народной мелодии (за исключением ритма в танцах) есть принадлежность лишь цивилизованных народов. Восточные племена его не имеют. Они к неритмическому своему пению бьют в такт на ударных инструментах или отбивают его руками, но делают это как бы во сне, как отголосок заснувшей цивилизации. (259)

Ритм в музыке – это пульсация, свидетельствующая о жизни. В современных композициях замечается извращение ритма. Не является ли это признаком упадка музыкального искусства? (260)

Игнорирование композитора бывает ему обидным, но слишком частое и долгое повторение его произведений перед публикой может поставить его в необходимость воскликнуть: «Защитите меня от моих друзей!» (261)

Игнорируемый ныне композитор должен утешаться надеждой, что когда-нибудь и на музыкальном поприще будут производиться раскопки. (262)

Посмертные произведения знаменитых композиторов весьма редко являются новыми листьями к их лавровому венку, и обнародование их полезно лишь при издании общего собрания их произведений или для архива, но отнюдь не из ложного благоговения к покойному (как это часто случается) или из коммерческого расчёта издателей, как «новость» для публики. (263)

Исполнение – это второе творение музыкального сочинения. (264)

Когда я слышу, что о музыкальном произведении или исполнении говорят: «Да, оно хорошо, но оставляет нас холодными, не трогает души», то я спрашиваю: «Вашей души или другой чьей-нибудь?» (265)

Глаз так привыкает к горным вершинам, что теряет масштаб. Точно так же привыкает глаз и к разным модам дамских туалетов, небо привыкает к пряностям, так что простая пища ему перестаёт нравиться, ухо так привыкает к шумным инструментациям и диссонирующим последовательным гармониям, что его перестают привлекать простые инструментации и логически последовательные гармонии. (266)

Человек вообще ко всему может привыкнуть, кроме привлекательности полового различия и мерзости себе подобных. *Эти* две вещи всегда поражают его заново. (267)

Суждение о музыкальной пьесе (согласно теории, написанной безукоризненно) похоже на суждение о женщине: один может безумно влюбиться в женщину, которая на мой взгляд некрасива, а другой остаётся совершенно равнодушным по отношению к женщине,

кажущейся мне обворожительною. Сочинение мне может не нравиться, а другим казаться восхитительным. (268)

В музыке нельзя ничего *доказать* – ни прекрасное, ни безобразное. Если кто-нибудь скажет, что Девятая симфония Бетховена – некрасивая музыка, то от него можно отвернуться, но доказать ему, что он говорит глупость, невозможно. Необходимо иметь музыкальное и эстетическое образование, чтобы различать в музыке красивое от некрасивого. Но даже и тогда определение бывает условным, ибо субъективное чувство при этом имеет слишком сильное значение. В этом заключается общность музыки с верой: ведь *доказать*, что существует Бог – тоже немислимо. Счастливы в обоих случаях те, которые правильно чувствуют. (269)

Современные композиторы дирижируют произведениями старых авторов не согласно указаниям композитора, а так, как это (по их мнению) должно было бы быть указано, и именно за это их считают гениальными дирижёрами. Станный повсеместный взгляд на искусство! Зачем юриспруденция не распространена и на вопросы об искусстве? Я за вышеназванные воззрения преследовал бы в уголовном порядке. (270)

Мы слышим какую-нибудь музыкальную вещь, она нам нравится, и мы так сживаемся с её первым исполнением, что часто позднейшее, гораздо лучшее (в художественном отношении) исполнение её производит на нас меньшее впечатление, чем первое посредственное. (271)

Невыносимы *живущие* друзья *умерших* великих людей, а в особенности на музыкальном поприсе: они не довольствуются никаким исполнением, оттенком, темпом исполнителя, так как они «ведь слышали это в исполнении самого композитора!» (272)

Мне случалось слышать в сумасшедших домах удивительно хорошие музыкальные исполнения. Это доказательство того, что музыка относится к душе, а не к разуму. Мне было также интересно констатировать тот факт, что исполнения могли быть только инструментальные, а не вокальные, где необходимо правильное мышление. (273)

Нельзя предположить, чтобы первое пение человека было со словами (человеческий голос как инструмент – следовательно, без слов, для обогащения звуков в оркестре – был бы даже логичен). Лишь впоследствии дошло до того, что пение выработалось в особый род искусства, который, однако, надо считать второстепенным, если чувствовать и понимать музыку в её высшем значении. (274)

Музыка для своего выражения так же мало нуждается в словах, как и архитектура, скульптура или живопись. Так же как и поэзия мало нуждается в музыке. (275)

«Песни без слов» – хорошее название для сочинений. Их можно было бы также назвать «многоговорящими мелодиями». Но встречаются часто песни со словами, которые правильно было бы назвать – «слова без песен». (276)

Правильная декламация положенных на музыку слов является насиланием мелодии. Стихотворение при этом выигрывает, а музыка – не всегда. И это ещё вопрос, что именно предпочёл бы слушатель. (277)

Как хороши были бы оперы или драмы, если бы в них роли распределялись не только в соответствии с их характерами, но и по внешнему виду! Я присутствовал однажды на представлении «Ифигении в Авлиде» Глюка, когда знаменитая примадонна, более сорока лет от роду, полная женщина, пела роль Ифигении, а молодая двадцатилетняя девушка нежного телосложения и молодо загримированная исполняла роль Клитемнестры! И можно убедиться, что этот недостаток встречается на большинстве сцен, в большинстве постановок. Стоит ли

тут ещё упоминать о маленьких тенорах и больших сопрано или о маленьких сопрано и больших тенорах? (278)

Колоратурное пение, если оно не превращается в руладу в буквальном смысле этого слова, является – и как выражение трагических страстей, и как выражение радости – «приправой» душевных движений (это можно констатировать и в восточных напевах). Вместе с тем оно обогащает мелодию и освобождает её от присущего ей характера монодии. Весёлость, грация, кокетство, игривость и прочая едва ли мыслимы без колоратурной мелодии. (279)

Певцы и певицы пользуются между артистами привилегированным положением как в общественном, так и, в особенности, в материальном отношении. Причём последнее не имеет никакого соотношения с требованиями исполнения, предъявляемыми к инструментальным артистам. Это стараются прикрыть понятием, что голос якобы легко пропадает и что потому, пока он существует, необходимо применять к нему исключительный масштаб. А между тем разве повреждение пальцев, перелом руки, ревматизм, паралич и прочая не случаются чаще, чем потеря голоса? (280)

Между птицами один соловей является певцом, а щебетанье остальных птиц, повидимому, не что иное, как болтовня. (281)

Ничто не может быть неприятнее музыкального соседства. А так как не существует великого человека для его лакея, так же не бывает и великого артиста для своего соседа. А тут ещё попробуйте-ка иметь соседом начинающего артиста или дилетанта! (282)

Удивительно, насколько музыкальная критика строже и злобнее, чем критика других искусств. (283)

Досадна дерзость музыкальных рецензентов, когда они, прослушав всего один раз какое-нибудь произведение, не чувствуют никакой ответственности, решая категорически и безапелляционно, что «это хорошо, а то дурно». (284)

Самый крупный музыкант не решится окончательно судить об опере, оратории, симфонии после первого исполнения, ибо как часто вещь после нескольких исполнений нравится нам больше, чем в первый раз, а иногда и наоборот. (285)

Фонограф может увековечить музыкальное исполнение. Артисты, остерегитесь! (286)

Игра на фортепиано – движение пальцев. Исполнение на фортепиано – движение души. Теперь чаще всего слышишь первое! (287)

Самый близкий друг человека – это инструментальная музыка. Она ему ближе чем родители, братья и друзья. Особенно качество это заметно в горе. Из всех же инструментов самым подходящим для этой цели будет фортепьяно. Поэтому изучение игры на этом инструменте я считаю благодеянием для человека и сделал бы обучение на нём принудительным (так как начала его невыносимы) для общеобразовательной программы. Но, понятно, только в смысле возможности самоудовлетворения, а не как средство блистать в обществе. (288)

Фортепиано для меня – самый приятный инструмент, потому что оно представляет из себя музыкальное целое. Каждый же другой инструмент, не исключая и человеческого голоса – не что иное, как музыкальная половина. (289)

Оркестр не должен состоять из великих артистов. Он должен быть *одним великим артистом*, он должен как бы представлять собою буквы, которые составляют слово «артист».

И как невидима в человеке душа, точно так же должен быть невидим в оркестре и капельмейстер. (290)

Инструментовка музыкальной пьесы для оркестра похожа на писание картины. Сочетание инструментов – это смешивание красок, чтобы найти тот или другой цвет. Свет и тень – такой же закон и в инструментовке. Вообще оркестровое произведение должно быть прослушано при тех же условиях, при которых осматривается картина – внимание должно быть сначала обращено на композицию, затем на рисунок (неверный рисунок встречается также и в музыкальном произведении), а затем на роскошь красок. (291)

Я считаю Брамса продолжателем Шумана, себя продолжателем Шуберта и Шопена, а нас обоих завершителями третьей эпохи музыкального искусства. (292)

Сочинитель текста (либреттист) оперы, оратории и прочего считает себя обиженным композитором как в смысле художественном, так и в материальном, забывая при том, что его работа, хотя бы только по затраченному времени, не может равняться работе композитора. Ведь, как правило, композитор вкладывает много и своего труда: часто сам даёт ему тему, и в обработке её во многом помогает и приносит пользу. Не думаю, чтобы когда-либо поэт предлагал композитору текст в таком виде, что композитор мог сочинить к нему музыку безо всякого изменения текста. (293)

Нечто торжественное, некий ореол чего-то необыденного – вот что подобает искусству. (294)

Красивые женщины не умеют стариться, артисты не умеют вовремя удалиться со сцены: и те и другие не правы. (295)

Молодая девушка может посмеяться над шестидесятилетним стариком, который говорит ей о своей любви. Так же может отнестись и публика к шестидесятилетнему артисту, поющему или говорящему о любви. Артисты должны принять это к сведению. (296)

Существуют мужчины и женщины семидесяти и более лет, столь бодрые в своих движениях и своём внешнем облике, что им едва можно дать пятьдесят лет. Но если бы на сцене актёр так изобразил семидесятилетнего, его за это притянули бы к ответу и публика и пресса. Вот доказательство, что не всякая реалистичность допустима на сцене. (297)

Не все женщины, хорошо играющие комедию, пригодны для театра: им мешает безличие. (298)

Богатые постановки театральных пьес (декорации, костюмы, световые эффекты и прочая), которые рассматриваются теперь антрепренёрами как главная задача, угрожают общественному вкусу деморализацией. Так как в данном случае публика привыкает отвлекать своё внимание от содержания пьесы и обращать таковое только на постановку. (299)

Публика во всех отношениях похожа на ребёнка: она требует постоянно большего. Однако должен ведь настать тот момент, когда *большее* станет невозможным. (300)

Что хуже? – Прийти в театр с переполненным желудком и некоторой сонливостью или с пустым желудком и стремлением к скорейшему окончанию представления? То и другое зависит от времени обеда. – Бедное искусство!.. (301)

Театр потерял своё художественное значение вследствие *ежедневных* представлений (опера, драма и прочее). Публика уже больше не находит в нём необыкновенного художественного наслаждения. Артисты делают чуть ли не подёнщиками и всё вообще

получает спекулятивный характер предприятия, в котором искусство является только средством для унижительной цели добычи денег. (302)

Для того, чтобы представить на сцене поющими каких-либо значительных политико-исторических или культурно-исторических героев, необходимо, чтобы нас отделяли от них по крайней мере две тысячи лет. В противном случае они покажутся нам смешными. Изображать их говорящими прозой значит представлять их в действительности; в стихах – будет уже поэтизированием их, а это отдаляет их от действительности; пение же выставляет их в смысле легендарном, а это прилично только для богов или святых, а не для обыкновенных, даже и для необыкновенных, исторических смертных. (303)

Громадное большинство людей всё ещё признаёт великими и достойными памятника только монархов, полководцев и отчасти государственных людей. Пожимая плечами и с удивлением проходят они мимо памятников великим учёным, поэтам, художникам: для них Аттила выше Шекспира, Гёте, Бетховена! Настанет ли когда-нибудь время, когда они будут проходить, пожимая плечами и с удивлением мимо первой категории памятников? (304)

Мне вообще не нравятся конные статуи и на каменном постаменте, с лошадьми, которые поднимаются на дыбы или скачут. Я испытываю ощущение, будто лошадь прыгнет, а седок сломает себе шею. (305)

Если во время еды мне объясняют, как и из чего приготовлено блюдо, то оно мне перестаёт нравиться. Также не люблю я видеть эскизов к картине, которая меня восхищает. Я испытываю чувство, будто становлюсь очевидцем рождения ребёнка. (306)

Фотография относится к живописи, как относится клавираусцуг музыкального оркестрового или вокального произведения к партитуре. (307)

Я убеждён, что каждый художник, силой своего воображения, видит лучшие виды, чем те, которые могут существовать в действительности. (308)

Меня больше восхищает женская нагота в изображении (картина, изваяние), чем в натуре. Ибо в первом случае моё воображение возбуждается, а во втором убивается. (309)

Готический стиль для церквей кажется мне самым подходящим, потому что он выражает мистическое стремление в высь. Стиль византийский (впоследствии русский церковный) кажется мне выражением пышного, но окостеневшего и неприступного ритуализма, а многочисленные купола представляются мне митрами на головах священников. (310)

Древнегреческий стиль храмов кажется мне выражением мифологического, олимпийского, солнечного, спокойного, прекрасного, но он не подходит к христианскому богослужению, так как не соответствует страдающему, драматическому и трагическому элементу. (311)

Кухонный запах в доме противен, но мне ещё гораздо более противен в доме запах золота. (312)

Я понимаю богатых людей, которые со временем делаются ещё более богатыми. Понимаю также бедных людей, разбогатевших случайно (наследство, лотерея и прочая). Но когда я подумаю, насколько трудно заработать деньги честным трудом, и если мне указывают на человека, не имевшего несколько лет тому назад *ничего*, но который сегодня *миллионер*, то я не могу отрешиться от мысли, что тут не всё произошло вполне естественно. Мне невольно приходят на ум подлог, воровство, убийство, присвоение и прочая. (313)

Как получается, что человек должен платить за свою пищу и, если он не может этого сделать – должен умереть от голода? Между тем, все остальные живые существа имеют пищу даром. Он должен также платить за своё рождение и даже за свою смерть. Значит, деньги являются главным условием, дающим право быть человеком? (314)

Питание и отброс пищи – это такие функции, которые, если они совершаются у человека правильно, настолько его удовлетворяют, что он не бывает ни революционером, ни анархистом, ни атеистом, ни пессимистом, ни социалистом и прочая, а остаётся живым существом и ничем другим быть не стремится. Величайшей заботой правителей, в смысле самосохранения, должно было быть стремление не иметь в своей стране ни одного голодного. И если бы те многочисленные миллионы, которые они употребляют для военных целей, употребили для *этой* цели, они могли бы более беззаботно развивать своё могущество, даже свой произвол. «Хлеба и зрелищ!» для правителей гораздо важнее, чем «Mene, Tekel...». (315)

Давать – составляет для меня большее наслаждение, чем иметь. И если я ещё желаю последнего, то только ради наслаждения *иметь возможность давать*. (316)

Я хотел бы иметь столько денег, сколько мне необходимо для моих жизненных потребностей. Я не понимаю надобности в лишнем и считаю накопление состояния (хотя бы и с целью оставления его детям) достойным порицания. Хотя это и жестоко, но я считаю правильное заставить сыновей, по окончании ими образования, зарабатывать самим деньги, а дочерям, при их замужестве, давать только такое приданое, чтобы муж, при скверном имущественном положении, не мог бы их упрекнуть в том, что он должен их кормить. (317)

Дети богатых родителей редко бывают выдающимися людьми. Обеспеченность их материальной будущности скрывает перед ними сознание необходимости труда и самопомощи. (318)

Лучше если приношение делается от имени неизвестного (анонимно). Дружеский же подарок приятнее, когда его украшает имя. (319)

Легче простить несправедливость, чем её забыть. (320)

Принимать участие в дружеских делах не всегда равнозначно отдаванию части себя. Особенно если иметь в виду взаимное участие. (321)

Есть и питаться – слова, которые кажутся синонимами, но в общепотребительном смысле это весьма различные понятия: богатый – ест, бедный – питается. (322)

Трюфель – это картофель богатого. Картофель – это трюфель бедняка. (323)

Вода – самый оживляющий элемент любой местности. Она – то же, что фигурация в музыкальной пьесе, что лак на картине. Местность без воды представляется мне как очаровательное женское существо с закрытыми глазами или немое. (324)

Солнечное сияние в очень холодный зимний день при 25-30 градусах мороза представляется мне в виде неба, скалящего зубы. (325)

Я питаю самое большое уважение к знанию и образованию врачей и охотно допускаю, что хирургия ныне достигла необыкновенной высоты развития. Но медицина – это поле, которое врачи охотно обрабатывают, но на котором они чаще всего терпят неудачу. (326)

Удивительно, что до сих пор необъяснимы сны. Что касается меня, то я свои сны могу назвать лишь противоположностью действительности: каждый раз, как мне снилось что-либо прекрасное, блестящее, воодушевляющее, со мной случалось что-нибудь неприятное, даже

грустное, и каждый раз, как мне снилось что-либо ужасное, противное, скверное – со мной случалось приятное. (327)

Каким образом человек – существо, у которого желудок играет самую важную роль и у которого в случае расстройства желудка исчезают все мыслительные и жизненные силы, – может быть высшим существом? (328)

Мы охотно называем красивую женщину ангелом, только для того, чтобы забыть, что она тоже имеет желудок. (329)

Table d'hôte производит на меня всегда угнетающее впечатление, хотя бы я и сам принимал в нём участие. Всё это жевание, глотание и проглатывание старыми и малыми, красивыми и безобразными мужчинами, женщинами и детьми представляет собою нечто весьма неэстетическое. (330)

Вера и чувство у молодёжи являются раньше, чем понимание и зрелость суждений. (331)

Молодой человек, являющийся пессимистом и утомлённым жизнью, смешон и достоин порицания, так как он не мог ещё иметь времени разносторонне изучить свет и жизнь. Но жизнерадостный старик-оптимист кажется мне странным и пустым, ведь он имел достаточно времени для всестороннего изучения как света, так и жизни. (332)

Альфа и омега всей житейской мудрости заключаются в пословице: «Если б молодость знала, а старость могла!» (333)

Седые волосы и глубокая старость придают людям (мужчине или женщине – безразлично) столь почтенный вид, что он может заставить позабыть даже порочно проведённую жизнь. (334)

Меня весьма расстраивает сломанный бурей дуб. Уже оголённое зимой дерево возбуждает во мне серьёзные мысли, но поваленный летом дуб напоминает мне убитого и погибшего в полном расцвете сил или поражённого апоплексией человека. (335)

Когда мне случалось нечаянно наступать на муравьиную кучу, и я замечал, как несчастные создания разбегались во все стороны и были вне себя, мне всегда приходила мысль, что если какое-либо несчастье (землетрясение, эпидемия, наводнение и прочая) посетит обитаемые людьми места, то там должен был пройти какой-то бог, который нечаянно наступил ногой. Расстояние между мною и Богом – то же, что и между муравьём и мной, а населённые места (деревни и города), ведь не что иное, как человеческие муравейники. (336)

Странно, что изображение человека в миниатюре нас не оскорбляет, а изображение его в сверхъестественной величине производит на нас неприятное впечатление. Так что умалять в наших глазах человека мы допускаем, а преувеличивать его – нам обидно. (337)

Лицом к лицу человек представляется сильным. Но с высоты башни он кажется похожим на муравья. А уж с небесной высоты!.. Как представить, что Бог постоянно занимается человеком? (338)

Моряк стоит на плавающей доске. Он богобоязнен так же, как и рудокоп, столь часто видящий перед собой бездну. Человек, обитающий на земле, только *верит* в Бога, но тем не менее чувствует поползновение поспорить со своим Богом. (339)

Так как человеку очень многое кажется загадочным и лишь очень малое может быть им объяснено, то он делается суеверным. (340)

Люди, которые суеверны, основывают удачу или неудачу своих начинаний на чём-нибудь видимом или осязаемом и большей частью стремятся к малому и мало что переживают, относя всё к провидению, судьбе, что в сущности не что иное, как суеверие. (341)

Какое счастье для несчастного, что у него есть вера в Бога. (342)

Слабый должен иметь поддержку, точку опоры. Поэтому, человек, а в особенности женщина, должен быть религиозным. (343)

Я нахожу, что мифология различных народов изучается молодёжью слишком кратко и поверхностно. Хотя предмет весьма двусмысленный, но вместе с тем очень образовательный и для наслаждения искусством и правильного понимания его (в особенности поэзии) необходимый. (344)

Религиозную войну между христианами и язычниками, магометанами или евреями я мог бы, пожалуй, ещё как-то себе объяснить. Но религиозная война христиан против христиан для меня совершенно непонятна. (345)

Монастырь понятен мне лишь как убежище для людей, отделяющихся от массы, чтобы беспрепятственно жить со своими мыслями о Боге совместно с единомыслящими. Но если монастырь требует исполнения разных церковных служений и обязанностей, то он представляется мне какою-то казармой для церковной милиции, и я более уже не чувствую к нему симпатии. (346)

Вынужденное посещение церкви всегда будет ложью. (347)

В церковно-религиозном смысле я – атеист, но убеждён, что было бы несчастьем, если бы люди не имели никакой религии, никакой церкви, никакого Бога. (348)

Я могу понять проповедников и миссионеров только как учителей морали, но не как учителей религии. Я вообще не понимаю, почему все люди должны быть христианами, или евреями, или магометанами, а меньше всего – почему католиками, православными или протестантами! (349)

Насколько спокойнее и счастливее были бы люди, если бы их наставляли так, чтобы они думали и поступали только в духе блага и пользы, в духе справедливости и любви к ближнему, и предоставляли им право верить и молиться, кому и чему им угодно, следовательно – не навязывали им *религию*. Пока этот принцип не будет признан, подлинный прогресс человечества будет оставаться под большим вопросом. (350)

Почему атеист больше боится смерти, чем верующий? Потому что он не признаёт загробной жизни. (351)

Я убеждён, что магнетизм, после того, как он будет изучен во всех своих проявлениях и действиях строго научным образом, сделает нам доступным большую часть того, что до сих пор казалось нам необъяснимым и загадочным. (352)

Я мог бы объяснить себе бессмертие души только в том случае, если бы душа, покидая тело и оставляя на земле самые дорогие для неё существа, вступила с ними с того света в какие-либо сношения. Но допустить оставление душой земли с тем, чтобы существовать в других мирах и служить совсем чуждым интересам, не имеющим ничего общего с оставленными ею на земле, – этого я не могу допустить. (353)

Усилившееся в настоящее время занятие спиритизмом указывает на увеличивающееся стремление к открытию того, что *над* нами, *до* и *после* нас, так что даже намёк на всё это является желанным. О люди! Несчастливые существа! Вечные вопрошатели, которые никогда не дождутся ответа! (354)

В каждом человеке живёт чувство, что над ним имеется нечто или некто ему невидимое и необъяснимое, но могущественное и окончательное, к чему он может обратиться в беде и печали, в радости и благодарности. (355)

Естественная история не исключает верования в Бога, ибо природу можно всесторонне изучать и постигнуть. Но тем не менее *одна* тайна всегда, в конце концов, остаётся неизученной и непостигнутой – Творец. (356)

Глаз человеческий ограничивает землю. Земля ограничивает человеческое миросозерцание. А так как она только часть и даже ничтожная часть космоса, вселенной, то человек никогда не будет в состоянии объявить себя Богом. (357)

Смерть наступает у человека часто так внезапно и так неожиданно, что я постоянно ношусь с мыслью: «В будущий момент тебя уже нет!» Отсюда моё прилежание – пожалуй, даже слишком преувеличенное. Я ведь тоже не хотел бы умереть, не сказав кое-чего человечеству. (358)

Я придерживаюсь того мнения, что каждый человек, будь это мужчина или женщина, достигнув известного возраста, после которого ему, по всей вероятности, остаётся жить уже недолго, должен оставить после себя письменное изложение всего им пережитого, дать обществу как бы отчёт о своей жизни. (359)

Жизнь каждого человека, даже самого незначительного, включает в себе много интересного в психологическом, культурном и других отношениях, не говоря уже о жизни человека высокого ответственного положения. Ни один роман не может дать столько интересного и поучительного, как такая исповедь, которая, при особом желании писавшего её, могла бы даже и не быть напечатанной, но в рукописи могла бы сохраняться в общественных библиотеках для предоставления лишь требующим её читателям. Это, во всяком случае, в значительной степени обогатило бы литературу каждого народа. (360)

Казалось бы, что вопрос о предании тела земле после смерти или о сожжении должен был быть безразличным, а между тем он представляется спорным. Не является ли тут руководствующей мыслью воскресение из мёртвых? Это подетски, но как же объяснить это иначе?... (361)

Умереть – охотно. Только не одряхлеть. (362)

Самоубийство встречалось бы гораздо чаще, если бы не было трусости, хотя бы оно и не было даже осуждаемо церковью и обществом. (363)

Для того чтобы лишиться себя жизни, необходимо большее мужество, чем для того, чтобы выносить отвратительный образ жизни (оставляя в стороне физическое страдание). Потеря же всякой надежды, которая заставляет даже преступника предпочитать смертной казни вечное заключение, требует мужества, хотя бы и мужества отчаяния. (364)

Себялюбие – обыкновенно и всеобщее. Самопомощь – трудна, но встречается. Самокритика – очень тяжела и встречается редко. Самоубийство – исключение, потому что оно – последний аргумент. (365)

Загадка – жизнь, разгадка – смерть. (366)

* * *

Кто вкушает от древа познания, тот теряет рай наслаждения. (171)

Бывают ораторы, которые в своём искусстве достигают удивительных результатов, но влияние которых на публику ничтожно, а иногда и совсем отсутствует; бывают и такие, которые имеют недостатки, но воодушевляют публику. Кажется, будто публика подчиняется влиянию какой-то магнетической силы, будто бы существует какой-то моральный магнетизм! (196)

Зачем юриспруденция не распространена и на вопросы об искусстве? За некоторые воззрения стоит преследовать в уголовном порядке! (270)

Добыча денег – цель унижительная для искусства. (302)

Т. Р у ф ф о

(1877 – 1953 гг.)

Я буду краток. Я буду говорить с вами так, как я говорил бы со всем человечеством – без лишних фраз, как можно проще и понятнее. (1)

Тем немногим, что я знаю, я обязан самостоятельным занятиям и чтению, которые я любил и которым старался посвящать время в продолжение всей своей жизни. (2)

Когда ясное и живое слово просвещённого человека открывает нам новые горизонты, мы узнаём множество вещей, о которых не имели ни малейшего понятия. (3)

После каждой прочитанной книги перед моим духовным взором открывались новые горизонты. (4)

Жизнь моя протекала в активной и созерцательной безмятежности. (5)

Меня поддерживала твёрдая воля к победе. Могучая уверенность проистекала из равновесия в моей личной жизни и из того величайшего благоговения, с которым я занимался своим искусством. (6)

Когда у человека есть желание работать и воля преуспеть в этой работе, все двери перед ним открыты. (7)

Изречение «захочу и смогу» редко расходится с действительностью. (8)

Учись, читай, упорствуй в творческих намерениях и развивай в своём сознании всё то, что может обогатить и украсить духовную жизнь. (9)

Свято храни благоговейную любовь к искусству. (10)

Непрерывно совершенствуйся и считай, что будущность всецело в твоих руках. (11)

Фортуна может улыбнуться один-единственный раз в жизни. Пропустить этот момент нельзя. Им следует тотчас воспользоваться и упорно продолжать путь, не позволяя себе засыпать на лаврах. Всё, что пропущено – потеряно. (12)

Путь в искусстве труден, и иллюзия мгновенных больших заработков эфемерна. (13)

Если ревновать женщину – значит любить её, если быть ревнивым в искусстве – значит не любить его вовсе. (14)

Всем взаимоотношениям вне моральных законов неизменно уготован печальный конец. (15)

Когда мужчина встречается женщину своей мечты, он ощущает её настолько совершенной, до такой степени далёкой и недостижимой, что надежда завоевать её сердце или хотя бы её внимание кажется ему нелепой фантазией. (16)

Две звезды сопровождают мужчину на его жизненном пути. Кроме той, под которой он по приметам якобы родился, ему суждена судьбой встреча с такой женщиной, которая может сделать из него скотину или ангела, поднять его до неба или низвергнуть в бездну. (17)

Непосвящённым неизвестно, из какого сурового ограничения, из какого великодушного самопожертвования, из какого скрытого героизма соткано существование подруги человека, всецело посвятившего себя искусству. (18)

Нет на свете человека, который смог бы создать нечто прекрасное и великое без духовного светоча чистой любви. (19)

У того или иного певца красивый голос и хороший слух, да только поёт он умом и волей, а не сердцем. А какой же это артист без сердца?! (20)

Конечно, прекрасный голос для певца необходим. Но для того чтобы вызвать у слушателей настоящее волнение, артист, прежде чем выразить себя в музыке, должен проанализировать, разработать и вжиться в образы, которые ему предстоит изобразить на сцене. (21)

Овладев вокальной техникой изучаемой партии, певец должен забыть о пении и работать как интерпретатор, как актёр. С этой точки зрения я предпочитаю умного певца-актёра с посредственным голосом совершенному вокалисту, лишённому пламени ума. (22)

Я стремлюсь только к тому, чтобы мысль предшествовала слову и чтобы слушатели были сильнее взволнованы воздействием души актёра, нежели виртуозностью певца. (23)

Артисту необходимо также постоянно обновляться и всё больше и больше углублять образы, им уже воплощённые. И если достижение совершенства лежит за пределами человеческих возможностей, то следует всё же стремиться к нему приблизиться. (24)

Произведение искусства рождается в одном-единственном творческом акте, и многократное повторение его поневоле приводит к условности, невыносимой для творческой фантазии подлинного артиста. (25)

Я, по существу, враг биса, особенно в тех случаях, когда он разрывает нить драматического действия, которое прежде всего, вопреки условностям и вокальной акробатике, должно быть правдивым и трепетать подлинной жизнью. (26)

Артист неизбежно находится в нервном напряжении, когда наступает час стать лицом к лицу с тысячеголовым чудовищем, именуемым публикой. (27)

Всегда неприятно впечатляет выступление перед незнакомой публикой, которая как будто пришла не для того, чтобы признать твою победу, а с целью жестоко тебя осудить, и ждёт только случая, чтобы резким свистом открыто выказать свою враждебность. (28)

Важно прежде всего не потерять здоровья и остаться в живых, и совсем не стоит приносить себя в жертву ради кого бы то ни было. (29)

Нет и не может быть такой школы, трафаретные приёмы которой годились бы для всех одинаково. (30)

Каждый день в течение часа занимайтесь дыхательной гимнастикой, затем целый час пойте вполголоса, но пойте с максимальной певческой и эмоциональной отдачей. Таким путём вы постепенно будете отрабатывать вокальную технику. Когда же вы полностью овладеете ею, забудьте о пении и стремитесь создать в себе артиста. Я и сам всю жизнь пел не только голосом, но и умом, используя голос, как средство для воплощения мысли. (31)

Я отнюдь не саморекламист, но если сама природа так щедро наградила меня, что я благодаря исключительному голосу смог стать кем-то значительным в мире искусства, почему

мне скрывать это? Мне кажется, что это было бы неблагодарностью по отношению к дару великой Матери и непростительной уступкой людскому злорадству. (32)

Если я позволяю себе постоянно подчёркивать необходимость работы и самодисциплины, то делаю это, право же, не из пустого хвастовства. (33)

Талантом одарён тот, кто одарён чувством и воображением. (34)

Самый плохой оригинал всегда лучше хорошей копии. (35)

Я предпочитаю оставаться самим собой и следовать велениям своей собственной творческой личности, пусть даже изобилующей недостатками. (36)

Горе певцу, который надолго оставляет без внимания свой в высшей степени нежный инструмент! Он рискует навсегда потерять власть над ним. (37)

Сколько силы и мужества требуется, чтобы поддерживать собственное имя на той высоте, куда вознесла его слава! (38)

Слава – это пышное слово и огромный груз, настолько тяжёлый и неудобный на плечах того, кого мир наградил им, что подлинный артист часто предпочёл бы освободиться от этой ноши. Но горе ему, если в тот момент, когда он будет уже не в состоянии нести её, он вовремя не сбросит с плеч ставший непосильным груз и не удалится в тень! Горе ему, ибо он будет этим же грузом неизбежно раздавлен. (39)

Всё в этой жизни скоропреходяще и, в конце концов, одинаковая для всех тьма охватывает и поглощает навсегда любую славу. (40)

Я хотел бы только одного: увидеть снова солнце, солнце моей родины. Нет на свете ни такой славы, ни такого богатства, которые могли бы возместить его отсутствие. (41)

Я – сын народа. С первых шагов на сцене я постоянно ощущал в биении своего сердца биение сердца моего народа. И я знаю: народ – единственный источник добра и правды. (42)

Взаимоотношения между людьми выражаются не только в словах, а в том, чтобы поддерживать друг друга при всех превратностях судьбы и оказывать друг другу существенную помощь в критические минуты. (43)

Человек, душа которого отравлена, становится скрытным, печальным, нервным. Характер его ожесточается. Даже выражение лица его становится мрачным, чтобы не сказать, трагическим. (44)

Для человека важно вырваться из той среды, которую он ненавидит; только так он может стать свободным, быть полным хозяином своих действий. (45)

Надо вооружиться терпением и мужеством. Я привык бороться открыто и честно, при солнечном свете, не прибегая к мелочным интригам и тайным уловкам, общепринятым в мире театральном и во всём остальном. (46)

Не очень-то надейся на людей: жизненный опыт укажет тебе, что большая часть их не слишком расположена помогать ближним. (47)

Сети, сплетённые из нитей вероломства и коварства, легко рвутся, потому что нити эти весьма непрочные. (48)

Корректный и хорошо воспитанный человек не способен сплетничать или говорить пошлости. (49)

Горе делает душу более чуткой. (50)

Жизненные испытания – бесценное благо, ибо они ставят человека лицом к лицу с реальной действительностью и учат тому, что необходимо знать, дабы стать независимым хозяином своей жизни и своего искусства. (51)

Я поступил так, как я поступил, и я не могу и не хочу поступать иначе, ибо это осмысливает и расширяет моё жизнеощущение. (52)

Одеваться элегантно, но без претензий; держаться просто, но с достоинством. (53)

Наблюдения над всем, что я вижу и что меня окружает, дают мне возможность близко познакомиться с себе подобными и обогатить свою душу анализом того, что в них есть хорошего и плохого, прекрасного и уродливого. (54)

Старший сержант, когда он муштрует новобранцев и орёт громовым голосом, чувствует себя по меньшей мере Наполеоном I. (55)

Война, помимо самой смерти, вызывает множества мучений и непоправимых ужасов. (56)

Долой войну! Война означает для мира множество бедствий, много горя; каждая из потрясающих трагедий, пережитых нами, порождает новые привилегии и новые несправедливости. (57)

Правители, если вы хотите вести войны, сражайтесь сами и предоставьте нам заниматься мирным трудом на своих полях и заводах! (58)

Голод сильнее героизма. (59)

Пока люди не достигнут известной степени равенства интеллектуального и морального, братство и счастье останутся утопией. (60)

Смогут ли когда-нибудь широкие массы людей в будущих поколениях достигнуть какой-то степени духовной культуры? Избавятся ли оне когда-нибудь от остатков атавистической жестокости, таящейся в их сердце и всегда готовой неистово вырваться наружу, особенно в случаях движений массовых? Я не чувствую возможности отвечать на этот вопрос оптимистически. (61)

Если история человечества внушает и сейчас больше опасений, нежели светлых надежд, то нельзя забывать, какой ничтожный промежуток времени представляет собой ушедшее прошлое по сравнению с бесконечностью будущего. Мир ещё молод. (62)

Мне нравится – даже если я не слишком в этом убеждён – представлять себе движение человечества не в виде параболы, которая уходит в будущее, более или менее снижаясь, а скорее в виде спирали, которая, всё больше и больше расширяясь, движется вверх. (63)

Все мы рождаемся для того, чтобы умереть после кратковременного появления в этом мире. Жизнь – борьба, и прежде чем умереть, каждый должен бороться, проявляя силу и мужество и не поддаваясь, как трус, ударам судьбы. (64)

Человек живёт один раз и не должен терять своего достоинства. (65)

Е. Ф. С в е т л а н о в

(1928 – 2002 гг.)

Хорошей музыки создано так много, что не хватит и нескольких жизней, чтобы её сыграть или прослушать. Это действительно так. (1)

В деятельности музыканта, как и в любой другой, главное – не останавливаться в поисках, постоянно идти только вперёд! (2)

В работе над партитурой дирижёру следует исходить прежде всего из намерений композитора, тем более если он запечатлел их с предельной точностью, достойной пристального изучения и осмысления. (3)

Быть самому композитором, это обстоятельство всегда выделяет дирижёра среди своих коллег, владеющих лишь только профессией исполнителя. (4)

Совершенствованию нет предела. Чем больше работаешь, тем лучше видишь, сколько ещё надо сделать. (5)

Постоянно возрастающее чувство ответственности за свой труд – это верный стимул, который помогает решать новые и всё более сложные задачи. (6)

Необходимо дальнейшее расширение творческих контактов со слушателем. Для этого нужны новые формы. Их надо искать, проверять результативность поисков и, главное, не довольствоваться достигнутым. (7)

Чем больше людей потянется к Большой Музыке, чем глубже она будет проникать в их повседневную жизнь, тем радостнее будет нам, музыкантам, сознавать полезность своей работы. (8)

Г. В. Свиридов

(1915 – 1998 гг.)

Главными и неотъемлемыми чертами нового в музыкальном искусстве являются современность и простота. (1)

Настоящее искусство, кроме чисто эстетического наслаждения, удовольствия и красоты (а великое искусство воспитывает чувство настоящей красоты), приносит громадную пользу: оно воспитывает человека! (2)

Искусство – не только искусство. Оно есть часть религиозного (духовного) сознания народа. Когда искусство перестаёт быть этим сознанием, оно становится «эстетическим» развлечением. Люди, которым не близко это духовное сознание народа, не понимают сущности искусства, его сакраментального смысла. (3)

Музыка Русского православия истребляется, унижается, третируется в последнее время. Подобно тому, как церковная роспись католических храмов объявлена бесценным сокровищем, а Русская иконопись почти полностью уничтожена и продолжает уничтожаться. (4)

Зло к концу века усилилось, я бы сказал, оно обнаглело и стало всюду открытым. Это зло на протяжении многих лет завоёвывало людские массы, и искусство зачастую этому способствовало. (5)

Величие художника – это величие души (величие духа) художника. Величие Мусоргского и Бородина – это величие христианина. (6)

Искусство, в котором присутствует Бог как внутренне пережитая идея, будет бессмертным. (7)

Русская культура неотделима от чувства совести. Совесть – вот что Россия принесла в мировое сознание. А ныне – есть опасность лишиться этой высокой нравственной категории. (8)

Россия – страна простора, страна песни, страна минора, страна Христа. (9)

Русский народ имеет свой собственный громадный опыт – тысяча лет государству! Это гигантский период истории. В области экономики, культуры, науки, искусства Россия достигла исключительных результатов. Это одна из крупнейших цивилизаций мира. Сейчас часто нам внушают, что Россия – никуда не годное место. И это вздор. И мне не нравится, когда телевизор без конца вдалбливает это. Скверно это, глупо. (10)

Я ведь недаром люблю литературу, поэзию, слово. Всё дело в том, что музыка сегодня не та, что была в прошлые века. Религиозный дух оставляет её, отделяется от неё, она как бы эмансипируется. И сегодня она может жить только в союзе со словом. А это ведь – совместная жизнь слова и музыки – издавна присуще русской культуре. Наша народная музыка – это пение, как для русских, так и для белорусов с украинцами. Наши народные песни, целый пласт! Наши былины были немыслимы без мелодического исполнения. Я пытался создать в современной музыкальной жизни своеобразную антологию русской песни, но музыкальная среда, верхушечно-чиновничья композиторская братия отвергла эту мысль. (11)

Я не мудрец и не могу никому давать советы. Не могу... Но мне кажется, надо самостоятельно стараться разобраться во всём. Русским надо осознать себя как народ. Они

теряют это сознание часто. Теперь не услышишь никогда: «русский человек». «Я – российский». Но ведь это чепуха. Российским может быть и папуас, живущий в России. (12)

К. С е н – С а н с

(1835 – 1921 гг.)

Наивность, которой наделила меня природа, столь основательна и глубока, что прошедшие годы никак не смогли её исчерпать. Я всё попрежнему стремлюсь понять окружающее. «Дело не в том, – говорю я себе, – что вокруг мало света, а в том, что глаза мои никуда не годятся». (1)

Некоторые утверждают, что впечатления, кои пробуждают в нас произведения искусства, не могут быть предметом для обсуждения. Очень может быть, но тогда надо получать удовольствие от того, что нам его даёт, и отказаться от суждения по какому бы то ни было поводу. Но критик действует иначе, он различает сильное и слабое, не требует от Рафаэля, чтобы тот пользовался палитрой Рембрандта, а от старых художников, писавших темперой, не ждёт эффектов, которые достижимы лишь масляными красками. (2)

Бедность средств выражения так же мало может служить помехой для гения, как и их обилие оказаться преимуществом для посредственности. (3)

«Законы морали верховодят искусством», – сказал Шуман. Это очень красиво звучит, но это не правда. В морали, намерение может служить оправданием многому; в искусстве же наилучшие намерения годятся лишь на то, чтобы вымостить ими дорогу в преисподнюю. (4)

Музыка – архитектура звуков; это пластическое искусство, которое формирует вместо глины вибрацию воздуха. (5)

Есть хорошая музыка и есть плохая; прочее – вопрос моды или условности, но не более. (6)

В нынешнюю пору от музыканта прежде всего требуется, чтобы он провозгласил свои убеждения, тогда как до недавнего времени от него требовалось всего лишь наличие таланта. (7)

Вагнеромания – извинительная причуда; вагнерофобия – уже болезнь. (8)

У людей выработалось нелепое убеждение, будто там, где есть звуки музыкальных инструментов, необходимо присутствует и музыка. С таким же успехом можно считать, что литература непременно наличествует там, где люди предаются болтовне, а живопись – там, где кто-то перепачкался в краске. (9)

Если у искусства и нет отечества, то у художников оно имеется. (10)

По возвращении из Нью-Йорка, Париж показался мне всего лишь красивой игрушкой. Но как я обрадовался, её увидав! (11)

В чём, спрашивается, лев, пожирающий барашка, или орёл, нападающий на голубку, превосходят жестокостью цаплю, съедающую лягушку, или ласточку, проглатывающую насекомое? Да ни в чём, просто первые представляют собой опасность для человека, а он, этот бич всего животного царства, считает недопустимым, что его жертвы могут в свою очередь напасть и на него. (12)

Люди боятся реальную силу, и тот, кто покоряет химеру, заслуживает лишь презрения. (13)

Ненависть – величайшая честь, которую могут оказать люди: будьте горды тем, что вы её заслужили. (14)

* * *

Есть хорошая и есть плохая музыка; остальное вопрос моды и условностей, не более того. (6)

А. П. С е р е б р я н с к и й

(1809 – 1838 гг.)

Привольно душе носиться по волнам звуков, по гармоническому их разливу в широту и глубину. Я страстно люблю эту музыку, которая то возносит дух на какую-то высоту, светлую, божественную; то, прихотливо волнуя неизъяснимой тревогой, низвергает в неизмеримую глубину – глубину смертную и мрачную; то снова несёт в область света и утешения, дышит на него роскошью жизни и набожным успокоением. (1)

Но вот звук умер. Душа погружается сама в себя, томится неразгаданностью того влияния, той власти в музыке, которой она так охотно, с таким наслаждением покоряется. Отчего в музыке (когда она создание гения), отчего в этой музыке слышится такой усладительный и знакомый душе голос? Откуда в ней эта власть над душою? Откуда эта полнота, как будто в ней целый мир, вся повесть жизни и судеб со всеми превратностями? (2)

Отказываюсь от суждений – и мысли роятся, пробуждаются заветные думы; берусь рассуждать – и мысли бегут, бегут, как звуки, уходят, свободные, от оков моего слова; я не найдусь дать образ этим бесплотным, чудным видениям души. (3)

Нет! Сокрушительные вздохи не облегчают сердца. Мне чудится, мне снится, как эти музыкальные звуки дробятся и бегут в бесконечность... Я слышу, как на эту песню, на этот отзыв струны откликается всё близкое, родное в природе... Признайся же мне, гений-музыкант: ты у природы подслушал гармонические звуки свои? Ты только собрал тоны, рассеянные в беспредельном пространстве, и приблизил к нашему уху? Ты создал из этих тонов общий поэтический язык жизни, воодушевил их жизнью собственного сердца и фантазии? Ведь в смысле твоих звуков заключается вся наша душа, вся постигаемая ею природа? (4)

Сильно, неумолкаемо говорит в нас за себя побуждение высказывать тайны своего сердца. Одинокое, глубокое чувство тягостно, невыносимо. Дайте ему слово, дайте голос, дайте инструмент – это чувство должно вылететь, хоть на ветер, но только вылететь! И у человека есть это слово, этот голос, этот инструмент. Он рад ему – рад способу выразить себя и, даже выражая что-либо постороннее, он не воздержится, что оно сколько-нибудь не было проникнуто его собственным чувством. В этом-то чувстве вся тайна явления наших инструментов, и вся тайна того, почему в звуках мы слышим преимущественно историю человеческого сердца. (5)

Звуки приятной мелодии, звуки торжества, ужаса, уныния и тоски – всё это повторение того, что условливает явление человеческой улыбки, светлого взора, кипения страстей, слезы и тяжких дум. Самое безотчетное наслаждение музыкальностью волнуется только под влиянием этого смысла её. Душа им тронута, хотя и без ведома об этом. (6)

Какими бы глазами мы ни смотрели на ноты и струны, они все будут те же буквы, те же слова, удалённые только от определённой частности их значения в музыкальную поэтическую общность. (7)

Человеческий голос, соглашая текст песни с звоном инструмента, есть самый внятный и пленительный представитель того тесного союза, который находится между жизнью звуков и жизнью нашего сердца, между душою всякого музыкального создания и духом каждого внемлющего ему без равнодушия; а характеристическая мимика под тон музыки явно указывает на этот союз. (8)

Музыка – мятежная душа наша. Но это обилие, эта роскошь, эта полнота, эта бездна тени и света в гармонических звуках – целый мир, целый мир со всеми своими изменениями, превращениями и разнообразием. Почему же так? Не может ли слово микрокосм-человек объяснить это? Не может ли дать мысль и поставить эту тайну не тайной – любовь наша к родной внешней природе, крепко допытливая наблюдательность и внимание к ней? (9)

Да! Струны гения звучат жизнью всемирной: рёв зверя, голос птицы, шелест ветерка, плеск волны, раскат грома, завывание бури, стон жадного пламени, шум дождя – всё отозвалось на струнах под его рукою, всё получило от него вторую, поэтическую, жизнь. Сдаётся, будто и то, что молчаливо живёт, что сказывается сознанию только цветом, запахом, вкусом, и без того и другого существует только как осязаемое, – даже всё это вошло в состав, вошло в смысл той оратории, которую создаёт музыкант. (10)

Нижние октавы, если следить их в некоторых изменениях, дают идею чего-то мрачного, горького, тяжёлого; высокие тоны, напротив, более или менее приятны: они заключают в себе какую-то сладость, что-то лёгкое и светлое. Так всё откликается на свой родимый звук. Все предметы подходят под свою родную идею известных звуков и остаются навсегда ему верными. (11)

Возьмите на вашем инструменте любимые ваши аккорды! Они приведут на память всё вам любезное; эти звуки заговорят языком дружбы о местах, священных для вас в воспоминании, о всём, что когда-либо произвело на вас приятное впечатление. (12)

Гуляйте тем полем, которого местность – живая картина, где шумит рожь поспевающим колосом, заходящее солнце обливает светом отдалённый лес, приятная тень далеко сошла по скату холма на зелёный берег реки, тихой и светлой, как небо, – вам придут на память песни счастья, вас посетит охота их слушать, их петь, если на душе у вас так же безмятежно. Мы не можем, хотя бы захотели, ни разрознить между собою этих соприкасающихся понятий, ни изгнать их из смысла известных звуков, ни даже разорвать тайную связь между самими предметами, им соответствующими. (13)

Каркающий ворон ни на что не поменяет мрачных ветвей высокого дуба; его густолиственная сень, закрытая от света и веянья тихого ветра родственными объятиями, лобзается с бурей и утешается чёрным крылом искони знакомого ему прорицателя непогод. Вот предметы, связанные как бы брачным союзом; и только им подобные могут дать идею для песни дикой и мрачной, и, наоборот, только они подойдут под идею такой песни. (14)

Сгоните лебедя с чистых вод его – он опять к ним прилетит: там родина его белой одежды, там любо и привольно ему купаться и оглашать места спокойствия лёгкой и сладостной песнью; там не запятнается его пух прозрачною волною; в торжественные минуты тихого дня и ночи там отражается для него светлая лазурь неба и горит золото лучей звёздных. Вот предметы, которые также как бы ищут друг друга, манят к себе друг друга приветом родства, и только они, как почему-то близкие предметы, могут пробудить на струнах песнь отрадную и отзовутся на звуки её. (15)

Так можно включить в смысл каждой музыкальной песни всё её родное, всё не чуждое ей в нашем сердце, в предметах и событиях всего мира. Так подобраны аккорды на великом инструменте, называемом природою; тайну их создания гений-человек, сам того не зная, перенёс на свои струны. (16)

Напрасно же, ударяя в струны, я бы сказал: звуки здесь, под моею рукою; тронув их, я тронул бесчисленное множество струн мира, через нашу мысль звук бежит в бесконечный ряд своего сродства между предметами, деяниями, мыслями. Сила звука – лёгкие крылья, чтобы носиться духом в беспредельности жизни... (17)

Душе, приласканной звуками, снятся все сладчайшие сны действительного и возможного, снится вся драма жизни в её идеале. Безмолвные краски, создания резца, океан вод, океан человечества, всё – от текущих по своим путям светил неба до полевой травы, – всё это музыка, всё её осуществленное слово; душа поняла его и создала себе на память её обличья бесплотный гармоничный звук. Но одна и та же жизнь мира вечно переменчива и глубок смысл её; нескончаем труд гениев уловлять этот смысл... (18)

Не теряет ли своей высокой цены искусство гения музыки чрез подражание природе, чрез такое, хотя бы и неумышленное, заимствование? Нет! Вникнем в тайну нашего сродства с природою – и его поэзия, его творческое искусство представится во всем величии своего характера. (19)

Искони есть в нас вера в это сродство. Мы безотчётно любим природу, ей доверяемся, дорожим ею, хотим её понимать и разглядеть, как сердце друга. Мы невольно вслушиваемся в шум ветра, задумываемся при плеске волн; нам кажется, что это вопль и плач, что и у природы есть также пора грусти и пора радости. Это всегда указывало на наше сродство с нею, и мы уже не слепо верим наконец в это сродство; понятно, по крайней мере, то, что жизнь повторяет своё единство во множестве людей и опять в единстве человечества; что в человеке те же стихии, те же силы духовные и недуховные, какие видим в целой природе, включая и свою личность в общую сферу бытия. Сила этого-то сродства связала нас, слила с природою. Мы находим и себя в природе, и природу в себе. Личность человечества существеннейшая, всё связующая собою, конечная часть общей жизни мира. (20)

Успехи развития человеческой жизни поэтому суть успехи одной и той же природы; это общий ход её. Разумая одну и ту же жизнь так бесконечно распростертою и сосредоточенною в существе, способнейшем углубляться в её бесконечность, что бы оставалось для человечества на высокой его степени, в пользу собственного самонаслаждения, если не стараться раскрыть, видеть это бытие в полном величии, следить тайны эстетических его достоинств, раскинутых во всех сферах? (21)

Мы только малая часть, сжатое отражение того целого, в котором совершается жизнь во всём бесконечном размере. Отклоняясь из эгоизма от созерцаний этой бесконечной жизни, мы уклонились бы только от полноты, от возможной для человека обширности и глубины существования, наслаждения. (22)

Говоря о музыке, признаемся, мы бедно бы выразили находку струн, находку инструментов, если бы не воспользовались ими, как средством приблизить к себе божественную идею гармонии, осуществлённой на пространстве. (23)

Кто думает иметь притязание на имя великого гения музыки, на того его талант возлагает даже обязанность – это бессознательно действующее внутреннее требование души – пробудить в своих струнах благовест высочайшей гармонии бытия; его святой долг – вслушиваться в тайну свершающегося пред ним и в нем изучать язык природы, воспринимать впечатления в глубину души, дабы дать своим созданиям жизнь многообразную, многообъемлющую, всемирную. (24)

Да всякий, имея внутренний слух, слышит через него гармонию дел Создателя. В торжественнейшие минуты вдохновения – вдохновения, осенившего некогда главу Пифагора, можно непосредственно ощущать в душе пребывание этой гармонии во всей природе, как бы видеть её бесконечность, слышать её вечность. (25)

Уничтожайте пространство, отделяющее вас от великих явлений, передайте все способности ваших чувств одной душе – всё великое настоящее и минувшее заговорит вам языком этой гармонии. Прах некогда великих пробудит силы вашего духа; летописи мира взволнуют чувство высокого; с ненасытимой жаждой ведения вы остановите взор у

памятников великих событий; оружие завоевателей отгрянет, отзовётся торжественной песнью гениальных предприятий; уединённая дума философа повеет трогательным соло – соло души, мыслящей о бессмертии и смерти. (26)

Вы постигнете музыкальное в делах человека. Несите мыслью, несите духом к поэзии земли! Там снежная, мёртвая пустыня полюсов... Безотрадн там жизнь... Но эти пустыни имеют свои музыкальные вьюги, гуляющие с серебристой пылью по звонким, чистым, необозримым льдам... Там массивная лава металлов борется с могучим пламенем внутри земли... Она может пугать, но и самый испуг этот велик для души... Лава ревёт, клокочет с шумом неподражаемо глубокой октавы и с изумительным грохотом и великолепием извергается из бездн своего тайного жилища... (27)

Вот глубь океана. Чувствуете ли, что океан можно только любить? Что душе хотелось бы его измерить, постигнуть и заглянуть в пропасть морей; душе весело, упоительно, что эта глубь вод лежит в мёртвой тишине, что в ней родина целой половины существ, одушевлённых, быстрых, могучих; им лёгок путь сквозь плотно слиянную массу волн; эти волны текут, то уходя в безвестное дно, то с плеском, слышимым нами, лобзая гранит берегов, и снова уносясь в неизмеримый свой путь, шумно и торжественно... (28)

Вот могущественный, вечно свободный ветер; наблюдайте этот ветер, возметающий прах земли! Он изумляет своими музыкальными вихрями, бурю и быстротою самую скорую мысль, волнует вершины лесов, поднимает горы средь океана, несёт на своем хребте дикие облака, улетает из-под громов с воем и свистом и – исчезает... Носись с ним, поэт, гений музыки! Обтекай с ним мир слухом души твоей!.. (29)

Но своенравная игра морей смывает кровли селений с лица земли, взрыв вулкана засыпает прахом многолюдные города, жаркий ветер дышит на царства гибелью, кровью утучняются наши пажити, вопль человека умирает, никем не услышанный – мрачен мир, подумаешь; в нём только звучная брань стихий (шум диссонансов)... Неправда. То звуки, ещё не понятые нами. Быть может, то последний раз ладный звон струн, застаревших во времени, или нарочно оборванных, как негодных, по своему своевольному раззвучию с гармонией... Чудо пробудит новые струны!.. (30)

Чудесный мир! Услышу ль я твою гармонию, когда приложусь мёртвым слухом к земле, когда закроюсь безмолвною одеждой могилы? Не умру! – жив буду! Это слово неба на земле. (31)

Мысль увлеклась в бесконечность думой созерцаний. Так всегда располагают душою музыкальные звуки; я теперь же под их влиянием. Да! Музыка – общий идеальный язык природы. Её аккорды перенесены в аккорды мира. Её подслушал у природы гений-человек. Он собрал тоны, рассеянные в беспредельном пространстве, и приблизил к своему уху, одушевил их жизнью своего сердца и фантазии. (32)

А. Н. Серов

(1820 – 1871 гг.)

Музыка – это язык души; это область чувств и настроений; это – в звуках выраженная жизнь души. (1)

Музыкальные наслаждения делятся на низшие и высшие, на непросвещённые и просвещённые. (2)

Музыка есть язык. Каждый язык имеет свою грамоту, письменность и свою грамматику (систему законов, или правил этого языка и его грамоты). Познание этого языка составляет то, что называется «музыкальной наукою» в тесном смысле. (3)

В более обширном смысле музыкальная наука должна заключать в себе и историю развития этого языка и его литературы, и философию этого языка, т.е. часть эстетики, науки об изящном. (4)

По моему мнению, музыка так же, как и всякий другой человеческий язык, должна быть неразлучна с народом, с почвою этого народа, с его историческим развитием. (5)

Истинно народные песни своею характерностью, богатством и свободой своих типических мотивов составляли всегда и составляют драгоценнейший родник для композиторов-художников. (6)

Отношение между текстом и музыкой оперы, серьёзно задуманной как музыкальная драма, составляет существенный, кровный вопрос современного искусства. Дело выходит вернее, когда канва и музыка оперы слагаются в одной и той же голове. (7)

Над истинно прекрасным в искусстве время бессильно. (8)

А. Н. С к р я б и н

(1871 – 1915 гг.)

Иду сказать людям, что они сильны и могучи. (1)

Я так счастлив, что если б я мог одну крупицу моего счастья сообщить целому миру, то жизнь показалась бы людям прекрасной. (2)

В жизни каждого человека весна бывает лишь раз. А как люди спешат отделаться от этого обмана, от этих дивных грёз! (4)

Зависть – признание себя побеждённым. (5)

Учёный во всём должен быть абсолютно честен. Малейшее отклонение от этого качества является, на мой взгляд, тягчайшим преступлением. (6)

Чтобы стать оптимистом в настоящем значении этого слова, нужно испытать отчаянье и победить его. (7)

Оптимист вовсе не тот, кто никогда не страдал, а тот, кто пережил отчаяние и победил его. (8)

Прометей есть символ, в разных формах встречающийся во всех древних учениях. Это – активная энергия вселенной, творческий принцип; это – огонь, свет, жизнь, борьба, мысль, прогресс, цивилизация, свобода. (9)

О жизнь, о творческий порыв, всесоздающее хотенье: ты всё. Ты океан страстей, то бушующий, то спокойный. Я люблю твои стены, люблю твою радость (не люблю только отчаяние). (10)

Объяснить творчество словами до конца нельзя. Всё есть моё творчество. Но и само оно существует только в своих творениях, оно совершенно тождественно с ними. Я ничто. Я только то, что я создаю. (11)

Не люблю я камерных ансамблей. Ансамбль сковывает игру исполнителя, затушёвывает его индивидуальность. (12)

Произведение всегда многообразно, оно само живёт и дышит, оно сегодня одно, а завтра другое, как море. Какой был бы ужас, если бы, например, море каждый день было бы одно и то же, и так навсегда, как в стереоскопе. (13)

В. И. Сокальский

(1863 – 1919 гг.)

Громкое имя авансом предрасполагает публику к восторгам. Но не всегда громкое имя вполне себя оправдывает. (1)

Настоящих артистов не так много, как кажется. Природа не слишком щедра, с одной стороны, с другой – и люди не так внимательны к её дарам. Много ли вообще оперных артистов, наделённых не только хорошим голосом, музыкальным и сценическим талантом, но также настойчивостью и трудолюбием, необходимыми для тщательной обработки этих ценных даров природы? (2)

Ни малейшего намёка на дешёвый крик – это настоящее, благородное пение, то самое *bel canto*, в тайну которого проникли, кажется одни только итальянцы, да и то не все, а лишь немногие из них. (3)

Р. С т а р р

(1940 г.р.)

Всё, к чему прикасается правительство, превращается в дерьмо. (1)

Я ничего не собираюсь говорить, потому что никто не верит мне, когда я говорю. (2)

Я бы предпочёл, чтоб наши поклонники занимались размышлением, а не принимали наркотики. (3)

Мы привыкли расти вместе. Если кто-то вырастал выше других, остальные подтягивались. (4)

Конечно, я честолобив. Что в том дурного? Иначе весь день проведёшь в спячке. (5)

Чем старше становишься, тем больше появляется умения управляться с жизнью. Долгая практика такого рода – это и есть обретение себя. (6)

Итак, я становлюсь всё счастливее, и это очень здорово. (7)

В. В. С т а с о в

(1824 – 1906 гг.)

История всего полезнее для того, чтобы разоблачать неверность и ложность убеждений, давно укоренившихся и получивших окончательную силу истины в глазах большинства. (1)

Дело учёного – близко идти с своим народом, поднимать его незаметно вьющуюся спиралью на трудные крутизны истины. (2)

Покуда есть на свете человечество, до тех пор будет и искусство. (3)

Все люди – люди и будут лучше. Это их назначение – быть лучше. (4)

Самое трудное и самое прекрасное в искусстве – современность. (5)

Воспроизведение жизни есть главная задача искусства; но часто его произведения имеют и другую задачу: объяснять жизнь или быть приговором о явлениях жизни. (6)

Чем дальше и дольше будет идти искусство, тем полнее и самостоятельнее будет выходить из-под кисти художников портрет человека. (7)

На что существуют портреты? На то, чтоб давать представление о том или другом человеке. Но какое же это будет представление, когда в портрете всё от первой до последней ниточки ложь и выдумка? На что такой портрет! Пусть его лучше вовсе не будет. (8)

Какой главный признак настоящего таланта? Это постоянное развитие, постоянное самосовершенствование. (9)

Только там и есть настоящее искусство, где народ чувствует себя дома и действующим лицом. (10)

Музыка так же, как и всякий другой человеческий язык, должна быть неразлучна с народом, с почвою этого народа, с его историческим развитием. (11)

Русский народ – один из самых музыкальных во всём мире. Он славился этим с глубокой древности. Сквозь все столетия русский народ, в этом отношении непоколебимый и непотрясаемый, пронёс свою народную песнь. (12)

Нигде народная песня не играла и не играет такой роли, как в нашем народе, нигде она не сохранилась в таком богатстве, силе и разнообразии, как у нас. (13)

Мелодия – душа всего. Без мысли нет поэта, без мелодии – музыки. (14)

Если когда-нибудь проявится в музыке элемент всего великого и высокого, то в этом проявлении необходимо будет участвовать орган. Этот инструмент есть по преимуществу выразитель глубочайших и могущественнейших устремлений человеческого духа; ему в особенности свойственно воплощение в музыкальных образах и формах стремлений нашего духа к колоссальному и беспредельно величественному; у него одного существуют те потрясающие звуки, те громы, тот величественный, говорящий будто из вечности голос, которого выражение невозможно никакому другому инструменту, никакому оркестру. (15)

Есть многие чудные вещи, русские талантливые музыкальные создания, тщательно от нас скрываемые. А мы, вследствие навязанных нам привычек, часто нерешительно смотрим на

выплывающие перед нашими глазами русские шедевры. Видно, мы не знаем, куда деваться от обилия громадных талантов! (16)

Быть полезным другим, если сам не рождён творцом. (17)

Что такое деньги? Деньги будут! Это всегда так, сначала не бывает денег, а потом явятся. Деньги – дрянь! (18)

И. Ф. Стравинский

(1882 – 1971 гг.)

Необходимость ограничения берёт своё начало в глубинах самой нашей природы. Это – потребность порядка. Только напрасно было бы видеть в этом помеху свободе. Индивидуальность приобретает большую рельефность, когда ей приходится творить в условно и резко очерченных границах. (1)

Для понимания музыки гораздо полезнее играть самому, чем слушать. (2)

Единственно возможный комментарий к музыкальному произведению, – это другое музыкальное произведение. (3)

Современные трубадуры пользуются не мандолинами, а автомобильными гудками. (4)

И. В. Т а л ь к о в

(1956 – 1991 гг.)

Время лечит и вразумляет, мы теряем, опять находим и снова теряем, поддаёмся власти воображения и вновь разочаровываемся. (1)

Несвоевременность – это вечная драма, где есть Он и Она, это удел землян. Любовь легко придумать, но найти очень трудно. (2)

Ценою мук непроходящих, глухой тоски, ночей без сна – любви мгновенья настоящей даются нам. (3)

Для того, чтобы дать возможность произрасти и расцвести настоящему высокому чувству, нужно подготовить благодатную почву. На помойке цветы не растут. (4)

За череду сплошных ненастий и за печаль, что так длинна, крупица истинного счастья наградой нам дана. (5)

Нет ничего горше и больнее разочарования, и раны, которые оно оставляет в душе, сочатся пожизненно. (6)

Того, кто сил нашёл держаться и возрождаться вновь и вновь, найдёт и истинное счастье, и настоящая любовь. (7)

Обрывать безликое – дело обречённое, всё равно, что ласково гладить пустоту, окрылять воображение неодоумотворённое и пускаться в плаванье на каменном плоту. (8)

Политики, которые ставят высшей целью своей деятельности не достижение любви и гармонии, а факт победы, – это лжеполитики, азартные, бездуховные игроки. (9)

Этот мир несовершенный состоит из всех из нас, он – прямое отражение наших чувств и наших глаз. Этот мир не станет лучше, и не станет он добрей, если сами мы добрее не станем. (10)

Богатство духовное, как правило, – привилегия людей, лишённых материального благополучия. Отдавая все силы творчеству, они далеки от мысли об устройстве своего быта. Истинные лекари человеческих душ не думают о своих болезнях. Их путь тернист, опасен и зачастую – неблагодарен. Их Бог – истина. (11)

Есть чёткая грань между умением развлекать и искусством, побуждающим человека думать и чувствовать гармонию мироздания. (12)

Только профессионал и порядочный человек способен создать нужное людям, достойное внимания творение. (13)

Искусство в чистом виде независимо, но процесс его выражения – проникновение в душу и разум людей – сопряжён с рядом обстоятельств, которыми так или иначе манипулируют продавцы искусства. (14)

Когда требование «хлеба и зрелищ» из частного приобретает глобальный характер, это говорит лишь о духовном обнищании нации, об отсутствии неповторимых талантов, истинно великих художников. Но это лишь видимость. Они есть, и они вечны так же, как стремление человека к истине, заложенное в нём Богом. И процесс этот необратим. Просто дельцам шоу-

бизнеса выгодно подтасовывать общественное мнение и манипулировать им так, чтобы их карманы были набиты деньгами и чтобы они процветали в благополучии, а там – хоть потоп. (15)

Можно назвать дерьмо золотом и убедить значительное число людей, что так оно и есть, но от этого дерьмо золотом не станет. Такой обман недолговечен, это лишь временный успех, и яркий тому пример – наша современная эстрада. (16)

Всему свой срок, всему свой миг, и каждому – своё. Кто хоть чуть-чуть себя постиг – тот многое поймёт. (17)

Природа мудра, и Всевышнего глаз видит каждый наш шаг на тернистой дороге. Наступает момент, когда каждый из нас у последней черты вспоминает о Боге. (18)

Кому нужно убеждать человечество в том, что оно обречено? Богу?! Тогда зачем Бог создавал человека, зная, что человечество обречено? Разберём простой пример: предположим, вы обречены, и вам об этом сказали. Получается, что нечего терять. Живи как хочешь, делай что хочешь, всё одно – погибать. Смертникам – всё равно. Их устои морали и нравственности в лучшем случае размываются, в худшем – умирают вместе с потерей надежды жить. Человек превращается в животное с хорошо развитыми инстинктами. (19)

Но только, обманув себя, мы обмануть не сможем Бога. (20)

Искусство – возрождение вечных понятий любви, красоты, гармонии, движение вперёд к Правде, к Свету, к Истине, к Богу. И как результат – духовное оздоровление человечества. (21)

Пусть говорят тебе «доброжелатели», что все твои стремления – не желательны. Ты их не слушай, успокойся и дерзай и всех «доброжелателей» подальше посылай! (22)

Шедевры рождаются в тишине, наедине с Богом. Затем они «выносятся на суд зрительских симпатий», как принято сейчас говорить. На самом же деле – это не суд, а монолог души поэта, обращённый к зрительской аудитории ради того, чтобы донести до ума и сердца слушателей высокие понятия правды, любви, вечности. И чем совершеннее произведение искусства, тем уже круг, воспринимающий его умом и сердцем. Так вот, сверхзадачей людей, наделённых даром Божьим, всегда было и является расширение этого круга до максимальных пределов, обращение людей в праведную веру в Светлое и Чистое. (23)

Поэты не рождаются случайно, они летят на землю с высоты, их жизнь окружена глубокой тайной, хотя они открыты и просты. Глаза таких божественных посланцев всегда печальны и верны мечте, и в хаосе проблем их души вечно светят мирам, что заблудились в темноте. Они уходят выполнив задание, их отзывают Высшие Миры, неведомые нашему сознанию, по правилам космической игры. (24)

Смерть плоти неизбежна, но наша оболочка – это ещё не мы. Она изнашивается, как платье, но... остаётся душа. Она бессмертна. Ведь что есть душа? Это сгусток энергии с неиссякаемым источником. Я не боюсь смерти. Её нет. Есть полёт в «скафандре» в другие измерения. Можно убить тело, но нельзя убить душу. (25)

С. И. Т а н е е в

(1856 – 1915 гг.)

Для того, чтобы что-нибудь основательно узнать, будь это гармония, контрапункт или инструментовка, для всего нужна кропотливая и сухая работа, которая должна предшествовать художественному творчеству. (1)

Без вдохновения нет творчества. Но не надо забывать, что в моменты творчества человеческий мозг не создаёт нечто *совершенно* новое, а только комбинирует то, что в нём уже есть, что он приобрёл путём привычки. Отсюда необходимость образования как пособия творчеству. (2)

Учёность хороша только тогда, когда она приводит к естественности и простоте. (3)

Не надо забывать, что прочно только то, что корнями своими гнездится в народе. (4)

Я лично питаю очень большое доверие к музыкальным способностям русского народа. Надо заботиться, чтобы дремлющие творческие силы нашего народа пробились наружу и проявили себя в созданиях, стоящих на уровне тех бессмертных народных мелодий, которые составляют недостижимые образцы для нас, учёных музыкантов. (5)

Слава даёт людям чувствовать, что в них, в самих них, присутствует сила, а нет ничего приятнее как чувствовать в себе силу. (6)

В. Торторелли

(перв. пол. XX в.)

Если бы не искусство и, прежде всего, пение и музыка, – жизнь наша была бы пасмурна, как дождливый день. Поэтому артисты, особенно наделённые высшим даром – талантом, заслуживают большого признания и самой светлой памяти. (1)

Подлинное искусство не стареет и оживает вновь и вновь в памяти людей и поколений. (2)

Искусство – это выражение чувств, а интерпретация, какой бы она ни была, – передача чувств. Стало быть, истинное воплощение художественных явлений есть порождение ума и сердца артиста, одарённого способностью глубоко чувствовать, и определяется, следовательно, свойствами его натуры, чуткостью, лирической настроенностью, верным ощущением музыкальной драматургии. (3)

Великолепный артист входит в искусство как яркая и сильная индивидуальность, никому не подражающая. (4)

Каждому художнику свойственно своё собственное «я» в искусстве. Ни один художник не обладает индивидуальностью другого: каждый выражает только самого себя и с помощью приобретённого опыта отдаёт [слушателям и зрителям] лучшее – свой ум, чувства, темперамент, весь пыл сердца. (5)

Голос певца – его характеристика. Существует много голосов, похожих друг на друга, но среди всех людей едва ли найдётся хоть один, чей голос подобен другому. (6)

Человеческий голос, король музыкальных инструментов, и по сей день – самый интересный, самый привлекательный среди всех них. Ему уступает любой, даже самый совершенный музыкальный инструмент. (7)

Могучий и проникновенный, не поддающийся никакому анализу голос великого певца – свидетельство столь совершенной красоты человеческой природы. (8)

Господство духа над голосом – одно из главных достоинств артиста. (9)

Об истинном величии артиста говорит не какое-нибудь одно качество, а вся совокупность проявлений его таланта и прежде всего – сердце, душа исполнителя. (10)

Даже после окончания самого удачного спектакля, великому певцу кажется, что всё-таки не удалось отдать всего, чем было переполнено его сердце артиста. Его душа продолжает трепетать от лирической взволнованности, навеянной звуками музыки. (11)

Секрет необыкновенного успеха великих певцов заключается ещё и в обладании чувством меры, красоты и искренности. (12)

Исполнение оперной партии требует большой технической подготовки. Но для того, чтобы стать великим артистом, одной техники мало. Когда же чувства сливаются воедино с техникой и достигают совершенства в своём воплощении – рождается гений. (13)

Чувствительная натура подчас предаёт артиста, беря верх над выдержкой. (14)

Избалованной публике трудно угодить, она не поднимает восторженного шума, как это делает простой, безымянный народ. (15)

Нужно много, много слушать, для того чтобы научиться понимать музыку. (16)

Настоящее понимание музыки приходит вслед за глубоким, серьёзным восприятием её и чувством, и сознанием. (17)

Музыка и пение могут быть поняты только в результате эмоционального восприятия. Примером может служить восторг народа во время спектаклей, который тем непосредственнее и горячее, чем проникновеннее и совершеннее исполнение. (18)

Техника, соединённая с умом, – ценное качество, но разве не эмоции создают настоящего артиста? (19)

Умение артиста донести до зрителя своё сердце, свою душу – это очень много, почти всё. (20)

Доброе сердце, широта и благородство натуры – не менее ценные качества художника, чем его искусство. (21)

Подчас немногие слова говорят о многом. (22)

Когда один человек высказывается, испытывая влияние другого, чьё мнение более авторитетно, чем его собственное, он, сам того не замечая, пересказывает это мнение слово в слово. (23)

Бесполезные и вредные сравнения рожают у начинающего артиста иллюзии, приводящие к зазнайству. А зазнайство – гибель искусства. (24)

Ещё и ещё раз хочется напомнить всем любителям безответственной рекламы, чтобы, провозглашая имя нового подражателя великого певца, они каждый раз вспоминали бы о нём и воздерживались от нелепых сравнений. (25)

В наши дни было бы иллюзией искать великих певцов. Мы переживаем всё растущий упадок оперного искусства. Артисты разучились даже подражать. Исканий в этой области мало, стремление к настоящему мастерству ослабло. Может быть, и сегодня могли бы быть серьёзные артисты. Но быстрый успех и большие заработки превалируют над искусством. Слава и богатство сильнее скромности и стремления учиться. (26)

Только возродите нам голоса великих певцов прошлого в той степени, в какой это в состоянии сделать современная техника звукозаписи, и мы навсегда заставим умолкнуть всех певцов современности! (27)

И. Н. Ф о р к е л ь

(1749 – 1818 гг.)

Всякий истинный гений в искусстве ориентируется на себя. Он творит так, как диктует ему его собственная воля, как подсказывает ему его собственный вкус. Он останавливает свой выбор на том, что представляется целесообразным ему самому, и – в конечном счёте – более всего бывает удовлетворён, когда созданное им находит полнейшее одобрение не у тех-то и тех-то, а у него самого, после чего он уже не может быть обделён одобрением и со стороны знатоков. И подлинное произведение искусства не может быть создано иным путём. (1)

Тот, кто в своём творчестве идёт на поводу у тех или иных кругов любителей искусства, просто не обладает истинной одарённостью – или же не находит своему дарованию должного применения. (2)

Для того, чтобы приноравливаться к музыкальным вкусам толпы, достаточно иметь – в лучшем случае – известную сноровку в весьма однобоком использовании звукового материала. Композитор такого пошиба сродни ремесленнику, который просто вынужден угождать своим клиентам. (3)

Настоящий художник никогда не идёт на такие компромиссы. Он считает, что не публика должна формировать художника, а художник публику. Такова позиция истого ревнителя искусства. (4)

Позиция истого ревнителя искусства направляет художника, музыканта к великому и возвышенному – конечной цели подлинного художественного творчества. (5)

Именно ей, этой позиции истого ревнителя искусства, мы обязаны тем, что музыкальные шедевры не просто нравятся нам, не просто доставляют нам наслаждение (как доставляет наслаждение всё то, что всего лишь красиво и привлекательно), а непреодолимо захватывают нас. (6)

Музыкальный шедевр не просто поражает нас в какой-то миг: воздействие его становится тем сильнее, чем чаще мы его слышим, чем ближе мы с ним знакомимся. Благодаря огромному богатству идей, сосредоточенных в подобных произведениях, мы и после тысячекратного прослушивания обнаруживаем в них нечто новое, вызывающее в нас восхищение, а то и изумление. (7)

И даже неискушённый слушатель, знакомый разве что с азами музыкального искусства, едва ли сможет противостоять их покоряющему воздействию, если только услышит их в хорошем исполнении и без всякой предвзятости откроет им свой слух – и своё сердце. (8)

Всякий, кто имеет верное представление о гармонии как средстве расширения и обогащения музыкальной выразительности, согласится, что гармония немыслима без мелодии. (9)

Красивая мелодия вполне может существовать и без гармонии, тогда как красивая, истинная гармония без мелодии просто невообразима. (10)

Многие думают, что наилучшая мелодия – это та, которую любой и каждый схватывает моментально, – та, которую всякий сразу же может напеть. Но это, конечно же, неверная точка зрения. Ибо в таком случае прекраснейшими, наилучшими мелодиями нам пришлось бы счесть народные песни, которые повсеместно распевают решительно все, вплоть до горничных и холопов. Я бы переиначил это широко распространённое утверждение: мелодия,

которую может спеть каждый, – это самая что ни на есть низкопробная мелодия. Вот такой постулат, пожалуй, гораздо более приемлем. (11)

С. Ф у ч и т о

(1875 – 1929 гг.)

Большой художник не ограничивает себя догматическими предписаниями, в особенности если они исходят от теоретиков, которые, к сожалению, часто весьма немного понимают в искусстве пения. (1)

Если правильно утверждение, что стиль – это человек, то мы можем утверждать с тем же правом, что окраска звука или тембр – это сам певец. Соответствие качества звучания личности, стилю самого художника особенно часто встречается у художников пения, так как ни в чём певцы так не отличаются друг от друга, как в характере голосов. (2)

Певец знает, что существует только одна цель: формирование хороших звуков. К этой цели устремляется весь его музыкальный интеллект и все его силы. (3)

Великий певец никогда не может сказать о себе: «Я доволен». Настоящий художник не может достичь в своих глазах абсолютного совершенства. (4)

Удовлетворяться тем, что слушатели считают совершенством, равносильно концу развития художника. (5)

Певец не может предъявлять к своему инструменту никаких требований, пока последний не развит в совершенстве. Плохому певцу не принесёт пользы самая хорошая интерпретация, так как его голосовой аппарат не в состоянии дать художественного оформления его идеям. (6)

В искусстве не может быть быстрого успеха; лёгкость или трудность, с которой певец постепенно овладевает своим инструментом, зависит от данных, которыми его наделила природа. (7)

Часто певцы считают возможным в короткий срок прийти к большим успехам в своём трудном искусстве, тогда как скрипачи и пианисты заранее знают, что им придётся годами работать для того, чтобы научиться хоть и не в полной мере владеть механическими трудностями своего инструмента. (8)

Механизм голосового органа невидим, и только поэтому некоторые певцы думают, что можно научиться правильно пользоваться им без серьёзной работы на голосом. (9)

Необходимость такой работы всегда должно подчёркивать. Неправильно направляемая работа не только бесплодна, но вредно действует на голос. (10)

Д ж. Х а р р и с о н

(1943 – 2001 гг.)

Восход солнца – это мгновения, он не продолжается всё утро. (1)

Начинай день с того, что встаёшь вместе с солнцем и садишься медитировать. (2)

Самое важное – быть здесь и сейчас. Ни прошлого, ни будущего нет. Время – очень обманчивая вещь. Всё есть всегда, есть *сейчас*. Прошлое может служить нам уроком, но мы не можем пережить его заново, и мы можем надеяться на будущее, но нам неизвестно, есть ли оно у нас. (3)

Зачем жить в прошлом? Будь здесь и сейчас! (4)

Стоит только начать, и всё оказывается гораздо проще, чем казалось. (5)

Я всегда был близок к людям и к местам, где я рос. Наверное, поэтому я написал столько песен о том, что может испытать каждый, о том, что доступно каждому. (6)

Я до сих пор думаю, что смогу написать что-то хорошее. (7)

Заработав достаточно денег, понимаешь, что деньги – это не главное. (8)

Когда пытаешься что-то обрести, очень трудно добраться до источника. (9)

Жизнь начинает напоминать школу, когда ты должен вставать и идти туда, куда ты не хочешь. (10)

Не изучайте друга в микроскоп. Не надо цепляться за недостатки, и надо больше прощать. (11)

Люблю втягивать людей в то, что мне нравится. Так я проверяю, кто взрослый, а кто всё ещё ребёнок. (12)

Каждая ошибка обязательно нас чему-то да учит. (14)

Знай же: что вы едите, то вы и есть. (15)

Если вы знамениты, мир может использовать вас как повод, чтобы сойти с ума. (16)

Счастье – это когда открываешь газету и не видишь там себя. (17)

Я хотел быть успешным, а не знаменитым. (18)

Меня до сих пор удивляет, как, имея одни и те же гитары, люди умудряются изобретать всё новые и новые мелодии. (19)

Мне кажется, великие люди могут проецировать своё величие. Им не надо кричать об этом. Когда играет или поёт гений, музыка льётся из его души через инструмент или голос, а сам он похож на ангела. (20)

Весь ваш рэп – это информационный мусор. После трёх куплетов у меня непреодолимое желание встать и убить кого-то! (21)

Надо заглядывать в самого себя, иначе может «поехать крыша». (22)

Лучше быть откровенным атеистом, чем лицемером. (23)

«Скрытые» законы скрыты только в силу нашего невежества. Само слово «мистицизм» родилось от невежества. Нет никакой мистики, просто нам нехватает знаний. (24)

Люди боятся неизвестного. Это будто какой-то инстинкт. (25)

Мы бьёмся о стены невежества, которые окружают всё вокруг нас, и слушаем бредни о мистицизме и чёрной магии. (26)

Фанатичные религиозные лидеры присваивают Бога себе. (27)

Изменяться – это и есть жизнь. Пока ты не познал Бога, перемены в тебе неизбежны, иначе жизнь проходит для тебя впустую. (28)

Люди так ограничены, и всё так бессмысленно, если загонять себя в рамки. Очень важно меняться и всё вокруг менять к лучшему. Весь физический мир – это сплошные изменения. (29)

Если ты сумел разозлить евреев, протестантов и католиков, значит, ты что-то делаешь правильно. (30)

Начав петь мантру, трудно остановиться. (31)

Мантра – это мистическая вибрация звука, обличённая в слово. В ней заключена сила. Она завораживает. В конце концов, это красиво. (32)

Нет такого явления, которое не было бы частью чего-то большего. Когда маленькое «я» сливается с необъятным «Я», тогда ты начинаешь понастоящему искренне улыбаться. (33)

Мы должны освободить себя от реалий материального мира, так как оне иллюзорны. Когда мы достигнем единения с Космосом, не останется больше противостояния хорошего и плохого, тела и духа, духовного и материального. (34)

Пока у вас есть ненависть, будут и люди, достойные её. (35)

Если б только люди знали, что своей любовью мы в состоянии спасти мир! (36)

В конце концов у каждого из нас наступает день, когда ты оказываешься вынужден уйти. (37)

И жизнь продолжается внутри тебя и без тебя. (38)

Д ж. Х е н д р и к с

(1942 – 1970 гг.)

Знание говорит, но мудрость слушает. (1)

Музыка – самый безопасный способ достичь величайшего. (2)

Музыка не лжёт, музыка не может лгать. Если чему-либо и суждено измениться в мире сем, то такое изменение сможет произойти только через музыку и благодаря ей. (3)

Я стараюсь использовать свою музыку, чтобы подвигнуть этих людей на совершение дел и поступков. (4)

Играть блюз легко, вот *чувствовать* его трудно. (5)

Вы должны подарить людям мечты. (6)

Чтобы изменить мир, вам прежде всего понадобится голова на плечах. (7)

Я должен умереть, когда придёт моё время, поэтому не мешайте мне жить своей жизнью так, как я хочу. (8)

Когда власть любви переборет любовь к власти, тогда только наконец и наступит мир на земле. (9)

* * *

Чтобы изменить мир, прежде всего нужно иметь голову на плечах, а не седалище. (7)

К. Хенсли

(1945 г.р.)

Каждый из нас хотел бы видеть других такими, какими мы хотим их видеть. (1)

Я, прежде, всего, христианин, и только потом человек с очень-очень серьёзным личным мнением, а стало быть, я мотивирован очень многими и многими вещами и уж, конечно, не имею нужды или желания соответствовать соображениям людей о том, кто я есть или каким мне следует быть. (2)

Я знаю, зачем я здесь, и моя главная цель, на которой сосредоточено всё моё внимание, с максимальной отдачей прожить каждый свой день, не забывая о Боге и будучи ободрением для других. То, что принесёт будущее, в руках Божьих, и это меня радует! (3)

Всегда поощрительно и приятно, когда люди хорошо отзываются о твоей работе, но я-то знаю, что не мной она сделана и не мной делается сейчас. Это Бог, живущий во мне, всё делает, и я за это всегда буду Ему благодарен. (4)

Я всегда сначала пишу слова, а ритм и мелодия приходят уже из слов. Всё дело в словах: слова имеют ритм, и у слов есть мелодия. (5)

При создании песен, мелодий и стихов главное избежать огромного соблазна сделать их слишком сложными, ведь на самом деле все лучшие и бессмертные мелодии невероятно просты. (6)

Я никогда не учился читать или писать музыку, так что я не музыкант-виртуоз как многие другие. Я совершенно не в состоянии играть как они, потому что я никогда не учился классической музыке, я просто развил свой собственный безумный стиль. (7)

Я только потому и начал играть на инструменте, что захотел превратить свои стихотворения в песни; только ради этого я научился игре на гитаре и фортепьяно – именно поэтому я играю совсем не так, как настоящие музыканты... Я никогда не брал настоящих уроков игры на фортепиано и не смог бы сыграть как Кит Эмерсон или Рик Уэйкман, но зато никто не играет как я. (8)

Тот, кто готов капитулировать перед запросами коммерции, всегда будет представлять ценность для коммерсантов, но это путь не для меня. (9)

Люди часто забывают о том, что на виниловом альбоме умещается чуть более 20 минут звучания с каждой стороны! (10)

Когда мы делали записи для виниловых пластинок, у нас было множество ограничений во времени, и из-за этого многие песни не попадали на диск. Теперь, в пору компакт-дисков, такой проблемы нет, и в альбом можно включать гораздо больше музыки. (11)

Ради будущего приходится приносить жертвы сегодня, ведь сегодня – это всего лишь завтра вчерашнего дня. (12)

Будущее бесценно, если мы в состоянии извлекать из него уроки. (13)

Единственное, что я знаю, так только то, что я не желаю повторять свои ошибки. (14)

Т. Н. Х р е н н и к о в

(1913 – 2007 гг.)

Изгнание мелодии – это отказ от правдивого выражения больших чувств, отказ от содержания, от реализма. (1)

Песенность – это, я думаю, то мелодическое начало, которое должно присутствовать в каждом произведении любого композитора, обретая в любом жанре музыки свои специфические, индивидуальные черты. (2)

Только осваивая опыт великих музыкантов прошлого, развивая реалистические традиции, можно создавать произведения, достойные по своему содержанию и своему уровню нашей эпохи. (3)

Г. Хьюз

(1951 г.р.)

Играть на бас-гитаре и петь при этом главную партию порой довольно трудно, но я могу сказать вам только три слова: практика, упражнение, тренировка! (1)

Слушайте свой внутренний голос. Окружите себя любящими, душевно-богатыми людьми. Полюбите своё искусство и обретите себя. Музыка – великий посредник и воспитатель. (2)

Я благодарю Бога за то множество даров, которых Он меня удостоил, но деньги и слава не входят в их число. Я стремлюсь к духовному совершенствованию. (3)

А. Цуккальмальо

(1803 – 1869 гг.)

Следует учитывать, что удачно выбранная вывеска всегда наполнит трактир и лавку и что от толпы можно откупиться не только хлебом но и словом. (1)

Современный человек хочет развлекаться, он жаждет нового. (2)

Что может быть тягостнее, чем необходимость ограничить себя несколькими мыслями, пусть и умело выраженными и хорошо разработанными! (3)

До сих пор всегда находились слабые души, считавшие плавность, текучесть музыки чем-то необходимым и не замечавшие, что остроумное не имеет плавного течения, а в тысяче направлений брызжет ввысь. (4)

Главное – ум, и нужно не лениться выказывать его. А уж взявшись за работу, следует учесть всё, что есть под рукой, и не оставлять неиспользованным всё пёстрое множество инструментов и бурей пронестись как по литаврам, так и по скрипкам. (5)

С какой лёгкостью работают те, кто любят называть себя «высокопарящими». Обладая творческой силой, они пренебрегают теми законами, на которые заурядным людям приходится опираться в своём бессилии. (7)

Композиторам новейшего склада лучше всего было бы работать среди толчеи и стука железных молотов, дабы они после этого грохота смогли научиться и научить других ценить сладость мелодий. (8)

Прекрасно и похвально защитить искусство от заблуждений жизни, сохранить в чистоте язык духа, не дать ему опуститься на загрязнённые пути и стать служанкой низменных страстей. (9)

П. И. Чайковский

(1840 – 1893 гг.)

Говорить откровенно значит говорить без всякой ложной скромности. (1)

Я артист, который может и должен принести честь своей родине. Я чувствую в себе большую художественную силу. Я ещё не сделал и десятой доли того, что могу сделать. И я хочу всеми силами души всё это сделать. (2)

Я не имею претензии вещать кому-либо безусловную истину, а только высказываю своё вполне искреннее мнение. (3)

Мы переживаем ужасное время, и когда начинаешь вдумываться в происходящее, то страшно делается. С одной стороны, совершенно оторопевшее правительство; с другой стороны, несчастная, сумасшедшая молодёжь, целыми тысячами без суда ссылаемая туда, куда ворон костей не заносил, – а среди этих двух крайностей равнодушная ко всему, погрязшая в эгоистические интересы масса, без всякого протеста смотрящая на то и на другое. (4)

Память – один из самых благодатных даров неба. Для меня нет высшего наслаждения, как погружаться в прошедшее. Воспоминания, как луч лунного света, имеют свойство озарять прошедшее как раз настолько, что всё худое не замечается, что всё хорошее кажется лучше. (5)

Печальна ужасно [в людях] эта вдумчивость и охота к серьёзному мышлению при полном научном невежестве. (6)

Человек необыкновенно добрый вместе с тем и человек необыкновенно слабый. (7)

Люди с бешеной энергией и притом забывающие себя ради любимого дела – страшная редкость. (8)

Тщеславный человек всегда бывает низок. (9)

Не стоит приносить жертвы делу, во главе коего стоит человек случайный, преследующий *свои* цели, а не *цели* общего блага. (10)

Человек с огромной амбицией всегда по натуре деспот. (11)

Иной хоть и очень превосходный человек, но бывают люди менее превосходные, не безупречные, но зато способные на жертвы и на отступление от принципов ради дружбы. (12)

Дети верят в создание своего воображения, как в истину. (13)

Когда люди, связанные между собой узами ближайшего родства и горячею взаимною любовью, должны жить вместе, в отчуждении от других людей, случается систематическое отравление жизни друг другу. Постоянное сожительство с глазу на глаз без перемен и развлечений должно роковым образом привести к мелким взаимным неудовольствиям, раздражению и даже ожесточению. В этом случае только решительная перемена строя жизни или неожиданная катастрофа могут восстановить нормальные отношения. (14)

Сознание вины до некоторой степени искупает вину. (15)

Прелесть жизни совсем не в том, чтобы кататься круглый год по заграницам, а в том, чтобы у себя дома иметь было кого любить, кем интересоваться, за кого страдать и радоваться. (16)

Мы любим всё в человеке, которого мы любим действительно. (17)

Если вы спросите, счастлив ли я, то скажу *нет*. В глубине души гнездится какая-то тоска, какое-то неопределённое недовольство, стремление куда-то. А куда? (18)

Странная и подчас скверная штука жизнь, – а всё-таки давайте жить и надеяться. (19)

Переживаю очень загадочную стадию на пути к могиле. Что-то такое свершается в моём нутре, для меня самого непонятное: какая-то усталость от жизни, какое-то разочарование; по временам безумная тоска, но не та, в глубине которой предвидение нового прилива любви к жизни, а нечто безнадежное, финальное и даже, как это свойственно финалам, – банальное. А вместе с этим охота писать страшная. (20)

Смерть, эта курносая гадина, возмутительно подла вообще, но когда она поражает человека в цвете сил, – я её особенно ненавижу. (21)

Господи, как жаль, когда мрут такие милые люди. И зачем? Но на этот вопрос ответа не полагается. В прежнее время подобное исчезновение с лица земли людей нестарых меня убивало. Теперь привык. Прольёшь несколько слёз, подумаешь о том, что всё тринь-трава, – а потом любовь к жизни берёт своё. (22)

Господи, до чего исчезновение леса меняет совершенно характер местностей и до чего это печально! (23)

Ей-богу, грустно постоянно в бочках мёда встречать ушаты дёгтя. (24)

Праздная жизнь меня мучит, как сознание содеянного преступления. (25)

Единственное спасение в душевной горе – это работа. (26)

Нет предела на пути к идеалу. (27)

Как много значит семь лет в жизни трудящегося и совершенствующегося человека! (28)

Ни музыка, ни литература, ни какое бы то ни было искусство в настоящем смысле этого слова не существуют для простой забавы; они отвечают гораздо более глубоким потребностям человеческого общества, нежели обыкновенной жажде развлечения и лёгких удовольствий. (29)

В художнике безусловная правда не в банальном, протокольном смысле, а в высшем, открывающем нам какие-то неведомые горизонты, какие-то недостижимые сферы, куда только музыка способна проникнуть. (30)

Там, где слова бессильны, является во всеоружии своём более красноречивый язык – музыка. (31)

Музыка есть сокровищница, в которую всякая национальность вносит своё, на общую пользу. (32)

Я вырос в глуши, с детства, самого раннего, проникся неизъяснимой красотой характеристических черт русской народной музыки. Я до страсти люблю русский элемент во всех его проявлениях. Я русский в полнейшем смысле этого слова. (33)

Я не встречал человека, более меня влюблённого в матушку-Русь вообще, и в её великорусские части в особенности. Напрасно я пытался бы объяснить эту влюблённость теми или другими качествами русского народа. Качества эти, конечно есть, но влюблённый человек любит не потому, что предмет его любви прельстил его своими добродетелями, – он любит потому, что такова его натура, потому, что он не может не любить. Вот почему меня глубоко возмущают те господа, которые готовы умирать с голоду в каком-нибудь уголку Парижа, которые с каким-то сладострастием ругают всё русское и могут не испытывая ни малейшего сожаления, прожить всю жизнь за границей на том основании, что в России удобств и комфорта меньше. Люди эти ненавистны мне; они топчут в грязи то, что для меня несказанно дорого и свято. (34)

В своих писаниях я являюсь таким, каким меня сделали воспитание, обстоятельства, свойства того века и той страны, в коей я живу и действую. Я не изменил себе ни разу. (35)

Русская народная песня есть драгоценнейший образец народного творчества. Красота в музыке состоит не в нагромождении эффектов и гармонических курьёзов, а в простоте и естественности. (36)

Всякое нарушение гармонического закона только тогда красиво, как бы оно ни было резко, когда оно происходит под влиянием давления мелодического начала. Другими словами диссонанс должен разрешиться или путём гармоническим или мелодическим. Если нет ни того, ни другого, то происходит просто безобразие. (37)

В музыке всё возможно и ничего безусловно запрещаемого нет, но всё-таки плохо, если исключение встречается чаще, чем правило. (38)

Диссонанс есть величайшая сила музыки: если бы не было его, то музыка обречена была бы только на изображение вечного блаженства, тогда как нам всего дороже в музыке её способность выражать наши страсти, наши муки. (39)

Где сердце не затронуто – не может быть музыки. (40)

То, что чуждо человеческому сердцу, не может быть источником музыкального вдохновения! (41)

Основанная на чистом эмпиризме, музыкальная теория покоится на весьма шатком основании, так как в выводах о благозвучии тех или других звуковых комбинаций неизбежно принимает участие индивидуальное чувство наблюдателя, а индивидуальности разнообразны до бесконечности. Поэтому многое, отвергаемое иными теоретиками, принимается и допускается другими (42)

Только тщательным анализом существующих сочинений и проверкою собственным музыкальным чувством годности предлагаемых правил можно усвоить себе трудную науку гармонизации. Вот почему гораздо полезнее заучивания теоретических правил будет чтение и анализ произведений известных сочинителей. (43)

Без соблюдения формальных условий эстетической красоты никакое произведение не может достигнуть всесторонней цельности, полного совершенства. (44)

Наш музыкальный организм так устроен, что в симфоническом произведении мы, по первому слушанию, в состоянии резко отличить и усвоить только два, много три

полифонически и оркестрово разработанные основные мотива и, согласно с этим условием художественного понимания, установившаяся в музыкальной науке форма симфонического произведения изобретена и распланирована в виду только двух главных тем, с присоединением к ним разве ещё одной второстепенной. (45)

Всякое музыкальное кушанье должно быть удобоваримо, а для этого не должно состоять из слишком большого количества ингредиентов. (46)

Краткость нисколько не недостаток, если мысль вполне высказана; у больших мастеров на каждом шагу встречаются короткие и тем не менее чудные темы. (47)

Невыработанность стиля – одно из свойств молодости художника. (48)

Всё же симфония должна быть симфонией, а не хорошим переложением с фортепиано на оркестр. (49)

Чем более музыкальное понимание распространяется в массах публики, тем меньшую привлекательность представляет для неё виртуозность в тесном смысле, т.е. гимнастика пальцев, применённая к выделянию пассажей, фиоритур, скачков, следовательно того элемента музыки, в котором – нет мысли, а имеется лишь преодолённая физическая трудность. (50)

Так как виртуозно-концертная музыка немыслима без преобладания этого элемента, то, в силу возвышающегося уровня музыкального понимания, оркестр, личность собирательная, стал бесконечно выше индивидуума, т.е. каждого, входящего в состав его инструмента. (51)

Из трёх соперников на арене виртуозности – [фортепиано, скрипки и виолончели, последняя] мало-помалу отодвигается на задний план и удаляется подобно своим предшественникам, духовым инструментам, в музыкальную республику – оркестр. (52)

Звук фортепиано в сравнении с оркестром, так сказать, мёртворождённый, и если для фортепиано написана целая нота, то конечно в конце такта о ней сохраняется лишь воспоминание. В оркестре не то, оркестр будет держать целую ноту, причём в конце она будет так же реальна, как и в начале, в противоположность фортепиано. (53)

Композитор *должен быть* пианистом настолько, чтобы свободно разбирать и играть всякую музыку, за исключением виртуозно-концертной. (54)

Мелодия никогда не может явиться в мысли иначе, как с гармонией вместе. Вообще оба эти элемента музыки вместе с ритмом никогда не могут отделиться друг от друга, т.е. всякая мелодическая мысль носит в себе подразумеваемую к ней гармонию и непременно снабжена ритмическим делением. (55)

Симфония – самая лирическая из всех музыкальных форм, и потому не должна ли она выражать всё то, для чего нет слов, но что просится из души и что хочет быть высказано? (56)

Никогда слова не могут быть написаны после музыки, ибо как только музыка пишется на текст, то этот текст вызывает подходящее музыкальное выражение. (57)

Можно, конечно, приделать или подогнать слова к маленькой мелодии, но как только сочинение серьёзное, то уже такого рода подборка слов немыслимо. (58)

Напрасно думают, будто композитору в наше время трудно дать что-нибудь действительно новое, не повторяя до известной степени высказанного уже ранее великими мастерами музыкального искусства. Это далеко не так. (59)

Музыкальный материал, т.е. мелодия, гармония и ритм, безусловно, неисчерпаем. Пройдут миллионы лет, и если музыка в нашем смысле будет ещё существовать, то те же семь основных тонов нашей гаммы, в их мелодических и гармонических комбинациях, оживляемые ритмом, будут всё ещё служить источником новых музыкальных мыслей. (60)

Нельзя требовать, чтоб критик был всегда справедлив и безусловно непогрешим в своих оценках. Но нужно, чтобы он был правдив и честен. Он может ошибаться, но всегда искренно. (61)

Я нередко слышал, что смешивать в художнике его литературные качества с человеческими есть плохой и несправедливый литературный приём. Из этого следует, что я плохой критик, ибо никогда я не могу отделить одну от другой эти две стороны в художнике. (62)

Одно дело быть глубоким музыкальным знатоком, изобретателем новых теоретических систем и тонким исследователем законов музыкального творчества, и другое дело – писать хорошую музыку. (63)

Я совсем не поклонник непогрешимости музыкантов-специалистов. Они очень часто односторонни. Их *знание* часто парализует их *чуткость*; следуя за техникой, они часто упускают из виду самую сущность музыки. (64)

Настоящий художник, даже если он действительно одарён лишь ограниченной творческой способностью, препятствующей ему создать выдающиеся произведения в различных родах искусств, тем не менее должен стремиться и пламенеть к самым широким и великим целям. Ни года, ни какие бы то ни было препятствия, не должны сдерживать его амбиции. (65)

Поэтов (без мировой скорби) народилось теперь немало, и весьма недюжинных. Отчего это? (66)

Хотя слова песни, может быть, глупые, но вместе с музыкой – ничего себе. (67)

В вокальной музыке текст оправдывает всякую музыкальную нелогичность. В инструментальной же необходимо нужно, чтобы были темы и развитие этих тем. (68)

Сочинять что-либо литературное не то, что сочинять музыку. В последней достаточно быть верно настроенным; там же нужно постоянно думать и соображать. Легко и без затруднения можно строчить только газетную болтовню. (69)

Наши музыкальные критики, упуская часто из виду, что главное в вокальной музыке – правдивость воспроизведения чувств и настроений, прежде всего ищут неправильных акцентов, не соответствующих устной речи подъёмов мелодии, вообще всяческих мелких декламационных недосмотров, – с каким-то злорадством собирают их и попрекают ими автора с усердием, достойным лучших целей. (70)

Безусловная непогрешимость в отношении музыкальной декламации есть качество отрицательное, и преувеличивать значение этого качества не следует. (71)

Человек под влиянием аффекта весьма часто повторяет одно и то же восклицание, одну и ту же фразу. (72)

Я нисколько не затрудняюсь нагло отступить от реальной истины в пользу истины художественной. Эти две истины совершенно различны, и слишком гнаться за первой из них, забывая вторую, я не хочу и не могу. (73)

Если погоню за реализмом в опере довести до последней крайности, – то неминуемо придёшь к полному отрицанию самой оперы. Люди, которые вместо того, чтобы говорить – поют, – ведь это верх «лжи» в низменном смысле слова. (74)

Конечно, я человек своего века и возвращаться к отжившим оперным условностям и нонсенсам не желаю, но подчиняться деспотическим требованиям теорий реализма отнюдь не намерен. (75)

Клавираусцуг, как бы хорошо он ни был сделан, точного понятия о качествах и недостатках оперы не даёт. Клавираусцуг есть только фотография (и то весьма неточная) с картины, а не самая картина. (76)

Отчего же это думать, будто для создания шедевра в области романса не нужно обладать всесторонней техникой избранного искусства? Как бы, ввиду недостаточности техники, ни смирять себя и ни ограничивать сферу своего творчества, – никогда в этом случае не уйти дальше изящного дилетантизма. (77)

Для художественного произведения нет худшего, лицеприятнейшего, пристрастнейшего судьи, как его автор, по крайней мере, автор, взятый в момент окончания своего труда. Только с течением времени, когда болезненно-чувствительная, внутренняя связь между художником и его творением порвана, когда уже давно забыты и те сладостные ощущения, и те муки и терзания, с которыми неизбежно сопряжён всякий творческий процесс, – только тогда автор делается годен к спокойному, объективному созерцанию, к критическому анализу своего сочинения и произнесению справедливого над ним приговора. (78)

Приходится иногда жалеть о даром потраченной силе и времени, упрекнуть себя в оплошности, даже устыдиться, – но с кем же из кого-либо писавших, сочинявших, рисовавших, лепивших и строивших не случались подобные припадки разочарованности в самом себе? (79)

Каждый делает своё дело по мере сил, способностей и доброй воли и по мере того, насколько, предаваясь своим занятиям, он выходит победителем из борьбы с препятствиями всякого рода. (80)

Истинно хорошие вещи рано или поздно всплывают. (81)

По опыту знаю, что самая злобная критика ничего не может сделать, если есть залог успеха. (82)

Художнику нужно очень многое и вместе очень малое: *протекция* при первом шаге. Вопрос в том, откуда её достать. (83)

Всё, что я могу сказать о себе, и всё, о чём стоит говорить, это то, что я работал, работаю и буду работать, и за исключением этого решительно интересного сообщить ничего не имею. (84)

Главное – работа. (85)

Я забываю всё и всех ради эгоистической потребности погрузиться по горло в работу. (86)

Я ужасно нервен и ужасно склонен к меланхолии; чем дальше, тем эта склонность сильнее и грознее. Но против неё есть радикальное средство: работа. (87)

Я люблю, когда от меня чего-то с нетерпением ждут, когда я пишу не только для удовлетворения своей авторской потребности, но и ради желания или тоже потребностей других. (88)

Очень приятно сознание доведённого до конца труда. (89)

Сознание совершённого подвига немало способствует отличному настроению духа. (90)

Я предаюсь полнейшей праздности; чувствую, что мне это в пользу, что право поленился немножко я вполне заслужил, а между тем постоянно терзаюсь мыслью, что время уходит, часы, дни и недели попадают в пучину прошедшего, не ознаменовавшись появлением нового творения слишком прилежного автора. Не могу жить спокойно без дела и, кажется, скоро примусь за что-нибудь новое. (91)

Живу самым правильным и аккуратным манером и работаю с большим наслаждением. По вечерам иногда находит уныние, – ну да без этого нельзя. (92)

Нельзя выдумать более подходящих условий для работы как там, где очень скучно и очень однообразно. (93)

Скорость работы есть *коренное моё* свойство; я иначе не могу работать, как *скоро*. Но скорость вовсе не означает, что я написал *кое-как*. Вся штука в том, чтобы писать *с любовью*. (94)

Стоит ли возиться из-за пустяшной подробности? (95)

Предисловие нужно автору, чтобы предупредить нападки. Но в нём трудно найти *верный тон*, т.е. чтобы было просто, ясно и без невольной потребности блеснуть и поразить. (96)

Сочинительское дарование совершенствуется посредством постоянного, обильного писания. (97)

Моя музыка – исповедь души, на которой многое накопилось и которая по существенному свойству своему изливается посредством звуков. (98)

Я не хотел бы, чтобы из-под моего пера являлись произведения, ничего не выражающие и состоящие из пустой игры в аккорды, ритмы и модуляции. Я пишу искренне, я пишу по внутреннему непоборимому побуждению. (99)

Уж быть автором чего-нибудь, так вполне. (100)

Не полагайтесь ни на кого; делайте корректуру всегда сами. (101)

«Полное собрание» вовсе не значит сваленное кое-как в кучу всё, что вышло из-под пера одного автора. (102)

Я никогда не знаю, написавши вещь, удачна ли она или нет. Всякое последнее детище ближе к сердцу остальных. (103)

Авторы всегда ошибаются в оценке своих вещей. (104)

Вообще, трудно в своём произведении выбрать, что́ *лучше*. Для меня всё одинаково хорошо или одинаково скверно, смотря по тому, нравится мне или не нравится сочинение. (105)

Опыт доказывает, что авторы, особенно в первое время после создания нового чада, питают к нему преувеличенное и часто не соответствующее истине пристрастие. (106)

Авторы никогда не бывают справедливыми судьями над детищами своей фантазии. (107)

Нехорошо, когда друзья не щадят ещё не охладившегося чувства творца к новому его созданию. Но что они имеют мужество высказать своё мнение искренно, – это всё-таки лучше, чем те неопределённые и обязательные восхваления, которые иные «друзья» считают долгом расточать и в которые веришь только потому, что хочется верить. (108)

Дирижирующий автор причиняет всем исполнителям какую-то весьма нежелательную нервность, неуверенность, шаткость. Насколько и певцы, и хоры, и оркестр играют покойнее и увереннее, если ими управляет привычная и уверенная рука их настоящего капельмейстера. (109)

Когда есть хороший и дельный капельмейстер, право, лучше, если автор остаётся за кулисами. (110)

Я труслив, застенчив и не уверен в себе перед публикой. (111)

Не могу по характеру быть хорошим директором, к тому же ради этого пришлось бы вовсе отказаться от композиторства. Такую жертву я принести не могу, ибо для меня бросить сочинение равносильно лишению себя жизни. (112)

Одиночество по временам до того мне необходимо и усладительно, что я его, пожалуй, оставлю за собой. (113)

По себе знаю, что можно очень любить человека, но не особенно любить провести у него более известной порции времени. (114)

Живя за границей, для меня важно вполне обеспечить себя от нашествия соотечественников, да и вообще кого бы то ни было. (115)

В припадке мизантропии я боюсь соотечественников больше всего. (116)

Юбилея у меня никакого нет и не будет. Я согласен лучше застрелиться, чем быть предметом опошлившихся до мерзости юбилейных оваций. (117)

От каких бы то ни было юбилейных чествований, сколь бы они ни были для меня лестны и ценны, я намерен *безусловно уклониться*. (118)

Покупать в долг решительно не хочу, ибо это меня будет мучить и отравит всё удовольствие. (119)

Конечно, оно очень и очень приятно быть собственником, но иметь на шее долг – отраву этому удовольствию. (120)

Попутешествовать – это единственный для меня способ обходиться без работы. (121)

Аппетит, сон, бодрое состояние духа – вот все атрибуты здоровья. (122)

Под крепостью натуры я разумею выносливость, и с этой точки зрения иной здоровенный гигант, в сущности, слабее тщедушного, вечно страдающего от нерв, но богатого жизненными силами человека. (123)

Я издали стал как-то живее и больше сознать настоящее положение дел у нас и часто испытывал серьёзную гражданскую скорбь, читая о том, что у нас творится. (124)

Не могу жить вне России. (125)

Что такое программная музыка? Так мы не признаём звуки музыки, которая состояла бы из бесцельной игры, то, с нашей широкой точки зрения, всякая музыка есть программная. (126)

Сценичность я понимаю совсем не в нагромождении эффектов, а в том, чтобы происходящее на сцене трогало и вызывало сердечное участие зрителей. (127)

Публика редко слышит вполне хороших певцов и певиц. (128)

В конце концов для артиста нет ничего усладительнее и поощрительнее, как успех. (129)

Большой талант требует большого трудолюбия. (130)

Мало обладать талантом, т.е. слепой, не разъяснённой силой инстинкта, нужно уметь надлежащим образом направить свой талант. Поэтому я склонен думать, что, в конце концов, талантливый, но глупый человек далеко уйти не может. (131)

Вдохновение рождается только из труда и во время труда; я каждое утро сажусь за работу и пишу, и если из этого ничего не получается сегодня, я завтра сажусь за ту же работу снова, я пишу, пишу день, два, десять дней, не отчаиваясь если всё ещё ничего не выходит, а на одиннадцатый, глядишь, что-нибудь путное и выйдет. (132)

Вам не даётся, а вы упорной работой, нечеловеческим напряжением воли всегда добьётесь своего и вам всё дастся, удастся больше и лучше, чем гениальным лодырям. (133)

Вдохновение рождается только от труда и во имя труда. (134)

Я бы не стал утверждать, что бездарных людей вовсе нет. Во всяком случае, их гораздо меньше, чем принято думать, но зато очень много людей, не желающих или не умеющих работать. (135)

Как часто талант оказывается парализован условиями существования! (136)

Бóльшие или меньшие результаты, достигнутые зрелым музыкантом-композитором, зависят не только от силы таланта, но и *от характера*. Мы на каждом шагу встречаемся с тем фактом, что юноша, подающий самые блестящие надежды, не удаётся [как композитор] потому, что не хватило выдержки, характера и веры в себя. Наоборот, нередко случается, что сила вдруг скажется там, где её не предполагали, потому что неумение *товар лицом показать* мешало ей обнаружиться раньше. (137)

Невозможно без грусти и сожаления видеть, как действующего в области творчества художника мало-помалу заедает *рефлексия* и как творец в нём всё более уступает место кропотливому изыскателю музыкальных премудростей. (138)

Мне всегда нравится, когда артист не идёт по утоптанной тропинке современной пошлости, а ищет новых путей. (139)

Талантливые люди, даже заблуждаясь или сходя временно со своего прямого пути, всё-таки достигают цели. (140)

Иногда победа достаётся легко. Иногда вдохновение ускользает, не даётся. Тут весьма часто приходится побеждать лень, неохоту. Я считаю *долгом* для артиста никогда не поддаваться, ибо *лень* очень сильна в людях. Нет ничего хуже для артиста, как поддаваться ей. Ждать нельзя. (141)

Вдохновение – это такая гостья, которая не любит посещать ленивых. Она является к тем, которые призывают её. Нужно, необходимо побеждать себя, чтобы не впасть в *дилетантизм*. (142)

Всякому художнику, артисту очень важно войти в тот фазис душевного состояния, когда пишется само собой, когда не нужно делать никакого усилия над собой, а повиноваться внутреннему побуждению писать. (143)

Хуже всего поддаваться неохоте писать. Нужно подогреть себя, иначе далеко не уйдёшь. Я положил себе во что бы то ни стало каждое утро что-нибудь сделать и добьюсь благоприятного состояния духа для работы. (144)

Не верьте тем, которые пытались бы убедить вас, что музыкальное творчество есть холодное и рассудочное занятие. Только та музыка может тронуть, потрясти и задеть, которая вылилась из глубины взволнованной вдохновением артистической души. (145)

Нет никакого сомнения, что даже и величайшие музыкальные гении работали иногда не согреты вдохновением. (146)

Вдохновение – это такой гость, который не всегда является на первый зов. Между тем работать нужно всегда, и настоящий честный артист не может сидеть сложа руки под предлогом, что он не расположен. Если ждать расположения и не пытаться идти навстречу к нему, то легко впасть в лень и апатию. Нужно терпеть и верить, и вдохновение неминуемо явится тому, кто сумел победить своё нерасположение. (147)

Если б то состояние души артиста, которое называется вдохновением, продолжалось бы беспрерывно, нельзя было бы и одного дня прожить. (148)

Побочные обстоятельства, от которых зависит то состояние духа, в котором пишется сочинение, имеют громадное значение. Для артиста в момент творчества необходимо полное спокойствие. В этом смысле художественное творчество всегда *объективно*, даже и музыкальное. (149)

Те, которые думают, что творящий художник в минуты *аффектов* способен средствами своего искусства выразить то, что он чувствует, ошибаются. И печальные и радостные чувства выражаются всегда, так сказать, *ретроспективно*. Не имея особенных причин радоваться, я могу проникнуться весёлым творческим настроением и, наоборот, среди счастливой обстановки произвести вещь, проникнутую самыми мрачными и безнадежными ощущениями. (150)

От нравственного страдания никто не обеспечен. Что касается меня, то есть одно средство, могущее заглушить его: это – труд. Я чувствую, что далеко ещё не дошёл до той точки, дальше которой мои способности – творческое дарование – не позволяют идти вперёд.

Многое ещё хочется высказать в своих музыкальных сочинениях, и жизнь бесконечно дорога. (151)

Я, признаться, люблю работать к спеху, люблю, когда меня ждут, торопят. (152)

Во всех горестных ситуациях меня спасает труд, который является для меня наслаждением. Замышляя и приводя в исполнение задуманное, я вкладываю в свой труд глубоко прочувствованное и сочиняю только по внутреннему и непоборимому побуждению. (153)

Я говорю на музыкальном языке, потому что мне всегда есть что сказать. (154)

Я сочиняю, т.е. посредством музыкального языка изливаю свои настроения и чувства, и, разумеется, мне, как и всякому говорящему и имеющему или претендующему иметь что сказать, нужно, чтобы меня слушали. (155)

Я убеждён, что могу служить для блага своего ближнего, лишь создавая свои сочинения. (156)

Чем больше, чем сочувственнее круг моих слушателей, тем лучше. Я желал бы всеми силами души, чтобы музыка моя распространялась, чтобы увеличивалось число людей, любящих её, находящих в ней утешение и подпору. (157)

С тех пор, как я начал писать, я поставил себе задачей быть в своём деле тем, чем были в этом деле величайшие музыкальные мастера, т.е. не то, чтобы быть столь же великим, как они, а быть так же, как они, сочинителем на манер *сапожников*, а не на манер *бар*. (158)

Моцарт, Бетховен, Шуберт, Мендельсон, Шуман сочиняли свои бессмертные творения совершенно так, как сапожник шьёт сапоги, т.е. изо дня в день и, по большей части, по заказу. В результате выходило нечто колоссальное... (159)

Я бесповоротно убеждён в том, что музыкант, если он хочет дорасти до той высоты, на которую по размерам дарованья может рассчитывать, должен воспитать в себе ремесленника. (160)

Вдохновения нельзя выжидать, да и одного его недостаточно: нужен прежде всего труд, труд и труд. Помните, что даже человек, одарённый печатью гения, ничего не даст не только великого, но и среднего, если не будет адски трудиться. (161)

И чем больше человеку дано, тем больше он должен трудиться. Я себя считаю самым обыкновенным, средним человеком... (162)

Огромное значение имеет различие творческих организаций, и что для одного ладно, – для другого никуда не годится. (163)

Большинство моих собратий не любит писать по заказу; я же никогда так не вдохновляюсь, как когда меня то или другое просят сделать, когда мне назначают срок, когда с нетерпением ожидают окончания моего труда. (164)

Но и будучи бесповоротно убеждён в том, что музыкант должен воспитать в себе *ремесленника*, – я вовсе не думаю, чтобы и в других сферах искусства это было нужно. Например, поэту, мне кажется, невозможно заставлять себя творить. В лирическом стихотворении нужно не только настроение, но и мысль. Мысль же эта возбуждается случаем, явлением. На случай и явление *воля* влиять не может. Притом же для музыки достаточно вызвать известное общее настроение. Так, например, я могу настроить себя для элегии

меланхолично, для стихотворца же нужно, чтобы эта меланхолия выразилась, так сказать, *конкретно*, и тут какой-нибудь внешний повод и импульс со стороны необходимы. (165)

Моя система работы чисто ремесленная, т.е. абсолютно регулярная, всегда в одни и те же часы, без всякого к самому себе послабления. (166)

Музыкальные мысли зарождаются во мне, как только, отвлёкшись от чуждых моему труду соображений и забот, я принимаюсь за работу. (167)

Большинство мыслей, впрочем, возникает во мне во время моих ежедневных прогулок, причём ввиду необыкновенно плохой музыкальной памяти я ношу с собой записную книжку. (168)

Всякий по-своему служит общему благу, – а ведь искусство есть, по-моему, необходимая потребность для человечества. Вне же своей музыкальной сферы я не способен служить для блага своего ближнего. (169)

* * *

Влюблённый человек любит не потому, что предмет его любви прельстил его своими добродетелями, – он любит потому, что такова его натура, потому, что он не может не любить. (34)

Красота в музыке состоит не в нагромождении эффектов и гармонических курьёзов, а в простоте и естественности. (36)

Ф. И. Ш а л я п и н

(1873 – 1938 гг.)

Не всё в жизни так страшно, каким кажется сначала, пока не знаешь. (1)

Мелочи имеют огромное значение в жизни. Мы на них воспитываемся. Мы ведь все воспитываемся мелочами. То, чему учат нас Шекспир, Толстые, гении мира, даже на разум наш непрочно ложится, а мелочи жизни, как пыль в бархат, проникают в сердце, порою отравляя его, а порою облагораживая. (2)

Всё на свете издали кажется красивее, чем вблизи. (3)

Я думаю, что в жизни, как в искусстве, двух правд не бывает – есть только одна правда. (4)

Диссертация – это теория. А жизнь – это жизнь, пожирающая все теории, как Сатурн своих детей. (5)

Жизнь можно изменить, сделать её более красивой и справедливой. (6)

Важно найти тот очаг, у которого можно позабыть, что такое ненависть, выучиться любить и зажить особенной какой-то, единственно радостной идеальной жизнью человека! (7)

Я продолжаю думать и чувствовать, что свобода человека в его жизни и труде – величайшее благо. Что не надо людям навязывать насилу счастье. Не знаешь, кому какое счастье нужно. (8)

Устроить жизнь хорошо – это устроить её хорошо для всех – жизнь осмысленную, радостную и правильно-рабочую. (9)

Я думаю, что только внимание и уважение к ближнему может создать для него те условия, в которых он, с наименьшим количеством бесполезно затраченной энергии, принесёт в жизнь наибольшее количество красивого, доброго и умного. (10)

Истинных товарищей в жизни встречаешь, к сожалению, слишком редко. (11)

Есть странный сорт людей, которые интересуются всем, кроме самих себя. (12)

В жизни, как и в театре, нужно иметь чувство меры. Это значит, что чувствовать надо не более и не меньше того, что соответствует правде положения. Надо иметь талант для того, чтобы жить. (13)

Не каждый день человек радуется одному и тому же. (14)

Роль человека в жизни всегда сложнее любой роли, которую можно только себе вообразить на театре. Если трудно сыграть на сцене уже начерченную фигуру того или другого человека, то ещё труднее, думаю я, сыграть свою собственную роль в жизни. (15)

Если на сцене даже отрицательное должно *выглядеть* красиво, то в жизни необходимо, чтобы всё красиво *выходило*. (16)

Вот почему я всегда удивлялся, когда встречал дворянина-помещика, министра, великого князя, короля, которые вдруг, как плохой актёр на сцене, в бездарье своём говорили

фальшивым голосом фальшивые слова и делали фальшивые жесты и так же, как бездарные актёры на сцене, не замечали, что они играют плохо. Временами мне бывало противно смотреть на этих странных людей, как бывает противно смотреть на фальшивую истерику, исполненную фальшивой актрисой. Отсюда, думается мне, идут начала многих несчастий. (17)

Приятно лишний раз убедиться, как великолепно и просто держат себя истинно культурные люди. (18)

У благородного человека изысканные манеры и аристократическая простота в отношении к людям. (19)

Такова загадка человека: в душе его борются светлые и тёмные силы, он колеблется между противоположными полюсами добродетели и порока. (20)

Меня часто занимала и даже, признаюсь, волновала такая тема: почему это люди склонны так охотно во всём видеть плохое и так легко всему плохому верить? (21)

Надо знать цену мелкой пакости людской и странной, слюнявой какой-то любви. (22)

Если уж человек привычен проповедовать мораль, – лучше не препятствовать ему в этом, а то он станет ещё злее и придирчивее. (23)

Какую бы грязь ни разводили люди вокруг любви, а всё-таки она – счастье. Я рад, что эта мысль пришла ко мне рано, ещё в отрочестве. (24)

Любовь к человеку не нуждается, собственно говоря, в оправдании: любишь потому, что любишь. (25)

Женщина всегда являлась для меня силой, возбуждавшей лучшее в сердце моём. (26)

Женщина – радость жизни, владыка её! Но в то же время в глаза бросается множество других явлений, грубо унижающих её. (27)

В отношениях мужчины с женщиной всё-таки возможно взаимное возвышение друг друга, хороший мужчина нередко возвышает до себя плохую женщину, хорошая женщина часто способна перевоспитать плохого мужчину. (28)

Во всех трудных случаях жизни лучше всего помогают дамы! (29)

Всё, вообще, очень хорошо, но всего лучше – дамы, и если б не было женщин, так не было бы ни искусства, ни жизни да и вселенная едва ли существовала бы. На что мне вселенная, солнце, звёзды, земля, если нет любимой женщины? (30)

Добро есть красота, и красота есть добро. В человеке это должно быть слито. (31)

Не забывай людей, которые сделают добро тебе, – не много будет их, легко удержать в памяти! (32)

Нет человека, который не нуждался бы в оправдании пред самим собою. Я думаю, что нет такого человека. (33)

Эх, господа, если бы вы знали, какое унижительное чувство голод! Иначе смотрели бы вы на голодных людей, иначе бы относились к ним! (34)

Когда спишь, не хочется есть. (35)

Ну, мало ли народу плохо живёт – всем не поможешь, а помочь одному-другому – дело хорошее, но это не значит помочь бедноте. (36)

Десять рук в один карман – это много. (37)

Человек треть своей жизни проводит в постели. Постель должна быть хорошей, потому что для того, чтоб хороша работать, надо хорошо отдыхать. (38)

Вино – это необходимо для жизни, а для артиста – это нектар, возбуждающий вдохновение. (39)

Когда молод, человек всякую работу без насады одолеет, а как стар – его работа одолевает. (40)

Молодые люди позволяют себе дикие поступки по крайнему невежеству и по сомнительному воспитанию. (41)

Мне, с моей актёрской точки зрения, может быть, узкой, кажется, что двух правд не бывает, что правда только одна. (42)

Я не умею относиться к явлениям жизни с политической точки зрения и судить о них как политик. Для меня на первом плане только люди, поступки и дела. Дела добрые и злые, жестокие и великодушные, свобода духа и его рабство, разлад и гармония, как я их воспринимаю простым чувством, – вот что меня интересует. (43)

Если на кусте растут розы, я знаю, что это куст розовый. Если известный политический режим подавляет мою свободу, насильно навязывает мне фетиши, которым я обязан поклоняться, хотя бы меня от них тошнило, то такой строй я отрицаю – не потому, что он называется большевизмом или как-нибудь иначе, а просто потому, что он противен моей душе. (44)

По разбойному характеру моему я очень люблю быть свободным и никаких приказаний – ни царских, ни комиссарских – не переносу. (45)

Должен прямо сказать, что при всех моих недостатках рабом или холопом я никогда не был и неспособен им быть. (46)

Такое отношение к жизни и людям может, пожалуй, показаться анархическим. Я против этого ничего не имею. Может быть, во мне и есть некоторое зерно артистического анархизма. Но это во всяком случае не равнодушие к добру и злу. (47)

Я вовсе не хочу сказать о себе, что я – безукоризненный человек, весьма вероятно, что, как все, я делаю дурного гораздо больше, чем хорошего. Но иногда так хочется почувствовать всех людей друзьями, так бы обнял всех и обласкал от всей души, а вокруг тебя все ошетинились ежами, смотрят подозрительно, враждебно и как бы ожидают: «А ну, чем ты нас обидишь? Чем огорчишь?» (48)

Я знаю: никто не поверит мне, если я скажу, что не так грешен, как обо мне принято думать. И если порою у меня невольно вырывалась жалоба или резкое слово – прошу меня извинить. Что делать? Я – человек и чувствую боль, как все. (49)

Не стану скрывать правды: я, действительно, грубоват с теми, кто груб со мною, «как аукнется, так и откликнется», ведь не всякий может охотно подставлять спину, когда по ней бьют палкой. (50)

Я не оправдываю себя, я просто рассказываю. Каждый человек имеет право воображать, что где-то у него есть неведомый ему, но искренно любящий его друг, так вот я рассказываю для этого друга так, как умею и могу. У меня нет причин оправдываться и нет оснований щадить себя – дружеский суд, как бы он ни был суров, я приму с благодарностью, я достаточно силен для этого. (51)

Я не настолько избалован жизнью, чтоб теряться в трудных обстоятельствах. (52)

Я никогда не ленюсь, когда считаю какое-нибудь действие нужным и справедливым. (53)

Ничто меня так сильно не возмущает, как неуважительное отношение к сцене, к делу, к своему собственному делу. (54)

Странная есть у русских пословица. Кажется, она существует только в России. «Дело не медведь, в лес не убежит». Я не могу сказать, чтобы я сам был очень ревностный труженик и не обладал бы долей восточной лени, но эту пословицу я всегда ненавидел. (55)

Работа артиста – работа нервная; я воспитывался не в салонах, и хотя знаю, как не надо вести себя, но не всегда помню это. По природе моей я несдержан, иногда бываю резок, и всегда нахожу нужным говорить правду в глаза. К тому же я впечатлителен, обстановка действует на меня очень сильно, с «джентльменами» я тоже могу быть «джентльменом», но среди хулиганов – извините – сам становлюсь хулиганом. «Как аукнется, так и откликнется». (56)

Неприятно чувствовать каплю грязного яда в кубке того священного мёда, который носишь в сердце своём. (57)

Конечно, человек – творец всякого дела, но дело – ценнее человека, и он должен поступаться своим самолюбием, должен в интересах дела! (58)

Да, да, – нехорошо кричать на маленького человека – кто этого не знает? – хотя все кричат на него. Однако, если человек не хочет работать? Не хочет понять важность роли, исполняемой им? В этих случаях – я кричу. (59)

Не потому кричу, что не уважаю личность человека, нет, уважать людей я умею, и было бы ужасно уродливо, если б именно я не уважал их, я, которому пришлось видеть трудную человеческую жизнь снизу доверху, на всех её ступенях. (60)

Я кричу на людей и буду кричать, потому что люблю их дело и знаю, что всего лучше они тогда, когда сами относятся к работе с любовью, сами понимают красоту и ценность деяния! (61)

Всё-таки я думаю, что обо мне судили бы лучше, будь я более политичен, тактичен, дипломатичен или, проще говоря, более лжив. Но я плохо воспитан и не люблю двоедушия, не терплю лжи. И поэтому часто оказываюсь гусём, который сам является на кухню к поварам: «Жарьте меня, милостивые государи!» (62)

Да, много ещё придётся мне сделать таких скандалов! Много, хотя и без толку. «Шилом моря не нагреешь», – как ни накаливай шило! (63)

Не знаю, как я служил искусству, хорошо или плохо, но знаю только одно, что имя моё в искусстве заработано мною потом, кровью и всевозможными лишениями. (64)

Трудна моя жизнь, но хороша! Минуты великого счастья переживал я благодаря искусству, страстно любимому мною. Любовь – это всегда счастье, что бы мы ни любили, но любовь к искусству – величайшее счастье нашей жизни! (65)

Но невыносимо тяжело бывает мне порою, господа! Уж очень несоизмеримо противоречие между тем, чего хочется, с тем, что есть. И поверьте, что когда чувствуешь себя царём, дьяволом или безумным мельником, – вовсе не легко и не приятно в те же самые минуты чувствовать вокруг себя злейшую обывательщину, небрежнейшее и казённое отношение к твоим святыням. (66)

Для огромной части публики искусство – не дело, а так себе, забава, очень помогающая разогнать скуку, заполнить свободное время. (67)

Пение – это не безделица для меня и не забава, это священное дело моей жизни. А публика рассматривает артиста, как тот извозчик, который поёт, когда выпьет или когда скучно станет. (68)

Стыдновато и обидно мне теперь сознавать, как многое, к чему надо было присмотреться внимательно и глубоко, прошло мимо меня как бы незамеченным. Так природный москвич проходит равнодушно мимо Кремля, а парижанин не замечает Лувра. (69)

Лучшие минуты своей жизни отрадно вспомнить в уединении, когда беседуешь сам с собой. Если мне суждено когда-нибудь попасть в тюрьму, то я уже решил заняться там серьёзным размышлением о самом себе, а то в сумбуре этих городских триумфов и в обстановке дамских салонов с их чайными церемониями никогда не успеваешь думать о таких вещах. (70)

Мы – подобно бездне, открытой для всех потоков земли; но когда всё это перекипает на дне и затем поднимается к небесам, теперь оно уже чары, исторгнутые властной силой жизни из самых недр нашей почвы. (71)

Есть иногда в русских людях такая неодолимая *физическая* застенчивость, которая вызывает во мне глубокую обиду, несмотря на то, что она бывает и трогательна. Обидна она тем, что в самой глубокой своей основе она отражение, вернее, отслоение нашего долгого рабства. Гляжу на европейцев и завидую им – какая свобода и непринуждённость жеста, какая лёгкость слова! Не всегда и не у всех эта свобода и лёгкость высокого стиля, но всё же чувствую я в них какое-то утверждение европейцем своей личности, своего неотъемлемого достоинства. Есть в этом и наследие большой пластической культуры Запада. А вот русский человек, поди, душа у него свободнее ветра, в мозгу у него – орлы, в сердце – соловьи поют, а в салоне непременно опрокинет стул, прольёт чай, споткнётся. Дать ему на каком-нибудь банкете слово – смутится, двух слов не свяжет и замолкнет сконфуженный. Повторяю, это оттого, по всей вероятности, что слишком долго русский человек ходил под грозным оком не то царя, в качестве боярина, не то помещика, в качестве раба, не то городничего, в качестве «подданного». Слишком часто ему говорили: «Молчать, тебя не спрашивают!»... (72)

Европа – какая ж это нам, русским, чужбина? Ведь всё, чем духовно живёт западный мир, мне и как артисту, и как русскому, бесконечно близко и дорого. Все мы пили из этого великого источника творчества и красоты. Я люблю русскую музыку, но разве этим я хотел сказать, что западная музыка хуже русской? Вещи могут быть поразличному прекрасны. Если в западной музыке, на мой взгляд, отсутствует русская сложность и крепкая интимная суковатость, то в западной музыке есть другие, не менее высокие достоинства. (73)

Что особенно бросается в глаза вообще у всех парижан, даже у извозчиков и слуг, это чувство, сознание своей личности. (74)

Французы, которых принято считать хвастливыми и легкомысленными, относятся к войне с полным сознанием её ужаса и, в то же время, говорят о ней вполне спокойно. (75)

Итальянцы – это народ, который не умеет и не хочет скрывать порывы своей впечатлительной души. (76)

Англичане – это народ-аристократ, хотя мне со всех сторон говорили, что они надменны, ничем не интересуются, кроме самих себя, и смотрят на русских, как на варваров. (77)

Я могу не очень верить в себя, в свои силы, но я непоколебимо уверен в обаянии русского искусства, и эта вера всегда со мной. (78)

Суть в том, что я – человек загнанной, замученной страны, страны, которая, несмотря на трудную жизнь свою, создала великое искусство, нужное всему миру, понимаемое всеми людьми земли! (79)

Я не умею хорошо сказать то, что чувствую, но чувствую я хорошо! И не о Шаляпине я рассказываю, а о русском человеке, которого люблю. Ну, да, много горечи в этой любви и, как всё в нашем мире, наверное, любовь тоже несправедлива, – но никто не нуждается в ней так много, как все мы, Русь! (80)

Русская земля так богата загубленными, погибшими талантами. Как она плодородна, сколько прекрасных всходов могла бы дать её почва!!! Но вечно ступает по ней чей-нибудь тяжёлый сапог, втискивая в снег, затаптывая всё живое: то татаро-монголы, то удельный князь, то турок, а теперь... полицейский. (81)

Эх, Господи! Вспоминаешь сотни и тысячи этих кротких запуганных жизнью людей, одиноких пустынножителей, и так грустно становится на душе. Плохо живут люди! (82)

Русский всегда станет убеждать людей мириться с необходимостью. (83)

Есть у нас на Руси какие-то особенные женщины; оне всю жизнь неутомимо борются с нуждою, без надежды на победу, без жалоб, с мужеством великомучениц перенося удары судьбы. (84)

Огромное большинство хороших русских людей пьянствуют, не щадя себя. (85)

Не сродни как будто характеру русского человека разумная умеренность в действиях: во всём, как в покорности, так и в бунте, должен он дойти до самого края. (86)

У нас не принято придавать значение клевете на человека, хотя бы этот человек и был бы товарищем тех, кто слушает клевету на него. (87)

У нас на Руси очень любят объясняться в любви, делают это громко, публично, но – искренно любить и уважать – не любят или не умеют. (88)

Публику хлебом не корми, дай только ей осудить кого-нибудь. (89)

У нас любят рассказать о человеке что-нибудь похуже, даже пословицу выдумали: «Добрая слава лежит, а худая – бежит». (90)

«Публика» – извиняюсь пред нею, хотя за правду и не нужно извиняться – публика не в состоянии воспитать личность артиста, художника, артист талантливее её. И выходит как-то, что публика невольно стремится принизить личность до себя. Чтобы не «высовывалась». (91)

Хорошо, что я работаю и моя работа, очевидно, радует людей. Правда, работаю я не так, как хотелось бы мне: есть целый ряд необоримых условий, которые мешают мне делать работу мою лучше, ярче. Эта сторона интимной жизни артиста, эти условия его профессии, осложнённые чисто русскими особенностями быта, публике неведомы. Жаль. Знай она это – может быть, она менее любила бы меня, но не так уж строго осуждала за мои недостатки. (92)

Есть суд друзей и суд врагов, суд публики – не суд дружеский. (93)

Русская публика иной раз может относиться к представлению с терпеливым равнодушием существа, которое ко всему привыкло, – в конце концов дома ещё скучнее, чем в театре. (94)

Бахвальство – это непривлекательная черта, присущая, к сожалению, русскому человеку. Любит он не в меру похвастаться своим. (95)

Америка, как мне казалось когда-то, – это страна, где какие-то сказочно энергичные люди делают миллиарды скорее и проще, чем у нас на Руси лапти плетут, и где бесстрашно строят Вавилонские башни в 60 этажей высотой. (96)

Да, статуя Свободы хороша и значение её великолепно. Но обратите внимание, как печально её лицо! И почему она, стоя спиной к этой стране, так пристально смотрит на тот берег, во Францию? (97)

Нью-Йорк производил удивительное впечатление: всё живое в нём стремительно двигалось по всем направлениям, словно разбегаясь в ожидании катастрофы. Вокруг стоит такой адский шум, как будто кроме существующего и видимого города сразу строят ещё такой же грандиозный, но невидимый. И на улицах – ни одного воробья, хотя это самая храбрая птица на свете. (98)

В городской кипящей каше человеческой чувствуешь себя угрожающе одиноким, ничтожным и ненужным. (99)

С приездом на родину начинается обычная «канитель», возобновляется бесчисленное количество разных мелких огорчений, а холодный пепел мелочей прекрасно гасит огонь души. (100)

Я вообще никогда не любил странной русской манеры по всякому поводу играть или петь национальный гимн. Я заметил, что чем чаще гимн исполняется, тем меньше к нему люди питают почтения. Гимн вещь высокая и драгоценная. Это представительный звук наций, и петь гимн можно только тогда, когда высоким волнением напряжена душа, когда он звучит в крови и нервах, когда он льётся от полного сердца. Святынями не кидаются, точно гнилыми яблоками. У нас же вошло в отвратительную привычку требовать гимна чуть ли не при всякой пьяной драке – для доказательства «национально-патриотических» чувств. (101)

Возвращаясь в казённую Россию, где всё опутано цепями различных запрещений и где все страшно любят командовать, легко сразу же влететь в какую-нибудь неприятную историю. (102)

При простоте российских отношений к человеку – всё возможно. (103)

Российская действительность очень гораздо на шутки. Она сочиняет анекдоты получше анекдотов Горбунова и сатиры ядовитее Щедрина. (104)

Странен восторг, с которым русский человек «развенчивает» своих «любимцев». Кажется, что ему доставляет сладострастное наслаждение унижить сегодня того самого человека, которого он только вчера возносил. Унизить часто без оснований, как без повода иногда возносил. Точно тяжело русскому человеку без внутренней досады признать заслугу, поклониться таланту. При первом случае он торопится за эту испытанную им досаду страстно отомстить. (105)

Не знаю, быть может, эта черта свойственна людям вообще, но я её видел преимущественно в русской вариации и немало ей удивлялся. Почему это в нашем быту злое издевательство сходит за ум, а великодушный энтузиазм за глупость? Почему, например, В.В. Стасова, который первый восславил новую русскую музыку, за его благородный энтузиазм называли «Вавила Барабанов», «Неуважай-Корыто», «Тромбон» и т.п., а Буренина, который беспощадно шпынял и – скажу – грубо и низко издевался, например, над сентиментальным и больным Надсоном, признали умным человеком? Неужели же ум – это умение видеть всё в плохом свете, а глупость – видеть хорошее? Ведь Стасов и Надсон жили на свете только с одним желанием – куда ни взглянуть, заметить прекрасное. Как они благородны в том, что с энтузиазмом смотрели на самые, казалось, маленькие вещи и делали их большими. (106)

Почему это русская любовь так тиранически нетерпима? Живи не так, как хочется, а как моя любовь к тебе велит. Поступай так, как моей любви к тебе это кажется благолепным. Я полюбил тебя, значит – создавай себя в каждую минуту твоей жизни по моему образу и подобию. Горе тебе, если ты в чём-нибудь уклонился от *моего* идеала! (107)

Русская публика меня любила – я этого отрицать не могу. Но почему же не было низости, в которую она бы не поверила, когда дело касалось меня? Почему, несмотря на преклонение перед моим талантом, мне приписывали самые худшие качества? (108)

Я ещё могу понять басни и рассказы о моём эпическом пьянстве, хотя никогда ни в каком смысле не был я пьяницей. В представлении русского человека герой не может пить из стакана – он должен пить ушатами. Я пил рюмками, но так как я был «герой», надо было сказать, что я пью бочками сороковыми, и ни в одном глазу! Это, пожалуй, даже комплимент мне – молодец. Сила русского человека часто измерялась количеством алкоголя, которое он может безнаказанно поглотить. Если он мог выпить дюжину шампанского и не падал на пол, а гордо шатаясь шёл к выходу, его благоговейно провожали словами: «Вот это человек!» (109)

Актёрский мир вообще довольно легко приспосабливается к новым условиям, к новым людям. Может быть, это оттого, что лицедейство на сцене приучает профессионального актёра видеть в самых коренных переворотах жизни только своего рода смену декораций и действующих лиц. Вчера играли генерала, сегодня играют пьяного рабочего. Вчера играли светскую комедию или мешанскую драму, а сегодня идёт трагедия... (110)

Мне вообще кажется, что исторические «фигуры» складываются либо тогда, когда их везут на эшафот, либо тогда, когда они посылают на эшафот других людей. (111)

В том соединении глупости и жестокости, Содомы и Навуходоносора, каким является советский режим, я вижу нечто подлинно российское. Во всяких видах, формах и степенях – это наше родное уродство. (112)

Удивительно *знают* всё наши российские умники. Они знают, как горбатенького сапожника сразу превратить в Аполлона Бельведерского; знают, как научить зайца зажигать спички; знают, что нужно этому зайцу для его счастья; знают, что через двести лет *будет* нужно потомкам этого зайца для их счастья. (113)

Есть такие заумные футуристы, которые на картинках пишут какие-то сковороды со струнами, какие-то треугольники с селезёнкой и сердцем, а когда зритель недоумевает и спрашивает, что это такое? – они отвечают: «Это искусство будущего». (114)

Точно такое же искусство будущего творили наши российские строители. *Они знают!* И так непостижимо в этом своём знании они уверены, что самое малейшее несогласие с их формулой жизни они признают зловредным и упрямым кощунством и за него жестоко карают. (115)

Большевицкая практика оказалась ещё страшнее большевицких теорий. И самая страшная, может быть, черта режима была та, что в большевизм влилось целиком всё жуткое российское мещанство с его нестерпимой узостью и тупой самоуверенностью. И не только мещанство, а вообще весь русский быт со всем, что в нём накопилось отрицательного. (116)

Пришёл чеховский унтер Пришибеев с заметками о том, кто как живёт, и пришёл Федька-каторжник Достоевского со своим ножом. Кажется, это был генеральный смотр всем персонажам всей обличительной и сатирической русской литературы от Фонвизина до Зоженко. Все пришли и добром своим поклонились Владимиру Ильичу Ленину. (117)

В русской действительности все «медали» оборачиваются своей обратной стороной. «Свобода» превращается в тиранию, «братство» – в гражданскую войну, а «равенство» приводит к принижению всякого, кто смеет поднять голову выше уровня болота. Строительство принимает форму сплошного разрушения, и «любовь к будущему человечеству» выливается в ненависть и пытку для современников. (118)

Что такое, в сущности, значит интеллигент? Для одних это человек с особыми интеллектуальными качествами, для других это человек особенного душевного строя. А по-моему, это человек, который во всякую минуту жизни готов встать впереди всех с открытой грудью на защиту правды, не щадя даже своей собственной жизни. (119)

Я замечал не раз, что человек, у которого не удаётся просьба, всегда как-то стушёвывается. (120)

Бесконечные заседания комитетов нисколько не помогают делу, а напротив осложняют его. (121)

Ах, эта боязнь наступить на чьё-нибудь раскоряченное самолюбие! Как она мешает работать, жить, чувствовать себя свободным человеком и другом людей! (122)

Драка – это крайняя мера, на неё надо ещё решиться. (123)

Человек, знающий своё дело, не терпит возражений. (124)

Индивидуальность – вещь чрезвычайно ценная, но только в духе, а не в плоти. (125)

Успех материальный – это серое благополучие. Главное испытать глубокое, духовное удовлетворение, в котором смысл жизни. (126)

Страшнее всего то, что актёр, художник потерял способность и склонность критиковать самого себя. (127)

Бывают поистине фундаментальные произведения невежества и храбрости. (128)

Насколько я презираю бездарную претенциозность, настолько же преклоняюсь искренне перед талантом, серьёзным и искренним. (129)

Да, скучно, скучно! Везде одно и то же: серо, пошло и лживо, мало людей, то есть «человеков» – людей много, а «человека» между ними едва-едва отыщешь. (130)

Удивительно, сколько в талантливых людях бывает неисчерпаемой внутренней жизни, и как часто их внешний облик противоречит их действительной натуре. (131)

Я всегда уважаю человека, который, как я вижу, любит дело. (132)

Вне горения я не мыслил и не мыслю искусства. (133)

Искусство вечно, как и сама жизнь. Вот что одевает душу мою в одежды праздничные. (134)

Настоящее искусство вещь очень трудная. (135)

Искусство может переживать упадок, но оно вечно, как сама жизнь. (136)

Свобода в искусстве, как и в жизни, только тогда благо, когда она ограждена и укреплена внутренней дисциплиной. (137)

В искусстве существует столько различных индивидуальных толкований, сколько существует выдающихся художников. (138)

Как курьёзно не совпадают суждения и вкусы! (139)

Есть такие творческие высоты, на которых все формальные эпитеты теряют смысл или приобретают только второстепенное значение. (140)

Мне думается, что критика и недоброжелательство – профессии родственные. (141)

Сдержанная похвала является для артистов более ценной, чем взрыв аплодисментов. (142)

Разные оскорбления унижают до минимума всякого, кто их произносит. (143)

Умей даже резкость сказать так, чтобы за нею чувствовалось всё-таки хорошее отношение к человеку. (144)

Бесчисленные блохи мешают спать льву. (145)

Всё это, конечно, мелочи. Но комар – тоже мелочь, однако, если вам начнут надоедать шестьсот комаров – жизнь и вам не покажется весёлым праздником. (146)

В атмосфере доверия, признания и дружбы силы художника и артиста как бы удесятерятся. (147)

Британский музей – великая и премудрая книга о мировой культуре, книга, написанная удивительно просто и понятно. (148)

Элемент скульптуры вообще присущ театру, он есть во всяком жесте. (149)

Стилизация – это не сплошная выдумка, в ней есть что-нибудь от действительности. (150)

Фотография – просто скучная машинка. Она не может мне спеть ни о какой тропинке, ни о лесной, ни о садовой. Это только протокол. Не нужно копировать предметы и усердно их раскрашивать, чтобы они казались возможно более эффектными, – это не искусство. Во всяком искусстве важнее всего чувство и дух – тот глагол, которым пророку было повелено жечь сердца людей. Этот глагол может звучать и в краске, и в линии, и в жесте – как в речи. (151)

Даже мою большую любовь к картинам старинных мастеров я считаю только отголоском моей страсти к театру, в котором, как и в живописи, большие творения достигаются правдивой линией, живою краской, духовной глубиной. (152)

Менее всего в жизни я был политиком. От политики меня отталкивала вся моя натура. Может, это от малого знания жизни, но всегда и во всём меня привлекали черты согласованности, лада, гармонии. (153)

На неучёном моём языке я всегда говорил себе, что лучшая наука, высшая мудрость и живая религия – это когда один человек умеет от полноты сердца сказать другому человеку: «Здравствуй!..» (154)

Всё, что людей разъединяет, меня смущает и ставит в неприятное недоумение. Мне кажется, что все люди одеты каждый в свою особую форму, носят каждому присвоенный мундир, что в этой особенности своей они полагают и своё достоинство, и свои какие-то преимущества перед другим. Казалось мне, что мундир с мундиром постоянно лезет в драку и что для того, чтобы этим дракам помешать придумали вдобавок ещё один мундир – мундир городского! (155)

Религиозные распри, национальные соперничества, патриотические бахвальства, партийные дразги кажутся мне отрицанием самого ценного в жизни – гармонии. (156)

Мне кажется, что к человеку надо подходить непосредственно и прямо, интересоваться не тем, какой он партии, во что он верит, какой он породы, какой крови, а тем, как он действует и как поступает. (157)

Музыка – это голос души мира, её безглагольная песнь. (158)

Пой – на душе веселей будет. Песня, как птица, – выпусти её, она и летит! (159)

Русские люди поют песню с самого рождения. От колыбели, от пелёнок. Поют всегда. По крайней мере, так оно было в дни моего отрочества. Народ, который страдал в тёмных глубинах жизни, пел страдальческие и до отчаяния весёлые песни. Что случилось с ним, что он песни эти забыл и запел частушку, эту удручающую, это невыносимую и бездарную пошлость? Стало ли ему лучше жить на белом свете или же, наоборот, он потерял всякую надежду на лучшее и застрял в промежутке между надеждой и отчаянием на этом проклятом чертовом мосту? (160)

Этого объяснить не берусь. Знаю только, что эта частушка – не песня, а сорока, даже не натуральная, а похабно озорником раскрашенная. (161)

А как хорошо пели! Пели в поле, пели на сеновалах, на речках, у ручьёв, в лесах и за лучиной. Одержим был песней русский народ, и великая в нём бродила песенная хмель. (162)

От природы, от быта русская песня, и от любви. Ведь любовь – песня. (163)

Искусство придаёт волшебную новизну самым простым словам, самым будничным вещам, самым привычным чувствам. (164)

Живёшь в своей Суконной слободе, слышишь слова, сказанные так или иначе, но никак на них не откликается душа. А в театре, кем-то собранные, они приобретают величественность, красоту и смысл. (165)

Не только слова обыденные могут быть преображены в поэзию, но и поступки наши, необходимые, повседневные могут быть претворены в прекрасные действия. Но для этого в жизни, как в искусстве, нужны творческая фантазия и художественная воля. (166)

При хорошем настроении и в аду играть можно. (167)

Знаю, как неприятно и даже пошло звучит слово «переделать». (168)

Скверно, коли артистами распоряжаются люди в вицмундирах, люди, не имеющие никакого отношения к запросам искусства и явно неспособные понимать его культурную силу, его облагораживающее влияние. (169)

Все мы, конечно, должны уважать чиновников, как людей, необходимых для беспорядка, но на сцене – им не место, на сцене они должны играть роли ничтожные и незаметные. (170)

Иго чернильных и бумажных людей для художников и артистов совершенно невыносимо. (171)

Бюрократическая рутина заглушает всякое оригинальное стремление, мертвит всё живое. Господство чиновничьего шаблона, а не чья-нибудь злая воля – причина многих неудач и тягостей русской жизни. (172)

Эх, кабы мы жили между другими людьми или в другое время, как хорошо можно было бы послужить высокому и дорогому искусству. (173)

Живое отношение к делу среди работников театра удваивает силы артиста. (174)

Такова судьба артиста: он игрушка публики, не более. Пропал голос, и нет человека, он всеми забыт, заброшен, как надоевший ребёнку деревянный солдатик, когда-то любимый им. И если не хочешь испытать незаслуженных унижений, «куй железо, пока горячо», работай, пока в силах, не жалея себя! (175)

В ряду многих причин упадка русского театра – упадка, который невозможно замаскировать ни мишурой пустой болтовни о каких-то новых формах театрального искусства, ни беззастенчивой рекламой, – я на первом плане вижу крутой разрыв нашей театральной традиции. (176)

О традиции в искусстве можно, конечно, судить разное. Есть неподвижный традиционный канон, напоминающий одряхлевшего, склерозного, всяческими болезнями одержимого старца, живущего у ограды кладбища. Этому подагрику давно пора в могилу, а он цепко держится за свою бессмысленную, никому не нужную жизнь и распространяет вокруг себя трупный запах. Не об этой формальной и вредной традиции я хлопочу. Я имею в виду преемственность живых элементов искусства, в которых ещё много плодотворного семени. (177)

Я не могу представить себе беспорочного зачатия новых форм искусства. Если в них есть жизнь – плоть и дух, – то эта жизнь должна обязательно иметь генеалогическую связь с прошлым. (178)

Прошлое нельзя просто срубить размахистым ударом топора. Надо разобраться, что в старом омертвело и принадлежит могиле и что ещё живо и достойно жизни. (179)

Лично я не представляю себе, что в поэзии, например, может всецело одряхлеть традиция Пушкина, в живописи – традиция итальянского Ренессанса и Рембрандта, в музыке – традиция Баха, Моцарта и Бетховена. (180)

И уж никак не могу вообразить и признать возможным, чтобы в театральном искусстве могла когда-нибудь одряхлеть та бессмертная традиция, которая в фокусе сцены ставит живую личность актёра, душу человека и богоподобное слово. (181)

Между тем, к великому несчастью театра и театральной молодёжи, поколеблена именно эта священная сценическая традиция. Поколеблена она людьми, которые живут во что бы то ни стало придумать что-то новое, хотя бы для этого пришлось насильствовать природу театра. Эти люди называют себя новаторами; чаще всего это просто насильники над театром. (182)

Подлинное творится без насилия, которым в искусстве ничего нельзя достигнуть. Мусоргский великий новатор, но никогда не был он насильником. Станиславский, обновляя театральные представления, никуда не ушёл от человеческого чувства и никогда не думал что-нибудь делать насильно только для того, чтобы быть новатором. (183)

Позволю себе сказать, что и я в своё время был в некоторой степени новатором, но я же ничего не сделал насильно. Я только собственной натурой почувствовал, что надо ближе прикинуть к сердцу и душе зрителя, что надо затронуть в нём сердечные струны, заставить его плакать и смеяться, не прибегая к выдумкам, трюкам, а, наоборот, бережно храня высокие уроки моих предшественников – искренних, ярких и глубоких русских старых актёров. (184)

Это только горе-новаторы из всех сил напрягаются придумать что-нибудь такое сногшибательное, друг перед другом щеголяя хлесткими выдумками. (185)

Что это значит – «идти вперёд» в театральном искусстве по принципу «во что бы то ни стало»? Это значит, что авторское слово, что актёрская индивидуальность – дело десятое, а вот важно, чтобы декорации были непременно в стиле Пикассо, – заметьте только в *стиле*: самого Пикассо не дают. (186)

Другие говорят: нет, это не то. Декораций вообще не нужно – нужны холсты или сукна. Ещё третьи выдумывают, что в театре надо актёру говорить возможно тише – чем тише, тем больше настроения. Их оппоненты, наоборот, требуют от театра громов и молний. А уж самые большие новаторы додумались до того, что публика в театре должна тоже принимать участие в «действе» и, вообще, изображать собою какого-то «соборного» актёра. (187)

Этими замечательными выдумщиками являются преимущественно наши режиссёры – «постановщики» пьес и опер. Подавляющее их большинство не умеет ни играть, ни петь. О музыке они имеют весьма слабое представление. Но зато они большие мастера выдумывать «новые формы». (188)

Превратить четырёхактную классическую комедию в ревю из тридцати восьми картин. Они большие доки по части «раскрытия» намёков автора. Так что если действие происходит в воскресный, скажем, полдень в русском губернском городе, т.е. в час, когда на церквях обычно звонят колокола, то они этим колокольным звоном угощают публику из-за кулис. Малиновый шум заглушает, правда, диалог; зато талантливо «развёрнут намёк».

Замечательно, однако, что, уважая авторские намёки, эти новаторы самым бесцеремонным образом обращаются с текстом автора и с точными его ремарками. (189)

Почему, например, «Гроза» Островского ставится под мостом? Островскому никакой мост не был нужен. Он указал место и обстановку действия. Я не удивлюсь, если завтра поставят Шекспира или Мольера на Эйфелевой башне; потому что постановщику важно не то, что задумал и осуществил в своём произведении автор, а то что он, «истолкователь» тайных мыслей автора, вокруг этого намудрил. Естественно, что на афише о постановке, например, «Ревизора» скромное имя «Гоголь» напечатано маленькими буквами и аршинными буквами – имя знаменитого постановщика Икса. (190)

Не во имя строгого реализма я восстаю против «новшеств». Я не догматик в искусстве и вовсе не отрицаю опытов и исканий. Что меня отталкивает и глубоко огорчает, это подчинение главного – аксессуару, внутреннему – внешнему, души – погрешке. (191)

Я сам всегда требую хороших, красивых и стильных декораций. Особенность и ценность оперы для меня в том, что она может сочетать в стройной гармонии все искусства – музыку, поэзию, живопись, скульптуру и архитектуру. Стало быть, я не мог бы упрекнуть себя в равнодушии к заботам о внешней обстановке. (192)

Я признаю и ценю действие декорации на публику. Но, произведя своё первое впечатление на зрителя, декорация должна сейчас же утонуть в общей симфонии сценического действия. Беда же в том, что новаторы, поглощённые нагромождением вредных, часто бессмысленных декоративных и постановочных затей, уже пренебрегают всем остальным, самым главным в театре – духом и интонацией произведения, – и подавляют актёра, первое и главное действующее лицо. (193)

Я весьма ценю и уважаю в театральном деятеле знания, но если своими учёными изысканиями постановщик убивает самую суть искусства, то его науку и его самого надо из театра беспощадно гнать. (194)

Надо по всей справедливости сказать, что трудно приходится современной молодёжи, – её жаль. Искусство требует не только усидчивости, но и сосредоточенности. Цивилизация же последних десятилетий смяла кости этой доброй усидчивости. Сейчас все так торопятся, спешат. Аэропланы, радио. Наверху летают, а внизу, на земле, дерутся. Искусство требует созерцания, спокойствия, хорошего ландшафта с луной. А тут Эйфелева башня с «ситроеном». Надо торопиться, спешить, перегонять. (195)

Ужасно, на каждом шагу и всюду – на всём земном шаре – сталкиваться с профессионалами, не знающими своего ремесла. Актёр не знает сцены, музыкант не знает понастоящему музыки, дирижёр не чувствует ни ритма, ни паузы. Не только не может передать души великого музыканта, но неспособен даже уследить более или менее правильно за происходящими на сцене действиями, а ведь спектаклем командует он, как полководец – сражением. (196)

С чрезвычайно нахмуренными бровями, с перстнем на мизинце, он зато очень убедительно машет палочкой. И нельзя сказать, чтобы этот дирижёр совершенно ничего не знал. Нет, он знает, много знает, обучен всем контрапунктам, но от этого знания толку мало потому, что одних знаний недостаточно для решения задачи. Надобно ещё уметь сообразить, понять и сотворить. Ведь для того чтобы построить хороший мост, инженеру мало знать курс, который он проходил в школе. Он должен ещё быть способным решить творческую задачу. (197)

Уверенность в оркестровом сопровождении для меня, как для всякого певца, одно из главнейших условий спокойной работы на сцене. Только тогда я в состоянии целиком

сосредоточиться на творении сценического образа, когда дирижёр правильно ведёт оркестр. (198)

К великому моему сожалению, у большинства дирижёров отсутствует *чувство* (именно чувство) ритма. (199)

Я охотно принимаю упрёк в несдержанности – он мною заслужен. Я сознаю, что у меня вспыльчивый характер и что выражение недовольства у меня бывает резкое. Пусть меня критикуют, когда я не прав. Но не постигаю, почему нужно сочинять про меня злостные небылицы? (200)

В профессиональной области есть только один путь к моему сердцу: на каждом месте хорошо делать свою работу – хорошо дирижировать, хорошо петь, хорошо парик приготовить. (201)

Мне, которому театр, быть может, дороже всего в жизни, тяжело всё это говорить, но ещё тяжелее всё это видеть. Самый маленький провинциальный актёр, фокусник какой-нибудь в цирке близок моей душе. Так люблю я театр. Как же мне без боли признаться, что в большинстве современных театров мне и скучно, и грустно? (202)

Артист в опере должен не только петь, но и играть роль, как играют в драме. В опере надо петь, как говорят. (203)

Композитор зачастую явно придаёт некоторым фразам драматизм, как бы стремится соединить оперу и драму в одно целое, а певцы и режиссёры обычно подчёркивают в опере моменты лирические в ущерб драме, и тем обездушивают, обессиливают оперу. (204)

Мало научить человека петь каватину, серенаду, балладу, романс, надо бы учить людей понимать смысл произносимых ими слов, – чувства, вызвавшие к жизни именно эти слова, а не другие. (205)

Меня обвиняют в том, что я «не создаю школы», забывая, что никого нельзя заставить учиться, у нас даже обучением грамоте и то не очень интересуются. (206)

Я отнюдь не отрицаю – все [артисты] учатся. Но все учатся до первого успеха, до поры, пока человека не ослепил свет ramпы и не оглушил гром аплодисментов. Этот гром редко бывает для души артиста «весенним, первым громом», оплодотворяющим её, в большинстве случаев это последний гром, он предвещает увядание и осень. (207)

Говорят мне: откройте свой театр! Очень хорошо, думаю, – вот я открыл театр, усердно сам работаю в нём и требую усердной работы от других. Не говоря о том, что после первого же сезона мои сотрудники любезно наградят меня чином эксплуататора или живодёра, что одно и то же, они, как люди более меня образованные и культурные, замордуют меня своей культурностью. Спросит меня какой-нибудь эдакий режиссёр-новатор о том, какого цвета чулки носили испанские дворяне при дворе Карла V, а я не знаю! (208)

Я не вижу в театральных людях той живой любви к своему делу, которой это дело настоятельно требует, без которой оно – мёртвое дело. (209)

Есть люди, которые специально занимаются защитой разных угнетённых личностей, но не всегда ясно видят, как порою личность угнетает дело. (210)

Хорошо быть скульптором, композитором, живописцем, писателем! Сцена этих людей – кабинет, мастерская, они – одни, дверь к ним закрыта, их никто не видит, им не мешают воплощать волнения их душ так, как они хотят. А попробуйте-ка воплотить свою мечту в

живой образ на сцене, в присутствии трёхсот человек, из которых десять тянут во все стороны от твоей задачи, а остальные, пребывая равнодушными, как покойники, ко всему на свете, – вовсе никуда не тянут! (211)

Коллективное творчество возможно только при условии сознания всеми работниками единства цели и необходимости осуществить её. Где же у нас это сознание? А при полном отсутствии его всякий артист, любящий искусство искренно и страстно, живёт и работает «в пустыне – увы! – не безлюдной!» (212)

Не должен артист пренебрегать маленькими ролями, если они художественно интересны. (213)

Самое понятие о пределе в искусстве мне кажется абсурдным. В минуты величайшего торжества в такой даже роли, как Борис Годунов, я чувствую себя только на пороге каких-то таинственных и недостижимых покоев. Какой длинный, какой долгий путь! (214)

Искусство приблизительного не терпит. (215)

Даже твёрдой ногой встав на правильный путь и удачно избрав направление, от цели – совершенства – всё ещё будешь очень далёк. К цели я не переставал двигаться всю жизнь и очень искренно думаю, что она также далека от меня теперь, как была далека когда-то. Пути совершенства, как пути к звёздам, – они измеряются днями, человеческому уму непостижимыми. До Сириуса всегда будет далеко, даже тогда, когда человек подымется в стратосферу не на 16, а на 160 километров. (216)

Если я что-нибудь ставлю себе в заслугу и позволю себе считать примером, достойным подражания, то это – само движение моё, неутомимое, непрерывное. Никогда, ни после самых блестящих успехов, я не говорил себе: «Теперь, брат, поспи-ка ты на этом лавром венке с пышными лентами и несравненными надписями»... Я помнил, что меня ждёт у крыльца моя русская тройка с валдайским колокольчиком, что мне спать некогда – надо мне в дальнейший путь! (217)

Следуя хорошим образцам, я и после успехов, достаточных для того, чтобы вскружить голову самому устойчивому молодому человеку, продолжал учиться у кого только мог, и работал. (218)

Я решительно и сурово изгнал из моего рабочего обихода тлетворное русское «авось» и полагался только на сознательное творческое усилие. (219)

Я вообще не верю в одну спасительную силу таланта, без упорной работы. Выдохнется без неё самый большой талант, как заглохнет в пустыне родник, не пробивая себе дороги через пески. (220)

Кто-то сказал: «Гений – это прилежание». Явная гипербола, конечно. Куда как прилежен был Сальери, ведь, вот, даже музыку он разъял, как труп, а «Реквием» всё-таки написал не он, а Моцарт. Но в этой гиперболе есть большая правда. Я уверен, что Моцарт, казавшийся Сальери «гулякой праздным», в действительности был чрезвычайно прилежен в музыке и над своим гениальным даром много работал. (221)

Никакая работа не может быть плодотворной, если в её основе не лежит какой-нибудь идеальный принцип. В основу моей работы над собою я положил борьбу с пустым блеском, заменяющим внутреннюю яркость, с надуманной сложностью, убивающей прекрасную простоту, с ходульной эффектностью, уродующей величие. (222)

Можно поразному понимать, что такое красота. Каждый может иметь на этот счёт своё особое мнение. Но о том, что такое правда чувства, спорить нельзя. Она очевидна и осязаема. Двух правд чувства не бывает. Единственно правильным путём к красоте я поэтому признал для себя – правду. Только правдивое – прекрасно. (223)

Как красноречиво и характерно может быть молчание, пауза! (224)

Жест и движение на сцене, как бы они ни были архаичны, условны и необычны, будут всё-таки казаться живыми и естественными, если артист глубоко в душе их прочувствует. (225)

Иллюстрировать слово жестом – нехорошо, это фальшиво, это приём очень плохой. Нельзя жестом иллюстрировать слова. Это будут те жесты, про которые Гамлет сказал актёрам: «Вы размахиваете руками, как ветряная мельница»... Но жестом при слове можно рисовать целые картины. (226)

Движение души, которое должно быть за жестом для того, чтобы он получился живым и художественно-ценным, должно быть и за словом, за каждой музыкальной фразой. Иначе и слова, и звуки будут мёртвыми. И в этом случае, как при создании внешнего облика персонажа, актёру должно служить его *воображение*. Надо вообразить душевное состояние персонажа в каждый данный момент действия. (227)

Певца, у которого нет воображения, ничто не спасёт от творческого бесплодия – ни хороший голос, ни сценическая практика, ни эффектная фигура. Воображение даёт роли самую жизнь и содержание. (228)

Есть в искусстве такие вещи, которых словами сказать нельзя. Я думаю, что есть такие же вещи и в религии. Вот почему и об искусстве, и о религии можно говорить много, но договорить до конца невозможно. Доходишь до какой-то черты, – я предпочитаю сказать: до какого-то *забора*, и хотя знаешь, что за этим забором лежат ещё необъятные пространства, *что* есть на этих пространствах, объяснить нет возможности. Не хватает человеческих слов. Это переходит в область невыразимого чувства. (229)

Есть буквы в алфавите, и есть знаки в музыке. Всё вы можете написать этими буквами, начертать этими знаками. Все слова, все ноты. Но... Есть *интонация вдоха*, – как написать или начертить эту интонацию? Таких букв нет. (230)

Как у актёра возникает и формируется сценический образ, можно сказать только приблизительно. Это будет, вероятно, какая-нибудь половина сложного процесса – то, что лежит по эту сторону забора. Скажу, однако, что сознательная часть работы актёра имеет чрезвычайно большое, может быть, даже решающее значение – она возбуждает и питает интуицию, оплодотворяет её. (231)

Для того, чтобы роль уродилась здоровой, надо долго-долго проносить её под сердцем (если не в самом сердце) – до тех пор, пока она не заживёт полной жизнью. (232)

Для того, чтобы полететь на аэроплане в неведомые высоты стратосферы, необходимо оттолкнуться от куска плотной земли, разумно для этой цели выбранного и известным образом приспособленного. Какие там осенят актёра вдохновения при дальнейшей разработке роли – это дело позднейшее. Этого он и знать не может, и думать об этом не должен, – придёт это как-то помимо его сознания; никаким усердием, никакой волей он этого предопределить не может. Но вот, от чего ему оттолкнуться в его творческом порыве, это он должен знать твёрдо. Именно знать. (233)

Знать – это значит сознательным усилием ума и воли выработать себе взгляд на то дело, за которое ты берёшься. (234)

Все последующие замечания о моей манере работать относятся исключительно к сознательной и волевой стороне творческого процесса. Тайны же его мне неизвестны, а если иногда в высочайшие минуты духовного подъёма я их смутно и ощущаю, – выразить их я всё-таки не мог бы... (235)

Мне приносят партитуру оперы, в которой я должен петь известную роль. Ясно, что мне надо познакомиться с лицом, которое мне придётся изображать на сцене. Я читаю партитуру и спрашиваю себя: что это за человек? Хороший или дурной, добрый или злой, умный, глупый, честный, хитрюга? Или сложная смесь всего этого? (236)

Если произведение написано с талантом, то оно мне ответит на мои вопросы с полной ясностью. Есть слова, звуки, действие, и если слова характерные, если звуки выразительные, если действие осмысленное, то образ интересующего меня лица уже нарисован. Он стоит в произведении готовый – мне только надо правильно его прочесть. (237)

Для этого я должен выучить не только свою роль, – все роли до единой. Не только роли главного партнёра и крупных персонажей – все. Реплику хориста, и ту надо выучить. Это, как будто, меня не касается? Нет, касается. В пьесе надо чувствовать себя, как дома. Больше, чем как «дома». Не беда, если я дома не уверен в каком-нибудь стуле, – в театре я должен быть уверен. Чтобы не было никаких сюрпризов, чтобы я чувствовал себя вполне свободным. (238)

Прежде всего, не зная произведения от первой его ноты до последней, я не могу вполне почувствовать стиль, в котором оно задумано и исполнено, – следовательно, не могу почувствовать вполне и стиль того персонажа, который меня интересует непосредственно. (239)

Затем, полное представление о персонаже я могу получить только тогда, когда внимательно изучил обстановку, в какой он действует, и атмосферу, которая его окружает. Окажется иногда, что малозначительная как будто фраза маленького персонажа – какого-нибудь «второго стража» у дворцовых ворот – неожиданно осветит важное действие, развивающееся в парадной зале или в интимной опочивальне дворца. (240)

Нет такой мелочи, которая была бы мне безразлична, если только она не сделана автором без смысла, без надобности – зря. (241)

Воображение – одно из самых главных орудий художественного творчества. (242)

Если хорошо вообразить нутро человека, можно правильно угадать и его внешний облик. (243)

Грим очень важная вещь, но я всегда помнил мудрое правило, что лишних деталей надо избегать в гриме так же, как и в самой игре. Слишком много деталей вредно. Оне загромождают образ. (244)

Грим – это только помощник актёра, облегчающий внешнюю характеристику типа, и роль его, в конце концов, только второстепенная. (245)

Как одежда на теле не должна мешать движениям тела, так грим должен быть устроен так, чтобы не мешать движениям лица. (246)

Грим нужен прежде всего для того, чтобы скрыть индивидуальные черты актёра. Моё лицо так же будет мешать царю Борису, как мешал бы ему мой пиджак. И точно так же, как

костюм Бориса прежде всего имеет задачей устранить мой пиджак, – грим Бориса должен прежде всего замаскировать моё лицо. (247)

Сценический образ правдив и хорош в той мере, в какой он убеждает публику. Негр с белой шеей, старик с нежными руками не покажутся публике убедительными, белокурый Борис Годунов не будет принят без сопротивления. (248)

Песня без внутренней жизни никого не взволнует. Убедить публику – значит, в сущности, хорошо её обмануть, вернее, создать в ней такое настроение, при котором она сама охотно поддаётся обману, сживается с вымыслом и переживает его, как некую высшую правду. (249)

Зритель, отлично знает, что актёр, умирающий на сцене, будет, может быть, через четверть часа в трактире пить пиво, и тем не менее от жалости его глаза увлажняются настоящими слезами. (250)

Так убедить, так обмануть можно *только* тогда, когда строго соблюдено чувство художественной *меры*. (251)

Конечно, актёру надо прежде всего самому быть убеждённым в том, что он хочет внушить публике. Он должен верить в создаваемый им образ твёрдо и настаивать на том, что вот это, и только это – настоящая правда. (252)

Идеальное соответствие средств выражения художественной цели – единственное условие, при котором может быть создан гармонически-устойчивый образ, живущий своей собственной жизнью, – правда, через актёра, но независимо от него. Через актёра-творца, независимо от актёра-человека. (253)

Дисциплина чувства снова возвращает нас в сферу сознания, к усилию чисто интеллектуального порядка. Соблюдение чувства художественной меры предполагает контроль над собой. Полагаться на одну только реакцию публики я не рекомендовал бы. (254)

«Публика хорошо реагирует, значит это хорошо» – очень опасное суждение. Легко обольститься полуправдой. (255)

Успех у публики, т.е. видимая убедительность для неё образа, не должен быть артистом принят как безусловное доказательство подлинности образа и его полной гармоничности. Бывает, что публика ошибается. Есть, конечно, в публике знатоки, которые редко заблуждаются, но свежий народ, широкая публика судит о вещах правильно только по сравнению. (256)

Только строгий контроль над собою помогает актёру быть честным и безошибочно убедительным. (257)

Когда я пою, воплощаемый образ предо мною всегда на смотрю. Он перед моими глазами каждый миг. Я пою и слушаю, действую и наблюдаю. Я никогда не бываю на сцене один.... На сцене два Шалапина. Один играет, другой контролирует. (258)

Я ни на минуту не расстаюсь с моим сознанием на сцене. Ни на секунду не теряю способности и привычки контролировать гармонию действия. (259)

Бессознательность творчества, о которой любят говорить актёры, не очень меня восхищает. Говорят: актёр в пылу вдохновения так вошёл в роль, что, выхватив кинжал, ранил им своего партнёра. По моему мнению, за такую бессознательность творчества следует отвести в участок. (260)

Образ не готов после первого представления, когда актёр уже покори́л публику. Он долго ещё дозревает, от спектакля к спектаклю, годами, годами. Дело в том, что есть труд и наука, есть в природе талант, но, самая, может быть, замечательная вещь в природе – практика. Если воображение – мать, дающая роли жизнь, практика – кормилица, дающая ей здоровый рост. (261)

Есть такое множество пустяков, которые стоят между вами и публикой. Есть вещи неуловимые, до сих пор не могу понять, в чём дело, но чувствую: *это* почему-то публике мешает меня понять, мне поверить. (262)

Свет в театре, если он в какой-то таинственно-необходимой степени не соответствует освещению сцены, мешает проявиться каким-то скрытым чувствам зрителя, подавляет и отвращает его эмоцию. Что-нибудь в костюме, что-нибудь в декорации или в обстановке. Так что актёр в творении образа зависит много от окружающей его обстановки, от мелочей, помогающих ему, и от мелочей, ему мешающих. И только практика помогает актёру замечать, чувствовать, догадываться, что именно, какая деталь, какая соринка помешала впечатлению. (263)

Зрительный зал и идущие из него на подмостки струи чувства шлифуют образ неустанно, постоянно. Играть же свободно и радостно можно только тогда, когда чувствуешь, что публика за тобой идёт. А чтобы держать публику – одного таланта мало: нужен опыт, нужна практика, которые даются долгими годами работы. (264)

Что сценическая красота может быть даже в изображении уродства – не пустая фраза. Это такая же простая и несомненная истина, как то, что могут быть живописны отрепья нищего. Тем более прекрасно должно быть на сцене изображение красоты, и тем благороднее должно быть благородство. (265)

Для того же, чтобы быть способным эту красоту свободно воплотить, актёр должен чрезвычайно заботливо развивать пластические качества своего тела. (266)

Непринуждённость, свобода, ловкость и естественность физических движений – такое же необходимое условие гармонического творчества, как звучность, свобода, полнота и естественность голоса. (267)

Большими актёрами делаются обыкновенно люди, с одинаковой строгостью культивирующие и свой дух, и его внешние пластические отражения. (268)

Настоящий театр не только индивидуальное творчество, а и коллективное действие, требующее полной гармонии всех частей. Ведь для того чтобы в опере Римского-Корсакова был до совершенства хороший Сальери, нужен до совершенства хороший партнёр – Моцарт. Нельзя же считать хорошим спектаклем такой, в котором, скажем, превосходный Санчо Панса и убогий Дон-Кихот. (269)

Каждый музыкант в оркестре участвует в творении спектакля, что уж говорить о дирижёре! И часто я искренно отчаивался в своём искусстве и считал его бесплодным. Меня не утешала и слава. (270)

Какую *реальную радость* даёт слава, кроме материальных благ и иногда приятных удовлетворений житейского тщеславия? Я искренно думал и думаю, что мой талант, так великодушно признанный современниками, я наполовину зарыл в землю, что Бог отпустил мне многое, а сделал я мало. Я хорошо пел. Но где *мой театр*? Театр, из которого был бы беспощадно изгнан шаблон и где все искусства сочетались бы в стройной гармонии? (271)

Живое сценическое создание не может быть только повторением жизни. Органическое слияние звука и слова не всегда даёт в результате эффект чистого и мощного драматизма; ещё реже может оно дать отзвук подлинной, реальной жизни. (272)

Два этапа ведут к сценическому реализму. Жизненность и правдивость сценического образа в оперном произведении всегда будут зависеть от его творцов, т.е. композитора, в первую, и автора текста, во вторую очередь. (273)

Артист-певец должен вылепить роль так, как ваятель статую, заботясь и о художественном целом, и о деталях. Он должен в музыке, в тексте и сценической ситуации произведения найти все черты образа, а затем, используя своё знание жизни и интуицию, воплотить характер, т.е. найти его реальное выражение. (274)

Для того чтобы этот образ обладал реальными, жизненными чертами, чтобы он захватывал зрителя своей сценической выразительностью, вовсе не нужны театральные кулисы, не нужен оперный костюм, может быть, не нужна и сцена. Песня, исполняемая в концертном зале, может вызвать искренностью выражения то же впечатление, что и отрывок из «Бориса Годунова», исполняемый на сцене. Чем это достигается? Какими средствами? Теми же, что и там. Сценической правдой. (275)

Если я стремлюсь своим пением выразить чувство, то я должен сделать это с такой силой выразительности, чтобы все слушатели чувствовали вместе со мной и композитором. (276)

В концертном ли зале или на театральных подмостках – основой исполнения является сценическая правда, которая заключается в полной искренности выражения и безграничном единстве всех средств творческой изобретательности. Ведь искусство артиста-певца ставит своей целью пробудить в зрителях и слушателях представления, образы и чувства, из которых состоит жизнь с её удивительным сплетением реального и конкретного с фантазией и мечтой поэта. (277)

Артист должен быть готов серьёзно над собою работать и не обольщаться дешёвыми успехами. Особенно теперь, когда театральное искусство находится, как мне кажется, в печальном упадке, когда над театром столько мудрят и фокусничают. (278)

Холодно и протокольно звучит самая эффектная ария, если в ней не разработана интонация фразы, если звук не окрашен необходимыми оттенками переживаний. В той интонации вздоха, которую я признавал обязательной для передачи русской музыки, нуждается и музыка западная, хотя в ней меньше, чем в русской психологической вибрации. Этот недостаток – жесточайший приговор всему оперному искусству. (279)

Я не отрицаю, что западной музыке более, чем русской, сродни кантиленное пение, при котором техническое мастерство вокального инструмента имеет очень большое значение. Но *всякая* музыка всегда так или иначе выражает чувства, а там, где есть чувство, механическая передача оставляет впечатление страшного однообразия. (280)

Поразличному прекрасны творения западной музыки. Есть мир Моцарта, и есть мир Вагнера. Каким объективным инструментом можно точно измерить сравнительное величие каждого из них? А чувством всякий может предпочтительно тяготеть к Моцарту или Вагнеру. Интимные мотивы такого предпочтения могут быть различные, но самый наивный из них, однако, субъективно убедителен. (281)

Надо только помнить, что законное право личного пристрастия к одному типу красоты и величия не исключает преклонения перед другим. (282)

Математическая верность в музыке и самый лучший голос мертвенны до тех пор, пока математика и звук не одухотворены чувством и воображением. Значит, искусство пения нечто большее, чем блеск *bel canto*. (283)

Необходимо техническое господство над голосовым инструментом. Звук должен умело и компактно опираться на дыхание, как смычок должен умело и компактно прикасаться к струне, скажем, виолончели, и по ней свободно двигаться. Точно так же, как смычок, задевая струну, не всегда порождает только один протяжный звук, а благодаря необыкновенной своей подвижности на всех четырёх струнах инструмента вызывает и подвижные звуки – точно так же и голос, соприкасаясь с умелым дыханием, должен уметь рождать разнообразные звуки в лёгком движении. (284)

В правильности интонации, в окраске слова и фразы – вся сила пения. (285)

Одно *bel canto* большей частью наводит на меня скуку. Ведь вот, знаю певцов с прекрасными голосами, управляют они своими голосами блестяще, т.е. могут в любой момент сделать и громко, и тихо, *piano* и *forte*, но почти все они поют только ноты, приставляя к этим нотам слога или слова. Так что зачастую слушатель не понимает, о чём, бишь, это они поют? (286)

Поёт такой певец красиво, берёт высокое *do* грудью, и чисто, не срывается и даже, как будто, вовсе не жилится, но если этому очаровательному певцу нужно в один вечер спеть несколько песен, то почти никогда одна не отличается от другой. О чём бы он ни пел, о любви или ненависти. Не знаю, как реагирует на это рядовой слушатель, но лично мне после второй песни делается скучно сидеть в концерте. (287)

В мнимом раю больше змей, чем яблок. (288)

Конечно, многие люди, вероятно, несметно умные, говорят, что религия – опиум для народа и что церковь развращает человека. Судить об этом я не хочу и не берусь потому, что на это я смотрю не как политик или философ, а как актёр. (289)

Кажется мне, однако, что если и есть в церкви опиум, то это именно – песня. Священная песня, а может быть и не священная, потому что она, церковная песня, живёт неразрывно и нераздельно с той простой равнинной песней, которая, подобно колоколу, также сотрясает сумрак жизни, но лично я, хотя и не человек религиозный в том смысле, как принято это понимать, всегда, приходя в церковь и слыша «Христос воскрес из мертвых», чувствую, как я вознесён. Я хочу сказать, что короткое время я не чувствую земли, стою как бы в воздухе... (290)

Порой чувствуешь потребность отблагодарить привычное нашему сознанию высшее существо, которое мы называем Богом, а в сущности, даже не знаем, существует ли оно или нет. Есть какое-то наслаждение в чувстве благодарности. (291)

Не хватает человеческих слов, чтобы выразить, как таинственно соединены в русском церковном пении два полюса радости и печали, и где между ними черта, и как одно переходит в другое, неуловимо. (292)

Много горького и светлого в жизни человека, но искреннее воскресение – песня, истинное вознесение – песнопение. Вот почему я так горд за мой певческий, может быть, и несуразный, но певческий русский народ. (293)

* * *

Ничто меня так сильно не возмущает, как неуважительное отношение к своему собственному делу. (54)

Легко обольститься полуправдой. (255)

А. Ш в е й ц е р

(1875 – 1965 гг.)

Не существует какого-то особого времени для правды. Час истины – сейчас и всегда. (1)

В двадцать лет каждый из нас имеет лицо, дарованное нам Богом; в сорок – лицо, которое дала нам жизнь; в шестьдесят – лицо, которое мы заслужили. (2)

Для человека, которому перевалило за шестьдесят, у меня есть один рецепт: много работать и – ещё больше работать. (3)

Человек овладевает природой, ещё не научившись владеть собой. (4)

Этика – это безгранично расширенная ответственность по отношению ко всему живущему. (5)

Благоговение перед жизнью! (6)

Симпатия, испытываемая человеком ко всем живым существам, делает его настоящим человеком. (7)

Знать друг друга – не значит знать о другом всё; это значит относиться друг к другу с симпатией и доверием, верить друг другу. Человек не должен вторгаться в чужую личность. (8)

Добро – то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей. (9)

Человек должен нести ответственность за зло, которое совершается в мире по его вине, активно бороться с ним, а не ждать вмешательства свыше. (10)

Человек потерял способность предвидеть и предотвращать. Он кончит тем, что разрушит землю. (11)

То, что обычно считается оптимизмом, – не более как естественная или приобретённая способность видеть вещи в розовом свете. (12)

Наш опыт пессимистичен, но наша вера – оптимистична. (13)

Истинно верующим является тот, кто способен раскрыть и развить своё духовное сознание. (14)

Пример есть лидерство. (15)

Годы покрывают морщинами лицо, а утрата энтузиазма накладывает морщины на самую душу. (16)

Первый шаг на пути нравственного развития – это чувство солидарности со всеми остальными людьми. (17)

Идеал культурного человека есть не что иное, как идеал человека, который в любых условиях сохраняет подлинную человечность. (18)

Поистине нравствен человек только тогда, когда он повинуется внутреннему побуждению помогать любой жизни, которой он может помочь, и удерживается от того, чтобы причинить живому какой-либо вред. (19)

Что мы имеем в виду, когда произносим заимствованное у греков слово «этика» и заимствованное у римлян слово «мораль»? Мы имеем в виду правильное поведение человека. (20)

Абстракция – это смерть для этики, ибо этика есть живое отношение к живой жизни. (21)

Нам следует заботиться не только о своём благосостоянии, но и о благосостоянии других людей и человеческого общества в целом. (22)

Почтение к человеческим страданиям и человеческой жизни, вплоть до самой мелкой и незначительной, должно отныне и впредь стать неизменным законом. При этом не надо заменять старые лозунги новыми и воображать, что торжественные речи и заявления способны принести добро. Мы должны понять, что лишь глубинные перемены в человеческом сердце способны изменить мир к лучшему. (23)

В наше время, когда жестокость и насилие царят в нашем мире более, чем когда-либо, я продолжаю твёрдо верить в то, что истина, любовь, миролюбие, кротость и доброта – это силы, которые способны смирить любую жестокость. (24)

Судьба каждой истины сначала быть осмеянной, а потом уже признанной. (25)

* * *

Этика есть безграничная ответственность за всё, что живёт. (5)

Добро – это сохранять жизнь, содействовать жизни, зло – это уничтожать жизнь, вредить жизни. (9)

Лишь глубинные перемены в человеческом сердце способны изменить мир к лучшему. (23)

А. Ш ё н б е р г

(1874 – 1951 гг.)

Не придавай важности сегодняшним огорчениям: завтра у тебя будут новые. (1)

Если это искусство, значит, это не для всех; а если это для всех, значит, это не искусство. (2)

Моя музыка не является современной, просто её плохо играют. (3)

Кто-то должен был стать Шёнбергом, а так как других не нашлось, им пришлось стать мне. (4)

Ф. Ш о п е н

(1810 – 1849 гг.)

Люди, неспособные смеяться, не могут быть серьёзными людьми. (1)

Признак перворазрядного ума – это способность одновременно сознавать две взаимоисключающие идеи и, тем не менее, продолжать своё дело. (2)

Стоит нашим сердечным страданиям стать сердечной болезнью – и для нас всё кончено. (3)

Музыка не имеет отечества; отечество её – вся Вселенная. (4)

Выражение мыслей при посредстве тонов, обнаружение чувств путём этих тонов, искусство проявлять себя в тонах – есть музыка! (5)

Простота – верх совершенства. Когда из бесконечности всех сыгранных нот вдруг проступает простота, она появляется как корона, чтобы венчать высокое искусство. (6)

Бах – это астроном, открывающий всё новые самые изумительные звёзды; Бетховен соизмеряет себя со Вселенной. Я же стремлюсь только к одному: быть выражением души и сердца Человека. (7)

Д. Д. Ш о с т а к о в и ч

(1906 – 1975 гг.)

Любителями и знатоками музыки не рождаются, а становятся. Чтобы полюбить музыку, надо прежде всего её слушать. (1)

Музыка сопровождает человека в течение всей его жизни. Без музыки трудно представить себе жизнь человека. Без звуков музыки она была бы неполна, глуха, бедна. (2)

Настоящая музыка способна выражать только гуманные чувства, только передовые гуманные идеи. Мы не знаем ни одного музыкального произведения, воспевающего злобу, ненависть, разбой. (3)

Любите и изучайте великое искусство музыки. Оно откроет вам целый мир высоких чувств, страстей, мыслей. Оно сделает вас духовно богаче. Благодаря музыке вы найдёте в себе новые неведомые вам прежде силы. Вы увидите жизнь в новых тонах и красках. (4)

Людям нужны все виды музыки – от простого напева свирели до звучания огромного симфонического оркестра, от незатейливой популярной песенки до бетховенских сонат. (5)

Мелодия – это мысль, это движение, это душа музыкального произведения. (6)

Талант художника – это не его личное достояние, он принадлежит народу. (7)

Только то искусство будет жить, расцветать, уходить глубоко своими корнями в жизнь, которое видит своё призвание в том, чтобы служить великому творцу истории – народу. (8)

Сокровища музыки неисчерпаемы, и так же неисчерпаемы её возможности в будущем. Она будет вечно расти и развиваться, как вечно будет расти и шириться человеческий дух. (9)

Ф. Ш у б е р т

(1797 – 1828 гг.)

Только там, где тебя нет, там и есть счастье. (1)

Понимание музыки и мои страдания – вот что причина появления моих произведений. Впрочем, те, что рождены только страданием, похоже, меньше всего нравятся миру. (2)

Что делать со счастьем тому, кому в качестве развлечения ничего, кроме несчастья, не остаётся? (3)

Нет никого, кто понимал бы чужую боль, и никого, кто понимал бы чужую радость! Люди только думают, будто идут навстречу друг другу, тогда как на самом деле проходят мимо. (4)

К легкомыслию большей частью понуждает тяжесть на сердце. (5)

Принимайте людей такими, каковы они есть, а не такими, какими должны быть. (6)

Кто любит музыку, никогда не может стать понастоящему несчастным. (7)

Камни дробить – это дело камнедробильщика, композитор же должен сочинять музыку! (8)

Мы всё время думаем, что Бог походит на нас самих: снисходительный говорит о Его снисходительности, исполненный ненависти проповедует, что Он страшен. (9)

Р. Ш у м а н

(1810 – 1856 гг.)

Каждому самому лучше знать, почему он поступает так, а не иначе. (1)

Алфавит порицания имеет в миллион раз больше букв, чем алфавит одобрения. (2)

Верные суждения – дети опыта, и беспристрастное сравнение приводит к ясности взгляда. (3)

Нельзя судить о целой жизни по одному-единственному поступку, ибо мгновение, грозящее опрокинуть целую систему, часто можно объяснить и оправдать, исходя из целого. (4)

Шагами измеришь в миллион раз меньше пространства, чем взглядом: маленький глаз вбирает в себя всё мироздание. (5)

Вооружённый глаз видит звёзды там, где невооружённый видит одне туманности. (6)

Раз уже глаз направлен на что-то определённое, ухо больше не может судить самостоятельно. (7)

В глазах может быть написано: молчание – тоже язык. (8)

В момент, когда глаза готовы увлажниться, губы тщатся выразить улыбку. (9)

Молния не высылает впереди себя ливрейного лакея, в лучшем случае – бурю до и гром после. Таков уж её обычай. (10)

Трудности отнюдь не сваливаются с неба, а всегда проистекают из самой сути дела. (11)

Ведь так нелегко управиться со всем тем, что относится к духовной жизни человека, каково же будет, если ещё взвалить на себя груз его плоти! (12)

Люди несносны и к тому же необразованны. (13)

Человек вовсе не хочет знать о тех удивительных свойствах, которыми он отличается и которые в нём заложены. (14)

Грусть – среднее между страданием и радостью. (15)

Настоящее горе не кричит, даже у примитивных людей. (16)

Главное для истинной дружбы – чтобы была душа. (17)

От чужих, но хороших людей всегда можно получить что-нибудь для себя полезное. (18)

Сколь немногие из людей дарят с чистым сердцем! (19)

Два или три подаренных цветка красноречивей, чем целая корзина. И возможно, что для глухого цветок благоухает так же, как звук звучит для слепого. (20)

Человек склонен принимать себя за того, за кого его принимают. (21)

Лести учишься по мере того, как тебе льстят: дающий и приемлющий пьют сладкий яд одинаковыми глотками. (22)

Настоящая мысль вообще не допускает никаких изменений. (23)

Бедность словесного описания ощущается живей всего, когда имеешь дело с любимыми вещами. (24)

Ведом ли вам тот миг, когда что-то хочешь сказать, но, от переполняющего тебя блаженства, этого сделать не в силах, когда хочется всё прижать к своей груди, пока ещё не найдено *единственное*, и когда именно музыка показывает нам то, что нам ещё когда-либо суждено утратить? (25)

Повествовать в истинной манере сказки – это значит говорить, внутренне не переживая происходящего. (26)

При сотрудничестве нескольких людей, из которых с течением времени одни выбывают, а их место занимают инакомыслящие, забывается главное, – и до такой степени, что оно в конце концов становится шатким и превращается в общие места. (27)

Люди хотят говорить об исключениях из правил, им неведомых. (28)

Тонко чувствующий человек не слишком расположен к обсуждению всего сугубо личного и не хочет, чтобы грубо руководили его мыслями. (29)

Когда сердце любит, оно меньше всего об этом говорит. (30)

Сугубо студенческое мироощущение, будто от пирушки зависит благо всего мира. (31)

Не так уж важно, получает ли кокетка одним цветком больше или меньше. (32)

Рано или поздно, но пламенные юноши, не испытавшие ответной любви, выбрасывают своего внутреннего Платона ко всем чертям и толпами приносят жертвы на эпикурейских алтарях. (33)

Честолюбивый характер будет выискивать любые средства, чтобы скрыть свои слабости. (34)

Две вещи на свете очень трудны: прочно завоевать себе славу и сохранить её. (35)

Что толку убеждать нас в том, что мы – великие люди, что толку, если добрые друзья нас поднимают на ходули, на которых нам без их помощи всё равно не удержаться? (36)

Хвала лишь тому впрок, кто умеет ценить и порицание, т.е. тому, кто, невзирая ни на что, нисколько не обижаясь, неустанно продолжает совершенствоваться, кто не замыкается эгоистически в самом себе, но хранит живую восприимчивость к чужому мастерству, – такой человек долго сохраняет свою молодость и свои силы. (37)

Нет ничего худшего, чем когда тебя похвалит негодяй. (38)

Гения следует иногда пробуждать насильственно и воспитывать его до известной степени с педантичной строгостью. (39)

Энергичная натура скорее изнурит сама себя, чем допустит, чтобы другие предписывали ей законы. (40)

Гений объединяет в себе высокое и глубокое. (41)

Талант работает, гений творит. (42)

Гению дозволены вольности, в которых таланту отказано. (43)

Гений создаёт царство, отдельные области которого распределяются высшей волей между талантами; эти последние разрабатывают в деталях и доводят до совершенства то, что невозможно охватить гению в его многообразной кипучей деятельности. (44)

Лишь немногие из гениальнейших произведений сделались популярными. (45)

В наше время, опошленное скороспелыми знаменитостями, мы обязаны говорить о тех, кто обогащает искусство силой своей целеустремлённости. (46)

Истинный художник в самом себе находит награду за проделанную им работу, и пусть он не ждёт от современников большей награды, чем за какое-нибудь латинское стихотворение, которое ему вздумалось бы написать. (47)

Жемчужина не плавает на поверхности; её надо искать в глубине, хотя это и опасно. Вдохновенная душа – ныряльщица. (48)

Только ради добычи жемчужины с опасностью для жизни опускаются на дно морское. Но в том-то и заключается проклятие, тяготеющее над талантом, что, с какой бы уверенностью и с каким бы упорством он ни пробивался и ни совершенствовался, он всегда в конце концов бывает вынужден остановиться, достигнув поставленной им себе цели, в то время как гений легко парит на высоте идеала и с улыбкой всё кругом озирает. (49)

Несчастье подражателя заключается в том, что он решается присвоить себе лишь самое заметное, что есть в оригинале, воспроизвести же подлинно прекрасное он не осмеливается. (50)

Самобытные находки весьма выгодно отличаются от попыток подражать чужому образцу. (51)

Что бы ни говорили вообще против соревнования художников, они наверняка побуждают работать более настойчиво, особенно робкие таланты, а мысль о победных лаврах придаёт силы, пожалуй, и мастерам постарше. (52)

Постоянное противодействие других талантов вызывает к жизни новые силы и удваивает их. (53)

Без некой самоуверенности талант ничего выдающегося достичь не может. (54)

Сильным и благородным натурам вообще свойственно презирать моду. (55)

Есть отдельные таланты, которые, не подчиняясь ни всемогуществу господствующего в данный момент гения, ни власти моды, живут и творят по собственному закону. И в этой непреклонности и упорстве, с которыми они отвергают всё, что походило бы на стремление завоевать популярность, пожалуй и заключается причина того, что их имена и вовсе не доходят до народа, быть может, в ущерб и той и другой стороне, хотя народ, конечно, теряет больше. (56)

В наше время среди множества появляющихся и вновь исчезающих имён даже лучшие остаются незамеченными. (57)

Кто слишком беспокоится о том, как бы сохранить свою оригинальность, уже наверняка на пути к тому, чтобы её потерять. (58)

Великое постоит за себя и в разрушении. Разрежьте на части симфонию Гировца и симфонию Бетховена и посмотрите, что останется. Компилятивные сочинения таланта подобны рассыпающимся карточным домикам, в то время как от творения гения и по прошествии столетий остаются капители и колонны, говорящие о разрушенном храме, какое бы высокое значение мы в музыке ни придавали целому (композиции). (59)

Проницательный слушатель легко мог бы показать характерные особенности разных композиторов на примерах отдельных тактов. (60)

Если речь идёт о гении, то не столь уж важно, как именно он проявляется, – в глубине ли, как у Баха, в высотах ли, как у Моцарта или сразу в глубинах и в высотах, как у Бетховена. (61)

Когда непонимающие называют Баха сухим, они не ведают, что это – молния, которая тысячами своих изломов в единое мгновение касается и звёзд и цветов. (62)

Есть и бесталанные, много чему научившиеся, которых обстоятельства заставили заняться музыкой, – это ремесленники. (63)

Добрая воля, даже не поддерживаемая силой таланта, менее вредна искусству, чем талантливая заносчивость. Жало прощается пчеле ради её хоботка, собирающего мёд, но оно не прощается осе, не имеющей хоботка. Между тем кругом порхает некий средний вид, не особенно трудолюбивый и не особенно вредный. Эдаких не стоит сразу же давить, если только они назойливо не вертятся перед глазами. (64)

Иной раз трудно бывает не сердиться на ту взбалмошность, с какой природа распределяет свои дары. Одному она дарует характер, но и упрямство; другому – изобретательность, но и легкомыслие; этому – тщеславие, но без выносливости; тому – поэтические мысли, но без умения с ними обращаться; многим – кое-что, большинству – очень мало. (65)

Творческая мощь служит почвой на которой грациозность расцветает подобно цветку. (66)

Природа подчас запечатлевает звание художника уже в его внешнем облике: восторженные глаза, орлиный нос, тонкий иронический рот, великолепные ниспадающие кудри и под всем этим – лёгкий, хрупкий торс, который кажется скорее несомым, чем несущим. (67)

Поистине отраднo, когда с уверенностью можно предсказать, что путь ищущего приведёт его к мастерству. (68)

В нашем суждении о человеке и художнике мы всегда берём за меру лучшее из созданного им. (69)

Старайтесь быть всегда верными самим себе, а именно – тому высшему, что вложено в вас свыше. (70)

Истинный мастер воспитывает не учеников, а опять-таки мастеров. (71)

Метода и школьная манера скорее продвигают вперёд, но делают это односторонне и мелочно. Ох! сколько же у вас, у преподавателей, грехов на душе! (72)

Я твёрдо убеждён в том, что теоретики от школьной скамьи причинили гораздо больше вреда, чем штурмующие небо практики, и что покровительство, оказываемое жалкой посредственности, наделало куда больше бед, чем высокая оценка иной поэтической экстравагантности. (73)

Недостаточно что-нибудь знать, усвоенное должно быть проверено и подкреплено практикой. (74)

Сластями, печеньями и конфетами нельзя вырастить из детей хороших людей. Подобно телесной пище, духовная тоже должна быть простой и питательной. (75)

Удивительно, как слабости и недостатки, которые замечаешь у иных ещё в детстве, со временем обнаруживают себя, как явные духовные изъяны, слабости таланта и прочая. (76)

В каждом ребёнке таится дивная глубина, не следует только её замутнять или засыпать. (77)

Кто хочет познать художника да посетит его в его мастерской. (78)

Всем новым явлениям свойственно духовное начало. (79)

Кто однажды поставил себе границы, от того, к сожалению, требуют, чтобы он их всегда соблюдал. (80)

Конечно, дух и его царственная свита – всегда самое главное. (81)

Неизменное пребывание в окружении выдающихся людей или постоянное лицемерие высших творений искусства, духовный облик и жизненное тепло которых почти бессознательно сообщаются людям восприимчивым настолько, что красота становится для них как бы живой практикой, – вот что нужно, чтобы облагораживать воображение народа. (82)

Гораздо важнее водить людей по галереям с произведениями мастеров или юношей, стремящихся с ними сравниться, чем таскать их из одной лавочки, торгующей лубками, в другую. (83)

Можно предостеречь от безобразного или непристойного, но ничто так не плодит посредственности, как посредственные рассуждения об этом. (84)

Тот, кто вечно вращается в кругу одних и тех же форм и соотношений, тот застывает в какой-либо манере и становится филистером. (85)

Обманутый действительностью ищет утешения в иллюзиях, создаваемых искусством. (86)

Чем шире распространено художественное чутьё, тем лучше. (87)

Всё зависит от руки мастера, способной даже в самом малом создать нечто завершённое. (88)

Человеку присуща особая робость перед мастерской гения: он не хочет ничего знать о причинах, орудиях и тайнах творчества, ведь и природа обнаруживает некую стыдливость, скрывая свои корни под землёй. Так пусть же художник таит про себя свои муки; мы узнали бы страшные вещи, если бы в каждом произведении могли проникнуть до самой основы, из которой оно произошло! (89)

Плохо, когда господствует стремление нарочито завладеть вниманием, выказать себя властителем наших дум. (90)

Таинственность имеет, между прочим, для многих особую прелесть и, кроме того, как всё сокровенное, – особую силу. (91)

Необычное в художнике не всегда признаётся сразу, и это к его выгоде. (92)

Насколько же счастливым должно быть стечение обстоятельств, чтобы мы воочию могли лицезреть явление Прекрасного во всём его достоинстве и великолепии! (93)

Необычное повергает нас в изумление, когда мы к нему приближаемся, однако сила непосредственного впечатления нам всегда мешает отличать причину от воздействия. Лишь на расстоянии возвращается к нам сознание. (94)

Точно так же, как солнечный луч, не теряя своей силы, достигает самых отдалённых пределов, и ослабление его яркости нисколько не уменьшает его животворного тепла, так и настоящий художник ничего не проигрывает от того, что мы с ним общаемся за пределами его творческой мастерской. (95)

Нет ничего опаснее для художника, чем изоляция от жизни. Меня волнует всё, что происходит на белом свете, – политика, литература, люди; обо всём этом я размышляю на свой лад, а затем всё это просится наружу, ищет выражения в музыке. (96)

Художник должен всегда искать равновесия с жизнью; иначе ему придётся туго. (97)

Слишком длительная отрешённость от мира в конце концов вредит художнику; он до того привыкает к определённым формам и приёмам, что вдруг увязает в них, становясь чудачком и фантазёром. (98)

Аполлон – бог муз и в то же время бог врачей. (99)

Художник должен, как греческий бог, ласково обращаться с людьми и с жизнью. Только если она осмелилась бы его коснуться, он должен был бы исчезнуть, не оставив после себя ничего, кроме облаков. (100)

Истинно говорю вам, молодые художники, берегитесь всяких графинь и баронесс, которые только и ждут, чтобы вы посвящали им свои композиции; всякий, кто хочет стать художником, должен перестать быть кавалером. (101)

Истинно великое искусство не является простым зеркалом жизни. Конечно, искусство должно не подражать несчастным параллельным октавам и квинтам самой жизни, а скорее скрывать их. (102)

Законы морали те же, что и законы искусства. (103)

Эстетика одного искусства есть эстетика и другого; только материал различен. (104)

Образованный музыкант может с такой же пользой изучать рафаэлевскую мадонну, как живописец – моцартовскую симфонию. Более того: для ваятеля каждый актёр превращается в застывшую статую, а для актёра творения скульптора – в живых людей. Для живописца стихотворение становится картиной, а музыкант перекладывает картины на звуки. (105)

От произведения искусства можно, кроме корректности и стиля, требовать ещё и другого – жизненного порыва, внутренней необходимости. (106)

Должны существовать сочинения для каждого культурного уровня. (107)

Одной простоты недостаточно для создания художественного произведения, и она может, при известных обстоятельствах, оказаться столь же предосудительной, как и её противоположность – перегруженность; но полноценный мастер использует все средства с выбором и своевременно. (108)

Есть произведения настолько духовно тонкие, что даже самая неуклюжая критика стыдливо отступает перед ними и настраивается на комплименты. (109)

В построении произведений, свойственном лучшим образцам, есть голова, туловище и ноги, естественно слагающиеся в единое целое. (110)

Гигантские идеи жаждали гигантских воплощений. Богу, для того, чтобы действовать, нужен был мир. Но искусство имеет свои границы. Аполлон Бельведерский, будь он на несколько футов выше, оказался бы уязвлённым. Более поздние композиторы-симфонисты заметили это, и некоторые даже вернулись к уютным формам Гайдна-Моцарта. (111)

Я вовсе не поклонник слишком древнего. Все эти исследования допотопных вещей я вполне признаю в качестве исторического любительства, но считаю, что большого влияния на наше художественное развитие они иметь не могут. (112)

Зачем сочинять, оглядываясь назад? Кому идёт парик, тот пусть его и надевает, но не убирайте непокорный юношеский локон, даже если он несколько прихотливо свисает на лоб. (113)

Искусство не должно зависеть от каприза отдельных энтузиастов, стремящихся увести назад на целое столетие, через труп которого колесница времени давно уже пронеслась. (114)

Древнейший человек был самым молодым; пришедший же последним является самым старшим; как же мы дошли до того, что позволяем прошлым столетиям нам предписывать что-либо? (115)

Всякое оскудение в искусстве или в природе причиняет боль, вдвойне, когда иностранному оказывают часто незаслуженный почёт. (116)

От отсутствия интриг и толков о них процветают и искусство, и художники. (117)

Игра не на инструменте, а с инструментом – толпе эта тайна непонятна. (118)

Не показывай светской черни своих божественных даров, пока этого не приказали небожители, которые тебе их отпустили и которые тобою дорожат. (119)

В искусстве дело обстоит так же, как в жизни: некоторые люди могут нас на какое-то время заинтересовать своей необычностью, более того – даже резкостью и невоспитанностью; в конце концов привыкаешь к этому и какую-то часть пути бодро шагаешь рука об руку с

ними, пока, на своё счастье, не встретишь разумного человека, который откроет тебе глаза и укажет на опасность. (120)

Не очень образованные в общем склонны слышать в музыке без текста либо только страдание, либо только радость, либо (среднее между ними) грусть, но не способны различать более тонкие оттенки чувства, как, например, гнев и раскаяние в страдании или безмятежность и благодушие в радости. (121)

У искусства есть два языка. Один – обычный, земной, которым большинство изучающих искусство может овладеть в школе при наличии усердия и доброй воли. Другой язык – более возвышенный, неземной; он смеётся над железной муштрой, ибо он должен быть прирождён человеку. (122)

Обыденный язык подобен каналу, в прямое русло которого насильственно направлено умирённое движение воды. Язык возвышенный – это лесной поток, бурно низвергающийся с облачных высот, стремясь неведомо откуда и неведомо куда, текущий сильно и многодумно. На этом языке говорили пророки, и он же – язык художников, ибо художники – пророки. (123)

Через сравнения результат достигается лишь окольными путями; бери предмет таким, каков он есть, со всеми присущими ему «за» и «против». (124)

Чем более зрело суждение, тем проще и скромнее оно будет выражено. (125)

Лишь тот, кто десятки раз вновь и вновь возвращается к изучаемому предмету и путём добросовестных сопоставлений в упорном самоотречении вникает в его сущность, – лишь он один знает, насколько скуден прирост наших сведений, насколько медленно очищается наше суждение и насколько, поэтому, мы должны быть осмотрительны в своих высказываниях. (126)

Без многообразнейшего опыта и руководящих познаний мы, взирая с открытыми глазами на творение искусства, пребываем в слепоте. (127)

Обыденная мысль, высказанная правдиво и просто, сама по себе не оскорбляет, другое дело – мысль цветистая, принаряженная, претендующая на нечто большее и более священное. (128)

Почему вы так высокомерно воротите нос от афоризмов, долговязые филистеры? Чорт возьми, разве Земля – гладкая поверхность? И разве нет на ней Альп, рек и различных людей? И разве жизнь – система? И разве она не состоит из отдельных полуразорванных листков, покрытых детскими каракулями, юношескими профилями, рухнувшими надгробиями, цензурными пробелами судьбы? Я утверждаю, что это именно так. Более того, небезынтересно было бы и в самом деле как-нибудь срисовать жизнь такой, какой она живёт и бытует, и написать её роман в афоризмах в том же роде, в каком мыслители-систематики изложили свои философские системы. (129)

Поэзия на несколько мгновений на протяжении вечности надевает маску иронии, чтобы не видели её страдальческого лика. Возможно, что ласковая рука некоего гения когда-нибудь и снимет эту маску. (130)

Пусть каждый бережёт собственную шкуру. Если у меня есть враг, это для меня не основание быть его врагом; я могу стать его Эзопом, превращающим его в басню, или его Ювеналом, превращающим его в сатиру. (131)

Призвание художника – озарять светом глубины человеческой души. (132)

О тех вещах, в которых мы разбираемся лучше всего, мы судим наиболее добросовестно и медленно. (133)

Критика, впрочем, всегда будет плестись в хвосте, если только она рождается не в творческих головах. (134)

Лишь художники или истинно художественные натуры могут и должны писать об искусстве. (135)

Лучший способ говорить о музыке – молчать о ней. Зачем писать о Шопене? Зачем заставлять читателя скучать? Почему не черпать из первых рук, самому играть, самому сочинять? (136)

Разве высшую хвалу (как и самый горький упрёк) можно выразить словами? (137)

Признаемся, что считаем высшей критикой ту, которая сама производит впечатление, подобное взволновавшему нас оригиналу. (138)

Не каждому из нас дано быть мастером, но быть музыкальным и музыкантом – обязательное требование. (139)

Не суди о произведении по первому впечатлению; то, что тебе нравится в первый миг, не всегда самое лучшее. (140)

Не следует забывать о театральном воздействии физической отдалённости, которая, ослепляя нас, идеализирует всё в наших глазах и заставляет нас принимать стеклярусы за алмазы. (141)

Каждый имеет право выполнять свой долг по отношению к искусству по-своему, позвольте и мне оставаться самим собою. (142)

Ни в одной критике не бывает так трудно доказывать, как в музыкальной. Наука бьёт математикой и логикой, поэзии принадлежит решительное, золотое слово, другие искусства избрали себе судьёй природу, у которой они заимствуют свои формы, но музыка – сирота, отца и мать которой никто назвать не может. И, может быть, всё обаяние её красоты как раз и заложено в таинственности её происхождения. (143)

Лишь тогда, когда тебе станет вполне ясной форма музыкального произведения, тебе станет ясным и дух. (144)

Я придаю большое значение облику нотного письма для глаза. (145)

Для того, чтобы музыкальное произведение меня удовлетворило, я требую от него чувства, подобного тому, которое я испытываю при входе в новый большой чужой дом с великолепными статуями в вестибюле – всё невиданное и в то же время знакомое и словно давно предчувствованное. (146)

Всякий, кто очень ценит свои похвалы, вместе с тем и весьма скуп на них. (147)

Не существует ещё мирового искусства, а потому и такой критики, которая не соизмерила бы своих суждений с уровнем культуры, достигнутым разными народами, и не считалась бы с их характером. (148)

Критик и рецензент – явления разные: первый ближе к художнику, второй – к ремесленнику. (149)

Один порицающий голос звучит сильнее, чем десять хвалебных. (150)

В искусстве и в науке партии открыто противостоят друг другу и враждуют между собой. (151)

Приглаженный, общепринятый тон высказываний своей хвалебностью может принести гораздо больше бед, чем проявления групповых интересов и откровенные поиски скандала. (152)

Дух нерешительности прикидывается беспристрастностью, чтобы скрыть бесхарактерность. (153)

Человека, в силу его таланта и серьёзности устремлений, приходится судить со всей строгостью. (154)

Век взаимных комплиментов постепенно сходит в могилу. И, признаемся, мы несколько не хотели бы содействовать его оживлению: тот, кто не решается нападать на зло, защищает добро лишь наполовину. (155)

С достоинством искусства и правдивостью критики несовместимо спокойное отношение к трём исконным врагам музыкального, как и вообще всякого художественного творчества: к бездарности, к *дюжинным способностям* (лучшего слова я не нахожу), наконец, к талантливому *многописанию*. (156)

Подобно тому, как существует школа вежливости, никто, к моему удивлению, ещё не подумался до школы полемики, которая давала бы гораздо больше пищи воображению. (157)

Музыка побуждает соловьёв к любовному зову, мопсов – к тявканью. (158)

Искусствами должны заниматься только таланты; я хочу сказать, что язык благожелательности в музыкальной критике был бы само собой разумеющимся условием, если бы можно было всегда обращаться к одним лишь талантам. Но сейчас волей-неволей приходится воевать. (159)

Музыкальная полемика до сих пор – ещё необозримое поле, и это от того, что лишь очень немногие музыканты пишут хорошо, большинство же писателей – не настоящие музыканты, и ни те, ни другие толком за это дело взяться не умеют, отсюда – музыкальные сражения, которые обычно кончаются двусторонним отступлением или объятиями. Поскорее пришли бы настоящие люди, умеющие как следует подраться! (160)

В художественной критике какое-то пожимание плечами, какая-то сдержанность, которую нельзя ни понять, ни достаточно осудить. Почему прямо не отвергать бездарных? Почему не выкидывать за борт мелкотравчатых и половинчатых, а с ними заодно и зазнавшихся? Неужели же этой проклятой немецкой вежливости хватит ещё на столетия? (161)

Настало наконец время всем нам подняться против того наступательного и оборонительного союза, который заключили друг с другом пошлость и упрямство, пока они ещё не совсем нас заполонили и пока бедствие это ещё не совсем безысходно. (162)

Разве насмешка, которая только ранит, но не убивает, не слишком даже хороша для породы, подлежащей полному выкорчёвыванию вплоть до последнего корешка и побега? (163)

Легче уничтожить породистое животное, чем обыденную выносливую скотинку. (164)

Что за времена! Разве естественное ещё производит впечатление? А не украшения, не покровы? Разве великое нас ещё трогает? Разве от него не требуют к тому же и великолепия? Разве изучение не останавливается на полпути, чтобы сразу же хвататься за последнее? Разве некая деланная таинственность не прикидывается глубиной – никакой цельности, одни обрывки – никакого достоинства, одно легкомыслие. (165)

Хвалебные изречения султанов в художественной критике не оказывают никакого воздействия, и смотри, не принимай такие афоризмы, если только они не подкреплены контекстом и не развиты по существу, за нечто большее, чем просто блажь, и уж ни в коем случае не усматривай в них результаты глубоких исследований! (166)

Художественное произведение нельзя свести к алфавитному списку эстетических эпитетов, но критика не должна замалчивать тех необходимых требований, которых художник не выполнил, указывая не на то, чего в произведении нет, а на то, чего ему недостаёт. Я думаю, что одно из таких требований – подлинное поэтическое вдохновение. (167)

Требований, предъявляемых к лучшему, в тысячу раз больше. (168)

От кого ещё можно ожидать счастья и успеха в искусстве, как не от тех, которые кроме благородных стремлений обладают и силой воплотить их. Именно лучшие не должны были бы выступать со своими незначительными сочинениями. (169)

Имена связывают, а сведения о личности тем более. (170)

То, что музыкальное произведение кажется прекрасным в исполнении его автора, ещё не является полноценным доказательством его высокого качества, а свидетельствует лишь о превосходном исполнении. (171)

Увы, посредственные сочинения, украшенные достойным авторским именем, так часто оттесняют превосходные вещи менее именитых композиторов, а нередко и вовсе их заслоняют. (172)

Большинство произведений сегодняшнего дня – мимолётные создания, рождаемые и уничтожаемые текущим моментом. (173)

Хорошо уже и то, что скудость обнаруживается в неприкрытом виде. (174)

Для уродства, для лицемерия, скрывающихся под соблазнительным покровом, искусство не должно служить зеркальным отражением. (175)

С теми борзописцами, число творений которых определяется их оплатой (а среди них немало прославленных имён), с теми зазнайками, для которых, якобы, закон не писан, наконец с теми нищими или обнищавшими лицемерами, которые своё убожество всё ещё обряжают пёстрыми лохмотьями, – вот с кем надо бороться критику изо всех сил. Когда они будут раздавлены, масса сама потянется к лучшему. Иначе рано или поздно этот союз осилит всех нас и обрушит целый потоп сочинений, в котором соединятся всеобщая духовная нищета и умственное бессилие. (176)

Настойчиво напоминать о старом времени и его творениях, поскольку лишь этот чистый источник может питать силы нового искусства. (177)

Тот, кто не сумел подняться до уровня современности, будет по большей части заблуждаться в том воздействии, какое может оказать созданная им вещь, но часто и в самой этой вещи. (178)

Ясность, покой, грация – признаки античных творений искусства, но также и моцартовской школы. Грек даже своего Юпитера-громовержца рисовал ясноликим, но таков и Моцарт, мечущий молнии. (179)

Просвещённый консерватор, хотя он с горячей любовью и предан старине, всё же обладает восприимчивостью к новым явлениям и силой отстаивать собственные взгляды. (180)

Не в пример тем, кто только и делают, что кричат о гениальных дерзаниях, о неуважении к уважаемым формам, о неоромантическом роландовом неистовстве, я в новейшей музыке нахожу скорее нечто подавленное, болезненное, полуправдивое, во всяком случае чуждое старой музыке. (181)

Трудно, конечно, ставить каждое явление на своё место, сохраняя при этом собственное равновесие. (182)

Мелочность и механичность в понимании своей задачи – тормозы на ровной дороге. (183)

Посредственные художественные критиканы, приставляющие к колоссу лестницу и добросовестно измеряющие его аршинами, бессильны что-нибудь разъяснить в произведении великого художника. (184)

Ничто так не плодит посредственности, как посредственные рассуждения о великом. (185)

Перо критика должно призывать нас к тому, чтобы объединёнными силами по возможности противостоять потоку пошлости, грозящему затопить всех и вся. (186)

Высочайшее стремление честных критиков – сделать самих себя совершенно излишними. Лучший способ говорить о музыке – молчать о ней. (187)

Пусть критики не воображают себя чем-то вроде Господа Бога для художников, которые ведь всегда могут обречь их на голодную смерть. (188)

Долой газеты! Сколько бы критика ни преуспевала, она всегда и прежде всего не более как сносное удобрение для будущих творений, но божье солнце и без того порождает достаточно много. (189)

Подъём музыкального искусства начнётся лишь вместе с подъёмом художников до уровня той духовной аристократии, по законам которой овладение ремесленными знаниями рассматривается не просто как требование, а как сама собой подразумеваемая необходимая предпосылка; в ряды же избранных допускается лишь обладающий достаточным талантом, чтобы дать то, что он сам требует от других: воображение, чувство и мысль. (190)

Снисходительная критика может многое прощать таланту художника, но рано или поздно для него настанет время строго следить за собой, чтобы ещё больше не запутаться в самом себе. (191)

Беда в том, что существуют своего рода полугении, которые с необыкновенной лёгкостью и восприимчивостью поглощают всё необычное, будь оно хорошее или дурное, и

перерабатывают это как своё собственное достояние. У них одно крыло – гения, а другое – из восковых перьев. В добрый час, в минуту возбуждения первое увлекает второе за собою ввысь, но в нормальном состоянии покоя восковое еле-еле поспевает за другим. (192)

Для них достаточно единого упрёка, чтобы они ещё пуще заупрямились, но точно также достаточно одной похвалы, чтобы они тотчас же зазнались. Но так как они по большей части тщеславны и не настолько собой владеют, чтобы не навязывать миру своих творений, вполне естественно, что от последнего не может ускользнуть всё то недоразвитое и двусмысленное, что заложено в их существе. (193)

Бывают модные гении, чьё вредное и тормозящее влияние, правда, вполне осознаётся, но время проходит, они отстают от самих себя, и образуется брешь, которую без особого успеха пытаются заполнить менее талантливые, и тогда часто мечтают вернуть прежних гениев. (194)

Задача критика, сохраняя значительность и свежесть, преследовать врага по пятам во всеоружии шуток и насмешки и мощно подавлять всё пошлое и болезненное. (195)

Критика как бы выступает против творчества: у глупых, зазнавшихся она выбивает оружие из рук, сговорчивых щадит и воспитывает, смелым деятельно и дружелюбно идёт навстречу, перед сильными опускает шпагу и салютует. (196)

Критика ничего не должна утаивать! Правда, всякое искание в искусстве – приблизительно, и нет такого художественного произведения, которое ни в чём нельзя было бы улучшить – нет такого звука в голосе, в речи, такого движения в теле, такой линии в картине. (197)

Нередко виртуозность в чём-либо одном возмещает собою бессилие в другом, и иное произведение можно назвать даже классическим, только бы манера его была выражена с достаточной полнотой и являлась оригинальной. (198)

Алмазу охотно прощаешь остроту его граней; закруглять их – слишком дорого. (199)

Вариации... Безусловно ни в одном жанре музыкального искусства не выпускалось большего количества хлама да и будет выпускаться. Трудно представить себе всё убожество, расцветающее на этой почве, всю пошлость, потерявшую всякий стыд. (200)

Признаюсь, мне часто случалось писать отрицательные рецензии, но я ещё никогда не имел дело с произведениями более бездарно беспомощными, безнадежно ничтожными, неопишимо никудышными. (201)

Великое часто бродит в умах вокруг, находя выражение в сходных словах и звуках. (202)

Гораздо больше, чем в искусствах изобразительных, в которых единичный торс может уже указать на руку мастера, в музыке всё – связь, целое, как в малом, так и в большом, как в отдельном произведении, так и в целой жизни художника. (203)

Музыка – искусство, развившееся позже других. Её источниками были простые состояния радости и печали (мажор и минор); не очень развитой человек даже едва ли может себе представить, что бывают совершенно особые страсти, поэтому так трудно и даётся ему понимание всех более индивидуальных мастеров. (204)

Благодаря более тонкому проникновению в тайны гармонии было достигнуто умение выражать и более тонкие оттенки душевных переживаний. (205)

Музыка подобна драме. Королева (мелодия) пользуется большею властью, но решение остаётся всегда за королём (гармонией). (206)

Благодаря развитию гармонии страсть обогатилась более тонкими оттенками. Это поставило музыку в ряд высших искусств, владеющих средствами для воплощения всех состояний души. (207)

Мелким было бы то искусство, которое располагало бы только звучаниями, не имея ни языка, ни знаков для выражения душевных состояний. (208)

Спокойная Психея со сложенными крыльями прекрасна лишь наполовину: она должна парить в воздухе. (209)

Равные силы друг друга нейтрализуют; неравные друг друга повышают. (210)

В музыке бессмыслица вообще невозможна: даже сумасшедший не в силах подавить законы гармонии. Правда, он может быть более вздорным. (211)

Музыка – не дело каждого, как простое ремесло. Это некая страна чудес, открываемая жрецами только для избранных. (212)

Музыка в её наивысшем смысле способна воплощать всю многогранную конкретность реальной жизни: самые тонкие и особенные состояния души, жизнь отдельного человека и жизнь народов, национальный характер страны и её природу! (213)

Музыка и поэзия – искусства времени и движения. (214)

Во всякой музыке уже самой по себе должно быть нечто весеннее. Ей вовсе не следует всё более и более по-фаустовски замыкаться в самой себе и предпочитать мрачную мистику здоровому наслаждению благами жизни. (215)

Люди, у которых в душе нет ничего святого, проматывают жизнь, и музыка для них – лишь прикрытие их пошлейших греховных чувств. (216)

Как политические перевороты, так и музыкальные проникают в малейшие закоулки нашего житья-бытья. В музыке новое влияние заметно даже там, где она наиболее ощутимо связана с жизнью – в танце. (217)

Мне смешны все эти вечные разглагольствования о непорочности и абсолютной красоте музыки как таковой. Конечно, искусство не должно подражать несчастным параллельным октавам и квинтам самой жизни, а скорее их скрывать. (218)

В отличие от литературы, музыка – то искусство, которым мы лучше всего наслаждаемся сообща, в толпе (симфония в комнате для одного слушателя едва ли понравилась бы ему), искусство, которое в одно и то же мгновение захватывает тысячи таких, как мы; оно поднимает нас над жизнью, как над морем. (219)

Давайте помнить о той радости и той пользе, которые всегда доставляли и будут доставлять совместное музицирование и совместные устремления. (220)

Если хочешь узнать человека, спроси его, с кем он дружит, иными словами, если хочешь судить о публике, примечай, чему она хлопает и каков в целом её вид после прослушанного. (221)

Стоит ли приходить в ярость от некоторых вещей, стоит ли корчить всякие сатирические рожи только ради того, чтобы люди, чего доброго, не вообразили, что до них кому-то есть дело – так глубоко, глубоко внизу влачатся эти двуногие существа, именуемые людьми, по узкому ущелью, которое лишь с грехом пополам можно было бы назвать жизнью. (222)

Многое способна перенести она, эта публика. На то Бог и дал человеку нос, чтобы можно было водить его за нос. (223)

Было бы ошибкой считать приём со стороны публики мерилom для оценки качества произведения и его воспитательного действия на слушателя. Вот замерли последние звуки, и некоторые похлопали, и это, вероятно, относится к исполнению, но огромное большинство обрадовалось наступившему, наконец, избавлению. (224)

Коли публика наполовину уже погружена в самосозерцание, это попросту значит, что она спит. (225)

Неужели великий человек должен всегда иметь в своей свите тысячу карликов? Они улыбаются и хлопают, воображая, будто понимают его – того, кто был так полон устремлений, кто так боролся в бесчисленных битвах. Они, которые не могут дать себе отчёта о самом простом музыкальном законе, берут на себя смелость судить о мастере в целом! (226)

Вообще, когда я слышу о том, что надо считаться с публикой, у меня руки чешутся. Слишком уж деликатничают с публикой, которая начинает прямо-таки упорствовать в своих вкусах, в то время как раньше она скромно издала прислушивалась и была счастлива, если ей хоть что-нибудь перепало от художника. (227)

Иной раз приходишь в ярость не от той или иной причины, но просто хочется «нежнейшим кулаком» крушить всё направо и налево, да и себя самого стереть с лица земли, когда станет совсем невтерпёж. (228)

Подлинный художник готов пожертвовать успехом у широких масс ради более существенного признания со стороны его товарищей по искусству. (229)

Перед взором человека, пробившегося наконец через горы хлама, нагромождённого вокруг, мастерские вещи вырастают из-за нотного пульта, как оазисы в пустыне. (230)

Лишь то, что овеяно духом и поэзией, продолжает звучать и в будущем, и тем медленнее и дольше колеблется это звучание, чем глубже и крепче те струны, которые были задеты. (231)

В музыке есть произведения, действующие на души с одной и той же мощью, и в силу этого они достойны наивысшего признания; это произведения, одинаково доступные как юности, так и старости. (232)

Музыкант, как и всякий художник, не может без ущерба для своего искусства заниматься тем, что ему даёт прочное жизненное положение. (233)

Кажется, что ни одно из искусств не требует столь продолжительных усилий и воздействий, чтобы дойти до потомков, как музыка. Причина же, возможно, заключается отчасти в том, что следующие одна за другой эпохи быстро самоуничтожаются, да ещё в текучести и безбрежности самой музыки. Между тем великая мысль, высказанная немногими словами, делает её автора бессмертным. (234)

Хороший музыкант тот, кто понимает музыку без партитуры и партитуру без музыки. Слух не должен нуждаться в зрении и зрение – во внешнем слухе. (235)

Всякое музыкальное произведение можно рассматривать с четырёх точек зрения, а именно, со стороны *формы* (целого, отдельных частей, периода, фразы), со стороны *музыкальной композиции* (гармония, мелодия, изложение, тематическая работа, стиль), со стороны *особой идеи*, которую художник хотел воплотить, и со стороны *духа*, господствующего над формой, материалом и идеей. (236)

Форма – вместилище духа. Чем крупнее вместилище, тем большими должны быть масштабы наполняющего духа. Словом «симфония» в инструментальной музыке до сих пор обозначаются наиболее крупные соотношения. (237)

Мы привыкли по названию вещи судить о ней самой; мы предъявляем одни требования к «фантазии», другие к «сонате». (238)

Ничто так не раздражает и не вызывает таких возражений, как новая форма, носящая старое название. (239)

Между тем надо всегда исследовать дело по существу. Поэтому чем произведение кажется нам на вид более странным и более искусным, тем с большей осторожностью следовало бы судить о нём. (240)

Для талантов второго ранга достаточно владеть традиционной формой; первоклассным талантам мы разрешаем её расширять. Лишь гений вправе свободно рождать новое. (241)

Для меня – кроме разве самого концерта – нет ничего более прекрасного, чем предконцертный час, когда напеваешь себе под нос эфирные мелодии, как пчёлы жужжащие у тебя на кончиках губ, когда ты на цыпочках осторожно прохаживаешься взад и вперёд, а на оконных стёклах умудряешься исполнять целые увертюры. (242)

Для успеха концертной пьесы играет роль каждое мгновение: на полминуты дольше – кто-нибудь уже закашлял и энтузиазма как не бывало. (243)

Иногда попадают дирижёры, которые своим скипетром грозятся отколотить партитуру, а заодно и оркестр и публику. (244)

Ни один художник так не нуждается в цветущем зеркале своего искусства, как музыкант, жизнь которого часто расплывается в весьма смутных очертаниях, и ни одно искусство не следовало бы накладывать на более тонкую фольгу, чем это наиневнейшее, вместо того чтобы грубыми руками мясника перерабатывать его себе на закуску. (245)

Имена наших женщин-композиторов свободно можно уместить на лепестке розы, поэтому мы следим за каждой, и ни одно из дамских сочинений от нас не ускользает. Ибо у девушки, которая из-за нотных голосов может забыть о многом, что связано с её собственной женской головкой, должно быть в десять раз больше оснований сочинять, чем у нас, занимающихся этим только ради бессмертия. (246)

Музыкальное возбуждение всегда ненасытно. Поэтому я имею обыкновение прерывать миг наивысшего наслаждения, быть может, чтобы сохранить его в памяти во всей свежести и полноте. (247)

Слушайте, слушайте! Поверьте, музыка способна на многое, о чём вы не догадываетесь. Так слушайте же! (248)

Внимательно прислушивайтесь к народным песням: это целая сокровищница прекраснейших мелодий, оне откроют вам глаза на характер различных народов. (249)

Искусство станет той большой фугой, в которой будут чередоваться голоса различных народов. (250)

Подлинно простонародное я ценю много выше, чем окрашенное в розовый цвет убожество, простое «прощай» – выше, чем напомаженное «итак, я покидаю тебя с разбитым сердцем». (251)

Дублённые на французский лад немецкие чувства оказываются столь любезны, что следует быть начеку; тем более, что, с другой стороны, всё это пропитано таким чванством, что впору выйти из себя. (252)

Итальянскую мелодию знаешь ещё прежде, чем она началась. (253)

Чтобы покончить с чужеземным назойливо-однообразным пением и оживить в народе любовь к пению подлинному, иначе говоря – к музыке, которая художественно выражает естественные, глубокие и ясные чувства, прежде всего необходимо лелеять и защищать нашу добрую немецкую песню. (254)

Насколько мы вообще не испытываем недостатка в песнях, знает каждый; можно было бы ежегодно засеивать ими всю Германию. Но кто сумел бы ничего не проглядеть в этом изобилии, и сколько ещё, быть может, таится здесь никем не раскрытой скромности! (255)

Итальянскую музыку надо слушать среди итальянцев; немецкой, правда, наслаждаешься под любыми широтами. (256)

Немец липнет к традициям. (257)

Мудрено импонировать французам своей эфирной скромностью. (258)

Красивое пение в устах мраморного изваяния заставляет усомниться, обладает ли эта красавица каким-нибудь внутренним богатством. (259)

С эфирным голосом следует обращаться нежней, чем с руками пианиста, и излишество в первом случае столь же пагубно, как и недостаточность во втором. (260)

Едва ли я смогу передать вам, какое это наслаждение – писать для голоса – по сравнению с сочинением для инструментов – и как во мне всё волнуется и бурлит, когда я погружаюсь в работу. (261)

Под собственной крышей я могу заниматься тем, что мне нравится; но всякий, кто выйдет на публику, будет освещён ярким солнцем. (262)

Неустанно совершенствуй своё искусство, остальное придёт само собой. (263)

Для исполнителя одного вдохновения ещё не достаточно. (264)

Если хочешь проверить, есть ли в тебе нечто драгоценное, испытывай и шлифуй себя, как обрабатывают алмаз. (265)

Стихотворение должно покоиться в объятиях певца, как невеста – свободно, счастливо, целиком. Тогда только оно будет звучать как из небесной дали. (266)

Пальцы должны создавать на рояле то, чего хочет голова – а не наоборот. (267)

Ведь бывает же так: мгновенный порыв вдохновения словно увлекает за собой пальцы за пределы возможного. (268)

Кто не играет вместе с фортепьяно, не играет и на нём. (269)

Слово «играть» – очень хорошее, так как игра на инструменте должна быть тем же, что и игра с ним. Кто не играет *с* инструментом, не играет *на* нём. (270)

Играй всегда так, будто тебя слушает артист. (271)

У музыканта-художника, при всей его блестящей виртуозности, не пальцы главное, у него всё вырастает из духа. Слушать в течение часа, как он занимается, даже просто разучивает гаммы – это наслаждение и даёт больше, чем иное концертное исполнение. (272)

Если крупнейшие достижения служат как бы столпами музыкальной жизни, то виртуозы обвивают их наподобие душистых гирлянд. (273)

У человека не каждый день хватает сил для отражения и восприятия незаурядного (чем оно как раз и измеряется), скорее он расположен к восприятию поверхностного. (274)

Признак необычного в том, что его отнюдь не всегда понимают, большая часть людей расположена к поверхностному, например, к слушанию виртуозных вещей. (275)

Нехорошо, когда человек в чём-либо достигает слишком большой лёгкости. (276)

Вообще композитор, даже знаменитый виртуоз, вовсе не должен исполнять собственные произведения лучше и интересней, чем кто-либо другой, в особенности же свои новейшие, только что написанные сочинения, которыми он ещё не владеет с достаточной объективностью. (277)

Чему научишься с детства, того не забудешь. (278)

Во что бы то ни стало надо с детства сделать пальцы ненапряжёнными, свободными и подвижными; чем легче рука, тем более совершенно исполнение. (279)

Причина упадка музыки – в плохих театрах и плохих преподавателях. Поразительно, насколько последние способны своим руководством и воспитанием на долгие годы, даже на целые поколения оказывать либо благотворное, либо пагубное влияние. (280)

Соколиные охотники выщипывают у своих соколов перья, чтобы они летали не слишком высоко. (281)

Редок и счастлив тот юный талант, к которому приложим масштаб уже не возраста, а его достижений – хотя о бутоне можно, пожалуй, сказать больше, чем о цветке, больше об исканиях, чем о завершённом (да и вообще, бывает ли оно в искусстве), ибо в первом ещё заключена надежда на будущее. (282)

Пусть человек возьмётся за что-нибудь одно понастоящему и надолго, за какую-нибудь одну отрасль искусства или науки даже с опасностью впасть в односторонность (которая редко сочетается с поверхностностью) и пусть он эту отрасль лелеет, разрабатывает, облагораживает, доходит в ней до виртуозности – и тогда он скорее может рассчитывать на победу, чем тот несчастный, который, обладая, быть может и более высоким гением, обрекает себя на безвестную гибель под тяжестью колоссов. (283)

Называйте публичную игру наизусть смелостью или шарлатанством, всё равно она всегда будет свидетельствовать об огромной силе музыкального духа. Да и к чему эта суфлёвская будка? К чему кандалы на ногах, когда голова окрылена? Разве вы не знаете, что аккорд, как бы свободно его ни взять, глядя в ноты, и на половину не звучит так свободно как аккорд воображённый? (284)

Фортепьяно отличает поразительная разносторонность. Это инструмент бедный в каждом отдельном звуке, но способный обнаружить неслыханное богатство в их сочетаниях. (285)

Фортепьяно – это инструмент, к которому – если хочешь, чтобы всё здесь звучало и пело – надо применить совсем иные средства, нежели к человеческому голосу, и который вообще воздействует поинному. (286)

Убогая фортепьянная мелодия может ещё кое-как прозвучать, если её хорошо спеть, но богатая вокальная мелодия будет на фортепьяно звучать в два раза хуже, чем в пении. (287)

Чем старше я становлюсь, тем больше я убеждаюсь, что сущность и своеобразие фортепьяно по преимуществу выражаются в трёх его свойствах – в обилии голосов и смене гармоний, в пользовании педалью и в беглости. (288)

Судить о музыке фортепьянного концерта без партитуры всё равно, что говорить о супружеской чете, зная только одну её половину: настолько тесен брачный союз между фортепьяно и оркестром. (289)

Скажи мне, где ты живёшь, и я скажу тебе, как ты сочиняешь. (290)

Не люблю я тех, чья жизнь не созвучна их творениям. (291)

Человека узнаешь уже по выбору темы. Чем больше с ней связано ассоциаций, тем многозначительней и глубже будут мысли, которые она вызовет. (292)

Кто всё ещё слишком занят своей борьбой с формой, не в силах отпустить свою фантазию на волю. (293)

На юношеские произведения зрелых композиторов смотрят совершенно иными глазами, чем на те, которые сами по себе столь же хороши, но обещаний не сдержали. (294)

Общеизвестно, что большинство молодых композиторов хочет сразу же слишком хорошо сделать своё дело. Так, например, они нагромождают много лишнего тематического материала, который при дальнейшей обработке в малоопытных руках превращается в бесформенные комья. (295)

За выражением: «Я бросил это в печку», по существу, кроется бесстыдная скромность; из-за плохого произведения мир ещё не станет несчастным, притом это всегда одни лишь слова. А надо бы и действительно постыдиться. Терпеть не могу людей, которые бросают свои произведения в печку. (296)

Всевозможные жалкие колебания и желание всем понравиться ни к чему путному привести не могут. (297)

Мы питаем твёрдое убеждение в том, что если в наше время родится гений подобный Моцарту, он станет писать концерты скорее шопеновские, чем моцартовские. (298)

Можно отлично пойти навстречу определённым требованиям и желаниям своего времени, ни на йоту при этом не поступившись своим достоинством как художника. (299)

Прошли времена, когда люди млели от какой-нибудь слащавой фигуры, томного задержания или пассажа ми-бемоль мажор через всю клавиатуру; теперь требуется мысль, внутренняя связь, поэтическая цельность и всё это овеванное свежей фантазией. (300)

Да вьётся всегда вокруг цепи правил серебряная нить фантазии! (301)

Если теория – верное, но безжизненное зеркало, молча отражающее истину, но остающееся мёртвым без оживляющего её объекта, то фантазия – это ясновидящая с завязанными глазами, от которой ничего не скрыто и которая в своих ошибках часто кажется наиболее очаровательной. (302)

Не сомневайтесь: всюду, где не хватает фантазии, рассудок ещё способен на удивительные подвиги. (303)

Есть и такой рецепт творчества: не принуждать себя к творчеству, сочинять не ежедневно, но через бездействие набираться сил, повышая в себе потребность к высказыванию, а там уже, не колеблясь, отдаваться своему доброму гению. (304)

Нужно обладать достаточным запасом благоразумия, чтобы ради одной выгоды не пришлось пожалеть о десятикратном уроне; а потому не жертвуйте силой ради изнеженности, красотой – ради украшения; словом, не жертвуйте зерном ради оболочки. (305)

Пусть композитор не останавливается и ищет, в особенности богатые источники жизни, ибо они освежают и питают творческие силы. Нужно постоянно погружаться в кипучий поток жизни, ведь музыка по своей природе – воспоминание о самом прекрасном, что жило и умирало на земле. (306)

Берегись, однако, слишком часто отдаваться влечению таланта, который соблазняет тебя тратить силы и время на создание как бы призрачных образов. Овладение формой, сила ясного воплощения придут к тебе только вместе с нотными знаками. Итак, больше пиши, чем фантазируй. (307)

Не слишком много фантазируй, при этом выливается слишком много непригодного. Старайся тотчас же всё заносить на бумагу. Тогда мысли собираются и концентрируются всё более и более. (308)

Два варианта бывают часто равноценны. Но первоначальный большей частью лучший. (309)

Великий мастер записывает не всё, что ему внушает первый порыв вдохновения, а выбирает из многого. (310)

Первый замысел всегда самый естественный и самый лучший. Рассудок ошибается, чувство никогда. (311)

Первый набросок целого всегда остаётся самым удачным, однако деталь, т.е. то, что обеспечивает таланту уважение, а его произведению – долговечность, требует постоянной переработки и тщательной шлифовки, чтобы поддерживать тот интерес, которого замысел в целом, в его самых общих чертах не вызывает. (312)

Музыка, содержательность которой заключена не в ней самой, представляется мне неполноценной. Плохой признак для начинающего композитора, если он не расположен

прежде всего создавать музыку как таковую, но хочет лишь изображать то да сё при помощи музыки, если музыка нужна ему только как служанка или переводчица. (313)

Лучшей фугой остаётся та, которую публика принимает приблизительно за штраусовский вальс, иными словами та, в которой, как в цветке, искусное плетение корней скрыто настолько, что мы видим лишь самый цветок. (314)

Удачно выбранное название усиливает воздействие музыки. Для композитора это, кроме того, наиболее верный способ предотвратить явное искажение характера пьесы. Ведь это делают и поэты, пытаясь облечь в какое-нибудь заглавие общий смысл стихотворения; почему же музыкантам не делать этого? (315)

Давно установлено, что, перенося произведение из первоначальной тональности в какую-нибудь иную, мы достигаем другого впечатления, и что в этом как раз и проявляется различие в характере тональностей. (316)

Процесс, заставляющий композитора выбрать ту или иную тональность для выражения его ощущений, необъясним, как и само творчество гения, которое вместе с мыслью одновременно создаёт и форму, т.е. сосуд, вмещающий мысль. Композитор поэтому находит необходимую ему форму непосредственно, как живописец свои краски, не размышляя особенно долго. (317)

Менее сложные чувства требуют для своего выражения и менее сложных тональностей; более сложные лучше укладываются в тональности необычные, с которыми слух встречается реже. (318)

Подобно тому как академическая школа живописи не очень-то признаёт права гражданства за пейзажистами, так и нам следовало бы относиться к авторам вокальной музыки, если они остаются только таковыми. (319)

Я далёк от того, чтобы ставить симфонию ниже оперы. К тому же нехорошо, когда человек приобретает слишком большую лёгкость в чём-нибудь одном. (320)

Каждый анонс новой симфонии – праздник для нас, и мы берём в руки каждое такое крупное произведение не иначе, как только с самым выгодным для него предубеждением. (321)

Умеренное, экономное использование средств повсюду позволяет узнать лёгкую искусную руку мастера. (322)

Умеренность в применении средств приводит нас к самопознанию, позволяющему нам распоряжаться нашими прирождёнными духовными богатствами. (323)

Чувство уверенности и благополучия приобретает мастером за время долгой и хорошо прожитой жизни. (324)

Некая старательность в работе, боязливая забота о симметрии и форме мешают творческой свободе. Это неизбежно. (325)

Если автору непременно понадобилось вступление, то почему бы вместо чопорных прелиминариев не дать лучше несколько лёгких, приятных аккордов, в которых чувствуется что-то от альпийских рожков или альпийских роз? (326)

Обычного (например, в заключениях) избежать невозможно. Плохо, когда в конце, там, где мысль должна спокойно излиться, слушателя заставляют почувствовать или подумать нечто новое; этого следует тщательно остерегаться. (327)

До тех пор, пока художник вообще не убеждён в том, что произведение, сдаваемое им в печать, не только увеличивает количество написанного, но и духовно обогащает музыку, до тех пор он должен ждать и продолжать работать. Ибо что толку повторять идеи того или иного мастера, которыми мы можем наслаждаться из первоисточника во всей их первозданной свежести? (328)

Существует такая игра в кости, при помощи которой можно дюжинами составлять вальсы и арии; внешне они звучат неплохо, но до смерти безжизненно. (329)

Танцевальная музыка располагает к печали и расслабляет, тогда как, наоборот, музыка церковная приводит в радостное и деятельное настроение, по крайней мере меня. (330)

Для молодых композиторов, если они к тому же и виртуозы, нет ничего притягательней как писание этюдов, по возможности самых сногшибательных. Новую фигурацию, сложный ритм легко изобрести и гармонически развить; сочиняя, незаметно чему-нибудь да научишься. (331)

Этюды суть *этюды*, т.е. на них следует учиться тому, чего вы раньше не умели. (332)

Ни один из жанров фортепьянной музыки не может похвастаться таким количеством отличных произведений, как этюд. Причина вполне очевидна: форма этюда одна из самых лёгких и привлекательных, цель, которой добиваются, настолько ясна и твёрдо установлена, что ошибиться невозможно. (333)

Самое трудное, что может записать человек, вполне овладевший клавиатурой, будет всегда намного легче самого лёгкого, что напишет любитель. (334)

Опытный, размышляющий автор пишет этюды иначе, чем молодой, фантазирующий. Тот знает накопленные силы, границы своих возможностей и целей, очерчивает свой круг и не выходит за его пределы. Этот же громоздит одно на другое, швыряет глыбу на глыбу, покуда он сам и с опасностью для жизни не дойдёт до некоего геркулесового строения. (335)

Случайная реминисценция всегда лучше, чем отчаянная самостоятельность. (336)

Мне всегда казалось неуместным обращать внимание в созданиях далеко продвинувшихся талантов на реминисценции и сходства с другими современными произведениями. (337)

Иной дух лишь тогда действует свободно, когда он связан какими-то условиями; наоборот, в безграничном он рассеялся бы и растворился. (338)

Презрение к материальным средствам отдаляет от художественного идеала. Задача заключается в таком одухотворении материала, которое заставляет забыть обо всём материальном. (339)

Иные характеры проявляют свою самостоятельность, лишь опираясь на чужое, как, например, сам великий Шекспир. (340)

У некоторых творческий дух проявляется свободно лишь тогда, когда они чувствуют себя в определённых границах. (341)

Нельзя становиться ногами на то, что хочешь привести в движение. (342)

Грубый материализм средневековых фигур: из их пастей свисают огромные ярлыки с пояснительными речами и надписями. (343)

Предпочтительно, чтобы болезнь была побеждена сильной натурой, а не устранена на несколько мгновений пустяжными искусственными средствами. (344)

То, что я знаю, я отбрасываю – то, что имею, раздариваю. Таково богатство молодости. (345)

Красное – цвет юности. Бык от него разъяряется, индюк надувается. (346)

Когда многие неблагодарные молодые таланты забывают о том, что они лишь достраивают вершину здания, основание которого заложено не ими, то это – проявление той нетерпимости, которую испытывало и впредь всегда будет испытывать каждое новое молодое поколение. (347)

Прощайте юности её заблуждения. Есть блуждающие огни, которые показывают путнику настоящую дорогу, ту именно, на которой нет блуждающих огней. (348)

Не требуйте от зрелого мужа восторгов юноши, а от последнего спокойствия первого; мало того, осуждайте это! Юношескому произведению чрезмерная серьёзность не к лицу, как и наоборот: танец сорокалетнему мужчине. (349)

Я знаю, насколько осторожно надо напоминать молодым талантам о том, чтобы они сохраняли свою самобытность, ибо иначе они всячески пытаются уклониться от того, что служило им примером или вовсе не считаться с этим, вследствие чего возникают ещё большие препятствия для естественного развития их творческих возможностей. (350)

Когда проявляется сильная поэтическая натура, она сама, без помощи извне, неминуемо сбрасывает те цепи, которые обычно связывают одних художников с другими. (351)

Если вы встречаете противников, молодые художники, принимайте это с радостью как свидетельство силы вашего таланта и считайте, что талант тем значительней, чем более упрямы ваши недруги. (352)

Художникам уже немолодым нередко советовали, чтобы они, достигнув кульминационной точки, продолжали творить безмянно, ибо то, что молодым, ещё неизвестным именам и можно было бы зачесть как движение вперёд, будет рассматриваться у стариков как ослабление их художественной натуры. (353)

Художник же, если только он вообще стремится вперёд и если его стремление благородно, будет всегда считать своё последнее, только что им законченное произведение этой кульминационной точкой. (354)

Народы поразному молятся божеству, да и каждый человек по-своему. (355)

Порою дыхание смерти сказывается как усталость, как пресыщение жизнью. (356)

Легче сказать, чем доказать, что все мы умираем вовремя. (357)

Конечно, знак высшего почитания по отношению к великим, любимым и уже усопшим – деятельность в их духе. (358)

Когда солнце над нашей головой сияет в вышине, мы не отваживаемся взглянуть ему в лицо. Мы рискуем сделать это, только когда оно близко к закату, ибо тогда блеск уже не ослепляет нас. (359)

Возлюбим же тот высокий дух, что с невыразимой любовью взирает долу на жизнь, давшую ему так мало. (360)

Ускорим наступление решающего мига! (361)

Времена всегда и вечно куда-нибудь устремлены: вперёд или назад, на благо или на зло – об этом пусть судят грядущие поколения. Куда именно устремлено наше время – этого мне никто определённо предсказать ещё не смог. (362)

Нам предстоит долгий и трудный путь. На небе рдеет необычная заря, вечерняя или утренняя, я не знаю. Творите для света! (363)

Если всегда похвально с любовью вобрать в себя мысли человека, достигшего более высокой ступени, их переработать и после этого снова вынести наружу, то я, пожалуй, имею право претендовать на такую похвалу. (364)

Пусть же благодаря возвышенному духу достигнет расцвета всё то, чего можно добиться прилежанием. Мы от души желаем этого. Итак, вперёд, друзья! Оглянемся на вершине – не ранее. (365)

* * *

Нет ничего худшего, чем получить хвалу от негодяя. (38)

Талант работает, гений созидает. (42)

Талант не может позволять себе такие же вольности, как и гений. (43)

В том-то и заключается проклятие таланта, что он, работая уверенней и упорней, чем гений, не достигает цели, в то время как гений уже давно парит на высоте идеала, с улыбкой всё кругом озирая. (49)

Несчастье подражателя в том, что он решается присвоить себе лишь бросающееся в глаза, воспроизвести же то истинно прекрасное, что есть в оригинале, он по свойственной ему робости не осмеливается. (50)

Презрение к моде – обычное свойство сильных и благородных натур. (55)

В каждом ребёнке кроется чудесная глубина (77)

Не следует забывать о скромности, ведь и природа обнаруживает некую стыдливость, скрывая свои корни под землёй. Так пусть же художник таит про себя свои муки; мы узнали бы страшные вещи, если бы в каждом произведении могли проникнуть до самой основы. (89)

На протяжении вечности есть мгновения, когда поэзия надевает маску иронии, дабы не видели её страдальческого лика. (130)

Призвание художника – бросать свет в глубину человеческого сердца. (132)

Высшей критикой следует считать ту, которая сама производит впечатление, подобное взволновавшему нас оригиналу. (138)

В музыке как в шахматах: королева (мелодия) обладает высшей властью, но решает всегда король (гармония). (206)

Мелким было бы искусство, которое давало бы только звучания, не имея средств для выражения душевных состояний. (208)

Великая мысль, высказанная немногими словами, делает её автора бессмертным. (234)

Итальянскую музыку нужно слушать лишь под тем небом, где она родилась. (256)

Кто не играет *с* инструментом, не играет и *на* нём. (270)

О, если бы вокруг цепи правил всегда заплеталась серебряная нить фантазии! (301)

Сама музыка есть воспоминание о самом прекрасном, что жило и умирало на земле. (306)

Гений записывает далеко не всё, что ему внушает первый порыв вдохновения, а выбирает из многого. (310)

Прощайте юности её заблуждения! Бывают и такие блуждающие огоньки, которые указывают путнику верную дорогу, а именно ту, где блуждающие огоньки отсутствуют. (348)

Э л т о н Д ж о н

(1947 г.р.)

Меня интересует только артистическая и художественная сторона жизни. (1)

Музыка обладает целительной силой. В её власти избавить людей на какое-то время от самих себя. (2)

У меня всегда было предубеждение против фестивалей, они вызывают у меня подозрительность и насторожённость. (3)

Я думаю, что все исполнители – любители пускать пыль в глаза, особенно музыканты. Ведь пока не изобразишь из себя что-то эдакое, никто на тебя и не обратит внимания. (4)

Мне всегда хотелось разбить гитару о чью-то голову. А рояль для этой цели никак не подходит. (5)

Если вы пишете настоящие песни, песни, имеющие смысл и наполненные чувством, то вы пишете для бессмертия, потому что песни – ключ ко всему. Песни переживут своего создателя, их будут слушать и исполнять всё вновь и вновь, если они хороши. (6)

Дело совсем не в том, что вы добились успеха, что вы богаты, или кажетесь умным: если вы не можете попросить о помощи, значит, вы недостаточно умны. (7)

Я никогда не думал о себе, что я красив, привлекателен и всё такое. Я всегда чувствовал себя посторонним среди людей. (8)

Мне некому оставить свои деньги. Я человек одинокий. И мне нравится тратить свои деньги. (9)

Мы живём в такое время, в такую эпоху, когда дурное зашкаливает, когда в мире слишком много насилия, слишком много беспорядков и когда люди воюют друг с другом, поэтому мне и захотелось выставить на первый план слово «любовь», а красный цвет – это цвет любви. (10)

Факт то, что официальная религия не справляется со своими обязанностями. Она превращает людей в злобных зверюшек, и нет у неё на самом деле никакого сострадания. (11)

Д ж. Э н е с к у

(1881 – 1955 гг.)

Музыка должна идти из сердца, чтобы достичь сердца. (1)

Я убеждён, что люди идут в оперу не для того, чтобы слушать одну только музыку. Удачный оперный спектакль должен быть динамичным и обладать понятным текстом. (2)

Сила народной мелодии в том, что она легко пробивает себе путь к сердцам людей. Кто-то интуитивно создал её, выразив в напеве своё душевное состояние; другие подхватили напев, отшлифовали его, передав потомству в откристаллизованном очищенном виде. Такой она и сохранится в веках. (3)

С каждым днём мы всё яснее понимаем, каким неисследованным кладом является наш фольклор, хотя мы ещё используем эти богатства недостаточно. Произведения фольклора драгоценны, а их целомудренность и чистота достойны уважения и бережного отношения. (4)

Наш фольклор достоин восхищения, но пользоваться им надо с большой осторожностью, так как втиснутый в строгие рамки симфонического произведения, он легко может потерять своё неповторимое очарование. (5)

Только большие мастера могут смело обращаться с народными мелодиями, не нанося ущерба их блеску. Искусство композитора, подобно искусству ювелира, должно заключаться в том, чтобы создать достойную оправу народному произведению – оправу, ещё ярче оттеняющую его красоту. Композитор при этом остаётся в тени, признавая за собой лишь заслугу аранжировки. Великая, главная заслуга принадлежит неизвестному творцу, создателю народной мелодии. (6)

Фольклор прекрасен, но нельзя его одевать в чуждые ему одежды. Приспособить к фольклору современную оркестровку и подать его в таком виде – варварство. (7)

Каждая мелодия и особенно народная песня подразумевает определённую гармонию, единственно ей соответствующую. Любая другая гармония может изменить её характер, её звучание, смысл. Народной песне должна соответствовать простая, доступная гармония. (8)

Чем проще представлена народная мелодия, тем ярче раскрывается её красота. (9)

Я врождённый полифонист, а не приверженец красивых аккордов. (10)

Молодость – это не число годов, а состояние духа. (11)

ОТДЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ РАЗНЫХ АВТОРОВ

Музыка есть, собственно, язык настроений, то есть тех состояний нашей души, которые почти не выразимы словами и не поддаются определённому описанию.

В.С. Калинин

Тот, кто не получает удовольствия от музыки, создан без гармонии.

Дж. Царлино

Музыка требует размышлений и упражнений, которые должны прекратиться только вместе с жизнью.

Дж. Мартини

В конце концов, техника есть умение делать то, что хочется. Но на всякое хотение есть терпение.

Б. Асафьев

Художественная музыка вырастает из народной музыки. Она является её тесным продолжением, изящной усовершенствованной степенью.

З. Кодай

Искусство начинается там, где кончается техника.

Н.А. Порпора

Мы не пытаемся никому угодить. Мы просто играем хорошую музыку для себя и надеемся, что люди её оценят. Мне кажется, у нас появляется всё больше и больше поклонников.

Дж. Дикон

Музыку надо не только «исполнять», но и *постигать*. Главное – не в технике и не во фразировке, как таковых, а в *толковании*.

Ф.М. Блуменфельд

Следует разграничивать технику в прямом смысле и виртуозность, как разновидность артистического мышления. Можно обладать большой техникой, огромным мастерством – и не быть виртуозом.

А.А. Альшванг

Каждый артист должен сохранять свою индивидуальность, и следовать природе своего темперамента.

В. Морель

Творческая неповторимость, непохожесть на других – неперенное свойство подлинного художника и артиста.

Л.Н. Оборин

Виртуозность лежит не только в игре, но в натуре, в психике. Её сущность проявляется в том духе свободы, активности, безграничной творческой смелости, которой проникнута вся игра.

А.А. Альшванг

Право, всегда и всему можно придать грацию.

Ф.А. Буальдьё

Есть исполнители, которые далеко не сразу получают верную и исчерпывающую оценку. Они растут постепенно, испытывая не только радость побед, но и горечь поражений. Но зато они растут органично, неуклонно и достигают с годами самых высоких вершин искусства.

Я.И. Мильштейн

Настоящий художник, критически освоив сделанные в его адрес замечания, при первой же возможности без ложной обиды исправит свои ошибки.

В.М. Луканин

Оркестр – это народ, а квартет – это семья.

А. Дворжак

Искусство дирижирования всего лишь состоит в знании, когда следует перестать размахивать дирижёрской палочкой, чтобы не мешать играть оркестру.

Г. Караян

Убеждён: органная музыка – для великих духом. В каждом произведении возвышенный Бах будто освобождается от скорби, надеется на радость и очищает, осветляет душу. Эта наполненная оптимизмом печаль потрясает меня каждый раз... И ещё восхищает высшая музыкальная культура, удивительный порядок его произведений.

Г.И. Шуке

В опере либретто создаёт успех первого представления, музыка же сотого.

Дж. Мейербер

Прежде чем начать петь, продекламируйте слова, пропитайтесь их значением, и только тогда воплощайте заложенную в них мысль в звуке, в нотах, в мелодии.

Э. Карелли

Для того чтобы в полной мере обработать человеческий голос, надо было бы располагать двумя жизнями: одной – чтобы учиться, другой – чтобы петь.

А. Котоньи

Главное, что должен знать певец, – это слово «нет»!

М. Френи

Ни женщин, ни табачного дыма, ни вина. Но много еды, много сна и много отдыха.

6 заповедей великих певцов Италии

Чтобы стать понастоящему хорошим певцом, необходимы три важных условия: голос, голос и ещё раз голос!

Дж. Россини

Очень часто певцы сходят со сцены, не сумев и наполовину использовать природные данные. Что же делать артистам, которых природа не наградила столь щедро, как других? Тщательно изучая жизнь великих певцов, стремиться к максимальному раскрытию и приумножению собственных сил.

Т. Гобби

Певцы – самые ранимые люди на свете.

Ф. Чилеа

Хотелось бы обратить серьёзное внимание публики на одну немаловажную деталь. Если певец или певица, как принято говорить, фальшиво поёт, т.е. понижает или повышает

тональность, а то и поёт «между нот», то это очень плохо. Ну а если к тому же ещё не разберёшь ни одного слова, когда полное, со стороны исполнителя, пренебрежение к тексту, к русскому языку, и одно только безразличное извлечение звука, то это уже катастрофа. Раньше требовательней относились к таким дефектам, а сейчас никто не обращает на это внимания.

А.П. Гелева

Театр есть одна из самых широких просветительных школ для народа, но театр, возвышающий человека, а не унижающий его.

В.Д. Поленов

Для меня поэтическая программа является не чем иным, как творческим поводом и для создания выразительной формы, и для музыкального развития моих ощущений, а не просто музыкальным описанием известных жизненных событий.

Р. Штраус

Искусству нельзя ставить узких границ: пусть художник передаст всё, что ему угодно, но лишь бы в его произведениях была жизнь, чувствовалась правда. Оно будет тогда понятно и получит право на существование и уважение.

М.М. Ипполитов-Иванов

Инстинкт подсказывает одно, а воспитанный длительной привычкой разум диктует другое.

Г.Р. Гинзбург

Ученик, предоставленный самому себе, часто делает непростительные ошибки.

В.М. Луканин

Иной хоть и велик в своей области, но сама эта область мала.

А. Каталани

Есть люди, профессия которых совершенно неотделима от их жизни. Это энтузиасты своей работы, люди кипучей творческой деятельности, а жизненный путь их – сплошное творческое горение.

В. Дельсон

Каждый должен оставаться самим собой и следовать природе своей творческой личности.

В. Морель

При расстройстве не следует созерцать своё расстройство, ибо человек неизменно приобщается к созерцаемому. Полезнее всего выкинуть из головы всё, что расстроило, и заставить себя думать, говорить или читать о постороннем.

Н.К. Метнер

Главные медикаменты – это чистый воздух, холодная вода, пила и топор.

В.Д. Поленов

Я всё знаю, даже не выходя из своей квартиры.

В.В. Софроницкий

Мне удалось повидать большой свет, но всюду и всегда я оставался тем, кем был, простым чешским музыкантом.

А. Дворжак

Жизнь – очень смешная штука, потому что очень переходящая. Сегодня мы строим из себя королей, а завтра мы уже в ящике. Наша физическая природа нас постоянно подводит.
Э. Айдел

Жизнь всё берёт в отставку, всё хоронит. Конец, всему приходит конец!
А.К. Лядов

Человек, глубоко ушедший в духовные поиски, начинает пренебрегать обычными материальными радостями. Потому что все эти материи – ничто перед лицом вечности.
Э. Клартон

НЕМУЗЫКАНТЫ О МУЗЫКЕ И МУЗЫКАНТАХ

Величие искусства яснее всего проявляется в музыке.

И.В. Гёте

Кто проводит жизнь среди хороших книг, хороших мыслей, хорошей, всегда, вчера и сегодня хорошей, и только хорошей музыки, тот знает, что бедствие среднего вкуса хуже бедствия безвкусицы.

Б.Л. Пастернак

Музыка для меня та же поэзия и из всех видов поэзии глубже всех захватывающая.

Р. Роллан

Гениальная музыка великого мастера в силах развеять звуковой мусор и шумовой кошмар, и оболваненные бедняги увидят истину, поймут, что превратились в дурачков, но что они вовсе не рождены быть дурачками. Он сорвёт с порабощённых умов цепи шума, и люди смогут услышать в своей душе отзвук вечности.

Н. Нильсен

Прислушайтесь – неужели вы не слышите восхитительных мелодий тишины? Не слышите, как всё живое поёт хвалебную песнь? Прислушайтесь к шёпоту ветра, к падающим каплям росы, прислушайтесь к шороху воздуха в лёгких, к благодарному стуку сердца! Вы свободны! Так начинайте жить! Поделитесь друг с другом новыми мыслями!

Н. Нильсен

Музыка, как Бог, проникает непосредственно в душу человека.

А. Шопенгауэр

Музыка – это боковая дверца, сквозь которую можно спастись от серой повседневности этого мира.

А. Конан-Дойль

Музыка – язык окружающего нас невидимого мира и, как всё таинственное, глубоко волнует всё моё существо.

Л. Марич

Музыканту незачем скрывать свою тоску, он имеет на то право: он – мечтатель, его грусть не мешает, а даже помогает жить и работать другим.

Г.С. Гор

Музыка воодушевляет весь мир, снабжает душу крыльями, способствует полёту воображения; музыка придаёт жизнь и веселье всему существующему. Её можно назвать воплощением всего прекрасного и всего возвышенного.

Платон

Быть выраженным отвлечённо искусство не может, кроме музыки, занимающей особое место и также по-своему вполне конкретной.

И.А. Ефремов

Музыка – вот он, язык природы! Всё в ней полёт, всё модуляция. Что такое жалкие законы нашего языка, грамматики и синтаксиса в сравнении с физическими законами колебаний окружающей среды? Этими колебаниями я могу сказать и выразить в миллион раз больше, чем словами. Можно ведь заставить звучать бесконечность, окружающую нас вечность, тишину и безграничную пустоту.

Г. Циргибель

Звуковые колебания, нарастая, устанавливаясь на уровне, затем слабея, образуют ноту, элементарную цельность, «атом музыки». Ноты слагаются в цельности-аккорды, в цельности-мелодии; это «кристаллы», «комья», «волокна» музыки. И все они складываются в нечто ещё более цельное – в симфонию или в песню.

В.И. Савченко

В известном смысле музыка – это математика. Литература же, безусловно, не может быть такой математически совершенной, как музыка. Хотя бы потому, что слова слишком грубы, затасканы, даже опошлены. С таким испорченным материалом трудно создавать совершенные произведения искусства.

П. Вежинов

В мире всё – музыка и гармония или поиски гармонии, и в этих поисках следует быть смелым, идти рискуя и без оглядки.

В.В. Орлов

Я всегда убегаю слушать музыку, если на душе нелегко.

И.А. Ефремов

Искусная игра музыканта поднимает в душе огорчения и увеселяет печального.

Арабское изречение

Люди излечиваются от тревоги и гнева песней и танцами, ничего не зная о сущности их.

И.А. Ефремов

Музыка никогда не выражает явления, но одну внутреннюю сущность.

А. Шопенгауэр

Музыка с действительностью менее всего связана, вернее, если и связана, то безыдейно, механически, пустым звуком, без ассоциаций. И тем не менее музыка каким-то чудом проникает в самую душу. И потрясает! Что-то резонирует в нас в ответ на приведённый к гармонии шум.

Братья Стругацкие

Музыка, как и любое другое искусство или как и любая наука, отражает уровень развития человечества, представления людей о мире и самих себе. Представления эти меняются, но и теперь они наивные и детские. Ничего толком не знают люди ни о себе, ни о мире!

В.В. Орлов

Смертелен для невежественных эгоистов и фанатиков рост культуры народа во всём диапазоне – от естественнонаучных исследований до способности восхищаться большой музыкой.

Братья Стругацкие

Музыка есть истинный всеобщий язык, который всюду понимают.

А. Шопенгауэр

Если слишком сильно натянуть струну ситара, она лопнет; если слишком слабо – не издаст ни звука. Музыка возможна только при среднем натяжении струн. Путь просветления держится разумной середины. Это линия, идущая на равном удалении ото всех крайностей.

Будда

Музыка – дело тонкое, подготавливаться к ней надо постепенно, в зависимости от способностей и вкусов, а родители и учителя иногда этого не смыслят. И вбивают неумелым подходом отвращение к отраде жизни.

И.А. Ефремов

Музыка проистекает из союза трёх элементов: слова, гармонии, ритма.

Платон

Ритм и гармония помогают формировать тело и душу человека, воздействуя на него физически и этически.

Платон

Музыка нам дорога тем, что она – слово, рвущееся из глубин души, гармоничный крик радости или боли, которыми объята душа.

Р. Роллан

Музыка – единственное, что перенесётся из настоящего в далёкое будущее; возможно даже, что она уже часть той эпохи, которую мы своим умом не в состоянии даже представить.

Г. Циргигель

Поэты, музыканты, художники преображают людей. Соприкосновение с искусством омолаживает душу. Искусство – это волшебство, и, если хочешь быть волшебником, будь искусным.

А.А. Мееров

Не бывает потрясения в стилях музыки без потрясения важнейших политических законов.

Платон

Без музыки жизнь была бы ошибкой.

Ф. Ницше

Пока играет музыка, проходит целая вечность, как жизнь в романах.

Б.Л. Пастернак

Когда я слушаю музыку, мне часто представляется, что жизнь всех людей и моя собственная суть сновидения некоего вечного духа и что смерть есть пробуждение.

А. Шопенгауэр

У музыки есть дар: она путём своих волшебных чар порок способна от греха спасти, но добродетель может в грех ввести.

В. Шекспир

Музыка – лучшее утешение для опечаленного человека.

Г. Гейне

Музыка, этот источник соразмерности и гармонии, дана от богов людям не ради услады слуха, но для того, чтобы разладившееся круговращение души, которое у человека, лишённого тонкости и изящества, часто проявляется в виде распушенности и дерзости, восстанавливать и приводить в надлежащий порядок.

Платон

Для меня самая прекрасная музыка та, что в максимальной степени исполнена «духовной радиации».

Г. д'Аннунцио

Того, что виртуоз выражает в музыке, нельзя добиться никаким умением – настроение позволяет ему перешагнуть через мастерство и просто чувствовать вслух.

А.П. Казанцев

Сколько надо отваги, чтоб играть на века, как играют овраги, как играет река...

Б.Л. Пастернак

Если взять классного гитариста, у которого гитара говорит в руках, его чувства обострены настолько, что обычному человеку этого не понять.

Дж. Стюарт

Не могут быть злыми разумные существа, создавшие прекрасную музыку.

В.Н. Журавлёва

Музыка дорога нам потому, что является наиболее глубоким выражением души, гармоническим отзвуком её радостей и скорбей.

Р. Роллан

Человек, невосприимчивый к музыке, способен на предательство, уловки и капризы.

В. Шекспир

Музыка оживляет в нас сознание наших душевных способностей; звуки её окрыляют нас к благороднейшим усилиям.

А. де Сталь

Всё, что бесчувственно, сурово, бурно, – всегда, на миг хоть, музыка смягчает.

В. Шекспир

Кому суждено в музыке совершенно скрыть тиранию такта и сделать её совершенно неощутимой, тот даст этому искусству хотя бы видимую свободу; тот, кто после этого даст ей сознание, даст ей и силу для изображения прекрасной идеи, и с этого мгновения она станет первым среди всех изящных искусств.

Э. Вагнер

Без музыки мы, вне всяких сомнений, погибнем от пьянства, морфия и тому подобных средств искусственной стимуляции самых грубых чувственных наслаждений.

Дж.Б. Шоу

Какое счастье, что у нас есть хоть одно неподражательное искусство – музыка!

О. Уайльд

Без музыки жизнь была бы сплошным заблуждением и ужасной гадостью.

Ф. Ницше

Музыка, подобно дождю, капля за каплей, просачивается в сердце и оживляет его.

Р. Роллан

Невидимая, сладкогласная, музыка проникла весь мир, разлилась и дышит в тысяче разных образов. О, будь же нашим хранителем, спасителем, музыка! не оставляй нас! буди чаще наши меркантильные души! ударяй резче своими звуками по дремлющим нашим чувствам! Волнуй, разрывай их и гони, хотя на мгновение, этот холодно-ужасный эгоизм, сияющий овладеть нашим миром!

Н.В. Гоголь

Нет на земле живого существа, столь жёсткого и адски злого, чтоб не могла хотя на час один в нём музыка свершить переворота.

В. Шекспир

Музыка – поэзия атмосферы.

Жан-Поль

Ничто не вызывает с такой силой прошлого, как музыка; она достигает большего: когда она вызывает его, кажется, будто оно само проходит перед нами, окутанное, подобно теням тех, кто дорог нам, таинственным и печальным покровом.

А. де Сталь

В жизни образованного человека музыка и немусика должны были бы чередоваться точно так же, как сон и бодрствование.

Новалис

Тот, у кого нет музыки в душе, кого не тронут сладкие созвучья, способен на грабёж, измену, хитрость; темны, как ночь, души его движенья.

В. Шекспир

Большие композиторы всегда и прежде всего обращали внимание на мелодию, как на ведущее начало в музыке.

А.П. Чехов

Мелодия – это музыка, главная основа всей музыки, поскольку совершенная мелодия подразумевает и вызывает к жизни своё гармоническое оформление.

А.П. Чехов

О, музыка! Отзвук далёкого гармоничного мира! Вздох ангела в нашей душе! Когда замирает слово и объятие и наполненный слезами глаз, когда наши немые сердца в одиночестве томятся за решёткой нашей груди – о, тогда только благодаря тебе могут они послать друг другу отклик из своих тюрем, соединить в одной пустыне свои далёкие стоны.

Жан-Поль

Не существовало эпох, совсем незнакомых с музыкой.

Р. Роллан

Величие искусства, пожалуй, ярче всего проявляется в музыке, ибо она не имеет содержания, с которым нужно считаться. Она – вся форма и наполнение. Она делает возвышенным и благородным всё, что берётся выразить.

И.В. Гёте

Искусство неисчерпаемо, как жизнь. И ничто не позволяет нам почувствовать это лучше, чем неиссякающая музыка, чем океан музыки, наполняющей собой века.

Р. Роллан

В литературе и в музыке плохое не только бесполезно, но и положительно вредно.

А. Шопенгауэр

Радость – о, как её недостаёт нам! – радость дают поэты и особенно музыканты.

А.А. Мееров

Бог дал нам музыку, чтобы мы прежде всего влеклись ею ввысь.

Ф. Ницше

Но если и музыка нас оставит, что будет тогда с нашим миром?

Н.В. Гоголь

Сущность музыки – откровение, о ней нельзя дать никакого отчёта, и подлинная музыкальная критика есть наука, основанная на откровении.

Г. Гейне

Музыка вознесена так высоко, что никакой рассудок до неё не доберётся, а от неё исходит действие, властвующее над всем, но никто не в состоянии отдать себе в этом отчёта.

И.В. Гёте

Для души, исполненной музыки, музыка наполняет и всю вселенную.

Р. Роллан

Музыка – самый плодотворный вид искусства, который насаждает себя через силу, заставляющую своих адептов выражать его и самовыражаться самым лёгким и универсальным из всех художественных методов, поскольку музыка представляет собой искусственную форму общения, общую для всего человечества.

Дж.Б. Шоу

Истинная музыка, она – второй разум человеческого естества, она любовь и наука, познающая согласованность во всём, она – ненависть ко злу, но ненависть, являющаяся благом для людей.

В.В. Орлов

Из всех искусств музыка – самое человеческое и распространённое.

Жан-Поль

Во всяком хорошем обществе по временам должна раздаваться музыка.

Новалис

Монотонность нашей будничной жизни порождает неумеренные требования сенсации от искусства, а умственная тупость мешает нам постигать интеллектуальные по существу свойства самой высокой музыки и наслаждаться ими.

Дж.Б. Шоу

Что такое музыка? Она занимает место между мыслью и явлением; как предрассветная посредница стоит она между духом и материей; родственная обоим, она отлична от них: это дух, нуждающийся в размеренном времени; это материя, но материя, которая обходится без пространства.

Г. Гейне

Музыка... её нельзя сочинить или придумать. Она – во всём и везде. В нас и вокруг нас. Щёлкните ногтем по стакану и вслушайтесь – это музыка. Ударьте щупом по камню. Слышите? Это тоже музыка. Приложите к уху раковину; сядьте ночью в тишине своей каюты, пойдите в лес, в степь, на море... Вслушайтесь – и вы услышите музыку. Извлеките её, оплодотворите своей мыслью, чувством, принесите её людям – вот искусство! Но чтобы слышать, надо понять, чтобы понять – любить. Любовь – вот суть всего. Без неё невозможны ни искусство, ни сам человек.

А.Д. Балабуха

Поэзия, иногда слишком глубокая для воплощения в словах, может быть выражена музыкой, и симфония способна передать без помощи танцевальных мотивов всю смену душевных состояний – от грубой шутливости до самых возвышенных стремлений.

Дж.Б. Шоу

В шумных сблищах не участвуй, а душу успокаивай игрой на музыкальных инструментах.

Пифагор

Музыка – в ней всё такое есть, что не испорчено словами.

В. Гафт

Какая же сила заключена в вибрации струн!

С. Патурссон

Музыкальные вибрации – это необходимая пища для духа. Оне освежают ум, облегчают мышление и умственный труд, успокаивают и исцеляют утомлённые нервы и, наконец, возвышают душу, увлекая её от земных забот. Слушая музыку, испытываешь благотворное действие этого небесного лекарства, освежающего утомлённый ум и исцеляющего тело.

В.И. Крыжановская-Рочестер

Пение под звуки музыкальных инструментов приучает души к ритму и гармонии, благодаря чему оне научатся быть более благородными, гармоничными и ритмичными и более пригодными для слова и дела, ибо вся жизнь человеческая нуждается в гармонии и ритме.

Платон

Музыка создаёт человеку прошлое, которого он не знал, и наполняет его сознанием скорби, которой слёзы его ещё не ведали.

О. Уайльд

Музыка – самое высокое из искусств. Она не выражает мысль, она как бы само вещество мысли в его наиболее очищенном состоянии. С её помощью мы на самом деле приближаемся к Богу. Она даёт нам понимание о том, что есть, существует ещё некий высший мир, некое состояние блаженства, которое мы здесь зовём «небесами». И какое отвращение испытываем мы после этого к своей вынужденной работе и жизни!

А. Сюзли-Прюдомм

В тяге к гармонии и к ритмическим фигурам аккомпанемента, в которых отражается её действенность и движение, собственно, и заключается эмоциональная сущность музыки.

Дж.Б. Шоу

Слух наш по сравнению с другими чувствами куда меньше облагодетельствован естественными наслаждениями.

В.В. Орлов

Музыкальные аккорды пробуждают в мечтательной душе желанья без конца, видения и грёзы неземные, и убаюканный гармонией тех звуков по морю чудному, исполненному тайн, блуждает ум, подобно мореходу, что смело плавает в безбрежном океане. Но пусть слух поразит малейший диссонанс – и этот рай в одно мгновение исчезает.

Дж. Леонарди

Любое ритмическое чтение действует сперва на чувство, затем на силу воображения и в последнюю очередь на рассудок и на нравственно-разумное удовольствие. Ритм подкупает.

И.В. Гёте

Танец – это симметричный узор движений, которые приятно выполнять, а музыка – симметричный звуковой узор, который приятно слушать, даже не танцуя под него.

Дж.Б. Шоу

Мне всегда лучше работается после того, как я послушаю музыку.

И.В. Гёте

Однако музыка способна на большее, чем плетение красивых звуковых узоров. Она способна выражать чувства.

Дж.Б. Шоу

Музыка продляет время нашей жизни вдвое.

А. Сюлли-Прюдомм

Слушая музыку, понимаешь, каких вершин может достичь разум, обращённый к прекрасному.

К. Булычёв

Пальцы великого пианиста только слуги его души, а этой душе аплодируют люди, которые слушают не одними ушами, но также и душой.

Г. Гейне

Исполнитель – не творец, а работник.

В.В. Орлов

Художник тем и отличается от дилетанта, что он учится более осознанно, что он не упускает ни одного момента, способного повредить его исполнению, что он сам подвергает всесторонней продуманной критике свою игру.

К.Ф. Поле

Музыканту нужен особо чувствительный слух, особая отзывчивость эмоций на музыкальные образы, изощрённая оперативная память, надёжная, долговременная, чёткое чувство времени (биологические часы), гибкость и проворство пальцев.

Г.И. Гуревич

Если музыкальное исполнение звучит старательно, то, стало быть, и посредственно.

В.В. Орлов

Восторженная зачарованность, которая овладевает нами при созерцании могучего создания искусства, пленяющего нас и потрясающего до глубины души, объясняется тем фактом, что гармония, несравненная сила перевоплощения и совершенство находят свои соответствия в наших чувствах, ощущениях и мышлении, пробуждая внутри нас новые, самые благородные человеческие дарования, преисполненные возвышенных страстей.

М. Симионеску

Если, освободившись от предубеждения, что наслаждение представляет угрозу общественной безопасности, нам предстоит решить, какой из видов искусства обладает наибольшей силой, мы должны будем отдать предпочтение музыке, потому что она одна требует от своих почитателей артистических действий, которые, доведённые до совершенства, становятся актом вторичного творения.

Дж.Б. Шоу

Художник – это пламенный любовник, который стремится предупредить любое желание возлюбленной – искусства и который всегда хочет действовать и жить для неё. Чем ближе он её узнаёт, тем притягательнее становится она; он постигает её истинное благородство, сознаёт, как трудно овладеть ею: ведь она высшего происхождения.

К.Ф. Поле

Слушая великого пианиста и композитора, я совсем забываю о мастерстве его игры и погружаюсь в сладостные бездны его музыки, томительную прелесть его произведений, таких же глубоких, как и нежных.

Г. Гейне

Музыка – вся порыв; она вдруг, за одним разом, отрывает человека от земли его, оглушает его громом могучих звуков и разом погружает его в свой мир. Она властительно ударяет, как по клавишам, по его нервам, по всему его существованию и обращает его в один трепет.

Н.В. Гоголь

Музыка – наилучший способ поэтического выражения, будь то звуки инструментов или голос человека – это чудесное выразительное средство.

В. Фельзенштейн

Русские песни соответствовали спокойствию и терпеливости народа, давая в грустных напевах нужную психологическую разрядку. А теперешние, наскоро сфабрикованные, песенки лишь усугубляют то мятуче-трясучее настроение, в каком пребывает часть молодёжи.

И.А. Ефремов

Песня сочиняется не с пером в руке, не на бумаге, не с строгим расчётом, но в вихре, в забвении, когда душа звучит и все члены, разрушая равнодушное, обыкновенное положение, становятся свободнее, руки невольно вскидываются на воздух и дикие волны веселья уводят от всего. Оттого поэзия в песнях неуловима, очаровательна, грациозна, как музыка.

Н.В. Гоголь

Утешительная песня всегда грустная. Этого порой не понимают и стараются развлечь печального и усталого человека бодрым криком, разухабистой ритмикой, тем, что называют «весёлыми» песнями. Бодряк, всё равно где – в жизни, в кино, в книге, в песне – почему-то всегда оставляет впечатление слегка придурковатого.

И.А. Ефремов

Все эти попрыгушки отталкивают слушателя и раздражают его. А грустная песня, настроенная в унисон с состоянием, смягчит раздражение или обиду, оттенит печаль и заставит человека устремиться снова к свету и радости.

И.А. Ефремов

Можно сочинить музыку, которая способна усилить выражение человеческих эмоций, и такая музыка может затронуть нас очень сильно, если мы охвачены этим же чувством, но прозвучит полной бессмыслицей, если этого чувства нет.

Дж.Б. Шоу

Для новой музыки нужны новые уши.

Ф. Ницше

Сочинять музыку – не проблема. Вот где найти слушателей?..

Братья Стругацкие

Фортепьяно – наиболее важный из всех музыкальных инструментов: его изобретение означало для музыки то же, что книгопечатание для поэзии.

Дж.Б. Шоу

Музыкант, который был критиком-профессионалом, знает, что музыка цветёт под пальцами любителя, играющего на пианино, а не в концертных и театральных залах крупных столиц.

Дж.Б. Шоу

Интересно, многие ли, наконец, осознали, что в концертных залах им преподносят вовсе не музыку? Иногда в голову приходит страшная мысль, что некоторые из завсегдатаев концертов никогда и не слыхивали музыки, а питались лишь публичными выступлениями и поэтому слепо верят, что звуки, еженедельно продаваемые за столько-то гиней и упорядоченные чиновником, которого называют дирижёром, действительно создают музыку и что никакой иной музыки вообще не существует.

Дж.Б. Шоу

Музыка похожа на рисование, она может быть чисто декоративной или чисто драматической, либо занимать срединное положение.

Дж.Б. Шоу

Описывать словами красоту музыки – занятие бессмысленное и противоестественное.

Братя Стругацкие

Я не люблю говорить ни о музыке, ни о пении. Мне кажется, что все музыкальные трактаты и рецензии должны быть скучны для самих музыкантов: в музыке огромнейшая часть её невыразима и безотчётна. Музыкальные страсти – не житейские страсти; музыка иногда только выражает, или, лучше сказать, подделывается под голос наших страстей, для того чтобы, опершись на них, устремиться брызжущим и поющим фонтаном других страстей в другую сферу.

Н.В. Гоголь

Удивительно! Люди не умеют отличать сонаты Бетховена от фокстрота, а тоже лезут с рассуждениями.

М.А. Булгаков

Ваше лицо, которое вы видите в зеркале, отличается от того, что видит там ваш ближний, – так и музыка, которую вы слышите, самостоятельно играя, отличается от той, что слышат другие люди.

Дж.Б. Шоу

Люди музыкального мира несносны. Они всегда хотят, чтобы человек стал совершенно немым в то время, когда его единственная мечта совсем оглохнуть.

О. Уайльд

Всё становится более утончённым: музыка когда-то была шумом, сатира – пасквилем, и там, где сегодня говорят «будьте любезны», – некогда просто давали затрещину.

Г.К. Лихтенберг

С музыкой всё очень сложно: если исполняется хорошая музыка, то люди не слушают, а при плохой музыке – не разговаривают.

О. Уайльд

Я всегда слушаю музыку внимательно и не болтаю, если она хороша. Ну а скверную музыку, конечно, следует заглушать разговорами.

О. Уайльд

Быть музыкантом не значит ещё быть артистом. Музыкант работает в продолжении долгих лет прежде, чем из него выйдет артист.

Р. Ходсон

Если певцы относятся к произвольным изменениям конца песни так же, как к ним относится любой культурный музыкант, то они не могут вводить их без невыносимого чувства неловкости и унижения. А если певцу это чувство незнакомо, то пусть он и не воображает, будто слово «неартистично» имеет для него какой-то смысл.

Дж.Б. Шоу

Увы, как часто исполнительские данные того или иного певца, надо сознаться, не вполне соответствуют его более чем честолюбивым намерениям!

Ч. Диккенс

Бывают сопрано такого рода, которых нередко используют для усиления скорби на похоронах.

Дж. Эйд

Хоть ты пой, хоть не пой, в тебе голос никакой! А бывают голоса – дыбом встанут волоса!

М.А. Булгаков

Не всякий может выдержать песенный говорок безголосого шансонье, не расстающегося с микрофоном.

А.И. Абрамов

Главная задача постановщика оперы – устроить так, чтобы музыка никому не мешала.

Г. Гейне

Человек, поющий на сцене, отстраняется от обыденности, но не от жизни.

В. Фельзеништейн

В отдельных номерах оперы удача музыканта зависит от первого стиха.

Ж. Мери

Музыкальное любопытство развивается под влиянием книг и статей о музыке, но имеет очень мало общего с подлинной любовью к ней.

Дж.Б. Шоу

Развивать слух необходимо всю жизнь. Выдающийся музыкант совершенствуется до тех пор, пока ему не начнёт мешать в этом старость.

Дж.Б. Шоу

Смерть композитора вдесятеро увеличивает стоимость его произведений.

П.И. Юргенсон

Музыка – последнее слово искусства, как смерть – последнее слово жизни.

Г. Гейне

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ О МУЗЫКЕ И О МУЗЫКАНТАХ

Музыка – одно из самых чистейших и высоких удовольствий духа.

Поистине как удивилось бы большинство прочих людей, узнай они, какое значение имеют для нас, музыкантов и мелофилов, звуки; проникни они в ту глубокую и беспредельную радость, какую музыкальные звуки дают людям, имеющим уши, чтобы слышать.

Музыка требует долгих занятий и прилежания не только для того, чтобы отменно или прилично играть на каком-либо инструменте, но даже и для того, чтобы любить её и толком в ней разбираться. Поэтому всякий, не имеющий на то времени и возможностей, не может быть здесь знатоком, не может знать толка, так как дух его оказывается лишён необходимых упражнений. Но ещё более, чем только что сказанное, для любви к этому искусству важны художественный вкус и чутьё. Так профан, слушая музыку самую прекрасную, слышит отнюдь не эту музыку, но только шум своего невежества.

Ходить под стол пешком и разбираться с музыкой я начал одновременно. Разумеется, далее это разбирательство шло по нарастающей.

Шестидесятилетний опыт слушателя музыки (мой репертуар включает порядка 5.000 грампластинок, сиречь компакт-дисков, самых разных музыкальных жанров) позволяет мне утверждать три вещи. Первая: надо любить не какого-то автора или исполнителя (хотя это и неизбежно), а прежде всего – саму музыку. Вторая: о каждом авторе или исполнителе судить следует не по его неудачам или рутине, а по его вершинам и успехам. И, наконец, третья: процесс восприятия музыки бесконечно сложен. Субъективно неизвестная музыка редко нравится и сильно утомляет, а если и нравится, то не так, как знакомая, и надоедает, безусловно, гораздо скорее. Причина этому в том, что освоение нового репертуара представляет собой тяжёлую и утомительную работу – как для ума, так и для души. Это – *культурный атлетизм*. И потому широта кругозора и богатство познаний здесь, как и везде, по плечу лишь атлетам духа. Чернь, не имея сил, как впрочем и склонности, к подобным упражнениям, способна слушать лишь вполуха и только тех исполнителей, мастерство которых позволяет одним пальцем отстучать по клавишам «чижика-пыжика», что фигурально справедливо также в отношении струн или голоса.

Оценивая музыку, принимаю в расчёт три вещи: глубину музыкальной мысли, красоту музыкальной формы и виртуозность игры на инструментах, обуславливающую красоту и совершенство музыкальной формы не меньше, чем глубина музыкальной мысли.

Всякая серьёзная и значительная музыка, когда нам приходится слушать её впервые, нередко представляется нам каким-то адским шумом, каким-то дьявольским беспорядком, бессмысленным нагромождением нестерпимых звуков. Но при новых попытках мы приучаемся мало-помалу открывать в ней некий чудесный порядок, которого поначалу не заметили, некое таинственное, ей внутренне присущее очарование, которого поначалу не почувствовали: и тогда мы вдруг понимаем, что весь этот хаотический и дикий беспорядок звуков, покоровивший нас и вызвавший отвращение, был лишь видимостью, был лишь дурной шуткой, каковую вновь сыграло с нами наше собственное невежество.

Никто, даже самый опытный и образованный музыкант, не может взять на себя смелость только после первого простого прослушивания вынести правильное и окончательное суждение о музыкальном произведении, если только речь идёт действительно о музыкальном произведении и предмете искусства, а не о том, что сияется выдавать за музыку разные музыкальные хулиганы.

Требовательность и нетерпимость – вот прекрасные качества отменного любителя музыки.

Лишь знающий толк в искусстве – и это прежде всего относится к музыке, – обладает широким охватом и кругозором, и это-то и позволяет ему без особых трудов отличать дурное от хорошего, прекрасное от просто красивого, высокое от пошлого.

Вопреки поговорке, осла знать не столько по его слуху (т.е. по *ушам*), сколько по его пению. Хотя его слух, т.е. вкус, тоже показательны.

Не люблю ни говорить, ни писать о музыке или о пении. Убеждён, что время, потраченное на всевозможные музыкальные рассуждения, лучше было бы употребить на слушание самой музыки.

В жизни лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать; в музыке лучше один раз услышать, чем сто раз прочитать.

Поэзия и Музыка – два крыла души человеческой, без которых она была бы бессильна воспарить к духовным высотам. Поэзия и Музыка нужны, необходимы людям: оне очищают, облагораживают, воспитывают и недостижимо возвышают человеческие чувства, страсти и вкусы.

Нельзя слушать любимую музыку постоянно и во всякое время. Зато встречи с ней драгоценны.

Для меня, музыка – это одиночество. Одиночество – боль, только если ум находится в отупении и неуравновешен, а если с ним всё в порядке, то одиночество – снова музыка.

Самое удивительное, что звучит после того, как музыка закончилась, – это тишина.

Кто страстно любит музыку, тот обожает ещё и тишину, которую он с таким удовольствием заполняет все музыкальные паузы и антракты. И это не противоречие, а само естество.

Слушать музыку на слабую громкость – это всё равно, что смотреть на картину впотьмах.

В подлинной музыке замечательно то, что тишина, которая затем наступает, тоже идёт от неё.

Если человек не знает толку в музыке, то это очень плохо для него. Но если он ненавидит музыку, то он и не человек вовсе, а просто ничтожная амёба. Отвращение к музыке – всегда очень дурной признак. Это жалкое существо не может и не должно рассчитывать на человеческое обращение.

Тишину следует ценить не меньше, чем саму музыку. Музыка и тишина: оне дополняют друг друга, как день дополняет ночь. Но будни, повседневная серость равно неспособны их нам доставить.

Я всегда замечал, что молчаливые натуры – друзья музыке, а болтливые – ей враги.

Разговаривать под музыку – это роскошь, варварская роскошь.

Музыка должна звучать на такую громкость, чтобы у вас не было не только возможности, но и желания разговаривать. Иначе вы не слушаете музыку, а занимаетесь самообманом.

Пение птиц и музыка так прекрасны лишь потому, что ещё существует и тишина. Так свет прекрасен потому, что есть мрак.

Дилетант в музыке судит о произведении по его исполнению: исполнение хорошо – произведение хорошее, исполнение так себе – произведение никуда не годится. Человек, понимающий в музыке толк, не путает столь разные вещи и имеет другие критерии, чтобы определять качество самих произведений.

Решающая треть успеха музыкального произведения – в нём самом и его авторе, другая треть – определяющая – в исполнителе, и последняя – треть окончательная – в слушателе!

Только когда исполнение оказывается на уровне самого музыкального сочинения, бывает позволительно судить о последнем.

Когда приходится слышать посредственные стихи или скверную музыку, или дурное исполнение хорошей музыки, всегда вспоминаю о том, что всем нам пора уже и о душе подумать, ибо время драгоценно.

Надо уметь слушать музыку. Гурман получает наслаждение от пищи; распутник и человек плотский ценит оргазм; праведник услаждается своей чистотой; человек великодушный доставляет себе радость, творя благодеяния. И тот, кто знает толк во всех удовольствиях, скажет, что высшие из них суть удовольствия духа, и сильнейшее из этих последних – радость слияния с прекрасной Музыкой.

Иная музыка вещает Высшую Истину языком более внятным, чем самые мудрые изречения.

Истинная музыка – это не музыка сегодняшнего или вчерашнего дня, не музыка дня завтрашнего или позавчерашнего. Это музыка всегдашняя, вечная, музыка любого времени и всякого мгновения, в каковом Красота разрешает себя в образах звука и мысли.

Бах – это не *ручей*, это целый мир с морями, реками, озёрами, горами, лесами, полями, пустынями, равнинами и воздушным простором надо всем этим, а также это – снег и огонь, лёд и пламень в причудливом и гармоничном переплетении.

Называть Вивальди «итальянским Бахом» такой же сомнительный комплимент, как называть Баха «немецким Вивальди».

Право слово, в звуках органа мне слышится голос вечности.

Нет ни классической, ни современной музыки, ни лёгкой, ни тяжёлой, нет ни развлекательной, ни утомительной, но есть только один-единственный род музыки, а именно – *настоящая* МУЗЫКА. И всякий, кто понимает её должным образом, чувствует себя не только человеком в истинном смысле слова, но и частью вечного всепроникающего Божества. Всё же, что не оказывает на этого человека такого впечатления, собственно, и не есть Музыка.

Без искусства и, прежде всего, сдаётся мне, музыки, вера в Бога была бы чудовищной химерой, ибо искусство – верный залог Бытия Божия.

Музыка, воспринимаемая материально, – не более, чем вибрация; воспринимаемая духовно, она – не менее, чем огонь. Для того, кто *умеет слушать* и кто *знает*, Музыка – проход в Огненный Мир, как и для налагающего руку на камин – камин путь к теплу.

Как человек мёрзнувший, прикасаясь к печи или батарее, ощущает тепло и согревается, так и человек, мёрзнувший в этом мире, прикасаясь к настоящей музыке и погружаясь в неё, ощущает прикосновение к Миру Огненному, черпает в этом прикосновении силу и возвращается в здешний мир готовым к следующим испытаниям и свершениям.

Душа без музыки – это жалкая личность; душа, живущая или вынужденная жить без музыки, – это несчастная личность.

Пусть все нищие духом постигнут великую истину: надо уметь слушать музыку. Для многих из них – это единственный путь к спасению, которого их ещё не лишили.

Музыка, а вернее, хорошо знакомые музыкальные записи, особенно при соблюдении места, позволяют нам небольшое личное путешествие во времени. Хотя и в меньшей степени, того же можно добиться и с помощью литературы, т.е. чтением хорошо знакомых книг; при этом соблюдение места необязательно.

Для музыки отсутствие звукозаписи такая же пагуба, как для литературы отсутствие книгопечатания.

Как несчастны были музыканты и всё музыкальное человечество XIX века и всех предшествующих веков, когда ещё не существовало звукозаписи! Но сознавать это в состоянии только мы, а не люди прошлых веков.

Но на самом деле, отсутствие звукозаписи в XIX веке бьёт и по нам, так как исполнительские шедевры того и предшествующего времени оказываются для мировой культуры безвозвратно утрачены.

Любимые музыкальные записи – это своеобразная машина времени, переносящая в прошлое, причём в лучшее, что в нём было.

Гений скуп на похвалы, а если и хвалит, то оказывается поразительно немногословен, крайне сдержан в выражениях восторга. Но зато его похвала и стоит многого: она – свидетельство о безупречности и аттестат совершенства. Рассказывают, что Собинов, услышав по радио Лемешева, певшего арию Ленского, всего лишь сказал: «Надо же! Кто это поёт? Очень приличное исполнение!» А Ричи Блэкмор, услышав игру Ингви Мальмстина, заметил: «Надо же! Чтобы научиться так играть на гитаре, ему пришлось изрядно попотеть».

Цветаева не права: музыка может быть не только прекрасной, но и красивой. В наше время сколько угодно развелось музыки, которая только красива, но не более того.

Есть люди и среди самих музыкантов и даже композиторов, которые любят только такую музыку, которая их «баюкает».

Слепой, чтобы писать, глухой, чтобы сочинять музыку, должны были в ту пору, когда им служило их зрение и когда они могли слышать, вобрать в глубь собственной души вселенную.

Не следует преувеличивать ценность и достоинства музыки, которая нравится даже людям от музыки далёким. Превозносить такую музыку и ставить её выше музыки, понятной лишь посвящённым в таинства гармонии и мысли, это всё равно что утверждать, будто вода, необходимая всем и всеми потребляемая, превосходит своими вкусовыми качествами

благородное и редкое вино, толк в котором способны понять отнюдь не все, а лишь избранные среди немногих.

Беда нынешней публики не только в том, что она невообразимо невежественна, но и в том ещё, что она лишена вкуса, более того, в том, что у неё самый дурной вкус, а это куда хуже самого невежества.

Обычный, средний, заурядный человек называет красивым и прекрасным лишь то, что подобно ему самому и соответствует его личному примитивному вкусу. Но поскольку это человек заурядный, то то, что для него красиво, скорее всего не будет таковым в действительности. Человек мудрый и прекрасный также называет прекрасным то, что подобно ему самому и соответствует его личным вкусам. Но поскольку это прекрасный человек, то и то, что он называет прекрасным, действительно прекрасно, прекрасно само по себе.

Всегда было и будет благородное меньшинство, посвящённое в таинства и тонкости искусства, равно как и всегда была и будет грубая и невежественная толпа, почитающая искусством всё то, что тешит её низменные инстинкты, и не видящая особой разницы между божественным пением Тебальди и шаманским чревовещанием Образцовой.

Если певец плохой, аплодисменты и восторги поклонников делают его ещё хуже. Это же касается любого музыканта, писателя, поэта и художника.

Выбеленные, обесцвеченные голоса, лениво похныкивающие или истошно визжащие в регистре фальцета [*The Bee Gees*] – вот что сегодня принято именовать «пением».

Безголосое пение – одно из «величайших» изобретений XX века. В старые времена пение обязательно предполагало наличие *голоса*, а также слуха и элементарного стыда. Ныне же, при исполнении наиболее значительных произведений нового толка, наличие подобных данных (в особенности голоса) представляется скорее помехой, чем достоинством или преимуществом. Возвращены и воспитаны многие и многие поколения бипедов, ведать не ведающих о том, что такое настоящий человеческий голос, служащий инструментом музыкального исполнения, и слыхом его не слыхавших, хотя, странное дело, количество доброкачественных грамзаписей, оставленных даровитыми предками в назидание своим бездарным потомкам, практически необъятно.

Духовность жизни в том, чтобы дух торжествовал над материей. Так, например, важно не то, на какой звуковоспроизводящей аппаратуре вы слушаете музыку, но то, *что* именно вы слушаете. Можно на лазерном диске слушать Паваротти и Нестеренку, а можно на граммофоне внимать Карузо и Шаляпину. Духовный человек неизбежно остановит свой выбор на последнем, точно так же, как бездуховный или имеющий претензии на духовность обречён предпочесть первое.

По радио редко услышишь хорошую музыку, куда чаще оно является рассадником музыкального мусора, причём «музыкальность» здесь приложима только по функции и является чистым недоразумением. Точно так же и в интернете наряду с информацией гораздо чаще можно получить дезинформацию и сплетни. Причина абсолютна та же.

В наших условиях Добро должно быть что называется «с кулаками», т.е. уметь постоять за себя. Я также считаю, что соображения вежливости и хорошего тона в сфере мышления и творчества недопустимы: этак всё хорошее и прекрасное необходимо будет растоптано тупоумным стадом посредственностей, которые и без того всё время провозглашают себя критериями истины и красоты. Яркие примеры тому мы можем наблюдать не только в сфере мышления и исследования, но и в сфере творческой, прежде всего в музыке и поэзии: всюду бездарность превозносится и провозглашается эталоном, тиражируется и процветает. Вольтер

утверждал, что лучшее враг хорошего, мы же, в стране нашей, до таких вершин ещё не доросли, наш лозунг куда скромнее: хорошее – враг дерьма, и, соответственно, наоборот.

Всё постепенно снова огрубляется: сатира опять стала пасквилем, музыка – отвратительным шумом, и там, где ещё недавно говорили «Будьте любезны», сегодня просто дают затрещину.

Шопенгауэр когда-то писал: «Критические журналы должны были бы служить плотиной против бессовестной чернильной пачкотни нашего времени и против постоянно возрастающего всемирного потопа бесполезных и плохих книг; они должны бы судить неподкупно, справедливо и строго, беспощадно бичуя *стряпню всех непризнанных* – писание, посредством которого пустые головы стараются пополнить пустые кошельки, а следовательно, девять десятых всех выходящих новых книг».

Интересно, а сегодня что могло бы служить плотиной против вопиюще бездарной и бесстыдной компьютерной пачкотни, той словесной и нотной пачкотни нашего времени, всемирный потоп которой – в виде лживых и грязных газет, похабных и нудных журналов, пошлой и безграмотной брошюратины, безголосой и колотящейся песенной текстухи – цементным раствором ринулся в потерявшие бдительность, полупустые головы нынешнего поколения? Кто сегодня смог бы неподкупно, справедливо и строго судить *стряпню всех признанных*, посредством которой ничтожество и бездарь не только наполнили свои пустые кошельки, но и затоптали всё, что было прекрасного в музыке, поэзии, литературе?

Вместо воздуха – гремучая смесь ядовитых газов, вместо воды – хлорированный настой щёлочи с кислотой, вместо пищи – синтетика, вместо денег – пластиковые карточки, вместо беседы – порция разжигающей мозги болтовни, вместо культуры – «попса» культуртрегеров, вместо музыки – отвратительный шум из колотушки и сипло-визгливой бормотухи с воплями, вместо литературы – Гималайские горы печатной пачкотни, вместо красоты – уродство, вместо любви – извращения, которые назвать «скотскими» было бы оскорблением скотам, вместо достоинства – вызывающее бесстыдство, вместо души – секс-символ, вместо мозгов – дребедень, вместо мысли – матерная или канцелярская фраза, вместо индивидуальности – штампуемый и программируемый биоробот, вместо жизни – виртуальная иллюзия триллера – вот вехи нынешнего времени!

То, что человек праведник, ещё не говорит ничего в пользу его прозы или музыки.

Увы! Оказывается, сам музыкант-исполнитель может и не понимать, какую мерзость он на самом деле играет. Объясняется это тем, что его исключительно интересует и занимает лишь преодоление весьма серьёзных технических трудностей, с которыми он вполне успешно справляется. Формальная сторона подавляет здесь содержательную, физическое умерщвляет духовное, происходит вивисекция и путрефакция последнего. И тот слушатель, которому дорога душа музыки и который оказывается вынужден присутствовать при гниении и разложении её физического тела, не испытывает от таких «композиций» ничего, кроме омерзения. Хотите уточнений, хотите знать, что я имею в виду? Имею в виду авторов так называемой классической, серьёзной «музыки» (за немногими исключениями), утвердившейся в Европе и в России после 1917 года. Всех эти прокофьевых, шёнбергов, шостаковичей и пропасть прочих. Уж лучше, и несравненно лучше, слушать вместо этого джаз, не говоря уже о роке.

Слушая ту или иную «музыкальную» гадость, поневоле оказываешься потрясён подобной верой в безобразное, такими поисками отвратительного!

Плебейское музыкантство, неугомонно звучащее из радио, что может быть ещё более достойно презрения?

Добротная рок-музыка подобна мощному водопаду. Если водопад этот – величественное явление природы, то эта музыка – величественное явление искусства.

Англичане, что ни говорите, – странный народ: для них «бездельничать» и «играть на скрипке» – одно и то же: *to fiddle*. Шерлок Холмс, выходит, был редкостным бездельником, так как его игра на скрипке была ни на что непохожа.

Если на гитаре или на арфе человек играет непосредственно пальцами, то на рояле и на скрипке он уже вынужден играть с помощью протезов.

Искусство не есть нечто мёртвое, застывшее. Напротив, это жизненный процесс, представляющий собой триединство: автор, интерпретатор, рецептор – т.е. триада, внутри которой идёт весьма интенсивный обмен энергией.

Наиболее совершенно этот принцип выражен в театре: драматург, актёрская труппа, зритель; и в музыке: композитор, исполнитель, слушатель (в том случае, разумеется, когда композитор не является вместе с тем и исполнителем; совмещение этих функций производит смещение, характерное для изобразительных искусств, когда автор является ещё и интерпретатором, т.е. исполнителем произведения). Во всех этих случаях функция рецептора остаётся вполне пассивной.

Не так обстоит дело с литературой. Здесь пассивен автор (поэт или писатель), а рецептор, напротив, весьма активен, так как оказывается вынужден выполнять ещё и функцию интерпретатора (исполнителя). Именно поэтому, как говорит пословица, «самое умное слово спит в голове глупца». Читатель будет читать только те книги, которых он достоин. И поскольку гении среди людей встречаются сравнительно нечасто, то и гениальный автор нечасто окажется оценён по достоинству. Литература, таким образом, гораздо в большей степени зависит от произвола и неспособности публики, нежели музыка, театр или изобразительные искусства.

Стихи не должны звучать вслух, они – музыка сердца и поэтому уже предназначены жить внутри. При этом всякий сонет должен быть внутренне исполнен читателем как соната на фортепьяно, а поэма – как целый концерт. Только от самого читателя зависит – возвыситься, понять и сотворить вместе с поэтом, либо же опуститься, исказить, опошлить и, в конечном счёте, самому закоснеть в невежестве.

Издательская политика, односторонне направленная на удовлетворение запросов и вкусов читателей, – это гибель литературы и пагуба мысли. Ещё более это справедливо применительно к музыке. Вот правило, не знающее исключений: расцвет культуры наступает тогда, когда художник свободно творит, а искусство воспитывает массы. Закат культуры случается тогда, когда толпа, через находящихся на её содержании менеджеров-распорядителей, указывает художнику, *что* и *как* он должен делать. Гибель культуры происходит тогда, когда толпа морит непокорного художника голодом, вгоняет его в нищету и нанимает вместо него бездарного и послушного ремесленника, который начинает потакать самым отвратительным инстинктам толпы и, всё более нагляя и распаляясь, производит в конце концов самую возмутительную мерзость.

Иные искусствоведы, если судить по требованиям, которые они предъявляют к подлинным произведениям искусства, определённо полагают, будто художник рисует ради того, чтобы предоставить информацию слепым, музыкант играет для того, чтобы произвести впечатление на глухих, а писатель пишет ради того, чтобы предоставить пищу для размышления читателям, напрочь лишённым способности думать.

Есть шедевры «популярные», а есть шедевры «сверхпопулярные», и которые из-за этого перестали быть шедеврами и уже до судорог надоели. (Например, «Smoke On The Water» или

лучшие песни Queen. Воля ваша, но обращаться так с добротной музыкой, со стороны господ потребителей и господ радио-жокеев, – преступление.) И есть шедевры «непопулярные», не вошедшие ни в один из десятков пресловутых сборников, и тем более – поэтому – остающиеся *шедеврами*.

Что такое «струнный квартет» как жанр? Это бледно написанная и убого оркестрованная симфония.

О произведениях превосходных нелепо спорить. Различия мнений, споры и ссоры случаются лишь по поводу тех, что не вполне превосходны. Кто, стало быть, хвалит Пушкина или Чайковского, тот отнюдь ещё не доказывает мне этим – как то ему кажется, – будто он обладает замечательным и необыкновенным чувством прекрасного. А кто хоть изредка доволен Есениным или Прокофьевым, тот – если он только вообще бывает когда-либо прав, – заставляет меня полагать, что он наделён и чутьём, и умом, причём обоими в изрядной степени.

Если сейчас выйти на улицу и бросить камень, то непременно попадётся либо в композитора, либо в писателя.

Посредственности везде дорога, перед нею открыты все двери, ей рукоплещет толпа, потому что понимает, что вознося и прославляя посредственность, она возносит и прославляет себя.

Как раз те, кому непозволительно вообще открывать рот по причине поганости голоса и кому слон на ухо наступил, подались в певцы и певуны. В такое-то время приходится жить, милостивые государи и государыни!

Нынешнее поколение необычайно щедро на раздачу таких титулов, как музыкант, певец, композитор. Теперь в каждом городе субъектов, совмещающих в себе все три должности сразу, развелось не меньше, чем крыс. А и то сказать: всё музыкантство такого виртуоза сводится к тому, что он двумя пальцами дерёт две струны фанерной или электрической гитары да голосом драного кота орёт в микрофон какую-то глупость в форме непотребщины. Паршивая овца, и та достойней блеет!

Теперешняя эстрадная «музыка» взяла на себя также и общеобразовательную, так сказать, просвещенческую функцию: тексты «песен» служат как бы комментарием, разъясняющим смысл афоризмов, давно украшающих собою заборы, лифтовые кабины и переписку граждан в интернете.

Приемлю смелость заметить вам: вот вы все, вместе с поклоняющейся вам толпой, называете себя музыкантами, композиторами (*sic!*), певцами да певицами, тогда как на самом деле вы – обезьяны: глупые, наглые, поганые и ничтожные!

Газетно-журнальные восхваления звёзд эстрады nowadays – это, как правило, лживая стряпня на тему о прохвостах и прохвостихах, восхваление негодяев и негодяиц, которые зарабатывают миллионы своим безголосьем, уродством и бесстыдством, которые разъезжают по свету и устраивают дебоши в притонах и прочих «тусовочных» помойках.

Проза поэтов редко даёт повод для разочарований, а вот стихи – да. То же самое и с певцами: их рассказы о себе едва ли вас разочаруют, а вот пение – обычное дело. Как говорят французы: «Je suis très déçu» – даже не знаю, как выразить эту степень разочарования по-русски. Ну, а если (это уж совсем из телевизионных ужасов) певец поверг вас в уныние и доводит до гомерического хохота своим разговором, то бегите... Бегите!! Скоро он начнёт *петь!*

Если аккомпаниатор доигрался до сольных концертов, значит, солисты выпали в осадок.

Если человек несостоятелен в деле, которому он посвящает всё своё время и силы, то это трагедия. Такой человек достоин сожаления. Если человек абсолютно несостоятелен «в деле своём», но при этом добивается успеха и прославляется, и всё из-за того, что ему удалось обмануть невежественную толпу или удовлетворить её нелепые запросы, то это уже отвратительный фарс. Такой человек заслуживает презрения. К данной категории принадлежат все безголосые кривляки, микрофонные вопли и бормотуха которых улаживают уши толпы, почитающей подобное шаманство «пением» и напрочь лишённой слуха и музыкального вкуса; а также все бездарные писаки, называемые «писателями» только потому, что их никчёмной и неряшливой словесной стряпнёй улаживаются люди, усвоившие начатки орфографии и пунктуации.

Удивительно, непостижимо, чудовищно устроен этот человеческий мир! Людей достойных не щадят и не ценят: Леннона убили, Харрисона пытались убить и, по сути дела, тоже убили. И при этом существуют – и у нас, и «у них» – десятки тысяч бездарностей и мерзавцев (называть кого-либо из них по фамилии было бы слишком много чести), которые числятся «музыкантами», «певцами» и «певицами», «исполнителями» и «композиторами». Вся эта наглая свора повинна в невероятном по своим масштабам растлении вкусов слушающей толпы, и каждый из них заслуживает, чтобы его не просто «убили», а убили бы несколько раз подряд. И тем не менее их никто не трогает, они «процветают», благоденствуют, живут в своё удовольствие.

Пережив страшное, пережив кошмар, человек в отдельности и человечество в целом пытаются наверстать упущенную радость жизни, оглушая себя скверной музыкой, погружаясь в беспробудный разврат и охмуря себя никотином и алкоголем. После чего и наступает знаменитая «великая депрессия».

Распад «Битлз» гораздо более значимое и трагическое событие, чем гипотетический распад Британской империи.

Значительной и, я бы сказал, лучшей частью моего поколения музыка «Битлз» воспринимается как часть собственной жизни. Их песни были нашим жизненным фоном, звуковой дорожкой, которою мы шли по жизни.

И как же только не противно, как только не стыдно: на свете, во множестве жанров, существует столько прекрасной музыки, а вы, люди, слушаете такую мерзость и оскверняете её тишину!

О, мне хорошо знакомо это чувство, когда я знаю, что лишь я один прав, а все остальные самым жалким образом заблуждаются. Всего убедительнее и нагляднее, всего несомненнее, попросту эталонно выглядит это на примере музыки: когда одураченная толпа восторженно рукоплещет нелепому и дурацкому фигляру, почему-то вообразившему себя великим певцом, а мне от всего этого только тоскливо и горько.

От омерзительных звуков, которые сегодня числятся музыкой, на подоконнике должны бы увянуть кактусы, а в холодильнике – скинуть молоко.

Нельзя признать музыкой компьютерные, механические композиции, вернее сказать, *конструкции*, исполняемые бездушными музыкальными автоматами и озвончаемые бесполными и выхолощенными, прокуренными и лишёнными какой-либо эстетической ценности голосами.

В последние два десятилетия появилась музыка для биороботов. Излишне считать людьми тех, кто слушает такое. Они вполне достойны, чтобы лишиться их всех человеческих прав. Более того, имеет смысл отказать им в праве называться людьми.

Музыка возможна только как *триединство* мелодии, гармонии и ритма. Стоит выпасть одной из этих составляющих – и мы имеем дело уже не с музыкой, а просто с шумом, более или менее отвратительным.

Интеллектуальная музыка (джаз, например) легко превращается в полнейшую глупость. Оно и естественно: интеллектуальные экзерсисы не в натуре музыки.

Рената Тебальди – какой невысказанно, какой невообразимо красивый голос! И с каким совершенством, как божественно она им владеет! Если абсолютное мастерство и совершенство и могут быть достигнуты, то они достигнуты именно здесь.

Мария Каллас долго и мучительно умирала из-за любви к человеку, который её отрезанного ногтя не стоил. Превосходная иллюстрация русской поговорки про злобу любви, которая заставляет полюбить даже козла.

Я не сторонник бардистики. Более того, как ценитель хорошей музыки, я нахожу, что бардистика – это жанр чудовищно нездоровый, и он вызывает у меня омерзение. В качестве союзного авторитета могу привести мнение Рихтера. Когда какие-то доброхоты настойчиво пытались приобщить его к творчеству Высоцкого, с которым он был немного знаком лично, то после нескольких неудачных попыток С.Т. вынужден был сказать, что, разумеется, «Володя – замечательный человек», что, возможно, в его текстах есть какие-то глубокие мысли, которые ему, Рихтеру, малопонятны и неинтересны, но что это, наконец, не музыка, а, безусловно, мусор. От себя добавлю: слово, одухотворённое мыслью, самоценно и не имеет нужды в столь постыдном мусическом обрамлении, как треньканье фанерной гитары и скверноголосое «пение».

Есть такой жалчайший из тенорков по фамилии Басков. Если б ещё имелся жалчайший из басков по фамилии Тенорков, тогда б у нас был полный, что называется, комплект. Любопытно, что когда такой персонаж в силу каких-то причин прославляется, то первое, что он делает, это меняет ударение в своей фамилии: он становится не Баско́в, а Ба́сков, не Гру́ша, а Груша́. Это что-то вроде того, как у французов Дюруа делается дю Руа.

Есть такой странный предрассудок, будто подвиг человеческой жизни заключается в том, чтобы делать то, что тебе не нравится, а если занят тем, что тебе доставляет удовольствие, то и заслуги тут нет никакой. Утверждаю прямо обратное: жизненный подвиг состоит в том, чтобы заниматься тем, что тебе нравится, потому что только так человек не совершает самой постыдной измены – измены себе самому, и только так результаты его труда оказываются и продуктивны для него самого, и полезны для окружающих. Скажем, мне доставляет удовольствие забивать гвозди и не нравится играть на рояле и выступать с концертами. В первом случае я – хороший плотник, во втором – скверный пианист. Что же лучше для общества – первое или второе? И в чём мой подвиг? Я утверждаю, что мой подвиг тогда делать первое и воздерживаться от второго. Разумеется, подвиги по плечу единицам, а участь большинства – заниматься тем, что не нравится. И в каждом случае, индивидуальный результат такой вымученной деятельности оказывается совершенно ничтожным. Нынешнее общество, однако, и стоит на том, что низкое качество оно восполняет раздутым количеством. Стоит ли после этого удивляться нелепости происходящего?

Для артиста, для любимца публики (я имею в виду, прежде всего, певца, хотя это относится и ко всем прочим музыкантам и художникам) главное – вовремя уйти со сцены. Это умение доступно, увы, немногим. Публика, отличающаяся в наше время долготерпением и куриной памятью, конечно, ещё долго будет прощать ему его жалкие трюки, с помощью коих

он тшится ввести её в заблуждение, но зрелище и *слышище* он будет являть собой всё более нелепое и жалкое, а котировки его и гонорары будут неизменно опускаться. И так дойдёт уже до того, что его записи и выступления поры, когда он заслуженно пребывал в зените славы, станут также вызывать к себе вполне пренебрежительное отношение. Иллюстрации к сему правилу каждый легко может найти сам.

Переиначивая Вагнера, можно сказать: написать «Аиду», «Тоску» или «Царскую Невесту» – это пустяк. Вот прослушать подобную оперу в исполнении современных певцов – это работа не шуточная.

Музыку делают прекрасной тот, кто её исполняет, и не в последнюю очередь тот, кто ей внимает.

«Не выходя из хижины, созерцаю весь мир». – говорит Лао-цзы. Не выходя из дому, бываю на лучших концертах из всех возможных, говорю я.

В театры драматические, а тем паче музыкальные, лучше не ходить. Ведь что происходит там? Сборище бездарей во главе с мерзавцем, именуемым почему-то режиссёром или дирижёром, калечит и уродует какое-нибудь прекрасное, гениальное произведение искусства, созданное вдохновенным художником. И всё это вызывает вопли и восторги толпы, заполонившей зрительный зал. Такое глумление над искусством и культурой должно было бы признать уголовным преступлением и наказывать соответственно. Да где уж там! В больном обществе, в больной стране до таких ли пустяков?

Если жертвами, которых требовало искусство, оказываются зрители, слушатели или читатели, то это уже не искусство.

Увы, люди теперь настолько глупы, что им можно показывать со сцены любую галиматью и лить в уши всякую мерзость.

Человеку свойственно привыкать к безобразию и не замечать его безобразности. Это и хорошо, и плохо.

Художник должен держаться как можно дальше от государства и чиновника. Искусство не может опираться на помощь власти, не подвергаясь надругательству и калечению. Так было, так есть, так будет.

Вряд ли кто, если только он не страдает тяжёлой формой умственной извращённости, может бросить толпе упрёк в какой-то особой тонкости и развитости её вкуса. Что же в таком случае сказать о качестве и достоинстве зрелищ, которые предлагаются публике, заполняющей собой огромные концертные залы, «дворцы спорта» и стадионы? Неужели кто-то дерзнёт отличить эту публику от толпы, собравшейся на площади, только потому, что эта публика купила билеты, к тому же безумно дорогие? Последнее самым обидным образом уличает эту публику в глупости, причём в такой, которой не может быть даже у площадной толпы.

Есть люди, которые, испытывая, видимо, какой-то внутренний культурный вакуум, постоянно подвергают себя довольно жестоким, на мой взгляд, испытаниям: ходят на концерты и в театры, в том числе оперные. *Сегодня!* Мазохизм совершенно мне не понятный. И мало того, они неизменно сами же платят за это деньги, и порой весьма значительные. Тоже мне совершенно непонятно. Ведь для того, чтобы заполучить на такое шоу *меня*, никому не только не удалось бы содрать с меня, что называется, «деревянного» рубля, но и пришлось бы этим инициаторам-затейникам заплатить *мне*, причём я не соглашусь на подобное, с позволения сказать, удовольствие меньше, чем за 1000\$! При этом, правда, мне должно быть вменено в обязанность написать рецензию о том выдающемся культурном событии, на

котором я оказался бы вынужден присутствовать, причём *с безуловной гарантией*, что эта рецензия будет целиком напечатана в прессе. При этом сия рецензия вовсе не обязана быть хвалебной. Я напишу всё как есть о том удовольствии в кавычках или без оных, каковое получил, будучи приобщён к подобному зрелищу и слышищу.

«Средства массовой информации» – вся эта кричащая и болтливая глупость говорит лишь о том, что ей сказать, собственно, совершенно нечего и что поэтому она говорит глупости о глупостях, гоняясь, как кошка, за собственным хвостом.

Я никоим образом не умаляю и не отрицаю силы марксистского анализа, разоблачающего гнусности капиталистической действительности. С какой бы стати? Одно только противно, противно до крайности, до тошноты. В мире, где не было господства марксистского анализа, появились The Beatles, Deep Purple, Uriah Heep, Led Zeppelin, Queen, J.M.Jagge и многое-многое другое. В мире, где господствовал марксистский анализ, не появилось ничего, кроме кобзонов, зыкиных, пугачёвых, херкоровых, газмановых и иже с ними.

Считать, что в стране должна быть византийско-золотоордынская власть, с её ритуалами, танковым лязгом и фанфарами под песни кобзонов и компании, значит путать идиотизм с патриотизмом.

Уголовное и полу-уголовное шансонетство у того, кто любит музыку и в ней разбирается, ничего, кроме брезгливости, вызывать не может. Всё это – «одна палка, два струна» да усиленный микрофоном до рёва голос сиплого динозавра.

Есть высочайшие, *совершенные образцы*, оставленные великими мастерами прошлого (и всё это весьма мало востребовано сегодня). А есть несказуемая мерзость в виде *современной* эстрады, рэпа и прочего в этом роде, которую нынешнее, живущее на Земле одураченное поколение, необычайно щедрое на раздачу звания «музыкант», совершенно напрасно именует «музыкой». И эта прискорбная подмена понятий крайне дорого обходится её беззащитным жертвам.

В 50-е, в 60-е, в 70-е и даже в 80-е годы прошлого века мы переживали подлинно музыкальное время. Оно, увы, прошло, сейчас остаётся только наслаждаться старыми записями – благо им нет конца! – и не ждать ничего от бездарной, сугубо антимзыкальной современности: в ней нет ни условий, ни людей для создания подлинной музыки, как нет и потребности в таковой у сегодняшних обитателей разнесчастного земного шара. Красота покинула его. Неужели это навсегда?! (10.VIII.2017.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айомми, Тони /Айомми, Фрэнк Энтони/ (1948 г.р.) – английский рок-музыкант, гитарист, автор песен и продюсер. Наиболее известен как основатель, композитор и бессменный участник группы Black Sabbath. Вместе с остальными членами группы оказал определяющее влияние на развитие тяжёлого рока и «металла» как стиля.

Альшванг, Арнольд Александрович (1898 – 1960 гг.) – советский музыковед.

Балакирев, Милий Алексеевич (1836 – 1910 гг.) – русский композитор, пианист, дирижёр, глава «Могучей кучки».

Баттистини, Маттиа (1856 – 1928 гг.) – величайший и *легендарный* итальянский оперный певец; по определению современников, «король баритонов и баритон королей».

Бах, Иоганн Себастьян (1685 – 1750 гг.) – немецкий композитор и органист.

Берлиоз, Гектор Луи (1803 – 1869 гг.) – французский композитор, дирижёр и музыкальный критик.

Бетховен, Людвиг ван (1770 – 1827 гг.) – немецкий композитор, пианист и дирижёр; полная глухота, постигшая его в середине творческого пути, не сломила его воли, но углубила философский характер поздних сочинений композитора.

Бизе, Жорж (1838 – 1875 гг.) – французский композитор периода романтизма, автор опер, а также оркестровых, инструментальных произведений и романсов.

Бичем, Томас (1879 – 1961 гг.) – английский композитор, дирижёр и импресарио.

Блуменфельд, Феликс Михайлович (1863 – 1931 гг.) – русский пианист, дирижёр, педагог, композитор.

Блэкмор, Ричи /Блэкмор, Ричард Хью/ (1945 г.р.) – английский рок-музыкант, величайший из мастеров игры на гитаре, одним из первых соединил элементы классической музыки с роком; один из основателей группы Deep Purple, после ухода из которой создал группу Rainbow.

Болин, Томас Ричард (1951 – 1976 гг.) – американский рок-музыкант: гитарист, автор песен; сотрудничал с рядом групп, с 1975 по 1976 год был гитаристом Deep Purple.

Бородин, Александр Порфирьевич (1833—1887) – русский композитор и учёный-химик.

Брамс, Иоганнес (1833 – 1897 гг.) — немецкий композитор и пианист, один из главных представителей периода романтизма.

Бузони, Ферруччо (1866 – 1924 гг.) – итальянский пианист, композитор, дирижёр, фортепианный педагог, музыкальный писатель.

Вагнер, Рихард (1813 – 1883 гг.) – немецкий композитор, дирижёр, реформатор оперы, искусствовед и эстетик-новатор.

Вебер, Карл Мария (1786 – 1826 гг.) – немецкий композитор, дирижёр, музыкальный критик, литератор, один из основоположников немецкого музыкального романтизма.

Верди, Джузеппе (1813 – 1901 гг.) – итальянский композитор, автор многочисленных опер.

Вертинский, Александр Николаевич (1887 – 1957 гг.) – русский артист, поэт и композитор, автор-исполнитель песен «самобытного жанра», к музыке его творчество может быть отнесено только вполне условно.

Вилла-Лобос, Эйтор (1887 – 1959 гг.) – бразильский композитор.

Волконский, Андрей Михайлович (1933 – 2008 гг.) – русский композитор, клавесинист и органист.

Гайдн, Йозеф (1732– 1809 гг.) – австрийский композитор.

Гелева, Алексей Павлович (1904 – 1984 гг.) – русский оперный певец (бас); солист Большого театра.

Гендель, Георг Фридрих (1685 – 1759 гг.) – немецкий композитор.

Гиллан, Ян [Йен] (1945 г.р.) – английский рок-музыкант, автор песен; наиболее известен как вокалист группы Deep Purple.

Гинзбург, Григорий Романович (1904 – 1961 гг.) – советский пианист.

Глазунов, Александр Константинович (1865 – 1936 гг.) – русский композитор.

Глинка, Михаил Иванович (1804 – 1857 гг.) – русский композитор.

Гlover, Роджер Дэвид (1945 г.р.) – английский рок-музыкант: бас-гитарист, клавишник, автор песен и продюсер, участник группы Deep Purple.

Глюк, Кристоф Виллибальд (1714 – 1787 гг.) – австрийский композитор, один из реформаторов оперы XVIII в.

Гобби, Тито (1913 – 1984 гг.) – итальянский оперный певец (баритон) и режиссёр-постановщик.

Гольденвейзер, Александр Борисович (1875 – 1961 гг.) – русский советский пианист, композитор, педагог, публицист, музыкальный критик, общественный деятель.

Гофман, Эрнст Теодор Амадей [Вильгельм] (1776 – 1822 гг.) – немецкий писатель, композитор, художник, искусствовед и эстетик, а также дирижёр, органист, скрипач, певец, педагог и музыкальный критик; его по праву относят к крупнейшим представителям западноевропейского романтизма.

Григ, Эдвард (1843 – 1907 гг.) – норвежский композитор, пианист, дирижёр.

Гродберг, Гарри Яковлевич (1929 – 2016 гг.) – русский органист. Гродберг известен своими интерпретациями Баха и других классиков органной музыки. Он был почётным членом Баховского и Генделевского обществ в Германии. Входил в состав жюри Международного Баховского конкурса в Лейпциге.

Гуно, Шарль (1818 – 1893 гг.) – французский композитор.

Даргомыжский, Александр Сергеевич (1813 – 1869 гг.) – русский композитор.

Дворжак, Антонин (1841 – 1904 гг.) – чешский композитор, представитель романтизма.

Дебюсси, Клод /Дебюсси, Ашиль Клод/ (1862 – 1918 гг.) – французский композитор, ведущий представитель музыкального импрессионизма.

Дельсон, Виктор Юльевич (1907 – 1970 гг.) – советский музыковед, пианист.

Джилли, Бенъямино (1890 – 1957 гг.) – итальянский певец, тенор.

Дилан, Боб /Диммерман, Роберт Аллен/ (1941 г.р.) – американский автор-исполнитель, художник, писатель и киноактёр; культовая фигура в рок-музыке на протяжении пяти десятилетий.

Дио, Ронни Джеймс /Падавона, Рональд Джеймс/ (1942 – 2010 гг.) – американский рок-музыкант, певец и автор песен, наиболее известен как вокалист групп Rainbow, Black Sabbath и лидер собственного проекта Dio.

Доницетти, Гаэтано (1797 – 1848 гг.) – итальянский композитор, автор многочисленных опер.

Жарр, Жан-Мишель (1948 г.р.) – французский композитор, мультиинструменталист, один из пионеров электронной музыки, играющий в основном на синтезаторах; автор и постановщик грандиозных музыкально-световых шоу.

Заппа [Дзаппа], Фрэнк (1940 – 1993 гг.) – американский рок-музыкант.

Игумнов, Константин Николаевич (1873 – 1948 гг.) – русский и советский пианист, педагог, искусствовед.

Ипполитов-Ива́нов, Михаил Михайлович (1859 – 1935 гг.) – русский композитор, дирижёр и педагог.

Кабалевский, Дмитрий Борисович (1904 – 1987 гг.) – советский композитор и педагог.

Казальс, Пабло (1876 – 1973 гг.) – каталонский виолончелист, дирижёр, композитор, музыкально-общественный деятель.

Калинников, Василий Сергеевич (1866 – 1900 гг.) – русский композитор.

Каллас, Мария /Калос, Мария Сеселия/ (1923 – 1977 гг.) – одна из величайших оперных певиц XX века с уникальными исполнительскими возможностями, обладательница феноменального голоса, менявшего свой характер по ходу артистической карьеры; гречанка по происхождению.

Караян, Герберт фон (1908 – 1989 гг.) – австрийский дирижёр.

Карелли, Эмма (1877 – 1929 гг.) - итальянская оперная певица (сопрано); после певческой карьеры, которая длилась почти два десятилетия, следующие пятнадцать лет она руководила Римским оперным театром.

Карузо, Энрико (1873 – 1921 гг.) – величайший и *легендарный* итальянский оперный певец; по определению современников, «король теноров».

Каталани, Анджелика (1780 – 1849 гг.) – итальянская певица.

Ковердэйл, Дэвид (1951 г.р.) – английский рок-музыкант, автор песен; наиболее известен как вокалист групп Deep Purple и Whitesnake.

Кодай, Золтан (1882 – 1967 гг.) – венгерский композитор, музыкант и теоретик музыки.

Котоньи, Антонио (1831 – 1918 гг.) – итальянский оперный певец (баритон) и музыкальный педагог.

Кюи, Цезарь Антонович (1835 – 1918 гг.) – русский композитор и музыкальный критик, член «Могучей кучки», профессор фортификации, инженер-генерал.

Лаури-Вольпи, Джакомо (1892 – 1979 гг.) – итальянский оперный певец (тенор), писатель, мыслитель и музыкальный критик.

Леннон, Джон (1940 – 1980 гг.) – английский музыкант и поэт, один из лидеров рок-группы «Битлз», один из наиболее популярных музыкантов XX века; активно занимался политической и общественной деятельностью, зачастую радикального толка; проповедовал традиционные идеи хиппи; был застрелен психически больным поклонником.

Лист, Ференц (1811 – 1886 гг.) – венгерский композитор, пианист, органист, дирижёр, музыкальный деятель, критик и писатель.

Лорд, Джон /Лорд, Джонатан Даглас/ (1941 – 2012 гг.) – английский музыкант; клавишник-виртуоз и композитор; наиболее известен участием в группе Deep Purple. Стиль игры Джона Лорда легко узнаваем из-за характерного звучания его органа и осязаемого влияния классической музыки и джаза на его импровизации.

Луканин, Василий Михайлович (1889 – 1969 гг.) – русский, советский оперный певец (бас-баритон) и вокальный педагог.

Лядов, Анатолий Константинович (1855 – 1914 гг.) – русский композитор, дирижёр и педагог, профессор Петербургской консерватории.

Маккартни, Пол (1942 г.р.) – британский музыкант, певец, композитор, мультиинструменталист и продюсер, один из основателей группы The Beatles.

Мальмстин, Ингви /Ланнербэк, Ларс Юхан Ингве/ (1963 г.р.) – шведский гитарист, мультиинструменталист и композитор; один из основоположников неоклассического хард-рока, прозванный «Паганини гитары».

Мейербер, Джакомо /Либман-Бер, Якоб/ (1791 – 1864 гг.) – немецкий и французский композитор еврейского происхождения, автор многочисленных опер.

Мендельсон, Феликс /Мендельсон-Бартольди, Якоб Людвиг Феликс/ (1809 – 1847 гг.) – немецкий композитор.

Метнер, Николай Карлович (1879 – 1951 гг.) – русский композитор и пианист шведско-немецкого происхождения.

Мёркьюри, Фредди /Булсара; Фаррух/ (1946 – 1991 гг.) – английский рок-музыкант (перс по национальности), автор песен, вокалист и клавишник рок-группы Queen.

Милюштейн, Яков Исаакович (1911 – 1981 гг.) – советский пианист, музыковед и педагог.

Монако, Марио дель (1915 – 1983 гг.) – итальянский певец, тенор.

Монсенжон, Брюно (1943 г.р.) – французский скрипач, более известный как режиссёр документальных фильмов о великих музыкантах XX в., проведший интервью со многими из них.

Монтеверди, Клаудио Джованни (1567 – 1643 гг.) – выдающийся итальянский композитор, крупнейший музыкальный драматург, во многом определивший пути развития оперного жанра.

Морель, Виктор (1848 – 1923 гг.) – французский оперный певец (баритон).

Моцарт, Вольфганг Амадей (1756 – 1791 гг.) – австрийский композитор, представитель венской классической школы.

Мравинский, Евгений Александрович (1903 – 1988 гг.) – выдающийся русский дирижёр и педагог; с 1938 года был главным дирижёром симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

Мусоргский, Модест Петрович (1839 – 1881 гг.) – русский композитор и пианист.

Нейгауз, Генрих Густавович (1888 – 1964 гг.) – советский пианист и педагог.

Нопфлер, Марк (1949 г.р.) – английский рок-музыкант: певец, гитарист и композитор, один из сооснователей группы Dire Straits.

Оборин, Лев Николаевич (1907 – 1974 гг.) – русский советский пианист, композитор, педагог.

Озборн, Оззи /Осборн, Джон Майкл/ (1948 г.р.) – британский музыкант, один из основателей группы Black Sabbath, начавший после ухода оттуда сольную карьеру.

Оно, Йоко – японская авангардная художница, рок-музыкантша и деятель искусства; вдова Джона Леннона

Пальмеджани, Франческо (перв. пол. XX в.) – итальянский оперный певец, музыкальный критик и публицист.

Пейдж, Джимми (1944 г.р.) – английский рок-музыкант, аранжировщик, композитор, музыкальный продюсер и гитарист-виртуоз, стоявший у истоков Led Zeppelin и до самого конца оставался музыкальным «мозгом» группы.

Пиаф, Эдит /Гассьон, Эдит Джованна/ (1915 – 1963 гг.) – французская актриса и эстрадная певица.

Плант, Роберт /Плант, Роберт Энтони/ (1948 г.р.) – английский музыкант, рок-вокалист; один из участников группы Лед Зеппелин.

Поленов, Василий Дмитриевич (1844 – 1927 гг.) – русский художник и композитор, автор оперы «Призраки Эллады».

Порпора, Никола Антонио (1686 – 1768 гг.) – итальянский композитор и педагог, представитель неаполитанской оперной школы.

Прокофьев, Сергей Сергеевич (1891 – 1953 гг.) – русский композитор, пианист и дирижёр; славится величайшим «классиком» XX столетия.

Пуччини, Джакомо /Пуччини, Джакомо Антонио Доменико Микеле Секондо Мариа/ (1858 – 1924 гг.) – итальянский оперный композитор, один из ярких представителей веристского направления в музыке.

Рабинович, Давид Абрамович (1900 – 1978 гг.) – советский музыковед, публицист и пианист.

Равель, Морис Жозеф (1875 – 1937 гг.) – французский композитор.

Рави Шанкар (1920 – 2012 гг.) – индийский музыкант; композитор, виртуоз игры на ситаре; внёс большой вклад в популяризацию в западных странах индийской классической музыки в целом и её инструментов и исполнителей в частности.

Рамо, Жан Филипп (1683 – 1764 гг.) – французский композитор и музыкальный теоретик.

Рахманинов, Сергей Васильевич (1873 – 1943 гг.) – русский композитор, пианист и дирижёр.

Римский-Корсаков, Николай Андреевич (1844 – 1908 гг.) – русский композитор, публицист и педагог.

Рихтер, Святослав Теофилович (1915 – 1997 гг.) – русский пианист, мыслитель, музыкальный критик, общественный деятель.

Рождественский, Геннадий Николаевич (1931 г.р.) – советский и российский дирижёр, пианист, композитор и музыкально-общественный деятель, педагог, профессор Московской консерватории.

Рубинштейн, Антон Григорьевич (1829 – 1894 гг.) – русский композитор, пианист, дирижёр, критик, философ, музыкальный и общественный деятель, педагог; основатель первой русской консерватории (в Петербурге).

Руффо, Титта /Титта, Руффо Кафиеро/ (1877 – 1953 гг.) – итальянский певец, баритон; обладал поразительным по красоте и диапазону голосом, в высшей степени владел вокальным искусством и актёрским мастерством.

Светланов, Евгений Фёдорович (1828 – 2002 гг.) – русский советский дирижёр, композитор, пианист и музыкально-общественный деятель.

Свиридов, Георгий Васильевич (1915 – 1998 гг.) – советский и российский композитор, пианист.

Серов, Александр Николаевич (1820 – 1871 гг.) – русский композитор и музыкальный критик.

Сен-Санс, Шарль-Камилль (1835 – 1921 гг.) – французский композитор, органист, пианист, скрипач, поэт и музыкальный критик.

Серебрянский, Андрей Порфирьевич (1809 – 1838 гг.) – русский поэт, автор статьи «Мысли о музыке».

Скрябин, Александр Николаевич (1871 – 1915 гг.) – русский композитор, пианист, поэт и мыслитель Серебряного века.

Сокальский, Владимир Иванович (1863 – 1919 гг.) – русский композитор, музыкальный критик и пианист, а также прокурор Харьковской судебной палаты.

Софроницкий, Владимир Владимирович (1901 – 1961 гг.) – русский советский пианист и педагог, профессор Ленинградской и Московской консерватории.

Старр, Ринго /Старки, Ричард/ (1940 г.р.) – английский рок-музыкант, ударник, певец, композитор и продюсер; наибольшую известность получил как ударник группы The Beatles.

Стравинский, Игорь Фёдорович (1882 – 1971 гг.) – русский композитор и дирижёр.

Тальков, Игорь Владимирович (1956 – 1991 гг.) – новорусский поэт, эстрадный композитор и певец.

Танеев, Сергей Иванович (1856 – 1915 гг.) – русский композитор и педагог.

Торторелли, Витторио (перв. пол. XX в.) – итальянский музыкальный критик и публицист.

Форкель, Иоганн Николаус (1749 – 1818 гг.) – немецкий музыкант, педагог, исполнитель, популяризатор музыки и музыковед; учёный, заложивший основы буквально всех отраслей современного музыкознания; основная его заслуга заключается в систематизации музыкальной науки; автор несравненной монографии «О жизни, искусстве и о произведениях Иоганна Себастьяна Баха» (1802).

Френи, Мирелла (1935 г.р.) – итальянская оперная певица (лирическое сопрано).

Фучито, Сальваторе (1875 – 1929 гг.) – итальянский композитор, пианист, теоретик искусства пения; многие годы был аккомпаниатором Э.Карузо.

Харрисон, Джордж (1943 – 2001 гг.) – английский рок-музыкант, певец, композитор, писатель, продюсер и гитарист, получивший наибольшую известность как соло-гитарист группы The Beatles.

Хендрикс, Джими (1942 – 1970 гг.) – американский гитарист-виртуоз, певец и композитор.

Хенсли, Кен [Хенсли, Кеннет Уильям Дэвид] (1945 г.р.) – английский рок-музыкант: клавишник, гитарист, певец, автор песен и продюсер, наибольшую известность получивший как участник Uriah Heep.

Хренников, Тихон Николаевич (1913 – 2007 гг.) – советский композитор, педагог и общественный деятель.

Хьюз, Гленн (1951 г.р.) – английский рок-музыкант: бас-гитарист, вокалист, автор песен, известный по выступлениям в группах Deep Purple, Black Country Communion, Тони Айомми, Phenomena, HTP, Black Sabbath, а также сольной карьерой.

Царлино, Джозеффо (1517 – 1590 гг.) – итальянский композитор, органист и музыкальный теоретик.

Цуккальмальо, Антон /Антон Вильгельм Флорентин фон Цуккальмальо/ (1803 – 1869 гг.) – немецкий поэт и писатель, собиратель и исследователь народных песен, музыкант и композитор; был известен под псевдонимами Готшалк Ведель и Вильгельм Вальдбрёл.

Чайковский, Пётр Ильич (1840 – 1893 гг.) – русский композитор, дирижёр и музыкальный критик.

Чилеа, Франческо (1866 – 1950 гг.) – итальянский композитор и дирижёр; работал преимущественно в жанре оперы; типичный представитель оперного веризма.

Шаляпин, Фёдор Иванович (1873 – 1938 гг.) – русский оперный певец (бас), актёр и писатель.

Швейцер, Альберт (1875 – 1965 гг.) – немецко-французский мыслитель, протестантский теолог, врач, миссионер, музыковед и органист.

Шёнберг, Арнольд (1874 – 1951 гг.) – австрийский и американский композитор, педагог, музыковед, дирижёр, публицист; крупнейший представитель музыкального экспрессионизма.

Шопен, Фредерик (1810 – 1849 гг.) – польский композитор и пианист.

Шостакович, Дмитрий Дмитриевич (1906 – 1975 гг.) – советский композитор, славится величайшим «классиком» XX столетия.

Штраус, Рихард (1864 – 1949 гг.) – немецкий композитор эпохи позднего романтизма, яркий представитель немецкого экспрессионизма, особенно прославился благодаря своим симфоническим поэмам и операм

Шуберт, Франц /Шуберт, Франц Петер/ (1797 – 1828 гг.) – австрийский композитор, один из основоположников романтизма в музыке.

Шуке, Ганс Йоахим (1908 – 1979 гг.) – немецкий органный мастер, крупнейший авторитет в строительстве и ремонте органов.

Шуман, Роберт (1810 – 1856 гг.) – немецкий композитор, пианист и музыкальный критик.

Элтон Джон /Дуайт, Реджинальд Кеннет/ (1947 г.р.) – английский рок-музыкант: пианист, певец и композитор.

Энеску, Джордже (1881 – 1955 гг.) – румынский композитор и дирижёр.

СОДЕРЖАНИЕ

Айомми Т.	
Балакирев М.А.	
Баттистини М.	
Бах И.С.	
Берлиоз Г.	
Бетховен Л.	
Бизе Ж.	
Бичем Т.	
Блэкмор Р.	
Болин Т.	
Бородин А.П.	
Брамс И.	
Бузони Ф.	
Вагнер Р.	
Вебер К.М.	
Верди Дж.	
Вертинский А.Н.	
Вилла-Лобос Э.	
Волконский А.М.	
Гайдн И.	
Гендель Г.Ф.	
Гиллан Я.	
Глазунов А.К.	
Глинка М.И.	
Гловер Р.Д.	
Глюк К.В.	
Гольденвейзер А.Б.	
Гофман Э.Т.А.	
Григ Э.	
Гродберг Г.	
Гуно Ш.	
Даргомыжский А.С.	
Дебюсси К.	
Джилли Б.	
Дилан Б.	
Дио Р.Дж.	
Доницетти Г.	
Жарр Ж.М.	
Заппа Ф.	
Игумнов К.Н.	
Кабалевский Д.Б.	
Казальс П.	
Каллас М.	
Карузо Э.	
Ковердэйл Д.	
Кюи Ц.А.	
Лаури-Вольпи Дж.	
Леннон Дж.	
Лист Ф.	
Лорд Дж.	
Маккартни П.	
Мальмстин И.	
Мендельсон Ф.	
Мёркьюри Ф.	
Монако М. дель	
Монсежон Б.	
Монтеверди К.	
Моцарт В.А.	

Мравинский Е.А.	
Мусоргский М.П.	
Нейгауз Г.Г.	
Нопфлер М.	
Озборн О.	
Оно Й.	
Пальмеджани Ф.	
Пейдж Дж.	
Пиаф Э.	
Плант Р.	
Прокофьев С.С.	
Пуччини Дж.	
Рабинович Д.А.	
Равель М.	
Рави Шанкар	
Рамо Ж.Ф.	
Рахманинов С.В.	
Римский-Корсаков Н.А.	
Рихтер С.Т.	
Рождественский Г.Н.	
Рубинштейн А.Г.	
Руффо Т.	
Светланов Е.Ф.	
Свиридов Г.В.	
Сен-Санс К.	
Серебрянский А.П.	
Серов А.Н.	
Скрябин А.Н.	
Сокальский В.И.	
Старр Р.	
Стасов В.В.	
Стравинский И.Ф.	
Тальков И.В.	
Танеев С.И.	
Торторелли В.	
Форкель И.Н.	
Фучито С.	
Харрисон Дж.	
Хендрикс Дж.	
Хенсли К.	
Хренников Т.Н.	
Хьюз Г.	
Цуккальмальо А.	
Чайковский П.И.	
Шаляпин Ф.И.	
Швейцер А.	
Шёнберг А.	
Шопен Ф.	
Шостакович Д.Д.	
Шуберт Ф.	
Шуман Р.	
Элтон Джон	
Энеску Дж.	
Отдельные высказывания разных авторов	
Немузыканты о музыке и музыкантах	
Вместо послесловия:	
Автор-составитель о музыке и музыкантах	
Сведения об авторах	

